

Солонькова
Н. П. Гиляровъ-Платоновъ

Т 8 6/106.

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ

(«СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ» 1868—1884 гг.)

Издание К. П. Побѣдоносцева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1868 годъ.

	СТРАН.
Письменные упражненія	1
О воспитаніи даровомъ и оплачиваемомъ	3
О братствѣ въ пользу студентовъ	6
Объ экзаменахъ	11

1869 годъ.

Студенческіе безпорядки	16
Студенческіе безпорядки	18
Неопредѣленное положеніе студентовъ	20
Несостоятельность университетскихъ экзаменовъ	23
Несовершенство университетскихъ экзаменовъ и преподаванія	25
Истинный смыслъ повѣрочныхъ экзаменовъ въ университетѣ	27
Повѣрочные экзамены въ университетѣ и способы ихъ производства	30
По поводу запрещенія литографированія лекцій	33
По поводу исключенія 20-ти студентовъ по жалобѣ Палунина на непосѣщеніе его лекцій	36
Общественная опека надъ студентами	38
Университетскіе безпорядки	40

1870 годъ.

По поводу празднованія годовщины Московскаго университета	44
Университеты стоятъ на низкой степени, потому что профессора не работаютъ	47
О связи науки съ жизнью, по поводу мысли о необходимости учить гимнастикѣ	51

1872 годъ.

О вредѣ для университетской молодежи учебно-полицейскихъ мѣръ	58
О пересмотрѣ университетскаго устава	60
Объ университетскомъ самоуправленіи	62

1873 годъ.

Чѣмъ оживить университетъ?	68
Объ обновленіи университетовъ	74
О повѣрочныхъ испытаніяхъ	81
По поводу полемики объ университетской реформѣ	85
О назначеніи профессоровъ	93
† По поводу статьи объ университетскомъ вопросѣ	96

1874 годъ.

По поводу годовщины Московскаго университета	102
О высшемъ женскомъ училищѣ	106

1875 годъ.

О пересмотрѣ уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній	113
О пересмотрѣ устава университетовъ	118

1876 годъ.

Связь между университетомъ и обществомъ	121
---	-----

1878 годъ.

По поводу нововведеній въ Московскомъ университетѣ	128
Вопросъ социальный на Руси есть, въ большинствѣ случаевъ, не что иное, какъ видоизмененный педагогическій вопросъ	131
Причины университетскихъ безпорядковъ	134

1879 годъ.

По вопросу объ учрежденіи при университетахъ общежитій	138
О запрещеніи студентамъ университетовъ заниматься литографи- рованіемъ лекцій	142

1880 годъ.

Объ намѣреніи воронежскаго земства ходатайствовать объ осно- ваніи въ Воронежѣ университета	149
По поводу слуховъ о предстоящей университетской реформѣ	153
О публичномъ словѣ въ аудиторіи и провинціальной печати	157
О расширеніи приватъ-доцентуры	160
Петровская земледѣльческая академія	164
По поводу свѣдѣній о проектѣ новаго университетскаго устава	168
О несправедливой привиллегіи классическихъ гимназій въ выдачѣ аттестатовъ зрѣлости	171
По поводу ходатайства слушательницъ женскихъ курсовъ о на- именованіи ихъ «высшими»	175

По поводу «петицій» студентовъ университетовъ и другихъ выс- шихъ учебныхъ заведеній	180
Студенческіе безпорядки	183
Студенческіе безпорядки	188
О необходимости государственныхъ экзаменовъ	193
По поводу вопроса о необходимости въ многолюдныхъ универси- тетахъ отдѣлить юридическій и медицинскій факультеты	196

1881 годъ.

По поводу скандала въ Московскомъ университетѣ	200
По поводу скандала въ Петербургскомъ университетѣ	204
По поводу скандала въ Петербургскомъ университетѣ	207
По поводу студенческихъ безпорядковъ и формализма средней школы	210
Круговая порука среди студентовъ и общества противъ анархи- стовъ	213
Нравственное круговое руководство	217
По поводу увольненія отъ управленія министерствомъ просвѣще- нія А. А. Сабурова и о необходимости дисциплинированія высшихъ учебныхъ заведеній	220
Объ отвѣтственности профессоровъ за студентовъ	222
О необходимости исключительныхъ мѣръ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ	225
Хаотическое положеніе учебнаго дѣла	226
Объ участіи казны въ содержаніи школы	230
По поводу циркуляра министра народнаго просвѣщенія барона Николая попечителямъ учебныхъ округовъ	236
О разлученіи школою учащихся съ ихъ семьями	243
О положеніи высшихъ учебныхъ заведеній во Франціи	246
По поводу «Записки» Московскаго университета, поданной мини- стру народнаго просвѣщенія въ 1861 году	250
О возвышеніи платы за обученіе въ мужскихъ и женскихъ гим- назіяхъ и университетахъ	254

1882 годъ.

Студенческіе безпорядки въ Харьковѣ	258
---	-----

1883 годъ.

Объ университетскихъ безпорядкахъ	262
Новый университетскій уставъ	276
Объ университетскомъ уставѣ	266
Студенческая форма	270
Какъ наставлять учащуюся молодежь	272
О государственномъ экзаменѣ	275

1884 годъ.

Объ университетскомъ уставѣ	276
Объ университетскомъ уставѣ	279
Объ отвѣтственности и полномочіи должностныхъ лицъ	281
Университетскіе безпорядки	285
Университетскіе безпорядки	286
Государственные экзамены	287

Въ настоящій сборникъ статей Никиты Петровича Гилярова-Платонова включено нѣсколько статей, принадлежащихъ перу племянника редактора «Современныхъ Извѣстій», Ѳедора Александровича Гилярова. Писанныя по заказу и согласно указаніямъ Гилярова-Платонова, онѣ могутъ служить неизлишнимъ дополненіемъ статей послѣдняго.

Вотъ эти статьи:

«По вопросу объ учрежденіи при университетахъ обществъ»,—стр. 138; «О запрещеніи студентамъ университетовъ заниматься литографированіемъ лекцій»,—стр. 142; «О намѣреніи воронежскаго земства ходатайствовать объ основаніи въ Воронежѣ университета», стр. 149; «По поводу слуховъ о предстоящей университетской реформѣ», стр. 153; «О публичномъ словѣ въ аудиторіи и провинціальной печати», стр. 157; «По поводу «петиціи» студентовъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній», стр. 180; «По поводу вопроса о необходимости въ многолюдныхъ университетахъ отдѣлить юридическій и медицинскій факультеты», стр. 198; «По поводу «Записки» Московскаго университета, поданной министру народнаго просвѣщенія въ 1861 году», стр. 250.

1868 годъ.

Письменные упражненія.*

Юридическій факультетъ Кіевского университета нашелъ нужнымъ предложить, чтобы представленіе сочиненій по факультетскимъ предметамъ признано было обязательнымъ для студентовъ. Совѣтъ университета одобрилъ эту мысль. Нужно было бы удивляться, почему это мнѣніе не высказано было ранѣе, и почему вообще университеты довольствуются лотереею, подъ именемъ экзаменовъ. Но таковъ весь строй нашего общественнаго обученія; такова была цѣлые десятки лѣтъ самая его идея. Требовалось не ученіе, а выправка, и это было сообразно съ требованіями строя самой жизни, для которой нужны были только дѣловые исполнители. Сознательно или безсознательно, тому же требованію подчинилось и общественное обученіе, какъ въ объемѣ своемъ, такъ и въ методѣ. Съ новымъ строемъ жизни подоспѣли и новыя требованія отъ ученія, и мы находимъ очень естественнымъ, что мысль о необходимости письменныхъ упражненій заявляется именно юридическимъ факультетомъ. Со введеніемъ адвокатуры отъ юристовъ потребовалась особенно строгая логическая подготовка, и юридическому факультету нельзя было не

* «С. И.». 27-го мая. № 143.
университетскій вопросъ.

поразиться, какъ мало способности обнаруживаетъ къ этому университетскій курсъ.

Въ видѣ врачества противъ усвоенія безотчетнаго, факультетъ предлагаетъ письменныя упражненія. Нельзя съ этимъ не согласиться, но нельзя и не замѣтить, что начинать пріемъ этого врачества почти уже при самомъ выходѣ изъ высшаго учебнаго заведенія слишкомъ поздно.

По нашему мнѣнію, въ основательномъ обученіи, съ того самаго дня, какъ учащійся получилъ навыкъ слагать свою мысль въ правильное предложеніе, письменныя упражненія должны идти рядомъ съ изустными уроками, и письменные отчеты наряду съ отчетами устными. Только тогда и не будетъ ученіе вообще рабскимъ, какъ теперь; только тогда и будетъ самое усвоеніе уроковъ отчетливо; и только при этомъ условіи учащійся пріучится исподволь къ логическимъ пріемамъ. Нужно только помнить два необходимыя условія. Во-первыхъ, учащемуся должна быть предоставляема, по возможности, полная свобода разсужденія. Достаточно, если наставникъ будетъ слѣдить только за соединеніемъ фактической достовѣрности съ логическою отчетливостью. Никакія догматическія погрѣшности не опасны въ воспитанникѣ, когда пріобрѣтенъ имъ навыкъ съ одинаковою строгостью относиться и къ логикѣ, и къ фактамъ. Во-вторыхъ, какъ тотъ, такъ и другой способъ обученія и испытанія должны идти непремѣнно рядомъ: какъ устное изученіе не должно имѣть перевѣса надъ письменными упражненіями, такъ равно не должно быть даваемо перевѣса письменнымъ упражненіямъ передъ устными уроками. Старыя семинаріи показали, что послѣднее ведетъ къ неменьшему вреду, какъ и первое. Исключительная дрессировка въ формально-логическихъ пріемахъ, безъ фактической подкладки, застраховывая отъ увлеченій, способна воспитать софиста, окончательно равнодушнаго къ положительной истинѣ: качество тоже не слишкомъ благоприятное уметственному успѣху.

Не распространяясь въ дальнѣйшихъ подробностяхъ, закончимъ свою замѣтку выраженіемъ увѣренности, что рано или

поздно совѣты всѣхъ университетовъ придутъ къ тому же заключенію, къ какому Кіевскій, и не только совѣты университетовъ, но и среднія учебныя заведенія. Придетъ же, наконецъ, пора, когда поймутъ всѣ, что коль скоро задачей воспитанія поставляется развитіе, и при томъ развитіе самостоятельное, не позволительно ограничиваться одними спорами о томъ, какое образованіе предпочтительнѣе, классическое или реальное. При данной постановкѣ вопроса споры эти даже лишены смысла: та или другая система можетъ быть признана болѣе или менѣе пригодною почвой, на которой способно взрасти самостоятельное развитіе. Но уже, конечно, ни классическое языкознаніе, ни, тѣмъ менѣе — естествознаніе не могутъ сами по себѣ дать развитіе, да еще самостоятельное. Иначе, либо ждите чуда въ нашъ вѣкъ, не знающій чудесъ, либо согласитесь, что не знаете даже, что такое развитіе, и подъ развитіемъ понимаете нагроможденіе.

О воспитаніи даровомъ и оплачиваемомъ.*

Существуютъ двѣ системы общественнаго воспитанія: даровая, на счетъ государства, и оплачиваемая за свой собственный счетъ. Та и другая имѣетъ свой смыслъ. Мы не входимъ въ оцѣнку, какая изъ нихъ предпочтительнѣе и вѣрнѣе понятіямъ о народной свободѣ и объ обязанностяхъ государства, но не мѣшаетъ замѣтить, что система воспитанія дарового, послѣдовательно проведенная, предполагаетъ вмѣстѣ обязательность образованія вообще и вседоступность образованія общественнаго въ частности. Если государство къ числу своихъ обязанностей причисляетъ обязанность воспитывать народъ, тогда оно не должно никого лишать образованія, какъ никого не лишаетъ полицейской охраны или судебной защиты. Если образованіе

* «С. И.», 20-го іюня. № 267.

дается на деньги, выручаемые податями, то право на него имѣютъ всѣ плательщики. Иначе будутъ несправедливы привилегіи, и этихъ-то привилегій хочетъ избѣжать противоположная система, разсуждающая такъ: если хочешь учиться, учись на свой счетъ; воспитывать тебя государство не обязано и не имѣетъ права; не на то собираетъ оно деньги съ народа, чтобы заполнить не только тѣло, но даже душу подданныхъ.

У насъ принята была система воспитанія дарового, но именно въ томъ неполномъ видѣ, въ какомъ оно является привилегіей. Случилось это отъ того, что образованіе вообще было признано не цѣлью, а средствомъ для государственныхъ цѣлей. Государству надобились умѣлые служилые люди; зандобился поэтому рядъ специальныхъ училищъ, духовныхъ и военныхъ, и первыя, естественно, приурочились къ сословію духовенства, вторыя къ сословію шляхетному, на которомъ лежало тягло военной службы. Явились потомъ заведенія общеобразовательныя по наружности: университеты, народныя училища, гимназіи. Но они оказались общеобразовательными именно только по наружности, такъ какъ примкнули къ готовой старой системѣ. Организованныя подъ эгидой служебныхъ правъ, они невольно приняли смыслъ тоже специальныхъ заведеній, только приготовляющихъ не къ духовной и не къ военной, а къ гражданской службѣ.

Новымъ движеніемъ жизни въ послѣднее время рушены главнѣйшія тягости сословій, а съ тѣмъ вмѣстѣ подорваны старыя понятія и о самыхъ сословіяхъ. Рядомъ съ этимъ, и отчасти подъ вліяніемъ этого, измѣнился и взглядъ на общественное воспитаніе и на его устройство. Общее образованіе признано самостоятельною цѣлью, и сообразно съ этимъ новымъ воззрѣніемъ, снимавшимъ съ общественного воспитанія значеніе служебной подготовки, мало-по-малу перестраиваются теперь всѣ наши учебныя заведенія. А затѣмъ самъ собою долженъ былъ возникнуть вопросъ: Что же? Должно ли быть образованіе даровое и всеобщее обязательное, или добровольное и оплачиваемое?

Вопросъ въ этомъ общемъ видѣ, и именно о первоначальномъ образованіи, дѣйствительно поставленъ, и толкуютъ о немъ теперь по преимуществу земства. Независимо отъ этого, еще ранѣе, до учрежденій земскихъ, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ важнѣйшей изъ привилегій — крѣпостного права — становился уже самъ собою вопросъ: не слѣдуетъ ли, вмѣстѣ съ измѣненіемъ въ положеніи сословій, стать и общественному воспитанію на новую дорогу, и изъ дарового обратиться въ оплачиваемое? Въ концѣ пятидесятихъ годовъ образовалось въ высшихъ правительственныхъ сферахъ предположеніе: обложить студентовъ за слушаніе университетскихъ лекцій платою до 300 рублей. Осуществленіе этого предположенія было бы, можетъ быть, послѣдовательно, но слишкомъ круто, и для будущности нашего образованія, безъ сомнѣнія, гибельно. Въ странахъ, гдѣ принята система оплачиваемаго воспитанія, какъ именно въ Англіи, бѣдныя ничуть не лишены возможности получать образованіе, даже высшее. Образованіе ихъ точно такъ же оплачивается, какъ и всѣхъ, только не ими самими, а благотворительными учрежденіями и изъ благотворительныхъ фондовъ. У насъ ничего подобнаго подготовлено не было, и потому назначеніе платы за университетскій курсъ, доступной только достаточнымъ сословіямъ, должно было крайне ограничить число учащихся, и возвратить Россію чуть-чуть не ко временамъ XVIII столѣтія, когда люди съ высшимъ образованіемъ были такою рѣдкостью. На этихъ, безъ сомнѣнія, основаніяхъ предположеніе о трехсот-рублевой платѣ было отвергнуто, и правительство остановилось на полдорогѣ: назначило плату, но только вшестеро меньшую.

Рано или поздно, будетъ, однако, порѣшено у насъ не только съ даровымъ, но даже съ полударовымъ университетскимъ воспитаніемъ, и притомъ независимо отъ того, въ какомъ смыслѣ рѣшать земства вопросъ о воспитаніи первоначальномъ. Основаніе къ такому ожиданію слишкомъ очевидно: желающихъ получать высшее образованіе будетъ, безъ сомнѣнія, годъ отъ года прибывать все болѣе и болѣе, и какъ бы ни была богата государственная казна (а у насъ она похвалиться богатствомъ не

можетъ), удовлетворить этимъ желаніямъ на счетъ государствен-
ный будетъ положительно невозможно.

Въ виду этого особенною радостью надобно встрѣчать каждую новую стипендію, учреждаемую въ университетѣ, частнымъ лицомъ или обществомъ, и надобно желать, чтобы съ каждымъ годомъ какъ можно болѣе и болѣе направлялся именно сюда потокъ благотвореній, и притомъ въ видѣ фондовъ для будущаго. Поэтому съ особеннымъ сочувствіемъ даемъ мы въ своемъ изданіи мѣсто предположенію объ учрежденіи братства въ помощь нуждающимся студентамъ. Можетъ быть, помощь, именно въ этомъ своемъ видѣ, и не вполне осуществима, но нужды нѣтъ: мысль въ основаніи слишкомъ вѣрна и слишкомъ важна; надобно возглашать ее, не уставая и не переставая, повторять чаще, повторять громче.

О братствѣ въ пользу студентовъ.*

По поводу поднятаго вопроса о братствѣ въ пользу студентовъ, г. Ф. П. указываетъ, что въ Москвѣ до 300 человѣкъ студентовъ не только безъ вреда, но даже съ пользою своему ученью, могли бы предохранить себя отъ нужды работами у адвокатовъ. Еще бы. Трудъ для молодого человѣка, желающаго трудиться, всегда найдется, и если иногда тщетно труда отыскиваетъ бѣднякъ-студентъ, то единственно отъ недостаточной организаціи вспоможеній. Нѣтъ ядра, откуда бы истекали вспоможенія и куда бы они стекались; нѣтъ готоваго посредничества для ищущихъ работы и для предлагающихъ работу. Въ этомъ смыслѣ устройство братства и было бы особенно важно.

Но нѣкто А. П. въ газетѣ «Вѣсть» не соглашается съ этимъ. Ему кажется, что братство нужно, потому что есть ну-

ждающіеся студенты, но кажется, что и не нужно, потому что оно уже существуетъ, по крайней мѣрѣ существовало, въ видѣ попечительнаго комитета, состоявшаго при университетѣ. Мы знаемъ, что такое этотъ попечительный комитетъ, какъ онъ дѣйствовалъ и какъ испарился. Ясное понятіе о немъ почерпаемъ изъ помѣщеннаго нѣкогда въ нашей газетѣ письма г. И. К., а частью изъ статьи самого сотрудника газеты «Вѣсть». Стало быть, спорить объ этомъ нечего. Но стоитъ обратить вниманіе на общую мысль, высказанную г-мъ А. П. Къ чему заводитъ особенное общественное учрежденіе, постороннее университету. Развѣ нельзя организовать раздаяніе пособій въ самомъ университетѣ? И не лучше ли всего даже прямо студентамъ поручить назначеніе, кому, что и сколько нужно давать? Они сами лучше всѣхъ знаютъ свои взаимныя нужды. Кажется, такъ просто. Вотъ, въ сущности, мысль г. А. П. Мы увѣрены, что многіе, и именно въ средѣ университета, разсуждаютъ такимъ образомъ. Когда учреждалось въ Москвѣ братство св. Николая для вспоможенія бѣднымъ ученикамъ духовнаго званія, точно также главныя возраженія и почти противодѣйствіе явились именно отъ самихъ семинарій и училищъ. Къ чему это постороннее учрежденіе? Не лучше ли самимъ учебнымъ заведеніямъ давать пособіе въ руки? Тамъ будутъ они распределены, безъ сомнѣнія, съ болѣею правильностью, чѣмъ можетъ быть сдѣлано постороннимъ учрежденіемъ.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, просто, повидимому. Но мы придумаемъ мѣру еще проще. Нѣтъ нужды даже ни въ какомъ попечительномъ комитетѣ, и нѣтъ никакой надобности ему или кому-нибудь другому утруждать себя приѣмомъ пособій. Устроить кружки по большимъ и проселочнымъ дорогамъ и по перекресткамъ городскихъ улицъ съ надписью: «въ пользу недостаточныхъ студентовъ (или учениковъ, какъ тамъ угодно)». Сборъ будетъ препровождаться на казенный счетъ въ университетъ или въ училище, а тамъ что за дѣло, какъ распределены будутъ пособія. Навѣрно хорошо. Да, во всякомъ случаѣ, наше дѣло сдѣлано; студенты суть нищіе, и для нихъ нужны подаванія; по-

* «С. П.», 18-го августа, № 226.

дано, и дѣлу конецъ. Затѣмъ достаточно утѣшать себя отвлеченною мыслью, что вотъ-де и наша лепта пошла на распространіе просвѣщенія. А участвовать въ этомъ самолично, а содѣйствовать этому трудомъ нравственнымъ, кромѣ пособія матеріальнаго, а слѣдить за нагляднымъ успѣхомъ своего участія, а утѣшаться живыми его плодами—все это лишнее.

Ужели не понятно, что это-то живое, самодѣятельное участіе и было бы всего болѣе дорого? Что оно-то есть лучшее ручательство за успѣхъ пособій и за ихъ постепенное приумноженіе. Но, впрочемъ, это еще болѣе или менѣе понятно, вѣроятно, и для самого г. А. П. Но слишкомъ немногіе понимаютъ, что подобное, постороннее, дѣятельное и притомъ прямое участіе въ судьбѣ студентовъ есть лучшее ручательство за процвѣтаніе самихъ университетовъ.

Наука къ намъ не прививается. Въ этомъ, кажется, убѣждать нечего. Причину любили находить въ послѣднія, впрочемъ уже прошедшія, времена частью въ недостаткѣ самоуправленія университетскаго, частью въ гражданскихъ правахъ, которыя предоставляются университетскому образованію, словомъ—въ правительственной опекѣ, положительной и отрицательной. То и другое объясненіе вѣрно, и второе еще достовѣрнѣе перваго. Но самоуправленіе, когда въ самихъ университетахъ не витаетъ духа жизни, способно только вести къ узкой корпоративной исключительности, къ кумовству, къ развитію личныхъ интригъ, а не къ процвѣтанію науки. Отнятіе гражданскихъ правъ, когда нѣтъ въ самомъ обществѣ запроса на высшее образованіе, способно убить окончательно науку, а не воззвать ее къ жизни. Пора, наконецъ, понять, что наука и вообще образованіе у насъ не процвѣтаютъ потому, что они не вытребованы обществомъ, а пожалованы и даже навязаны обществу. Только тѣмъ и объясняется странное на взглядъ, но въ сущности очень естественное явленіе, что всѣхъ реформъ университетскихъ и всякаго обновленія университетскихъ силъ становится у насъ обыкновенно не болѣе какъ на тридцать лѣтъ, ровно на поколѣніе. Черезъ тридцать лѣтъ каждый разъ снова приходится пересма-

тривать уставы, снова выписывать профессоровъ, посылать за ученой разсадкой за границу или посылать собственные произрастенія на время въ заграничныя теплицы, за тѣмъ, однако, чтобы черезъ тридцать лѣтъ съизнова подымать старую исторію. Точно одесская почва, въ которой посаженное дерево растетъ, пока пускаетъ корни по верхнему пласту. Но проходяты годы, захотятъ корни идти въ глубь, и въ губительномъ известковомъ пластѣ пропадаютъ. Иди, садовникъ, сажай новое, молодое растеніе или же подсылай искусственный пластъ, чтобы долѣе наслаждаться хотя призракомъ живого произрастенія.

Стоило бы въ это вникнуть, стоило бы объ этомъ подумать. Вы радуетесь, что вотъ опять дано университетамъ самоуправленіе. Но развѣ не можетъ быть опять оно отнято сверхъ общественныхъ ожиданій, какъ дано сверхъ общественныхъ просьбъ. Вы говорите съ надеждою: теперешній уставъ воскреситъ намъ строгое образованіе, слава Богу. А не можетъ быть, что послѣ этого строгаго курса воскреснуть опять недавно прошедшія времена, съ притѣсненіемъ классицизма, да еще со всевозможной военной дисциплиной. И, по совѣсти, нельзя будетъ сѣтовать на правительство, вздумаетъ ли оно такъ поступить, вздумаетъ ли иначе, какъ нельзя ручаться ни за то, ни за другое. Гдѣ нравственная сила, стоящая за университетами, изъ уваженія къ которой правительству нужно было бы церемониться съ разсадниками просвѣщенія. Гдѣ общественное мнѣніе, съ которымъ нужно было бы ему справляться, должно ли оно предпочесть ту или другую методу. Пять, шесть журналистовъ, нѣсколько профессоровъ и нѣсколько директоровъ, конечно, не голосъ общества и не его потребность. Итакъ, правительству остаются одни теоретическія начала, и съ ними единственно, худо или хорошо, приходится ему соображаться, и вполнѣ понятно, что каждую переменную лица въ высшемъ управленіи переворачиваются понятія, и то, что вчера считалось полезнымъ, нынѣ признается гибельнымъ, что сегодня признается воспитывающимъ, то завтра признается развращающимъ. А при этомъ способно ли образоваться въ университетахъ преданіе? А безъ пре-

данія можетъ ли витать духъ, процвѣтаетъ жизнь? Общественныя силы, эти начала нравственной неподатливости, эти начала исторической упругости, это кормило, оберегающее отъ крутыхъ поворотовъ, лишены способовъ къ воздѣйствію на университетскую жизнь и ея теченіе. Прочь непосвященные. Двери университета предъ вами затворены; ихъ отворяютъ вамъ иногда, чтобы вы могли созерцать и выслушивать, что выставляется и говорится вамъ напоказъ; можете, пожалуй, вступить иногда и въ бесѣду на диспутахъ, впрочемъ, въ видѣ чистаго празднословія, ни къ чему не ведущаго. Довольствуйтесь голыми формами университетскаго устава, которыя, какъ бы ни были хороши, сами въ себѣ еще не заключаютъ условія, чтобъ въ нихъ дышала дѣйствительная жизнь; а затѣмъ все остальное: ходъ воспитанія, его направленіе, внутренняя ученая жизнь, все — неизвѣстность, все случайность, не зависящая отъ вашего спроса, желаній, сочувствій и отвращеній. Отворяются двери, выпускается молодой человѣкъ, и отецъ съ матерью ждуть со страхомъ, чѣмъ-то выйдетъ оттуда ихъ дитя, чѣмъ-то угодно будетъ начинить и одушевить его ученому сонму.

Если первоначально исторической судьбѣ не угодно было вырастить высшаго образованія изъ нѣдръ самого общества, по крайней мѣрѣ на будущее время должны бы и университеты, и общество пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы срастись и сплотиться, по возможности, въ одну живую семью; чтобы общество не оставалось простымъ празднымъ зрителемъ при священнодѣйствіи служителей Минервы, да и то на однихъ диспутахъ и актахъ, чтобы оно могло быть университету постояннымъ, прямымъ, дѣятельнымъ помощникомъ, участникомъ, другомъ, ходатаемъ. Того требуютъ выгоды самого университета, выгоды общества, выгоды правительства; словомъ, того требуютъ и только при этомъ условіи возможны истинные успѣхи нашего просвѣщенія, его историческая прочность и его плодотворность въ жизни.

Объ экзаменахъ.*

Мы очень рады, что поднимается, наконецъ, голосъ противъ цифрнаго опредѣленія умственныхъ достоинствъ, принятаго у насъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Г. А. В. въ своей педагогической замѣткѣ показываетъ, въ какое ложное положеніе ставитъ учителя система балловъ, и къ какимъ неблагоприятнымъ послѣдствіямъ приводитъ она учениковъ. И можетъ ли быть иначе? Совершенство знанія, которое есть качество, измѣряется числами, которыя суть количество. Стоитъ принять это во вниманіе, чтобы убѣдиться, что система балловъ неудовлетворительна даже при измѣреніи успѣховъ по одному предмету. Полноту знанія еще можно, худо или хорошо, показать цифрами; но ухитритесь тѣми же цифрами означить глубину, основательность, бойкость, остроуміе, сообразительность и прочія тому подобныя особенности, которыми, у одного одною, у другого другою, сопровождается все та же одинаковая у обоихъ полнота знанія. А что же сказать, когда нужно выразить не тотъ или другой частный успѣхъ по той или другой наукѣ, а всецѣлое возвышеніе природы, всецѣлое расширеніе умственного кругозора, всецѣлое оживленіе духовныхъ способностей. Это на учебномъ языкѣ называется своднымъ балломъ. Сложи все баллы, полученные по испытаніямъ во всехъ частныхъ знаніяхъ, раздѣли на число самихъ балловъ, и выведи среднее число: вотъ тебѣ и точное понятіе объ успѣхахъ. Нѣтъ, не объ успѣхахъ, а о развитіи мальчика или дѣвочки, молодого человѣка или молодой дѣвicy, потому что совокупность успѣховъ и имѣетъ значеніе единственно въ смыслѣ общаго развитія, и это общее развитіе, говорятъ, и есть единственная, по крайней мѣрѣ — главнѣйшая цѣль воспитанія. Какая жалость. Какая насмѣшка надъ понятіемъ о развитіи и надъ воспитаніемъ.

* «С. И.», 19-го сентября. № 258.

Не станемъ входить въ оцѣнку, насколько удобопріемлемъ порядокъ, предлагаемый авторомъ педагогической замѣтки. Предоставить опредѣленіе ученическихъ успѣховъ вполне на душу учителя,—можетъ быть, это будетъ тоже своего рода крайность. Во всякомъ случаѣ вопросъ о замѣнѣ балловъ другою системою требуетъ предварительнаго рѣшенія многихъ другихъ вопросовъ: Чего предполагается вообще достигнуть воспитаніемъ? Къ чему вообще назначаются испытанія? Нужны ли они въ смыслѣ періодическаго внѣшняго поспрешія учениковъ къ непрерывному движенію по умственной дорогѣ? Нужны ли они въ смыслѣ облегченія собственной надъ собою провѣрки для учащихся? Нужны ли въ смыслѣ предохраненія выспихъ классовъ отъ наплыва непритовленныхъ слушателей, грозящихъ даромъ и даже не безъ обоюднаго вреда тяготить аудиторію? И потомъ: есть ли смыслъ и надобность опредѣлять степени знанія, не достаточно ли опредѣлять только его качество, а степень требовать отъ всѣхъ одинаковую? Наконецъ, должны ли быть раздѣлены преподаваемые уроки на главные и второстепенные, и если должны, какая къ тѣмъ и другимъ должна быть приложена степень взыскательности? Не слѣдуетъ ли быть тѣмъ взыскательнѣе къ второстепеннымъ знаніямъ, чѣмъ выше успѣхи по первостепеннымъ и чѣмъ выше, слѣдовательно, самыя способности учащагося? Или, наоборотъ, оставить взыскательность единственно для первостепенныхъ, предоставляя второстепенные, какъ вспомогательные, собственной любознательности учащагося, въ особенности когда они легко достаются ученикамъ и безъ помощи учителя.

Но вопросовъ не оберешься: каждый изъ нихъ можетъ быть рѣшаемъ такъ и иначе, и о каждомъ можетъ быть особый разговоръ. Несомнѣнно одно: система балловъ примѣнима единственно къ такому порядку обученія, при которомъ требуется механическое усвоеніе уроковъ. Низшая степень такого усвоенія есть простое зубреніе или чистое упражненіе памяти. Повыше идетъ требованіе: «скажи своими словами», то есть обернись и выбери другія выраженія для положеній, механически

тобою усвоенныхъ,—внѣшняя обортливость ума. О внутреннемъ движеніи ума, о самостоятельномъ размышленіи, о способности къ созиданію не можетъ быть помина. Тѣмъ менѣе можно требовать глубины и сосредоточенности.

Стоитъ посмотрѣть съ этой стороны на ходъ обученія. Въ бальной системѣ не откроется ли тогда, можетъ быть, одно изъ главныхъ объясненій для знакомыхъ болѣзней, которыми страдаетъ наша умственная жизнь, и притомъ не въ однихъ заведеніяхъ для малолѣтнихъ, но и въ самомъ обществѣ совершеннѣйшихъ, и въ литературѣ въ особенности: для этой поверхности, для этого легкомыслія, для этой подражательности, для этой пошлости, наконецъ. Да, пошлости. Сколько ея у насъ, не оберешься.

Глубокую важность вопроса затрогиваемаго авторомъ «Педагогической замѣтки» поймутъ не многіе; но немногіе поймутъ и оцѣнятъ. Дѣло идетъ не о томъ, чѣмъ съ такимъ жаромъ и усердіемъ занимались мы года три-четыре назадъ: нужны ли для поступленія въ университетъ классическіе языки? Пожалуй, и выше нѣсколько: какое образованіе есть самое патентованное въ теперешней Европѣ: классическое или реальное? Авторъ обращается съ запросомъ ко всему новѣйшему воспитанію и сравниваетъ его съ воспитаніемъ древнихъ. Предъ нимъ исчерпываетъ различіе классическаго и реальнаго. Классическое, филологическое образованіе,—говоритъ онъ,—въ томъ видѣ, въ какомъ оно дается, качествомъ своимъ не воспроизводитъ образованія древнихъ въ его достожелаемомъ свойствѣ: то было скорѣе реальнымъ, потому что было непосредственно, а теперешнее филологическое посредственно. Реальное же теперешнее образованіе вовсе не реальное, а почти тоже филологическое, потому что знакомитъ тоже съ чужими опытами и выводами. Такова основная мысль, и авторъ приходитъ въ заключеніе къ неутѣшительному выводу: не окончательно ли размѣняется человѣчество на мелкую монету и не потеряна ли окончательно возможность создавать образованіемъ цѣльнаго человѣка?

Фактъ вѣренъ, и можно къ нему еще прибавить: филологиче-

ское образованіе, съ другой стороны, есть тоже и реальное, коль скоро изученіе не только правилъ, но даже изученіе языка въ цѣломъ его живомъ составѣ признается цѣлью, а не орудіемъ. Весь вопросъ въ томъ, признавать ли за образованіемъ вообще (въ смыслѣ обученія) формальное или матеріальное значеніе? Станьте на послѣднюю точку: тогда, дѣйствительно, придется пожелать, чтобы новый всемірный потопъ поскорѣ смылъ тмочисленные грѣхи познанія истины и лжи. Школа должна имѣть одно орудное, формальное значеніе: воспитанія; воспитанія къ труду самостоятельнаго добыванія истины и воспитанія къ дѣятельности, сообразной съ добытыми убѣжденіями въ истинѣ. Коротко сказать: она обязана вырабатывать человѣка самостоятельнаго и свободнаго. Не требуйте отъ нея ничего болѣе и ничего въ иномъ смыслѣ: въ этомъ же одномъ, нравственномъ смыслѣ, мѣсто въ ней и разнымъ наукамъ, все равно какимъ бы то ни было: самостоятельной цѣны никакая изъ нихъ не имѣетъ. Иначе не стоило бы и учиться; не стоило бы даже жить: быть повторительной машиной чужихъ примѣровъ и навязанныхъ авторитетовъ. Стыдно было бы и за все человѣчество, если бы оно умѣло не болѣе этого; не было бы большой чести къ нему принадлежать. Но, впрочемъ, вкусы разные: для иныхъ весь и прогрессъ, все и достоинство человѣчества и весь смыслъ его развитія состоятъ въ механическомъ повтореніи и во внѣшнемъ нарощеніи.

Конечно, не въ мелкой газетной статейкѣ, хотя бы она была руководящая, исчерпывать до дна этотъ вопросъ. Согласимся только съ авторомъ «Замѣтки», что образованіе, дѣйствительно, все болѣе и болѣе разрознивается само съ собой и все болѣе отрывается отъ жизни и природы. Черезъ это становится образованіе и все болѣе рабскимъ и мертвымъ, — подскажемъ въ свою очередь. И это во всемъ. Что такое наука? Знаніе живыхъ людей. Груды книгъ, выпущенныхъ людьми, частью давно отшедшими, частью живыми, но уже потерявшими свою связь съ собственной мыслью и свое надъ нею господство. Что такое вѣрованія, убѣжденія, религіозныя и политическія, какія угодно, —

словомъ, все, что привыкли называть духовнымъ въ человѣчествѣ? То же самое: наука, литература, печать; вещь, неодушевленный міръ, хотя вышедшій изъ живыхъ людей, но мертвый, неспособный ни мыслить, ни чувствовать, и, однако, съ призракомъ мысли и чувства и со способностью перейти въ дѣйствительную живую мысль и живое чувство живого человѣка. Что изъ него было дѣйствительно живою мыслью своего творца и что воспроизведется въ живую мысль читателя, неизвѣстно; живые люди мыслящіе и чувствующіе, и ихъ мысль въ литературѣ, наукѣ, искусствѣ два разные міры; слишкомъ часто по одному нельзя заключать о другомъ.

Четыре года тому назадъ, въ одной публично сказанной рѣчи мы указывали на это бездушіе и эту призрачность литературы, и въ особенности печати. Мы сказали тогда, что съ этой точки зрѣнія на современное развитіе человѣчества еще не смотрѣно, а посмотрѣть стоитъ; слишкомъ важные выводы и уроки предвидятся отсюда даже для практической жизни, личной и общественной. Къ случаю, для размышляющихъ повторимъ это и теперь.

1869 годъ.

Студенческіе безпорядки.*

«Московскія Вѣдомости», наравнѣ съ нами и «Голосомъ», предполагая въ послѣднихъ петербургскихъ волненіяхъ постоянное внушеніе, останавливаются на любопытномъ обстоятельстве, что подметный листокъ, обнародованный отъ имени студентовъ, появился въ «Вѣсти» почти одновременно съ его выпускомъ. «Вѣсть»! Это горячая непріятельница князя Черкаскаго, которому не можетъ простить она ни крестьянскаго вопроса, ни польскаго вопроса. «Вѣсть» получила листокъ очень скоро, такъ же скоро напечатала. Получила она, очевидно, отъ своихъ единомышленниковъ, по крестьянскому ль, по польскому ль вопросу, все равно. Здѣсь обѣ эти стѣнки сходятся. Одному противно русское просвѣщеніе, другому вообще просвѣщеніе. Просвѣщеніе вѣдь это свобода. Русское просвѣщеніе—вѣдь это потеря надежды на польское обаяніе.

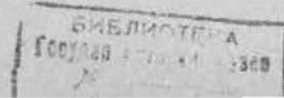
Итакъ, несомнѣнно, либо польская рука, либо рука тѣхъ, кто желаетъ навѣки оставить русскій народъ подъ унижительною опекой,—вотъ кто водилъ перомъ, сочинявшимъ подметный листокъ—нужды нѣтъ, что можетъ быть незавѣдомо даже

писавшему. Цѣль также недвусмысленна: заподозрить молодыхъ людей передъ правительствомъ, обвинить русское просвѣщеніе въ хроническомъ безпокойствѣ, предъявить неспособность университетовъ оцѣнить вспомоцествованіе, дарованное одному изъ нихъ недавно въ день юбилея. Все это такъ выгодно для того и другого оттѣнка, величающаго себя консервативнымъ.

Петербургскія газеты не послѣдовали примѣру «Вѣсти» и не перепечатали листка; «Московскія Вѣдомости» тоже. Пощадимъ и мы молодыхъ людей. Въ ихъ листкѣ или, по крайней мѣрѣ, пущенномъ отъ ихъ имени, не дадимъ злымъ людямъ лишняго орудія къ глумленію надъ юношествомъ, заслуживающимъ все-таки сострадательной любви, а не бездушныхъ насмѣшекъ.

Вчера мы получили письмо, писанное, очевидно, студенческою рукою. Оно увѣдомляло, что и въ Московскомъ университетѣ умы учащихся не вполне спокойны (вѣримъ и надѣмся, что начальство отнесется къ этому снисходительно; нельзя требовать, чтобы петербургскія извѣстія встрѣтили полное, недостойное юности, бездушное равнодушіе); увѣдомляло о пріѣзжихъ изъ медико-хирургической академіи, привезшихъ очень понятныя изъясненія; увѣдомляло о бывшей и предстоящей сходкѣ, извѣщало, что высшіе курсы на всѣхъ факультетахъ совершенно чужды движенію, обращалось съ просьбою и совѣтомъ къ братьямъ товарищамъ не слушать опасныхъ наущеній. Между прочимъ, здраво рассуждало оно о самыхъ желаніяхъ, заявленныхъ неспокойными изъ петербуржцевъ: «Передача студентамъ въ завѣдываніе вспомогательной кассы, говоритъ оно, не дастъ новыхъ средствъ для пособій. Желаніе студентовъ имѣть собственную бібліотеку совершенно лишнее. Читать студенты могутъ и въ университетской, и въ публичной бібліотекахъ, брать же книги для чтенія на домъ изъ университетской бібліотеки совѣмъ не такъ затруднительно, какъ о томъ толкуютъ приверженцы петербургскаго заявленія. Остальныя желанія: имѣть право сходакъ и быть освобожденными отъ полицейской опеки лишены всякаго здраваго смысла».

* «С. И.». 27-го марта. № 84.

Къ этимъ словамъ прибавлять что-либо излишне на сей разъ. Пожелаемъ, чтобъ этимъ спокойнымъ разсужденіямъ остались вѣрны не только бѣльшая часть, но всѣ студенты здѣшняго университета. Лично же за себя мы не можемъ только преодолѣть горестнаго чувства, что вся эта жалкая исторія произошла, между прочимъ, въ то время, какъ уже нашлось было въ обществѣ нѣсколько лицъ, готовыхъ содѣйствовать учрежденію самостоятельной взаимно-вспомогательной кассы для учащагося юношества и уже обдумывало войти объ этомъ съ ходатайствомъ къ правительству. Не охладѣютъ ли въ своемъ сочувствіи нѣкоторые изъ сочувствовавшихъ послѣ теперешнихъ, пусть исключительныхъ, но все-таки несомнѣнныхъ, проявленій незрѣлости и легкомыслія въ студенчествѣ? Не найдутъ ли они въ этомъ основаніе ожидать своей просьбѣ отказа со стороны правительства? Не найдетъ ли само правительство въ томъ основаніе къ отказу? Будемъ утѣшать себя надеждою, что нѣтъ, будемъ надѣяться, что за легкомысліе нѣсколькихъ не должны платиться всѣ. Но все же, какъ не пожалѣть, что изъ среды самого же юношества протянулись руки, чтобы неумѣстнымъ движеніемъ оттолкнуть дѣятельное участіе, которое изъ среды общества готово было законнымъ путемъ придти въ помощь нуждамъ молодости, нравственнымъ и матеріальнымъ...

Студенческіе безпорядки.*

Мы просто завалены письмами отъ студентовъ. Просимъ извиненія у молодыхъ людей, что не можемъ дать мѣста всѣмъ ихъ заявленіямъ, даже просто по недостатку мѣста. Всякому свое дорого, и понятно, что всякому писавшему кажется, что именно ему-то и надо дать шагъ впередъ. Мы успѣли отдать

* «С. И.», 31-го матра. № 88.

въ наборъ, и притомъ уже нѣсколько дней тому назадъ, только одно письмо, и то не могло достать мѣста въ печати до сего дня. Современемъ, когда все окончательно успокоится, мы надѣемся воспомнить не только о чемъ, но и что было намъ писано. Теперь разсужденіямъ не время. Удовольствуемся указаніемъ на сущность разнорѣчивыхъ сказаній и показаній.

«Неправда, что безпокойные студенты 1-го и 2-го курса юристы. Протестуемъ первокурсники».

«Неправда, что студенты старшихъ курсовъ дѣлали миролюбивое заявленіе ректору. Тѣ же мысли у всѣхъ, а не исключительно у младшихъ». Такъ заявляютъ нѣкоторые, недовольные, что ихъ заподозрили въ безучастіи къ товарищамъ.

Доходятъ до того иные, что предлагаютъ сосчитать голоса: кого больше, кого меньше, и на этомъ основаніи судить о духѣ и направленіи. Каждый, разумѣется, предполагаетъ, что насъ больше...

Оставимъ все это, господа. Всѣ вѣрятъ, что молодость честна, что вы желаете правды, что вы жалѣете о бѣдности. Но не давайте себя въ орудіе злымъ умамъ и въ пищу злымъ языкамъ. Людямъ доброжелательнымъ истинно жалко это. Прислушайтесь къ самому названію, которымъ величаютъ движенія, подобныя только что минувшему (надѣмся, что минувшему). Говорятъ: «студенческая исторія». Вникните въ смыслъ этого названія: къ кому и къ чему его прилагаютъ обыкновенно и, слѣдовательно, ему приравниваютъ извѣстныя юношескія изъявленія недовольства?..

Неопредѣленное положеніе студентов*.

Студенческія волненія указываютъ, что въ устройствѣ университетовъ нашихъ есть какой-нибудь органическій порокъ. Пусть просьбы студенческія неосновательны, что вѣдь сомнѣнія. Но повтореніе волненій, по крайней мѣрѣ, готовность повторяться тамъ и здѣсь, говорятъ, что почва университетская благопріятна для волненій. Поливайте камень, сколько угодно, ничего не вырастетъ. А здѣсь проросло, и уже пробивается зерно. Русское Телеграфное Агентство сообщаетъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», что и Новороссійскій университетъ не остался чуждъ движенію, точно также какъ недавно Кіевъ. Ничего не произошло, благодаря благоразумнымъ мѣрамъ начальства и благодаря благоразумію самого юношества. Но это ничего не было совершенное ничто: если бы ровно ничего не было, то и говорить было бы нечего. Что жъ это, такъ? Зараза примѣра, игра обезьянъ? Отвѣтъ недостаточный.

Разсуждая нѣкогда о даровомъ и оплачиваемомъ обученіи, мы замѣтили, что двумя этими видами предполагаются двѣ системы отношенія государства къ общественному воспитанію. Воспитаніе даровое, слѣдовательно, государственное, а тогда оно должно быть всеобщее, обязательное; иначе это будетъ привилегія, иногда относительно справедливая (напримѣръ, воспитаніе дѣтей за заслуги отцовъ), но вообще несправедливая вездѣ, гдѣ только признано равенство предъ закономъ. Или воспитаніе оплачиваемое и тогда оно общественное, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ право на самостоятельность, право на корпоративное устройство. Государственная власть къ нему, какъ и ко всякому самостоятельному общественному явленію, будетъ относиться только отрицательно.

Въ связи со средствами воспитанія стоитъ воспитательный надзоръ или, короче, само воспитаніе (въ противоположность

обученію). Здѣсь также два вида, выраженіемъ которыхъ можетъ быть кадетскій корпусъ, для одного, пансіонъ для приходящихъ—для другого. Во одномъ воспитаніе государственное, спартанское, социалистическое,—что въ идеѣ одно и то же—подчиненное отвлеченнымъ понятіямъ порядка, благопристойности, внѣшней добропорядочности, отрѣшенное отъ семейства и бытовыхъ преданій, другое—опирающееся на семейство, на живыя нравственныя силы, бытовые преданія, стихійно передаваемые.

Университеты наши не стоятъ ни на той, ни на другой дорогѣ. Объяснять этого нечего. Но стоитъ объяснить, что съ одной дороги они сведены, тогда какъ не поставлены на другую. Помнимъ время, когда университетъ былъ изряднымъ кадетскимъ корпусомъ. Мундиры, дисциплина, собственная полиція, домашнія взысканія... сходство доходило до того, что студенты даже маршировали. Мы не говоримъ, что это было хорошо. Это было положительно нехорошо, но было послѣдовательно. Въ сообразность этой дисциплинѣ, замѣнявшей воспитаніе, было тогда не только обученіе для большинства безплатное, но даже отчасти содержаніе, съ казенными квартирами и столомъ.

Казенныя квартиры уничтожены, плата назначена, но плата далеко не есть полная плата за обученіе, допускаются притомъ изыятія, основанныя въ существѣ на случайности. Вмѣсто квартиръ раздаваемыхъ стипендіи подчинены порядку, который острѣковъ ведетъ къ заключеніямъ: не для того ли только уничтожены студенческія квартиры, чтобы дать лишнія квартиры или лишнія комнаты въ квартиры профессорамъ? Словомъ, съ кажущимся измѣненіемъ въ системѣ система осталась старая.

Съ воспитательнымъ надзоромъ тоже. Размундированные, вольные жить гдѣ угодно, освобожденные отъ университетской опеки, кому поручены студенты? Не семействамъ, которыя для большей части изъ нихъ за тысячи верстъ. Они подчинены полиціи, какъ обыкновенные граждане. Однако, признаны они, если такъ, полноправными гражданами? Разумѣется, не признаны и не могутъ быть признаны.

* «С. И.». 7-го апрѣля. № 95.

Эта неопредѣленность, можно сказать—двусмысленность отношеній, въ которыя поставлено университетское юношество, и есть органическій порокъ, которымъ, по нашему мнѣнію, страдаютъ, между прочимъ, университеты и который даетъ и способенъ давать почву для волненій. Лекарство противъ него, разумѣется, не въ томъ, чтобы возвратиться къ мундирамъ, выправкѣ и маршировкѣ и признать благодѣтельнымъ, что признано было вреднымъ. Необходимо, напротивъ, вести далѣе систему, къ которой уже приступлено отчасти, и быть ей послѣдовательнымъ. Нужно доходить до полной оплаты обученія, и притомъ безотговорочно взимаемой со всѣхъ безъ изыятій. Необходимо также, чтобы, взамѣнъ университетской опеки, была внѣ университета правственная опора воспитанія, общественная. Мы приходимъ къ той же необходимости обществъ или братствъ, или попечительствъ, о которой мы уже говорили не разъ. Благо воспитанія, благо общественное, благо государственное требуютъ этихъ попечительствъ, которыя бы встали изъ среды общества въ руководство и помощь молодымъ людямъ и въ ручательство для правительства.

По отношенію къ правамъ имущественнымъ законъ различаетъ три возраста: возрастъ совершеннолѣтній, возрастъ подлежащій опекѣ и возрастъ подлежащій попечительству. По отношенію къ личнымъ правамъ, возрастающимъ по мѣрѣ обученія, у васъ между малолѣтствомъ гимназиста и совершеннолѣтіемъ врача или юриста остается пустота, незамѣщаемая опекой или незамѣстима дисциплиной. Замястите ее. Дайте лишь самому самостоятельности малолѣткѣ естественный переходъ къ совершеннолѣтію чрезъ относительную свободу, подъ надзоромъ попечителей или попечительствъ.

Не очень многимъ мы обязаны чистому, дисциплинарному университету. Но лучшія имена, но славныя имена встаютъ предъ нами при воспоминаніи о Дружескомъ обществѣ Новикова, о Корпусѣ колонновожатыхъ Муравьева. Примѣръ на глазахъ; послѣднія и предпослѣднія волненія — другой примѣръ.

Но гдѣ же взять этихъ братствъ, этихъ обществъ, этихъ попечительствъ, когда ихъ нѣтъ? Разумѣется, не правительство должно ихъ устраивать. Это походило бы на тѣхъ строителей, которые, снявъ съ дерева кору, прибавляютъ къ бревну гвоздиками искусственную и строятъ потѣшные домики. Попечительства явятся сами собою; довольно сознать ихъ необходимость и не противодействовать ихъ появленію. Но пусть пойметъ это общество, отцы и матери. Не будетъ прока, если не ограничить свою заботу о возрастныхъ дѣтяхъ тѣмъ, что свалить ихъ въ университетскій городъ, представляя дальнѣйшее судьбѣ и университетскому начальству. Пусть поймутъ и молодые люди, что между гражданскимъ, какъ и между физическимъ малолѣтствомъ и совершеннолѣтіемъ есть степень, и если ей не дано еще ни опредѣленнаго очертанія, ни опредѣленнаго названія, это еще не основаніе требовать себѣ правъ совершеннолѣтія.

Несостоятельность университетскихъ экзаменовъ.*

Разсужденій болѣе долгихъ требовали бы двѣ статьи, сегодня же нами предлагаемыя: жалоба на университетскіе экзамены и извѣстіе о порядкѣ экзаменовъ, принимаемомъ въ военной академіи. Корреспондентъ обвиняетъ университетскіе экзамены въ произволѣ и случайности: это совершенная истина, и эта болѣзнь россійскихъ экзаменовъ свойственна не однимъ университетамъ. Всегда экзаменъ лотерея, вездѣ поощренія къ заискиванію, нигдѣ точное свидѣтельство объ успѣхахъ. Вездѣ и нигдѣ; но снѣшимъ оговориться, гдѣ преподаватель, онъ же экзаменаторъ, тамъ необходимо отдѣлится эти обязанности. Экзаменационная коммиссія, производящая испытаніе въ присутствіи

* «С. И.», 3-го августа. № 211.

профессоровъ и учителей, вотъ что должно быть, но никакъ не профессоръ или учитель, испытывающій въ присутствіи ассистента. Тогда профессоръ или учитель былъ бы недовольнымъ защитникомъ экзаменующагося, что и естественно. Тогда экзаменовался бы не одинъ экзаменующійся, но косвенно и самъ преподаватель, что весьма полезно и для него самого, и для науки. Тогда между учащими и учащимися образовалась бы нравственная связь и за ходомъ преподаванія учредился бы отвѣтъ нравственный надзоръ; и то, и другое весьма желательно, потому что нѣтъ ни того, ни другого.

Экзаменъ даетъ права въ государствѣ. Это уже не чистая наука. Зачѣмъ учителя или профессора превращать въ делегата правительственной власти и раздавателя правъ. Его дѣло преподавать, а раздавать права въ стрѣхъ государственныхъ сословій, заслуженныя знаніями, пріобрѣтенными отъ слушанія его лекцій, пускай это зависитъ отъ другихъ, не менѣе образованныхъ, чѣмъ преподаватель, но уже не преподавателей, положимъ: отъ преподавателей заслуженныхъ, кончившихъ условные сроки училищной службы.

Порядокъ экзаменовъ для принятія въ военную академію заслуживаетъ полнѣйшей похвалы полнотой испытанія. Испытаніе не только устное, но и письменное, не по случайно только выдернутому билету, но по темѣ, заранѣе данной, на которую есть время и способы приготовиться. Вотъ полное испытаніе, отрѣшенное отъ всякихъ случайностей и единственно точное. Одинъ обладаетъ бойкостью слова, но не владѣетъ основательно перомъ и наоборотъ. Одинъ щеголяетъ памятью, но слабъ на самостоятельное размышленіе и опять наоборотъ. Вынутый билетъ, съ обязанностью сейчасъ отвѣчать, можетъ встрѣтиться съ случайнымъ знаніемъ, которое этимъ предметомъ и ограничивается, и съ случайнымъ забвеніемъ, нисколько не свидѣтельствующимъ о слабости познаній вообще. Устный отвѣтъ по вынутому билету есть первая степень испытанія, способная дать только отрицательное свидѣтельство объ отсутствіи элементарныхъ познаній.

Отвѣтъ письменный по вынутому билету, данный безъ справокъ съ пособіями — вторая степень: подпора слабой памяти и вмѣстѣ случай обнаружить сознательное усвоеніе.

Отвѣтъ письменный, съ правомъ предварительнаго приготовленія, даетъ понятіе не только объ усвоеніи предмета, но и объ обладаніи имъ, и есть свидѣтельство о способности къ самостоятельному труду.

Отвѣтъ, съ правомъ предварительнаго приготовленія, но устный, есть высшее требованіе, далѣе котораго нечего требовать. Это диспутъ. Это даръ неожиданныхъ вопросовъ, испытаніе и внутри, и съ боковъ предмета, въ корню и на вершинѣ — свидѣтельство о полной, всесторонней основательности.

Гдѣ нѣтъ одного изъ этихъ четырехъ видовъ, тамъ всякій экзаменъ есть и случайность, и односторонность, и всякая аттестація — сомнительный документъ, котораго нельзя принимать безъ оглядки: о чемъ онъ свидѣлствуетъ, объ успѣхахъ въ знаніи или о ловкости въ обращеніи, объ ученѣи или зубренѣи?

Несовершенство университетскихъ экзаменовъ и преподаванія.*

На статью г. В. Ч. о неудовлетворительности теперешняго порядка экзаменовъ мы получили возраженіе. Неизвѣстный авторъ защищаетъ Московскій университетъ, котораго никто не обвинялъ. Ему кажется, что г. В. Ч. хотѣлъ очернить профессоровъ. Онъ соглашается, что на юридическомъ факультетѣ, дѣйствительно, слышатся неодобрительные отзывы, но о другихъ факультетахъ, и именно математическомъ, свидѣлствуетъ, что въ продолженіе экзаменовъ истекшаго года не было слышно ни одной жалобы ни на неразумную строгость, ни на неосновательную снисходительность.

* «С. И.». 14-го августа. № 221.

Гг. профессора Московскаго университета, разумѣется, не нуждаются въ защитѣ, когда не подвергались нападеніямъ. Вопросъ былъ вообще о порядкѣ экзаменовъ, и мы повторяемъ, что испытаніе, ограничивающееся выслушиваніемъ одного устнаго отвѣта, по вопросу, указанному вынужтымъ наудачу билетомъ, есть испытаніе недостаточное, и что соединеніе въ одномъ лицѣ преподавателя и экзаменатора никогда не представитъ достаточныхъ обезпеченій въ безпристрастіи испытанія. И это при всемъ добромъ желаніи профессора.

Въ самомъ дѣлѣ, кто не согласится, что экзаменъ, произведенный въ какіе-нибудь четверть часа, а иногда и менѣе, въ состояніи дать экзаменатору слишкомъ поверхностное и притомъ, какъ мы уже сказали, отрицательное понятіе о познаніяхъ экзаменующагося. Семь мѣсяцевъ посѣщаетъ профессоръ кафедру, часто почти не видя слушателей. Но, впрочемъ, это все равно. Присутствіе студента еще не значить его вниманія къ урокамъ. Итакъ, въ продолженіе семи мѣсяцевъ преподаватель и слушатель остаются чуждыми одинъ другому. Наступаютъ экзамены; студенты дѣлятся на группы, группа экзаменуется у одного профессора въ теченіе шести дней. Большая часть лицъ профессору совершенно незнакома. Каждый беретъ съ тарелочки билетъ съ обозначеніемъ вопроса. И это не лотерея? Кто же не знаетъ, что бывало много случаевъ, когда студентъ, успѣвшій прочесть лишь нѣсколько страницъ лекцій, вынималъ билетъ съ требованіемъ именно этихъ страницъ и, наоборотъ, студентъ, не успѣвшій дочитать нѣсколькихъ страницъ, лишался переходнаго балла, хотя остальное ему извѣстно. Ручательство за безпристрастіе испытанія, когда оно производится самимъ профессоромъ, тѣмъ-менѣе возможно, что не всегда бываетъ одно и то же: знать науку и знать профессорскія лекціи. Студентъ обязанъ говорить на экзаменѣ не то, что онъ думаетъ или что онъ вычиталъ изъ лучшихъ руководствъ и усвоилъ себѣ, но что слышалъ отъ профессора и притомъ не одни факты, но самый взглядъ профессора, который, конечно, далеко не безусловенъ, который можетъ быть даже прямо ошибоченъ и нелѣпъ. И сей-

часть говорить и именно въ Московскомъ университетѣ существуютъ два профессора, на одномъ факультетѣ (юридическомъ), по милости которыхъ студентамъ приходится становиться въ тупикъ. На первомъ курсѣ профессоръ въ своихъ лекціяхъ оказывается поклонникомъ Петра Великаго, всѣ реформы этого государя восхваляются, и самъ онъ изображается величайшимъ благодѣтелемъ Россіи. Но другой профессоръ порицаетъ каждый шагъ Петра, и студентъ, составившій себѣ по прежнимъ лекціямъ понятіе о реформахъ Петра, долженъ перевертывать свои убѣжденія или, оставаясь при прежнемъ, отвѣчать на экзаменѣ противъ воли, припоминая слова, но не передавая мысли, или передавая ее съ невольнымъ отбѣнкомъ неодобренія. Что изъ двухъ легче для студента — не станемъ разбирать, но не думаемъ, чтобы то либо другое соответствовало цѣли испытаній, или чтобы отбѣтки объ отвѣтахъ, данныхъ при такихъ условіяхъ, соответствовали началу справедливости.

Истинный смыслъ повѣрочныхъ экзаменовъ въ университетѣ.*

Нами получены три письма по тому же случаю и притомъ разнорѣчащія. Одинъ негодуетъ на легкость, съ какою раздаются медали въ гимназіи, и требуетъ строжайшаго надзора за тамошними экзаменами. Другой, напротивъ, негодуетъ на требованіе повѣрочныхъ испытаній и остроумною выкладкою хочетъ привести насъ къ убѣжденію въ ихъ нелѣпости. Третій не отвергаетъ потребности повѣрочныхъ испытаній, но жалуется на незапность произведенныхъ въ нынѣшнемъ году и на произволь, съ которымъ они будто бы ведены.

Соглашаемся вполнѣ съ первымъ, отчасти присоединяемся къ третьему и рѣшительно не согласны со вторымъ.

* «С. И.», 11-го сентября. № 249.

Нужны ли для поступающих въ университетъ испытанія? А чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нужно рѣшить другой: что такое наши университеты, учебныя заведенія или театры? Мы не задаемъ вопроса: чѣмъ университеты должны быть? По поводу послѣднихъ студенческихъ волненій, помнится намъ, въ «Голосѣ» высказана была кѣмъ-то мысль, что лучшее средство къ предупрежденію ихъ на будущее время было бы обратить университеты въ вольныя аудиторіи, ничѣмъ не связанныя съ слушателями: хочешь приходи кто угодно и насколько угодно, уходи когда хочешь, слушай или не слушай, а профессора пусть себѣ читаютъ, не заботясь болѣе ни о чемъ. Это былъ бы своего рода изустный музей, говорящая библіотека или, какъ мы сказали, театръ, съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь давались бы не трагедіи или водевили, а ученые лекціи. Мы не имѣемъ ничего противъ этого плана, но онъ пока не принятъ. Въ университетахъ у насъ не просто преподаютъ, но и учатъ; законъ смотритъ на нихъ, какъ на приготовительныя заведенія, гдѣ довершается воспитаніе юношества, предназначеннаго себя къ опредѣленнымъ родамъ гражданской дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ университеты отчасти отвѣтственны предъ государствомъ за своихъ слушателей, а чрезъ это и не могутъ допускать въ себя всякій сбродъ. Съ другой стороны, обращеніе университетовъ въ вольныя аудиторіи тѣсно связано съ полною оплатою лекцій, чего у насъ тоже пока не принято и чего едва ли бы пожелали даже тѣ, кому не нравится теперешнее устройство университетовъ. Правительство, признавая просвѣщеніе необходимымъ, не можетъ, однако, бросать зря миллионы на содержаніе преподавателей безъ увѣренности, что преподаваніе пойдетъ въ прокъ. Открывая безразлично двери аудиторіи-театра одинаково и любопытству, и любознательности, оно должно было бы застраховать университетъ отъ праздныхъ зѣвакъ, а преподавателя отъ напраснаго труда, по крайней мѣрѣ, возвратомъ затраченныхъ денегъ.

Итакъ, вступительныя испытанія необходимы. А затѣмъ намъ представляются совершенно непонятными сѣтованія на то, что

испытанія производятся не одинъ разъ, а два. Лишній часъ времени, потраченный на сдачу повторительнаго испытанія—не такъ велика потеря, чтобъ на нее плакаться. Въ жалобахъ на повѣрочныя испытанія проглядываетъ странный взглядъ на испытаніе вообще. Экзаменъ это что-то такое, къ чему нужно особенно готовиться нѣсколько дней, несмотря на семилѣтнее приготовленіе. Испытываемыя познанія, это что-то такое, чего позволительно не знать въ извѣстные дни и часы и еще болѣе позволительно забыть послѣ того, какъ отдалъ въ нихъ отчетъ. Одно изъ двухъ: или молодой человекъ обладаетъ познаніями, необходимыми для университета, и тогда ему не только два, десять экзаменовъ не страшны и притомъ какъ бы ни были они внезапны. Или же они страшны для него, и въ особенности внезапны: тогда онъ, дѣйствительно, негоденъ и, дѣйствительно, его прежнія испытанія оказываются случайностью и неправдою, какъ бы, повидимому, блистательно сданы они ни были и какимъ бы похвальнымъ свидѣтельствомъ ни были награждены.

Иное дѣло придирчивость экзаменатора (вопросы, не входящія въ программу). На нее позволительно жаловаться. Но здѣсь поднимается уже другой вопросъ о способахъ вообще производства испытаній и о предохранительныхъ средствахъ противъ произвола и случайностей. Вопроса этого мы уже не разъ касались и доселѣ остаемся при своемъ мнѣніи, что только тройной, а для высшихъ экзаменовъ даже четверной видъ испытанія можетъ доставить полное предохраненіе отъ случайностей.

Идемъ возраженій и очень рады продолжить свою бесѣду объ этомъ вопросѣ, столько волнующемъ теперь, какъ видится, и дѣтей, и отцовъ.

Повѣрочные экзамены въ университетѣ и способы ихъ производства.*

Пора, впрочемъ, закончить эти препиранія объ экзаменахъ. Вина здѣсь, какъ мы уже говорили не разъ, не въ экзаменаторахъ и не въ томъ или другомъ изъ учебныхъ заведеній, а въ способѣ испытаній, не дающемъ возможности безошибочно и вполне обсудить степень познаній и способностей испытываемаго. Въ частности, вопросъ о томъ, должны ли быть сохранены повѣрочныя испытанія, упразднены или замѣнены присутствіемъ профессора при производствѣ испытаній въ гимназіяхъ, ставится, намъ кажется, не на правильномъ основаніи.

Присутствію профессора на гимназическомъ испытаніи едва ли даже можно давать равную силу съ испытаніемъ, которое производится самимъ профессоромъ въ стѣнахъ университета. Но если бы и признать то и другое за величины равныя, возобновленіемъ обычая, о которомъ вздыхаетъ одинъ изъ корреспондентовъ, была бы оказана несправедливость иногороднимъ гимназіямъ и всѣмъ другимъ заведеніямъ, пользующимся однородными правами. За что будетъ эта привиллегія пяти гимназіямъ? И чѣмъ виноваты прочія, что онѣ подвергнуты будутъ злу, если только коллоквиумъ есть зло, какъ воображаютъ нѣкоторые? Послѣдовательность потребовала бы тогда права визитаций въ обширномъ смыслѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всего устройства учебныхъ округовъ на иномъ основаніи: университетъ былъ бы не только высшимъ учебнымъ мѣстомъ, но и административнымъ въ отношеніи къ среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ. А заведенія, не принадлежащія министерству просвѣщенія, все оставались бы подъ ударами повѣрочныхъ испытаній.

Отмѣнить повѣрочныя испытанія и предоставить среднимъ

* «С. И.», 20-го сентября. № 258.

учебнымъ заведеніямъ безповоротный приговоръ о правѣ воспитанниковъ на университетъ—это было бы, съ точки зрѣнія университета, подвергать себя наплыву незрѣлостей, неспособностей, безграмотностей. Указывается на строгій надзоръ, которому подчинены гимназіи. Но никакой надзоръ не спасаетъ ихъ отъ опасности пропигиться въ томъ, что касается не ихъ, а университета, какъ скоро эти два рода заведеній не стоятъ во взаимномъ административномъ подчиненіи. Они разойдутся, если не въ сущности (которая застраховывается программой), то въ подробностяхъ.

Это неизбежное, неотвратимое никакими программами, разногласіе приводитъ къ совершенно обратному выводу: не къ отмѣнѣ повѣрочныхъ испытаній, напротивъ, къ отмѣнѣ права, предоставляемаго гимназіямъ, признавать воспитанника достойнымъ университета и, слѣдовательно, къ возвращенію старого порядка, при которомъ вступающихъ въ университетъ экзаменовалъ самъ университетъ. Послѣдовательность требуетъ даже, чтобъ этотъ порядокъ былъ проведенъ до конца. Никто не долженъ быть принимаемъ въ университетъ иначе, какъ по приговору, постановляемому профессорами, и ни одному изъ заведеній не должно быть предоставляемо права постановлять объ этомъ предварительные приговоры. Иное дѣло выпускъ, иное дѣло пріемъ. Выпускъ свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ, пройденныхъ въ заведеніи, пріемъ свидѣтельствуетъ о зрѣлости, достойной другого заведенія. Окончаніе гимназическаго курса даетъ воспитаннику свои права, помимо вступленія въ университетъ: предоставьте выпускъ судить объ этихъ правахъ. Университетъ имѣетъ свои требованія отъ вступающихъ, пусть, повидимому, и тождественныя съ требованіями отъ полного гимназическаго курса. Но предоставьте самому же университету и судить, удовлетворяетъ ли вступающій этимъ требованіямъ, и не вынуждайте его основываться на чужомъ авторитетѣ и принимать отвѣтственность за чужіе приговоры. Дипломъ средняго заведенія, ни даже свидѣтельство, данное высшимъ заведеніемъ, не должно для него существовать, — статистика успѣховъ, оказанныхъ на пріемныхъ

испытаніяхъ воспитанниками тѣхъ или другихъ заведеній или получившими домашнее или пансіонское воспитаніе, будетъ служить для высшей учебной администраціи, изъ котораго она сдѣлаетъ свои выводы. Но университету до этого нѣтъ дѣла, гдѣ кто воспитывался и какъ судили о комъ въ мѣстѣ воспитанія. Только при этомъ условіи и справедливо будетъ возлагать на него отвѣтственность за умственный уровень его аудиторіи и за степень образованія, разливаемого имъ въ обществѣ.

Мѣра эта соотвѣтствовала бы другой, которую мы предлагали и безъ которой она была бы неполна. Выпускные экзамены, гдѣ бы то ни было, въ университетѣ или въ гимназій и всякомъ другомъ заведеніи, должны быть производимы не учителями и профессорами, въ присутствіи ассистентовъ отъ какой-нибудь власти, но постороннимъ экзаменаторомъ въ присутствіи профессора или учителя. Если не ошибаемся, отчасти это есть въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Такъ требуется самую сущностью вещей. Принять воспитанника или студента—это вполнѣ того дѣло, кому на руки переходитъ воспитывающійся; безъ того преподаватель не можетъ отвѣчать за успѣхи. Ученикъ навязанный можетъ оказаться неспособнымъ. Неразсчетливо требовать отъ преподавателя, чтобъ онъ тратилъ свой трудъ туда, гдѣ нѣтъ достаточной пріемлемости, бросалъ въ песокъ сѣмена или лилъ воду въ рѣшето. Несправедливо и возлагать на него отвѣтственность въ дальнѣйшихъ успѣхахъ, за кого онъ не поручился заранѣе своимъ одобреніемъ. Переходъ изъ курса въ курсъ, изъ класса въ классъ также долженъ быть предоставленъ вполнѣ заведенію, безъ посторонняго вмѣшательства. Это дѣло внутреннее, домашнее; рѣшить переходъ или остановку могутъ часто соображенія, непонятныя постороннему, но понятныя самому заведенію, въ соображеніи легчайшихъ путей для воспитанника достигнуть съ успѣхомъ до выпуска.

Выпускъ, чрезъ него уже дается право въ государствѣ, и судить объ этомъ уже не дѣло заведенія. Иначе оно будетъ само себѣ судья; такъ или иначе, въ томъ или другомъ видѣ и составѣ, должны быть устроены экзаменаціонные комитеты

съ правомъ и обязанностью визитацій на выпускные экзамены въ заведеніяхъ, снабженныхъ правомъ раздавать государственныя права. Мы не смѣемъ сказать, чтобы это необходимо было устроить сейчасъ, не знаемъ, вполнѣ ли это возможно при теперешнихъ средствахъ, которыми располагаетъ наше просвѣщеніе. Но стоимъ крѣпко за мысль. У насъ, гдѣ ученые корпораціи такъ еще не тверды, гдѣ преданія мѣняются съ каждымъ часомъ, гдѣ между заведеніями одинаковыхъ правъ еще такое различіе въ высотѣ преподаванія, это было бы надежнѣйшимъ путемъ къ укорененію и равномерному распространенію серьезнаго образованія. Да стоитъ подумать и о томъ, чтобъ снять же, наконецъ, съ профессоровъ и учителей, съ университетовъ и гимназій нареканія, въ бѣльшей части незаслуженныя, и поставить каждого и каждое предъ закономъ и передъ обществомъ въ отвѣтственность за все то, и притомъ только за то, за что каждый отвѣчать въ состояніи.

По поводу запрещенія литографированія лекцій.*

Передавая путемъ печати эту жалобу** по назначенію тѣмъ, къ кому она чрезъ насъ обращена, не станемъ обсуживать: какія ближайшія побужденія вызвали запрещеніе, какъ видится, столь горькое для студентовъ и именно студентовъ бѣдняковъ. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, найдено это лучшимъ средствомъ къ привлеченію слушателей въ аудиторію, нужды нѣтъ, что средство это даже не ведетъ къ цѣли. Развѣ не можетъ цѣлый курсъ нанять двухъ-трехъ борзописцевъ, которые записывали бы лекцію для всѣхъ.

* «С. И.». 6-го ноября. № 276.

** На запрещеніе литографировать лекціи.

Можетъ быть побужденіемъ къ мѣрѣ служило даже то самое, что, между прочимъ, ставится ей въ вину. Студентъ предсказываетъ, что такъ, пожалуй, вытолкнутся изъ стѣнъ университета всѣ бѣдняки. Но почему онъ думаетъ, что университетъ особенно нуждается въ бѣднякахъ. Есть цѣлое воззрѣніе, признающее, что высшее образованіе есть роскошь, позволительная только для людей достаточныхъ. Понятно, что студентъ изъ бѣдняковъ съ нимъ не соглашается; но воззрѣніе существуетъ и имѣетъ за себя свои основанія, и ни мы, ни онъ еще не знаемъ, какого воззрѣнія держатся руководители высшимъ просвѣщеніемъ.

Въ родѣ того же мы имѣемъ въ рукахъ и другое письмо, которое писано даже прямо отъ имени «студентовъ бѣдняковъ». Кромѣ возраженій, выше приводимыхъ, тамъ приводится еще, что понужденіемъ къ записыванію лекцій можетъ университетъ превратить своихъ слушателей въ механическихъ зубряшекъ. Но можетъ быть по современнымъ обстоятельствамъ это и имѣется въ виду. Изъ дисциплинарныхъ правилъ, въ послѣднее время изданныхъ для студентовъ, видно, по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что механизмъ отъ студента теперь требуется болѣе, чѣмъ размышленіе, и мы не знаемъ опять, можетъ быть для этого существуютъ, пусть хотя и временно, уважительныя основанія.

Но оставимъ всѣ предположенія. Они могутъ касаться лишь ближайшихъ побужденій, а ближайшія побужденія здѣсь несущественны. Хотѣлъ ли университетъ послѣднимъ распоряженіемъ косвенно привлечь слушателей въ аудиторіи, хочетъ ли потѣснить бѣдняковъ изъ аудиторій или же вообще поумаять молодыхъ людей механизмомъ—это рѣшительно все равно. И безъ этихъ побужденій университеты, при современномъ устройствѣ, поставлены въ безысходное положеніе, которое должно вынуждать ихъ къ запрещенію не только литографированныхъ, но, чего требовала бы послѣдовательность, даже записанныхъ лекцій. Иначе его аудиторіи теряютъ смыслъ и большинству его профессоровъ трудно оправдать свои три тысячи содержанія. Положимъ, читаетъ профессоръ, читаетъ наизусть. Въ слѣдую-

щій годъ будетъ читать онъ то же или другое? Если то же, къ чему напрасно надирать легкія, когда есть противъ этого прекрасное изобрѣтеніе Тота, называемое письменностью, и еще болѣе прекрасное изобрѣтеніе Гуттенберга, называемое книгопечатаніемъ? Вѣдь профессоръ только читаетъ, а не растолковываетъ, какъ учитель. Если онъ читаетъ второй годъ съ прибавленіями или измѣненіями, достаточно отмѣтить: здѣсь прибавлено, здѣсь измѣнено. Если же у самого профессора лекція письменная, то не стоитъ трудиться даже и одинъ разъ читать. Стоитъ нанять тогда только грамотнаго чтеца или, еще лучше, опять отдать свои лекціи въ типографію, не утруждая никого, ни даже себя посѣщеніемъ аудиторіи.

«Да, но тогда профессорамъ останется быть только экзаменаторами и всему университету превратиться въ учрежденіе, ограничивающееся производствомъ испытаній». Согласны — исключеніе осталось бы за тѣми кафедами, гдѣ профессоръ не только читаетъ, но и учитъ практически, за многими кафедрами медицинскаго и нѣкоторыми естествоиспытательнаго факультетовъ.

«Да, но тогда совѣстно будетъ признать справедливымъ, за немногіе дни экзаменовъ и немногіе годы изготовленія лекцій, вознагражденіе двадцатипятилѣтнею пенсіей въ три тысячи, да затѣмъ еще посмертно въ полторы». Согласны; но изъ этого затрудненія не стоитъ противодѣйствовать распространенію ученыхъ профессорскихъ трудовъ, даже до гоненія противъ изобрѣтеній письменности и печати.

Отыскать средство, чтобы аудиторія всегда была нова съ своими свѣдѣніями и ничѣмъ незамѣнима сама въ себѣ; чтобы механическое слушаніе, записываніе и повтореніе не только не было единственнымъ, но было послѣднимъ требованіемъ отъ студента: вотъ задача, съ рѣшеніемъ которой залы аудиторій наполняются сами собою; никакихъ стѣснительныхъ мѣръ, даже и противъ литографнаго искусства, не потребуется; не понадобится, пожалуй, даже самыхъ дисциплинарныхъ правилъ, слишкомъ придирчивыхъ.

Но, какъ мы уже сказали, это касается всего устройства университетовъ, а не тѣхъ или другихъ распоряженій, которыя при болѣзняхъ настоящаго устройства неизбѣжны.

По поводу исключенія 20-ти студентовъ по жалобѣ Полунина на непосѣщеніе его лекцій.*

Въ здѣшнемъ университетѣ опять исторія. Москва о ней говорить; мы получаемъ кучу писемъ и отъ университетскихъ, и отъ постороннихъ, получили одно за подписью: Невѣста одного изъ исключенныхъ.

Событіе передается единогласно. Оно не сложно. Студенты перестали ходить къ профессору; профессоръ настаиваетъ, начальство его поддерживаетъ; совѣтъ единогласно рѣшаетъ: «закрыть цѣлый курсъ, если студенты будутъ упорствовать». И въ концѣ концовъ до 20-ти студентовъ IV курса медицинскаго факультета исключено.

Было это неизбѣжно?

Изъ чего вышло нерасположеніе студентовъ къ г. Полунину, передаютъ разное, но чѣмъ бы ни началось, выходка молодыхъ людей, разумѣется, не можетъ быть одобрена. Судя по извѣстіямъ, полученнымъ нами, студенты въ отвѣтъ на приглашеніе посѣщать лекціи объявили, между прочимъ, «что лекціи Полунина не только бесполезны, но вредны». Вредны? Что же, онъ преподаетъ терапію навыворотъ? Совѣтуетъ средства, запрещаемыя наукой, признанныя смертоносными? Но если слушатели сознаютъ вредъ наставленій, наставленія уже перестаютъ быть вредными, въ ихъ волѣ усвоить преподаваемое и откинуть. Не слышатъ ли молодые люди, что отвѣтъ ихъ даже забавенъ.

* «С. И.». 6-го ноября. № 305.

Но, какъ забавный, заслужилъ ли онъ жестокой кары, губящей все будущее жизненное поприще юноши.

Кара совершена, однако. Университетское начальство не рѣшилось даже отложить своего мнѣнія до экзаменовъ, когда могло бы оно достигнуть чего хотѣло простыми единицами и нулями въ балльных отмѣткахъ. Оружіе принято было бы тогда чисто учебное, исключительно подобающее существу власти учащихся, прямо соответствующее существу погрѣшенія учащихся, а между тѣмъ молодые люди успѣли бы образумиться. Но университетъ предпочелъ дѣйствовать дисциплиною и требовать только дисциплины. Ему нужно, чтобы студенты ходили на лекціи, хотя бы они не слушали. Стало быть, ему нужно только приличіе, одинъ внѣшній видъ слушанія и преподаванія, и для спасенія этой благовидности онъ готовъ лишить себя дѣйствительныхъ слушателей. Онъ прибѣгаетъ къ дисциплинѣ, сознавая, стало быть, что въ его распоряженіи нѣтъ другихъ средствъ дѣйствовать. Университетъ исповѣдуетъ свое нравственное безсиліе; кается, что къ нему нѣтъ уваженія, что онъ не надѣется внушить его собственнымъ слушателямъ и увѣренъ, что не внушаетъ. Не печально ли это? Не стыдно ли за университетъ?

А послѣ того стоитъ ли тутъ еще прибавлять о какихъ-нибудь утонченныхъ требованіяхъ нравственной деликатности, исполненія которыхъ, при другихъ условіяхъ, можно было бы ожидать и отъ состава преподавателей вообще, и отъ г. Полунина въ особенности. Ни одинъ математикъ не захочетъ быть настолько смѣшнымъ, чтобы издавать трактатъ объ интегралахъ для осетинъ; а простая азбука нравственныхъ понятій подсказала бы ему, что насильственно всучать этотъ трактатъ въ руки безграмотныхъ даже постыдно. Г. Полунина ученый, трудолюбивый, добросовѣстный, знающій; онъ, несомнѣнно, выше своихъ слушателей: но желаетъ ли онъ читать лекціи только для упражненія легкихъ и довольно ли ему, чтобы сидѣли передъ нимъ и числились слушатели съ ушами, заткнутыми ватой. Васъ не слушаютъ; перенесите свои лекціи въ другой городъ, въ другой университетъ, въ другую залу, ищите аудиторію болѣе подро-

лую; не найдете, довольствуйтесь литературными трудами. Предложите другого на свою кафедру, ищите приватдоцентов. Станьте выше мелочных перекоговъ съ молодыми людьми, которыхъ сами считаете ребятами, и вы стали бы, дѣйствительно, высоко, вы исполнили бы свой долгъ, налагаемый на васъ вашимъ званіемъ добросовѣстнаго ученаго, и остались бы со всеобщимъ къ вамъ уваженіемъ. Невниманіе къ лекціямъ не всегда обида, иногда — по́честъ профессору.

Но, повторимъ, можно ли при настоящихъ условіяхъ даже мечтать о такихъ требованіяхъ. Надобно, чтобы перевернулось общее воззрѣніе, чтобы виталъ духъ, который, повидимому, давно отлетѣлъ отъ храма науки...

Общественная опека надъ студентами.*

Нижеомящаемыя письма заслуживаютъ быть прочтенными, въ виду повторяющихся университетскихъ исторій, къ каковымъ относилось и недавнее изгнаніе нѣсколькихъ изъ медицинскаго факультета. Не возвращаясь къ фактической сторонѣ этого событія и другихъ ему подобныхъ, поищемъ имъ глубочайшей причины; гдѣ она? Все въ томъ же неосмысленномъ устройствѣ университетовъ; въ томъ же раздвоеніи ихъ задачи и несогласованіи самой съ собой. Заведенія и открытыя, и замкнутыя вмѣстѣ; обученіе, выросшее изъ предѣловъ выучки, и обязательное хожденіе на лекціи, специализація образованія съ добровольнымъ выборомъ факультета и обязательные профессора, отсутствіе опеки и — строжайшая дисциплина. Въ этихъ противорѣчіяхъ неизбежно долженъ путаться университетъ, его начальство, его профессора, его студенты, наконецъ.

Общественная опека надъ студентами; широкая конкуренція между профессорами; свободный выборъ и предметовъ, и про-

фессоровъ; наконецъ, экзамены внѣ тѣсной власти профессоровъ; безъ этихъ условій не быть конца недоразумѣніямъ, отъ которыхъ никому вовсе не весело, ни отцамъ, ни дѣтямъ, ни самой названной матери, этой *almae matri* университета. Нижеслѣдующія строки наглядно подтверждаютъ этотъ выводъ.

Одинъ изъ корреспондентовъ справедливо указываетъ именно, къ чему бы послѣдовательно должно было привести снятіе экзаменаторской власти съ профессоровъ, а этимъ косвенно указываетъ вмѣстѣ, до какихъ дикихъ явленій способны доходить аудиторіи при теперешнемъ порядкѣ экзаменовъ и преподаванія.

Другой корреспондентъ г. Хмѣлевъ напоминаетъ о необходимости общественной опеки надъ молодыми людьми и приводитъ указаніе опыта, съ которымъ нельзя не согласиться. Напрасно только г. Хмѣлевъ винить въ холодности къ студентамъ нашу печать и въ частности къ этому вопросу объ опекѣ. Мы высказывали эту мысль неоднократно, и были такъ счастливы, что встрѣтили живое одобреніе и отъ другихъ нѣкоторыхъ органовъ. Пользуемся теперешнимъ случаемъ, чтобы выразить за то сочувственную признательность «Биржевымъ Вѣдомостямъ» и «Судебному Вѣстнику». Прибавимъ къ этому, что мысль объ учрежденіи общества въ пользу студентовъ не только въ ходу, но что составленъ даже проектъ устава и даже подписанъ. Все это притомъ не теперь только сдѣлано, но готово было давно, и, какъ справедливо догадывается г. Хмѣлевъ, на основаніи глухихъ газетныхъ слуховъ, въ этомъ дѣлѣ приняли участіе лица, въ дѣльности и благосмысленіи которыхъ не можетъ быть сомнѣнія. Одинъ изъ первыхъ, зачавшихъ дѣло, былъ даже покойный князь В. О. Одоевскій. Хоть бы какая тѣнь могла ли быть на него брошена? И стало быть, какъ давно зачато это, когда самъ князь скончался еще по ранней веснѣ.

Итакъ, не вините печати, не вините и общества. Но вините отчасти, во-первыхъ, самихъ молодыхъ людей. Только было подготовилось правильное устройство имъ помощи, постаралась тогда явиться на свѣтъ извѣстная весенняя студенческая исторія. Учредители не рѣшались тогда и утруждать правительство

* «С. И.», 17-го ноября. № 316.

просьбою послѣ столь свѣжихъ, но не очень пріятныхъ воспоминаній.

Теперь дѣло пускается въ ходъ. Что будетъ—не знаемъ, но неуспѣхъ не будетъ уже зависѣть отъ насъ, то есть не будетъ зависѣть неуспѣхъ ни отъ общества, ни отъ печати.

Университетскіе безпорядки.*

Мы получили официально сообщенное изложеніе послѣдней «исторіи» въ здѣшнемъ университетѣ. Изложеніе прямо начинается съ донесенія, полученнаго совѣтомъ объ уклоненіи студентовъ отъ лекцій. Какъ это произошло, внезапно или нѣтъ, и что вообще предшествовало этому, не видно. Какъ бы то ни было, наиболѣе важнымъ, по нашему мнѣнію, должно быть признано поясненіе, что студенты, подвергнушіеся исключенію, уже были замѣшаны и прежде въ безпорядкахъ. Этимъ кладется особенный свѣтъ на происшествіе и отнимается послѣднее основаніе къ извиненію молодыхъ людей; стало быть, тутъ дѣйствовало, какъ говорятъ, уже по принципу, и г. Полунинъ, и что бы тамъ ни было, служило для ослушниковъ только поводомъ, даже предлогомъ, а не причиною.

Независимо отъ разъясненія официальнымъ путемъ г. С. Баршевъ, ректоръ университета, въ сегодняшнемъ № «Московскихъ Вѣдомостей» счелъ нужнымъ вступить частнымъ образомъ въ препирательство съ газетами, въ свое время обратившими вниманіе на это прискорбное происшествіе, и въ томъ числѣ съ «Современными Извѣстіями». Впрочемъ, сказать точнѣе, г. Баршевъ не вступаетъ въ препирательство, а болѣе оцѣниваетъ сообщенія и мнѣнія разныхъ газетъ, не всегда давая отчетъ, на чемъ основана его оцѣнка. Онъ болѣе даетъ наставленія, чѣмъ опро-

вергаетъ; болѣе изрекаетъ, чѣмъ говоритъ. «Биржевыя Вѣдомости»,—поучаетъ онъ, на примѣръ,—газета положительная, которой главное достоинство должно состоять въ буквальной точности и вѣрности сообщаемыхъ ею извѣстій...» и т. д. Это говорится потому, что въ означенныхъ «Вѣдомостяхъ» явилось невѣрное изложеніе дѣла. «Биржевыя Вѣдомости», которые болѣе другихъ должны быть положительными и точными (потому, вѣроятно, что онѣ носятъ названіе Биржевыхъ), оказываются виноватыми въ невѣрности свѣдѣній, хотя эти свѣдѣнія относятся и не къ биржѣ, а къ университету, и хотя ихъ не откуда было почерпнуть, кромѣ слуховъ, и нечѣмъ было провѣрять, кромѣ тѣхъ же слуховъ (въ отчетахъ гофъ-маклера, само собою разумѣется, не могло быть объ этомъ рѣчи). Но, впрочемъ, предоставляемъ каждому отвѣчать за себя; наше дѣло до насъ.

Очень рады извѣщенію, которое дастъ о насъ г. редакторъ, что студенты остались недовольными нашимъ отзывомъ о ихъ, какъ мы сказали, выходкѣ. Г. ректоръ основываетъ это извѣщеніе на слухахъ; можемъ присовокупить для него положительное свѣдѣніе, основанное на документахъ редакціи, что мы получили не только выраженія недовольства, но почти ругательства письменныя, и притомъ не за одно только, что мы видѣли выходку тамъ, гдѣ героямъ хотѣлось дать видѣть поступокъ; но и за то, что мы постарались разобрать жалость отговорокъ, основанныхъ на томъ, что лекціи какого-нибудь профессора (или слушаніе лекцій, все равно) будто бы могутъ быть не только безполезными, но даже вредными (!).

Доселѣ мы благодарны г. Баршеву, но затѣмъ позволяемъ себѣ обратиться къ нему съ вопросомъ. Гдѣ находить онъ для себя основаніе и выгоду извращать чужія слова и мнѣнія? Почему просмотрѣлъ онъ сущность нашего отзыва и наше главное убѣжденіе, постоянно повторяемое, что мы желаемъ только нравственной связи между учащими и учащимися и ничего болѣе, и признаемъ необходимость постоянного для послѣднихъ нравственнаго руководства. Какъ не догадался онъ прочитать, что мы открыто признавали (и признаемъ) г. Полунина за про-

* «С. И.», 11-го декабря. № 340.

фессора дѣльнаго, ученаго, трудолюбиваго, и что поэтому для него унижительно считаться съ незрѣлою молодежью и тѣмъ ее возвышать до себя. Для чего г. ректоръ нашелъ нужнымъ дать видѣ, что мы «главную вину находили въ профессорѣ» и что, по нашему мнѣнію, «профессоръ тотчасъ долженъ былъ уходить въ другой университетъ или въ отставку». Для чего читателямъ «Московскихъ Вѣдомостей» хотѣлъ онъ показать, что мы находили въ профессорѣ вину, да еще главную (слова, которыхъ мы даже не произносили). Зачѣмъ онъ прикидывается не замѣчающимъ, что мы даже избѣгали передавать подробно происшествіе, и именно потому, какъ дали мы понять слишкомъ ясно, что не рѣшались довѣриться одностороннимъ свидѣтельствамъ, удостовѣренные только, что студенты дѣйствительно уклонялись отъ лекцій и заплатились за это изгнаніемъ. А при этомъ не естественно было ли удивиться, что университетъ принялъ, и притомъ такъ скоро, мѣру столь рѣшительную противъ поступка несовѣстнаго обыкновеннаго въ студентахъ.

Но, впрочемъ, у всякаго есть свой способъ чтенія, и мы готовы извинить г. Баршеву, что онъ прочиталъ иное, нежели что сказано: но вотъ чѣмъ онъ насъ окончательно озадачиваетъ. Г. Баршевъ поучаетъ, что «по своей тѣсной связи со студентами редакторъ «Современныхъ Извѣстій» не могъ бы, кажется, не знать истины...» По своей тѣсной связи со студентами... Въ какомъ смыслѣ, съ какою цѣлью и на какихъ основаніяхъ это сказано. Это вѣдаетъ одинъ г. Баршевъ. Позволяемъ себѣ увѣрить г. Баршева, что редакторъ «Современныхъ Извѣстій» не имѣетъ ни съ какою корпораціей никакой связи, а тѣмъ менѣе тѣсной, и съ университетомъ менѣе, чѣмъ съ какой другою, и что во всякомъ случаѣ ему, и лично, и по слухамъ, безспорно, вдвое, если не втрое, большее число извѣстно изъ міра профессоровъ, чѣмъ изъ міра студентовъ. Мы уже опускаемъ сорвавшуюся съ устъ г. редактора нелѣпицу, что кто бы связь имѣлъ со студентами, тотъ точнѣе знаетъ бы истину. Г. ректоръ! Подумайте — не прямо ли было бы наоборотъ при такомъ односторонне пристрастномъ источникѣ свѣдѣній!

Стоило бы распространиться о томъ, какъ все это прискорбно. Но не хотимъ утомлять читателей, да и вообще продолжать рѣчь объ этомъ дѣлѣ, которому слѣдовало бы уже забыться и которому не слѣдовало бы начинаться. Заклучимъ однимъ. То ли бы дѣло было, если бы печать отъ достовѣрно свѣдущихъ лицъ была своевременно поставлена въ извѣстность о происшествіи, которое не иначе могло долетать до нея, какъ чрезъ пристрастные толки. Не вынуждалась бы высшая администрація подниматься на разъясненія, избавленъ былъ бы и самъ г. ректоръ отъ неблагоприятнаго труда читать наставленія невпопадъ. Да не только избавленъ былъ бы отъ этого труда; онъ нашелъ бы себѣ тогда даже поддержку и содѣйствіе въ тѣхъ самыхъ органахъ — мы въ этомъ убѣждены — которыхъ онъ теперь обвиняетъ чуть-чуть не въ соумышленіи и подстрекательствѣ.

1870 годъ.

По поводу празднованія годовщины Московского университета.*

По извѣстнымъ намъ причинамъ мы поставили себѣ за правило не касаться вообще здѣшняго университета. Но о вчерашнемъ праздникѣ, описанномъ всѣми газетами, и подробнѣ всего «Московскими Вѣдомостями», нельзя умолчать. Рассказываютъ (и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» подтверждается это), что готовилась какая-то демонстрація (противъ кого, неизвѣстно), но она ограничилась, какъ пишутъ «Московскія Вѣдомости», лишь «нѣсколькими глухими криками», которые были заглушены тотчасъ же пѣніемъ пѣвчихъ.

Актъ, какъ и всегда, состоялъ изъ отчета; потомъ обѣдъ, который, какъ и всегда, состоялъ изъ рѣчей и чтенія поздравительныхъ телеграммъ. «Московскія Вѣдомости» замѣчаютъ, что въ числѣ профессоровъ недоставало пяти или шести. Слышали мы, между тѣмъ, что, кромѣ этого обѣда, состоявшагося подъ сѣнію самихъ властей университетскихъ, готовился еще обѣдъ, такъ сказать, независимый. Состоялся ли онъ, и что тамъ было, свѣдѣній объ этомъ не имѣемъ.

Рѣчи, и г. ректора, и гг. профессоровъ, провозглашавшихъ тосты, всѣ были на одну тему, которую можно передать вкратцѣ слѣдующими словами: «крѣпись, университетъ, иди дорогою, которою идешь; не обращай вниманія на похвалы и хулы отдѣльныхъ личностей; дорожи сознаніемъ долга и сочувствіемъ лицъ благомыслящихъ». Несмотря на кажущуюся нравственную твердость и сознаніе исполненнаго долга, сказавшіяся въ этихъ рѣчахъ, слишкомъ очевидно, однако, что достопочтенныхъ членовъ университета тяготитъ другое сознаніе, котораго они не въ силахъ скрыть; сознаніе, что сочувствіе къ нимъ должно быть не очень распространено, и что въ числѣ лицъ, неодобрительно къ нимъ относящихся, стоятъ не одиѣ пустыя головы или головы, набитыя сумасброднымъ желаніемъ безпорядка, напротивъ, лица, имѣющія право присоединять себя тоже къ числу благомыслящихъ. Иначе къ чему же оправдываться? Къ чему эти утѣшенія и самопоощренія, во всеуслышаніе провозглашаемая?

«Московскія Вѣдомости» скорбятъ о неблагопріятномъ отношеніи, въ какое поставилъ себя университетъ, не скажемъ ко всему обществу, но крайней мѣрѣ къ части его. Не безъ скорби и мы отмѣчаемъ это явленіе, тѣмъ болѣе печальное, что, кромѣ «Московскихъ Вѣдомостей», нѣтъ ни одного печатнаго органа, который бы отнесся къ настоящимъ университетскимъ руководителямъ съ безусловною похвалою; немногіе оказали имъ даже честь снисхожденія. «Московскія Вѣдомости» ставятъ такую дилемму: или надобно оказывать университету всѣ признаки уваженія, или же просто разогнать его, если онъ не стоитъ уваженія. Намъ кажется, нельзя такъ ставить круто. Г-нъ Любимовъ, во вчерашней рѣчи своей, основательно, между прочимъ, различилъ университетъ идеальный и университетъ дѣятельный. Ужели осужденія, которыя раздавались противъ Московскаго университета, относились къ университету вообще, къ университету идеальному? И ужели всѣ они пѣлись подъ дудку какихъ-нибудь виѣшнихъ вліяній? Этого представить невозможно. Должны же быть какія-нибудь внутреннія причины.

* «С. И.», 14-го января. № 13.

Какія же? Зависть, что ли, или личное соперничество? Хотятъ быть ректорами на мѣсто г-на Баршева или получить профессорскія кафедръ?

«Московскія Вѣдомости» настаиваютъ также, что мѣръ учебный долженъ быть по преимуществу заповѣдный, и что не честно публичнымъ осужденіемъ университетскаго начальства и профессоровъ колебать къ нимъ уваженіе и возстановлять противъ нихъ молодежь. Совершенно вѣрно, и мы готовы согласиться, что это нравственно обязательно относительно теперешняго состава и профессоровъ, и начальства, и теперешняго ректора. Но предположимъ, что профессоръ читаетъ возмутительныя лекціи и проповѣдуетъ ученія разрушительныя, и начальство ему потворствуетъ, или что начальство ведетъ себя такъ, какъ будетъ вести себя только злѣйшій врагъ университета, подрывая постоянно само къ себѣ уваженіе. Что это возможно, противъ этого нельзя спорить: еще менѣе можно спорить противъ возможности кумовства въ замѣщеніи кафедръ, противъ возможности профессоровъ бездарныхъ и возбуждающихъ смѣхъ вмѣсто уваженія. Должно ли и на такіе случаи простирается потворство всеобщаго молчанія, изъ уваженія къ мудрости и благонадежности ученаго корпуса, хотя бы случайно и составилъ онъ изъ людей не только сомнительныхъ, но прямо вредныхъ? Едва ли бы тогда теорія общественнаго молчанія была приложима, и надѣмся, сами же «Московскія Вѣдомости» первыя отступили бы отъ нея на практикѣ.

Университеты стоятъ на низкой степени, потому что профессора не работаютъ.*

Еще тотчасъ послѣ годовщины Московскаго университета и возникшихъ тогда пререганій по поводу раздѣленія праздновавшихъ на два лагеря, мы получили письмо съ отвѣтомъ, направленнымъ противъ защитниковъ теперешняго университета. Отвѣтъ имѣлъ въ виду собственно Московскій университетъ, и именно теперешній, и въ этомъ смыслѣ былъ несправедливъ; его замѣчанія имѣютъ силу противъ всѣхъ университетовъ и притомъ не только теперешняго времени, но и прошлыхъ. Мы удержались тогда сообщеніемъ этого заявленія, чтобы впечатлѣнія современныхъ обстоятельствъ не придали ему ложнаго смысла, и не причли въ вину одному заведенію, что есть общій грѣхъ всѣхъ. Но тѣмъ болѣе замѣчанія эти стоятъ вниманія. Въ университетахъ есть болѣзнь коренная, которой не видятъ только потому, что все образованное вышло изъ университета и сохраняетъ къ нему мистическое уваженіе, еще болѣе мистически раздѣляемое изъ подобострастія людьми, не бывшими въ университетѣ, но чтущими образованіе. Университетъ не падаетъ! вотъ что говорили защитники Московскаго университета; напротивъ, онъ процвѣтаетъ, къ нему постоянно притекаютъ свѣжія силы и новые таланты. Вотъ что на это отвѣчаетъ неизвѣстный:

1) Допустимъ, что всѣ профессора Московскаго университета люди даровитые и ученые. Но общество хорошо понимаетъ, что если изъ огромнаго числа преподавателей найдется только три-четыре человѣка, которые издали въ свѣтъ руководства или, подъ какимъ хотите названіемъ, книги по своему специальному предмету, то какъ же не скорбѣть объ этомъ каждому, кому дорогъ прогрессъ въ своемъ отечествѣ? Если профессора начали

* «С. И.». 4-го февраля. № 34.

бы издавать книги по своимъ специальнымъ предметамъ, у насъ явилась бы своя самостоятельная, а не переводная литература, и западъ началъ бы другими глазами смотрѣть на Россію. Кромѣ изданія книгъ, есть еще способъ быть полезнымъ обществу, это—чтеніе публичныхъ лекцій, которыхъ у насъ такъ мало.

Положимъ, что изданія книгъ и чтенія публичныхъ лекцій не такъ выгодны въ финансовомъ отношеніи, какъ забрать въ свои руки все, что только можетъ принести денежный доходъ. Но дѣлали ли это профессора? Истинная любовь къ наукѣ никогда не входитъ въ меркантильные расчеты.

2) Допустимъ опять, что всѣ профессора люди доровитые и ученые. Но можно ли допустить, чтобы одинъ и тотъ же человекъ, занимаясь различными и разнородными отраслями науки, былъ въ состояніи добросовѣстно исполнить возложенную на него прямую обязанность? Можно ли въ одно и то же время быть и юристомъ, и педагогомъ или анатомомъ и окулистомъ, и акушеремъ, и проч., и проч.? Никто не осудитъ, если профессоръ, кромѣ своей каѳедры, еще занимается другими предметами, какъ дилетантъ, но выдавать себя за специалиста по совершенно разнороднымъ предметамъ и занимать мѣста по разнымъ отраслямъ науки, изъ коихъ для изученія каждой мало человеческой жизни, едва ли можно назвать добросовѣстнымъ дѣломъ.

3) Допустимъ опять, что всѣ профессора Московскаго университета люди даровитые и ученые. Но можно ли оправдать, что профессоръ, прочитавъ 25, 30 и даже 40 лѣтъ, во все это время не представилъ ни одного кандидата на свое мѣсто? А примѣровъ такихъ много, гдѣ профессоръ старался сдѣлаться незамѣнимымъ.

Эти замѣчанія, какъ мы сказали, относятся ни чуть не къ Московскому университету, а ко всѣмъ безъ исключенія. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, обязательные плоды нашей процвѣтающей науки? За исключеніемъ немногихъ дѣятелей, и притомъ собственно по медицинѣ, естествознанію и еще по русской исторіи (нельзя же, наконецъ, эту науку обрабатывать по иностраннымъ источникамъ), мы не имѣемъ самостоятельной ученой литературы. Профессоръ,

отслужившій свои годы, большею частью оставляетъ по себѣ воспоминанія потомству немногимъ болѣе, чѣмъ спеническій артистъ. Звуки и тѣлодвиженія, напечатлѣвшіеся въ воображеніи очевидца съ извѣстнымъ характеромъ ощущеній: таковъ плодъ одного. Тѣ же звуки и тѣлодвиженія, съ нѣкоторыми мыслями, засѣвшими въ умѣ, таковъ плодъ отъ другого. Но актеръ, по существу своего искусства, лишенъ возможности оставить по себѣ слѣдъ болѣе прочный. Не то профессоръ. Обвиненія, высказываемыя корреспондентомъ, вполне справедливы, и вполне справедливо заключеніе, что, будь не такъ, иначе смотрѣла бы на насъ Европа.

До тошноты пріѣлось дѣлать лѣтъ повторяемое поощреніе: «надобно сравняться съ Европой!» Но для этого ничуть не нужно цѣлыхъ двухсотъ лѣтъ и тѣмъ менѣе въ наукѣ, въ тѣсномъ кругѣ ея представителей. Иное дѣло обычаи народныя, то, что называется цивилизаціею, гражданственностью вообще: измѣненіе вкусовъ и направленіе цѣлаго общества. Перерожденіе здѣсь совершается медленно; нескоро совершается и легкій равномерный подъемъ, хотя и для того не требуется столѣтій. Быть Англіи въ концѣ XVII столѣтія по Маколею въ гражданственности своей стоятъ не выше быта тогдашней Россіи, но движеніе той и другой страны въ продолженіе прошлаго и нынѣшняго столѣтій не можетъ быть даже сравниваемо. А что сказать о движеніи науки самой въ себѣ, о дѣятельности ученаго сословія, для котораго не остается даже отговорок: «на это нужно время»? Ломоносовъ былъ первый русскій ученый и, однако, стоятъ наряду съ вѣкомъ, и не только былъ равенъ современнымъ специалистамъ, но шелъ впередъ, прокладывая дорогу. Что за причина?

«Ломоносовъ былъ человекъ гениальный». Это признаніе собственной бездарности, высказываемое въ видѣ уваженія къ великому человеку, ни объясненіе, ни оправданіе. Ломоносовъ былъ великій человекъ по неудержимому влеченію къ просвѣщенію, и потому что имъ началась русская наука. Но онъ былъ только замѣчательнъ въ наукѣ и не въ таковой степени гениа-

лентъ, чтобы страшила мысль съ нимъ равняться. «Ломоносовыхъ немного»: это значить повторить вопросъ вмѣсто отвѣта: почему же ихъ немного?

Ссылки на политическія стѣсненія обращаютъ только къ извѣстному изреченію Карамзина, что при какой угодно строгой цензурѣ можно высказывать какія угодно радикальныя мысли. Стѣсненія однихъ душатъ, другихъ возбуждаютъ; отчего душили нашихъ ученыхъ, если въ нихъ заложено было живое зерно любви къ знанію? Чѣмъ могли мѣшать стѣсненія, если бы они были даже менѣе значительны и если бы еще даѣе были отъ чистыхъ интересовъ науки, чѣмъ они могли мѣшать усиліямъ, не говоримъ математики, естествознанія, но даже исторіи и даже права въ его научныхъ основахъ?

Куда бы мы ни побѣгли за объясненіями этого постыднаго, вѣчнаго признанія въ своей отсталости и чѣмъ бы оно ни оправдывалось въ смыслѣ историческаго явленія, жрецы науки, взятые каждый въ отдѣльности, не имѣютъ лично за себя никакого оправданія. Профессоръ, повинный въ какомъ-либо изъ трехъ пунктовъ, перечисленныхъ корреспондентомъ, лишается права на уваженіе общества къ себѣ, какъ къ профессору, какъ къ ученому дѣятелю. Онъ профессоръ въ смыслѣ чиновника; уступимъ ему это; профессоръ въ смыслѣ диллетанта, дарящаго общество иногда статейкой, монографіей въ видѣ компиляціи, или еще рѣже—представленіемъ въ видѣ публичной лекціи. Но въ смыслѣ дѣятеля науки, въ смыслѣ одного изъ столбовъ, на которыхъ зиждется просвѣщеніе и безъ которыхъ участіе въ умственной жизни человѣчества для страны невозможно: нѣтъ, въ этомъ смыслѣ онъ не профессоръ.

Остается вопросъ: такъ что же нужно? Чѣмъ можно подогнать представителей науки и добиться, чтобы то не были ни чиновники, ни диллетанты, и чтобы общество видѣло отъ нихъ болѣе что-либо диссертаций на степени, чѣмъ по большей части ограничиваются солидные въ университетахъ ученые труды?—Рѣшать не беремся. Достаточно утвердить самый фактъ; даже въ этомъ фактѣ поискать объясненіе самимъ тревоженіямъ и

преприательствамъ, печальные опыты которыхъ столь достаточно засвидѣтельствованы въ публикѣ. Видя ихъ, слыша о нихъ, не спросить ли каждый: да что же это, наука, что ли? И, та ли сторона вызываетъ къ тѣнямъ отшедшихъ профессоровъ, обвиняя современный университетъ въ отступничествѣ отъ идеаловъ: эта ли оправдывается, намекая (однако, не указывая поименно) на притекающія постоянно свѣжія силы; спросить и ту и другую публика въ правѣ: да покажите, что же осталось отъ нихъ, что дается ими? Гдѣ ихъ мѣсто въ наукѣ, тотъ номеръ, подъ которымъ они значатся въ «республикѣ ученыхъ», въ этомъ всесвѣтномъ сонмѣ ученыхъ двигателей, среди котораго красуются имена, принадлежація всѣмъ національностямъ и Европы, и Америки?

О связи науки съ жизнью, по поводу мысли о необходимости учить гимнастикѣ.*

По поводу извѣстій о петербургскомъ гимнастическомъ обществѣ одинъ изъ врачей, г-нъ П—въ, въ письмѣ къ намъ, выражаетъ желаніе и для Москвы чего-нибудь подобнаго и сожалѣетъ въ особенности, что теоретическая часть гимнастики у насъ еще слаба, и даже учителей, вполнѣ и систематически образованныхъ, почти не существуетъ. Соглашаясь вполнѣ съ почтеннымъ врачомъ, не можемъ не присоединить и отъ себя желанія, чтобы, подобное петербургскому, открылось у насъ гимнастическое общество и въ Москвѣ. Думаемъ, что для подготовленія частью къ образованію такого общества, частью вообще для возбужденія въ ней вниманія и участія къ гимнастикѣ, не бесполезны были бы даже публичные курсы по гимнастикѣ, которые знакомили бы съ основными положеніями ея теоріи, а вмѣстѣ и съ практическими результатами гимнастическихъ упраж-

* «С. Н.». 23-го апрѣля. № 309.

нений для здоровья и силы. То и другое, взятое вмѣстѣ, привело бы насъ постепенно къ усвоенію той, пока не признаваемой истины, что гимнастика должна быть непремѣнною частью общаго воспитанія.

Теперь этого нѣтъ, да и не можетъ быть, не только по отсутствію учителей, надлежащимъ образомъ приготовленныхъ, но, главнымъ образомъ, и по господствующему воззрѣнію и на воспитаніе, и на науку. Воспитанію, несмотря на всѣ педагогическія теоріи, все еще усваивается у насъ обязанность преимущественно начинать голову наукою; а за наукою, и особенно такъ называемою ученостію, все еще сохраняется жреческій характеръ, унаслѣдованный отъ среднихъ вѣковъ. Тогда это было кстати; жреческій характеръ науки шелъ объ руку съ корпоративнымъ устройствомъ церкви (монастырей въ особенности), гдѣ по преимуществу витала наука и откуда она исключительно разливалась въ населеніе. Все было корпоративно, все было привилегированная специальность. Рыцарь, ломавшій копье, менестрель, пѣвшій подъ окномъ, босоногій монахъ и башмачникъ, изготовлявшій обувь, все были специалисты и вмѣстѣ цеховые, цеховымъ своимъ устройствомъ огражденные не только отъ притязанія на чужую специальность, но и отъ побужденій ей завидовать. Башмачникъ не менѣе вѣроятно изъ-подъ тишка подсмѣивался надъ его сіятельствомъ, рыскавшимъ въ тяжелыхъ доспѣхахъ, какъ самъ сіятельный сіеръ презиралъ копавшагося монаха надъ пыльнымъ свиткомъ, гордые каждый своимъ ремесломъ. Наукѣ пришлось засѣсть въ монастыряхъ (въ университетахъ уже позже), потому что грамота была вообще по ихъ части, и потому что все, не относившееся къ наукѣ бить и къ наукѣ—ѣсть и пить, считалось принадлежностью церкви, которая обязана была на всякіе нравственные и умственные запросы давать готовые отвѣты, не затрудняя размышленіями свое словесное стадо, оказывавшееся безсловеснымъ, и довольствуясь однимъ исполненіемъ. Сюда же подосѣло исключительное господство мертвыхъ языковъ въ наукѣ и схоластицизмъ непосредственной предшественницы европейскаго образованія, науки

римской, время упадка имперіи. У молодыхъ народовъ не было даже языка, онъ создавался. Слѣдовало довольствоваться латынью, единственнымъ языкомъ какой былъ, притомъ официальнымъ языкомъ церкви, притомъ единственнымъ языкомъ, которымъ убережено было наслѣдство знанія. А знаніе уже перестало быть житейскимъ еще въ самомъ Римѣ, не только къ V-му столѣтію, но даже вѣкомъ и двумя ранѣе, и знаніе даже практическое, каково, напримѣръ, юриспруденція, ударилося въ отвлеченное изученіе безплодныхъ вопросовъ о возможностяхъ, забывъ о дѣйствительныхъ потребностяхъ и даже не умѣя ихъ находить. Жизнь двигалась сама по себѣ, а наука, основанія для которой подготовлены были еще Греціею, стояла сама по себѣ, была праздничнымъ нарядомъ, украшеніемъ головы, изъ жизни не вытекавшимъ и къ жизни не прилагавшимся. Не даромъ первые императоры изъ сколько-нибудь серьезныхъ такъ мало терпѣли риторовъ и такъ усердно гнали ихъ изъ столицы! А риторы-то и были тѣмъ, что называется нынѣ «интеллигенціею», представителями образованія.

У прародительницы образованія, и ново-европейскаго и древне-римскаго, Греціи, было не такъ. Наука была дѣйствительнымъ «цвѣтомъ жизни», если можно такъ выразиться, утонченіемъ ума и способностей, не переходившимъ ни въ отвлеченность, ни въ односторонность и нарушеніе гармоніи и равновѣсія въ развитіи вообще. Грекъ ученый отъ неученаго отличался количественно, только степенью, а не качественно, какъ въ наши времена, а еще болѣе — во времена средневѣковыя. Отсюда и соотношеніе между разными отраслями знанія и между всѣмъ знаніемъ и искусствами, и между разными отраслями искусства, начиная съ художествъ и кончая ремеслами (за исключеніемъ нѣкоторыхъ остававшихся все-таки на долю рабовъ), было тѣснѣе, чѣмъ въ наше время. Въ этомъ и выражалась та красота, та стройность греческаго міра, которая признана за его отличительную историческую черту. Образованіе не было только знаніемъ вышнимъ, но просвѣтлѣніемъ самой жизни, и не ограничивалось однимъ знаніемъ, но было и искусствомъ, и прак-

тической деятельностью; грекъ образованный — это значило и танцоръ, и музыкантъ, и борецъ и хороший воинъ, что не мѣшало, однако, и специальности; одинъ былъ по преимуществу отличнымъ борцомъ, какъ другой былъ замѣчательнымъ пѣвцомъ.

И въ настоящее время наука приходитъ, наконецъ, если не къ сознанию, то къ ощущению необходимости поставить себя въ болѣе тѣсную связь съ жизнью, и воспитаніе начинается по крайней мѣрѣ понимать свою односторонность. Наклонность науки къ такъ называемому реальному направленію несомнѣнна и несомнѣнно желаніе, такъ называемаго, популяризма — наклонность и желаніе ограничить себя житейскими предметами знанія, и пустить самое знаніе въ общежитейскій оборотъ. Сюда же должно причислить матеріалистическое направленіе, усваиваемое въ догматикѣ мысли, которая въ сущности есть неизбѣжный протестъ противъ сентиментальности и идеализма, доводившихъ еще не такъ давно умы едва не до повторенія операціи брамина, блаженствующаго въ мысленномъ напряженіи «къ созерцанію чистаго ничтожества».

Но конецъ все еще далеко. Ученый все еще жрецъ; специальности еще слишкомъ разъединены и независимы, и мало знаютъ одна другую. Знаніе еще не дополняется развитіемъ; голое умственное развитіе еще далеко не дополняется развитіемъ нравственнымъ и физическимъ. Наука находитъ возможнымъ въ воспитаніи довольствоваться собою безъ искусства; искусство считается украшеніемъ, а физическое развитіе пріятною роскошью. Самое направленіе къ реальности довольствуется смѣшеніемъ реальнаго съ матеріальнымъ и утилитарнымъ, упраздняя нравственные запросы и обращая науку въ орудіе практическихъ цѣлей; усиливъ усмотрѣть смѣшное въ «наукѣ для науки» или «искусствѣ для искусства», но не догадавшись, что наука и искусство есть потребность жизни, сама жизнь, и развитіе въ своемъ высшемъ и полнѣйшемъ проявленіи есть облегченное духовное дыханіе и въ этомъ смыслѣ самостоятельное. Какъ физическое дыханіе не есть орудіе кровотоенія и питанія, хотя и ведетъ къ нему, но есть необходимое проявленіе органической

жизни, и въ этомъ смыслѣ самостоятельное, несмотря на свое утилитарное положеніе, такъ и наука съ искусствомъ. Забавно наслаждаться формальнымъ процессомъ дыханія, усиливаться дышать для того, чтобы дышать, но смѣшно и ограничивать свое дыханіе. Для практической, моль, цѣли правильнаго кровотоенія и этого довольно. То же и въ наукѣ съ искусствомъ. Безумно было бы обоготворять ихъ, создавать кумиръ, которому якобы сама жизнь есть только орудіе. вмѣсто того, чтобы видѣть, напротивъ, въ нихъ проявленіе жизни, но забавно же и искать въ нихъ исключительно утилитарныхъ приложений къ добыванію хорошо испеченнаго хлѣба или просторныхъ сапоговъ.

Какъ бы то ни было, мы стоимъ на переходѣ; возрѣніе колеблется отстать отъ стараго идеалистическо-сентиментальнаго, не видя другого исхода, какъ въ матеріалистическо-утилитарное. Въ особенности не разстались мы еще съ различіемъ отрасли знанія и искусства на бѣлоручекъ и батрачекъ, на знаніе и искусства либеральныя или, какъ чаще выражаются, благородныя, и знаніе съ искусствами вульгарныя, «подлыя». Медицина есть «наука», жреческое особенное знаніе, понадобившееся человѣчеству потому, что у него есть непріятная привычка хворать. Но чтобы лечить хвораго, надобно знать здороваго и недостаточно лечиться отъ болѣзни: нужно, и притомъ даже предпочтительнѣе, предохранять себя отъ болѣзней. По необходимости явились къ услугамъ медицины анатомія съ физиологіею и діетика съ гигиеною, но только для медицины — этого жреческаго знанія, какъ будто умѣніе сохранять свое здоровье и знаніе, чѣмъ предохранять себя отъ болѣзней, нужно только на случай болѣзни и только врачу! Діетика съ гигиеной разсуждаютъ о пищѣ и одеждѣ, о дѣйствіи ихъ на здоровье, но наука имѣетъ преимущественное дѣло съ одною кухнею, съ аптекой, отчасти и съ порціями обыкновеннаго питанія, но больничными и нисколько съ кухнею обиходною. Кулинарное искусство не принадлежитъ къ числу либеральныхъ занятій; это дѣло холопское, и да будетъ же оно въ исключи-

тельномъ вѣдѣніи поваровъ и кухарокъ, причисляемыхъ къ прислугѣ, для которой не надобны высшіе курсы либеральныя; иное дѣло метръ д'отеля, который также числится заурядъ съ прислугою и отъ котораго не требуется аттестата въ пройденномъ курсѣ физиологіи и органической химіи! Оставимъ-де и одежду съ ея модами попеченіямъ портныхъ и модистокъ, на тѣхъ же правахъ! Даже искусствамъ, за которыми усвоено званіе благородныхъ, оставляется привиллегія быть спеціальными, и господинъ не лишается правъ на титуло образованнаго, хотя бы не умѣлъ протянуть ни одной нотки.

Для музыкальнаго образованія, впрочемъ, въ смыслѣ принадлежности общаго воспитанія время уже не далеко. Но пора подвигаться и къ тому, чтобъ дать свой чередъ воспитанію мускуловъ, наукѣ свободного движенія, танцамъ съ гимнастикою, этимъ двумъ половинамъ того же цѣлаго, изъ которыхъ одна, попавшая въ принадлежность «благороднаго воспитанія», но отрѣшенная отъ истиннаго своего смысла и назначенія, ограничивалась доселѣ призваніемъ быть для благородныхъ господъ отчасти развлеченіемъ, отчасти средствомъ къ раздраженіямъ сладострастія, а другая, послѣ долгаго пребыванія въ постыдномъ званіи фокусничества, пріобрѣла въ послѣднее время доступъ къ медицинѣ, но только въ ея переднюю. Это есть лекарство дополнительное къ аптечнымъ, хирургическая операція, надъ самимъ собою производимая!.. Но, разумѣется, это не есть только лекарство, не есть даже искусственное упражненіе; есть только движеніе, но правильное; есть только просторъ силъ въ полномъ развитіи, то же что здоровая пища, легкая одежда, свѣжій воздухъ. Въ этомъ смыслѣ гимнастика заслуживаетъ быть наукой и быть предметомъ общаго воспитанія; и въ этомъ смыслѣ должна расшириться и дополниться ея теорія, а съ нею вмѣстѣ должны нѣсколько видоизмѣниться въ своей программѣ и остальные отрасли науки, занимающіяся здоровымъ организмомъ, каковы: анатомія съ физиологіею и діэтика съ гигиеною. Въ этомъ смыслѣ, наконецъ, и надобно желать, чтобы теоретическія свѣдѣнія о гимнастикѣ и ея значеніи распространялись среди

общества все болѣе и болѣе, и чтобы гимнастическія упражненія (къ каковымъ должны быть отнесены и танцы, и купанье, и бѣганье, и фехтованье со стрѣльбою, и всевозможныя игры) входили все болѣе и болѣе во вкусъ публики, отучая ее отъ не испарившагося еще возрѣнія на самую гимнастику. во-первыхъ, какъ на фокусничество и на театръ съ концертами, во-вторыхъ, какъ на единственное, благородное увеселеніе, при которыхъ притомъ прилично только присутствовать, принять же участіе... пожалуй, иногда и позволительно для забавы, но уже никакъ не благоразумно, и, тѣмъ менѣе, почтенно!

1872 годъ.

О вредѣ для университетской молодежи учебно-полицейскихъ мѣръ.*

Если бы утверждаемая система образованія и не задавалась прямою цѣлью (всегда пагубною и всегда по своимъ результатамъ противоположною намѣреніямъ) подчинить учебное образованіе видамъ полицейскимъ, мы душевно оплакиваемъ уже то, что частныя мѣры даютъ возможность къ такимъ злостнымъ толкованіямъ, которыя, однако, не перестаемъ слышать то отсюда, то оттуда: «А! Усиленныя мѣры требованій отъ вступительныхъ университетскихъ экзаменовъ, объявляемыя всегда непремѣнно наканунѣ самыхъ экзаменовъ, это есть очевидное намѣреніе заградить какъ можно крѣпче доступъ въ университетъ. Усиленіе курса гимназическаго, и притомъ такими предметами непремѣнно, которые морятъ умъ сухими вокабулами и неосмысленными грамматическими формами; запрещеніе на курсъ университетскомъ запасаться лекціями чрезъ легкое сравнительно средство литографированія: все это устраивается съ прямымъ намѣреніемъ забить юношество, отнять у него все время, чтобъ некогда было ему не только забираться блажью, но не хватало

досуга вообще питать чѣмъ-нибудь мысль и чѣмъ-нибудь заниматься, кромѣ механическаго зубренія».

Такія объясненія суть поклепъ, несомѣнно; но находятся даже органы печати, которые рукоплещаютъ именно такимъ намѣреніямъ, признавая ихъ за подлинныя намѣренія правительства, которые ищутъ спасти молодежь и обезпечить ихъ доброе развитіе намѣреннымъ воспрепятствованіемъ ихъ мышленію и іезуитскимъ подавленіемъ духовныхъ силъ чрезъ отупляющія механическія занятія и принесеніемъ ученія въ жертву дисциплинѣ. Это поклепъ, желаемъ мы вѣрить этому; но много уже то значитъ, что такія намѣренія подсказываются, что молодое поколѣніе признается и во всеуслышаніе провозглашается дикимъ звѣремъ, котораго даже не приручить, а сперва затомить, чтобы потомъ...

Но что же потомъ? Куда годно будетъ поколѣніе, воспитаніе котораго намѣренно было бы направлено на умерщвленіе мысли, на подавленіе духовной самостоятельности; поколѣніе, до зрѣлыхъ лѣтъ носившее на себѣ гнетъ презрительнаго названія мальчишекъ, школьниковъ, недоучекъ? Но мысль просится, но сердце бьется еще живѣе въ молодомъ организмѣ, нежели въ старомъ. Но молодые люди ищутъ себѣ руководства; жаждутъ руководства отъ тѣхъ же самыхъ, начальственно къ нимъ приставленныхъ, руководителей. Недавно мы и помѣстили одну изъ такихъ трогательныхъ просьбъ. Дайте же намъ руководство, просятъ они, но дайте живое руководство; не осуждайте нашего духа на смерть; не отказывайте намъ въ способности къ мышленію; не требуйте противоестественнаго, чтобъ механическое упражненіе и механическое повиновеніе, моціонъ мысли безъ труда мысли, были всѣмъ, чего должна требовать и чѣмъ можетъ довольствоваться наша природа.

Вотъ чего просить учащееся юношество, чего оно желаетъ. о чемъ молить, на что плачется. Отказывать въ удовлетвореніи и съ безжалостною послѣдовательностью настаивать на мѣрахъ, хотя бы и учебныхъ, но имѣющихъ исключительно полицейское и значеніе, и назначеніе, значитъ прямо толкать

* «С. И.», 15-го, апрѣля, № 104.

жаждущихъ въ объятіе тѣхъ, которые несутъ ядъ, съ улыбкою обѣщанія, что вотъ этимъ нектаромъ-то и утолится жажда высокихъ, честныхъ, патріотическихъ порывовъ мысли и духа.

Нужно не только полагать преграды, но спасительно давать и исходы просящейся мысли. Вотъ въ чемъ главная настоятельная задача нашего времени у насъ, и вотъ въ недоразумѣніи чего, при самыхъ благонамѣреннѣйшихъ побужденіяхъ, можно всю учащуюся молодежь ставить какъ бы съ намѣреніемъ на лезвее; собственными руками вѣшать на волосокъ, откуда сорваться страшно легко...

О пересмотрѣ университетскаго устава.*

Слухи давно были, что за преобразованиемъ гимназическаго устава и за уставомъ реальныхъ училищъ долженъ послѣдовать пересмотръ университетскаго устава. Сообщаютъ теперь, что отъ совѣтовъ университетскихъ уже потребованы мнѣнія и, между прочимъ, обращено вниманіе ихъ на слѣдующіе вопросы: 1) гдѣ средства, чтобы университетскія каѳедры не оставались пустыми? и 2) какъ достигнуть, чтобы студенты болѣе трудились?

Вопросы таковы, что дѣйствительно заслуживаютъ, чтобы о нихъ подумать. Въ сегодняшнихъ извѣстіяхъ изъ Харькова замѣчается, между прочимъ, что тамъ на первый вопросъ отвѣтить не затрудняются. «Прибавьте профессорамъ жалованья и увеличьте пенсіонные оклады!» Можетъ быть такое рѣшеніе принадлежитъ корреспонденту исключительно. Университетскіе совѣты, можетъ быть, придумаютъ что и болѣе остроумное. Но средство это по крайней мѣрѣ не головоломное. Вотъ уже лѣтъ пятнадцать, какъ пластырь этотъ прикладывается у насъ ко всѣмъ болячкамъ управленія; и къ леченію самихъ универси-

тетовъ онъ приложенъ былъ еще недавно. Но должно быть мази оказывается еще недостаточно: шовъ не зарастаетъ, каѳедры не наполняются.

Мы оставимъ, однако, говорить на время объ этомъ средствѣ, которому приписывается всеисцѣляющая сила. О немъ нужно говорить особо и въ приложеніи не къ однимъ университетамъ. Да по части университетовъ, повидимому, и нѣтъ намѣренія прибѣгнуть къ повторенію лекарства. Слухи говорятъ, что сущность преобразованія уже намѣчена, и самый проектъ едва ли не составленъ. Отличительная особенность его, говорятъ, будетъ въ томъ, что самоуправленіе отъ университетовъ отнимется, и не только мѣста ректоровъ, но даже каѳедры профессоровъ будутъ наполняться по назначенію отъ министерства. Можно этому вѣрить, если взять въ расчетъ, что одновременно съ тѣмъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» доказывается мысль, а въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» она развивается, что необходимо и земскія училища поставить подъ прямое вѣдѣніе министерства.

Преобразованія, совершаемыя по Министерству Просвѣщенія, за послѣднее время имѣли ту отличительную черту, что они неуступчивы. По данному началу они выполняются неуклонно и рѣшительно. Слѣдовательно, если предположенія объ упраздненіи самоуправления по части просвѣщенія разъ возникли, то они будутъ исполнены.

Противъ мѣры, готовящейся на университеты — если справедливо, что она готовится — мы не скажемъ ни слова. Не потому, чтобы уничтоженіе университетскаго самоуправления дѣйствительно требовалось, а потому что и самоуправленіе не приноситъ пользы. Будетъ ли бѣлый колпакъ или колпакъ бѣлый, это будетъ одно. Будутъ ли ректорскія и профессорскія мѣста пополняться высшимъ назначеніемъ или мѣстнымъ выборомъ, университетъ отъ этого ни выиграетъ, ни проиграетъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что есть теперь и что было. Оба средства были испытываемы, и не разъ, и оба не привели ни къ чему. Было время, что офицеровъ, едва грамотныхъ, назначали

* «С. И.», 21-го октября. № 290.

на профессорскія мѣста, и выходили изъ университетовъ люди. Дано широкое, даже безпримѣрное самоуправленіе теперь, и кафедръ пусты, а о студентахъ говорятъ, что они мало занимаются. Пытали сокращать самоуправленіе и пытали расширять; пробовало центральное управленіе давать себѣ болѣе вліянія, пробовало отпущать возжи: все одно, или измѣненій такъ мало, что очевидно становится совершенная независимость послѣдствій университетской жизни отъ того, кто и даже иногда—кого назначаютъ въ профессора. Вино водянисто. Будемъ же думать, что это происходитъ отъ стеклянной посуды; перельемъ въ глиняныя амфоры. Нѣтъ, плохо; непременно надобно въ стеклянную посуду, только другого размѣра. Все то же! Очевидно, успѣхъ и неуспѣхъ университетской жизни зависитъ отъ чего-то другого, а не отъ способа въ назначеніи на педагогическія и учебно-административныя мѣста. Самоуправленіе или подчиненіе можетъ лишь въ слабой степени содѣйствовать или противодѣйствовать вліянію коренныхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ студенты занимаются мало, а профессора и того менѣе, и вслѣдствіе которыхъ все университетское воспитаніе далеко не выращаетъ того, что вырастаетъ на университетскихъ почвахъ въ другой землѣ и чего по справедливости мы желали бы для себя.

Объ университетскомъ самоуправленіи.*

Мы слышали и читали возраженія, слышали устные, читали письменныя и печатныя—противъ нашего равнодушія къ университетскому самоуправленію. Указываютъ на наши размышленія по поводу слуховъ о преобразованіи университетскаго устава (№ 290) и спрашиваютъ съ удивленіемъ, съ прискорбіемъ, съ попрекомъ: «какъ можно возставать противъ само-

* «С. П.», 7-го ноября. № 309.

управленія!» Эти удивленія и это прискорбіе доказываютъ намъ, что мы должно быть не умѣемъ выражаться съ ясностью. Если въ университетахъ усматриваются недостатки и если этимъ недостаткамъ предполагается помочь упраздненіемъ самоуправления, то средство это не поможетъ, какъ и обратно не помогаетъ самоуправленіе. Дѣло не въ принципѣ. Если бы о немъшло, можно ли сомнѣваться, что мы были бы изъ первыхъ и самыхъ горячихъ защитниковъ самоуправления, какъ вездѣ, такъ и въ этомъ частномъ примѣненіи къ учебному міру? Но дѣло въ средствахъ оживить университеты. Опытъ показалъ, что жизнь университета и направленіе усваивается помимо того, кто назначаетъ профессоровъ и даже кого назначаютъ? Повторимъ: выходили серьезные люди, когда профессора давались по назначенію и даже неподготовленные къ дѣлу, а равно, наоборотъ, жалуются теперь на оскудѣніе духовныхъ силъ, при самомъ широкомъ самоуправленіи. Разумѣется, и наоборотъ: нѣ одно золото выходило прежде изъ университетовъ и не все безъ исключенія теперь спитъ при самоуправленіи. Ясно одно, что тѣ недостатки, о которыхъ сѣтуютъ, зависятъ отъ чего-нибудь другого, а не отъ степени самоуправления. Это мы сказали, это мы повторяемъ и теперь. Когда поставленъ, между прочимъ, вопросъ: отчего пустуютъ кафедры и отчего студенты мало занимаются?—отвѣта должно искать не въ порядкѣ назначенія профессоровъ и ректоровъ. И намъ хотѣлось бы это доказать.

Отчего пустуютъ кафедры? Отчего студенты мало дѣлаютъ? Во-первыхъ, это не два вопроса, а одинъ. Кафедры пустуютъ, потому что студенты мало дѣлаютъ; профессора, полагаемъ, дѣлаются изъ студентовъ; и чѣмъ менѣе послѣдніе дѣлаютъ, тѣмъ малочисленнѣе открывается контингентъ кандидатовъ на профессора. Кажется, это ясно и не допускаетъ сомнѣнія. Итакъ, остается одинъ вопросъ: отчего студенты мало дѣлаютъ?—и на него-то нужно обратить все вниманіе, чтобы придти къ удовлетворительному отвѣту.

Позволимъ себѣ небольшое отступленіе. Лѣтъ пятнадцать или шестнадцать назадъ, съ легкой руки Н. И. Пирогова, пе-

чать наша распиналась, что вся бѣда недостаточности нашего образованія и безжизненности нашихъ учебныхъ заведеній въ одномъ: образованіе, и въ частности университетъ, даетъ гражданскія права; молодой человѣкъ думаетъ не о наукѣ и развитіи, а о правахъ; онъ занимается настолько и дотоѣ, насколько нужно, чтобъ сдать экзаменъ, открывающій дорогу къ правамъ, и — пока сдается этотъ экзаменъ; на завтра все оставляется и забывается. Скучно повторять весь рядъ доводовъ, вполне справедливыхъ, которыми выводилось, что, въ силу этого порядка, у насъ не можетъ быть ни серьезной образованности въ обществѣ, ни серьезнаго образованія въ учебныхъ заведеніяхъ и что наука должна оставаться, при этихъ условіяхъ, пустоцвѣтомъ. Достаточно сказать, что разсуждалось тогда объ этомъ съ неподдѣльнымъ жаромъ, даже задоромъ, и въ печати по этому пункту оказалось, что рѣдко бываетъ полное единодушіе. Но оказалось вмѣстѣ, что, наоборотъ, съ нашею печатью бываетъ не только нерѣдко, но повторяется ежедневно — этотъ жаръ, даже задоръ, и это безпримѣрное единодушіе длилось только до завтрашняго дня. Мимоходомъ сказать, печать на себѣ, въ лицахъ, показала тогда всю справедливость приговора, произнесеннаго ею надъ нашею наукою, образованностью, образованіемъ. И этотъ жаръ съ задоромъ и умильное единодушіе были пустоцвѣтомъ.

Немного лѣтъ прошло, года два, три, четыре; университетскій уставъ подняли къ преобразованію; толковъ было не мало; но намъ памятна объяснительная записка, въ которой представители и защитники ученаго сословія посвятили нѣсколько страницъ усиленнымъ доказательствамъ, что профессора должны пользоваться мундиромъ V класса и что имъ обидно числиться въ рангѣ ниже, чѣмъ поставлены председатели палаты. Обстоятельство пустое, повидимому, но оно не лишено смысла; подобныя явленія объясняютъ многое. Какъ извѣстно, мундиръ V-го класса былъ данъ; и если въ чемъ, то въ скупости на служебныя отличія нельзя было попрекнуть высшую администрацію. Тогда же дано и безпримѣрное по своей широтѣ самоуправленіе.

Ну, а что же, а главный-то вопросъ, а тотъ нервъ, который, по недавней же единомышленной теоріи, вмѣсто того, чтобы двигать, ослабляетъ просвѣщеніе? Что сдѣлано съ сосредоточеніемъ университетскаго курса на гражданскихъ правахъ? Несомнѣнно, это сосредоточеніе было еще болѣе усиленно, чѣмъ прежде, и нельзя не сказать, что къ этому было полное основаніе. Политическая жизнь шла своимъ чередомъ; рядъ реформъ — крестьянская, земскихъ учреждений и судебная — потребовали, чтобъ доброкачественность будущихъ дѣятелей въ администраціи и судѣ упиралась на умственный цензъ. Университетское образованіе оказывалось необходимымъ условіемъ для безопаснаго возведенія общественныхъ дѣятелей вверхъ по служебной лѣстницѣ. А съ тѣмъ вмѣстѣ неизбѣжно университетъ усваивалъ себѣ еще болѣе характеръ, которымъ объясняли его безжизненность: онъ обратился въ лабораторію гражданскихъ правъ болѣе чѣмъ когда.

Посмотримъ же, что изъ этого вышло. Если прежде молодой человѣкъ, стучась въ двери университета, имѣлъ главную цѣлью — пройти чрезъ него къ гражданскимъ правамъ, то тѣмъ настоятельнѣй у него эта цѣль теперь. Если съ этою цѣлью прежде поступало въ него большинство, то изъ той же цѣли теперь должны ломиться всѣ. Молодые люди обезпеченныхъ состояній и знатныхъ родовъ прежде, такъ сказать, оказывали честь университету, садясь за университетскую скамейку; для правъ они въ немъ не нуждались — имъ открыта была и помимо дорога. Но теперь нѣтъ дороги помимо университета; а настанетъ скоро время, что ту же нужду и потому же восчувствуютъ даже не служебныя сословія. Всеобщая военная повинность на череду. Еще купецъ могъ идти въ университетъ съ прямымъ желаніемъ учиться; но теперь онъ пойдетъ, будетъ биться, чтобы войти — для сокращенія себѣ срока военной повинности.

Больно было бы намъ, если бы, подобно какъ обвинили въ непріязненности къ университетскому самоуправленію, обвинилъ насъ кто-нибудь въ непріязненности даже къ университетскому образованію. «Итакъ, по вашему, необходимо пустить невѣжды на общественную лѣстницу!» Послѣ всего мы не удивимся услы-

шать даже такое возраженіе. Но мы говоримъ пока не о томъ, что необходимо, не мѣру проектируемъ; мы объясняемъ историческій фактъ. А этотъ фактъ намъ говорить, что научная бездѣтельность еще болѣе понятна теперь, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ. Юноша поступаетъ въ университетъ и видитъ впереди только экзаменъ, а за нимъ адвокатство и судейство. Онъ занимается настолько, сколько нужно, чтобы перейти экзаменъ. Лекцій онъ не слушаетъ и университета не посѣщаетъ, потому что практическое послѣдствіе, для котораго онъ идетъ въ университетъ, нисколько съ его посѣщеніями и съ его внимательностью внутренно не связано; если связано, то связано лишь внешне: «авось дадутъ лучшій баллъ, если почаще будутъ видѣть на скамьѣ». Лекціи могутъ быть приготовлены на домъ и даже за сто верстъ отъ университетскихъ стѣнъ, ибо лекціи читаются однѣ и тѣ же, и даже приготовленіе по нимъ наединѣ и на досугѣ легче, нежели послѣ ежедневныхъ утомленій, неизбѣжныхъ при исправномъ посѣщеніи аудиторіи. А лишняго противъ записокъ, и особенно живого, съ кафедръ не услышишь.

Итакъ, студенты, помимо приготовленій, мало дѣлаютъ: это не только не удивительно, но иначе и невозможно. А изъ недостаточнаго числа приготовленныхъ студентовъ неизбѣжно выходитъ еще меньшее число готовыхъ профессоровъ. Особенно счастливымъ случаямъ нужно приписать, что профессора еще находятся: это уже герои своего рода. Но, впрочемъ, почему и не быть такой счастливой случайности? Почему и не найтись изъ тысячи одному, въ которомъ возгорится безкорыстная любознательность? Почему не найтись, съ другой стороны, и такому, который разсчитываетъ, что, при ладно устроенномъ знакомствѣ съ профессорами, все-таки невозможно зашибить карьеру и на педагогической аренѣ, хотя бы съ дюжиной и даже малосмысленною диссертацией и послѣ экзамена, съ грѣхомъ пополамъ сданнаго? Не всѣ адвокаты получаютъ по стѣ тысячъ; вѣрное профессорство надежнѣе сомнительнаго сенаторства. Итакъ, случайности, и только такіа случайности могутъ дать профессоровъ, а общій фактъ все будетъ таковъ: филологическіе и математи-

ческіе факультеты должны быть пусты, медицинскіе наполнены, а юридическіе переполнены, и наукою менѣе всего должно быть занято университетское юношество, а практическими видами всего болѣе.

Что потомъ должно случиться и съ профессорскимъ міромъ? Во-первыхъ, здѣсь круговая порука; при отсутствіи вниманія отъ слушателей не можетъ быть сильныхъ побужденій и для нихъ заботиться объ усовершенствованіи и оживленіи преподаванія. Затѣмъ, гдѣ же другія побужденія заниматься? Двадцать пять лѣтъ мѣсто крѣпко, а тамъ что будетъ видно. Могутъ нѣкоторые разсуждать иначе, и разсуждаютъ, на это тоже своего рода герои.

Намъ кажется, все такъ ясно, такъ естественно, такъ взаимно связано, что не видать этого или видѣть иначе—нужно закрыть глаза. А потому и кажется намъ, что для оживленія университета и для того, чтобы онъ достигалъ своего назначенія (одно съ другимъ здѣсь связано), нужно отправиться за средствами въ другую сторону, и не искать леченія въ порядкѣ замѣщенія педагогическихъ и административныхъ университетскихъ должностей. Нужно, чтобы въ университетской молодежи родились внутреннія побужденія заниматься, вдохнулась, если не любовь къ наукѣ, то сознаніе, что одними пятерками на экзаменѣ не достигнешь даже того, за чѣмъ пошелъ, адвокатскаго или судейскаго мѣста. Нужно, чтобы и для педагогическаго персонала нашлись побужденія къ живымъ занятіямъ, помимо страха за конецъ двадцатипятилѣтія. Въ сущности, и этого страха нѣтъ; можно быть оставленнымъ и еще на пятилѣтіе, независимо отъ занятій, даже не написавъ въ теченіе 25-ти лѣтъ ни единой строчки. Такъ что же? Силень будетъ родить эти побужденія къ оживленнымъ занятіямъ и въ профессорахъ, и въ студентахъ тотъ или другой порядокъ замѣщенія профессорскихъ кафедръ и ректорскихъ мѣстъ? Безсильно будетъ усиліе центральной административной власти, какъ одинаково не при чемъ тутъ самоуправленіе. Повторяемъ, другое нѣчто нужно, о чемъ и поговоримъ впоследствии.

1873 годъ.

Чѣмъ оживить университетъ? *

Сегодняшняя годовщина старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ возвращаетъ насъ къ вопросу, о которомъ мы уже не разъ обсуждали: чѣмъ же оживить университетъ? Понятно, наши разсужденія будутъ относиться не къ одному Московскому университету, даже къ нему можетъ быть менѣе другихъ.

Чѣмъ оживить университетъ? Чѣмъ достигнуть, чтобъ наука университетская не была безжизненна, чтобъ воспитаніе университетское было вполнѣ плодотворно, чтобъ молодые люди поглощались ученіемъ, чтобъ кафедры не пустовали, чтобъ профессора на кафедрахъ не спали и студенты на скамьяхъ не скучали? Въ этой формѣ вопросъ, повидимому, занимаетъ, наравнѣ съ обществомъ, и правительство. Мы упоминали, и не разъ, что университетское самоуправленіе, въ томъ тѣсномъ смыслѣ, въ какомъ его понимаютъ, тутъ не при чемъ. Измѣнить, въ ту или другую сторону, порядокъ назначенія профессоровъ, при сохраненіи остального устройства—это будетъ только пересадка музыкантовъ Крыловской басни. Неудовлетворительность университетовъ, на которую жалуются, есть прямое послѣдствіе, какъ

мы сказали прошлый разъ, правъ университетскаго образованія; точнѣе, не мы это сказали, мы только напомнили о томъ, въ чемъ публика и печать единодушно были убѣждены дѣтъ пятнадцать тому, на основаніи теоретическихъ и историческихъ соображеній.

Но бѣда и не въ самыхъ правахъ. Не только вѣрно, что образованію должны сопутствовать гражданскія права; разумно было бы, когда права присвоены были бы образованію даже исключительно. Дѣло въ томъ, у кого эти права въ рукахъ; дѣло въ администраціи правъ, въ порядкѣ ихъ раздачи. Если въ чемъ отмѣна самоуправленія можетъ оказать вліяніе на оживотвореніе университета, то именно въ этомъ пунктѣ университетской администраціи, а не въ назначеніи профессоровъ. Въ прошлыхъ статьяхъ, обращаясь къ университетамъ, мы употребляли неоднократно выраженіе, что они пользуются «безпримѣрнымъ въ свѣтѣ самоуправленіемъ». Это выраженіе нами не съ вѣтра брошено; оно употреблено съ намѣреніемъ и выражаетъ дѣйствительную сущность; именно по раздачѣ гражданскихъ правъ университеты пользуются не просто самоуправленіемъ, но самоуправленіемъ безпримѣрнымъ, неслыханнымъ, диковиннымъ. Войдемъ въ это ближе.

Въ сущности университеты пользуются привилегіею фельд-маршаловъ въ военное время: они раздаютъ чины. Это бы еще ничего, пускай раздаютъ. Но они раздаютъ безконтрольно: надъ ними нѣтъ ни повѣрки, ни за ними отвѣтственности. Да куда ни шло, пускай и предоставитъ имъ самовластіе въ раздачѣ правъ, но если бы права раздавались по обсужденіи, зрѣлости котораго ограждена была бы какими-нибудь условіями. Ничего нѣтъ, процедура извѣстна: чтобъ имѣть университетскую степень, необходимо получить опредѣленную общую сумму балловъ при испытаніи и ни въ одномъ изъ предметовъ испытанія не имѣть балла ниже опредѣленной цифры. Но цифры выставяетъ профессоръ, совмѣщающій въ себѣ на испытаніи и экзаменатора. Что мѣшаетъ профессору, у котораго мозоль на ногѣ возбуждаетъ досаду, выставить экзаменующемуся 1 вмѣсто 5? Ко-

* «С. И.», 13-го января. № 12.

нечно, найдется деканъ противъ этого, хотя, и то сказать, рука вѣдь руку моетъ, потому что деканъ есть тотъ же профессоръ. Но что мѣшаетъ профессору, которому отъ сытнаго завтрака лѣнь быть внимательнымъ, поставить 5 вмѣсто 1? Уже не деканъ ли? Не смѣшно ли!

Это мы рассказываемъ, какъ должно выходить по самому существу дѣла, отвлекаясь отъ подлинныхъ университетскихъ исторій. Но кто же ихъ не знаетъ? Не составитъ ли цѣлая библіотека изъ студенческихъ воспоминаній объ экзаменахъ, съ подробностями частью забавными, частью возмутительными, но доказывающими одно, что порядокъ испытаній (а онъ и есть лабораторія правъ), какъ бы намѣренно, такъ устроенъ, чтобъ профессоровъ воспитывать къ лѣни и произволу, студентовъ къ подличаньямъ и изворотамъ, но ни тѣхъ, ни другихъ не къ наукѣ?

Профессоръ-самодуръ можетъ быть и съ познаніями человѣкъ, но находящій утѣшеніе въ томъ, чтобы показывать «знай нашихъ», требуетъ безошибочнаго перечисленія номенклатуръ или дать какой-нибудь частной неинтересной исторіи V столѣтія, которую не перескажетъ безошибочно ни его товарищъ съ докторскою степенью, ни онъ самъ, пожалуй, въ иной часъ; но испытываемому юношѣ онъ, за ошибку, ставитъ единицу или двойку.

Профессоръ зажирѣвшій, давно не занимающійся, приѣзжающій на кафедру изрѣдка лишь для моціона, ставитъ пятерку каждому, не глядя и не слушая.

Съ его отцомъ мы не въ ладахъ; братъ его написалъ на меня ядовитую рецензію: берегись молодой человѣкъ, убѣгай хотя въ другой университетъ отъ неизбежныхъ двоекъ.

Читается билиберда, плодъ уродливаго ученаго вдохновенія, которое бы осрамилось, лишь бы осмѣлилось выступить въ свѣтъ печатно; но горе, если бъ юноша дерзнулъ повторить на испытаніи не самоизмышленную теорію, а дѣйствительное слово науки: онъ поплатится за то, что былъ внимательнѣе своего профессора.

Профессоръ можетъ не читать извѣстнаго отдѣла науки совѣмъ, но можетъ требовать отъ студента познаній въ этомъ отдѣлѣ и взыскивать за незнаніе.

Профессоръ можетъ выслушивать отъ студента на испытаніи именно то буквально, что было читано съ кафедры, и можетъ испортить карьеру экзаменуемому за то именно, что тотъ вѣрно передалъ слышанное.

Рассказываютъ подлинный анекдотъ объ одномъ профессорѣ (тридцатыхъ годовъ), какъ поставилъ онъ одному, внослѣдствіи извѣстному писателю, неудовлетворительный баллъ за то, что тотъ приготовилъ отвѣтъ прямо по Шафаріку, а не по запискамъ, составленнымъ изъ Шафаріка. Старикъ никакъ не могъ простить, что мальчикъ осмѣлился усвоить книгу, которую едва одолѣлъ самъ профессоръ!

Послѣдній анекдотъ — исторически подлинный; о прочихъ слыхалось, но всѣ они изображаютъ то, что можетъ повторяться каждый годъ, въ каждомъ университетскомъ городѣ, на каждой кафедрѣ. Можетъ повторяться, потому что нѣтъ огражденій, которыя бы препятствовали повторяться. Самовластіе такъ соблазнительно, безконтрольность такъ усыпительна! Университеты еще спасаетъ духъ преданія, витающій въ иныхъ болѣе, въ иныхъ менѣе, и выплывающій временами свѣтлыя личности, образующія около себя свою атмосферу. Но самое преданіе періодически испаряется (замѣчательный фактъ, несомнѣнно, однако, свидѣтельствующій потребностями обновленія, которыя повторяются по истеченіи примѣрно каждого тысячелѣтія). Свѣтлыя личности суть дѣла случая. Вообще же, какъ мы уже сказали разъ, слѣдуетъ герою признаться тому, что, по полученіи кафедры, не перестаетъ заниматься наукою, которую обстановка позволяетъ и чуть не влечетъ бросить; героизмъ потребно и для юноши, чтобъ воспитывать себя для науки, когда можно достигнуть всего искусною угодливостью.

И замѣйте, какой въ силу того долженъ образоваться воспитательный духъ въ гражданскомъ смыслѣ! Студентъ приучается смотрѣть въ глаза профессору и понимать, что все достается

снисканіемъ личныхъ благоволеній. Профессоръ, за отсутствіемъ понужденій къ наукѣ, если не предпочитаетъ облѣниваться, видитъ, съ другой стороны, поприще къ удовлетворенію вышшняго честолюбія, а не то къ служебнымъ интригамъ внутри стѣнъ заведенія. Университетъ обращается въ школу чиновничества, но не въ добромъ смыслѣ воспитанія дѣловыхъ людей, а въ смыслѣ подготовки Молчалиныхъ. И самъ онъ есть, пожалуй, и храмъ науки, но существеннѣе — административно судебное мѣсто своего рода. Профессора несмѣняемы, подобно судьямъ, получаютъ отличія наравнѣ съ административными чиновниками. Намѣсто подсудимыхъ у нихъ слушатели, которыхъ они также могутъ лишать правъ, какъ судьи настоящихъ подсудимыхъ. Но разница та, что имъ, каждому порознь, предоставлено право, которое вручается судьямъ только коллегіально, а иногда еще за ручательствомъ присяжныхъ. Въ наукѣ же, которой они служатъ, какъ судьи закону, они соединяютъ, каждый въ себѣ, и законодателя, и истолкователя, да они же, каждый порознь, и слѣдователь, и присяжный съ правомъ рѣшенія безапелляціоннаго, да вдобавокъ еще — съ производствомъ слѣдствія при закрытыхъ дверяхъ. Въ послѣднемъ отношеніи университетъ, какъ и каждое учебное заведеніе, признается святылицею, куда не смѣетъ проникать критика: вы, скажутъ, возмущаете подсудимыхъ противъ суда, подчиненныхъ противъ начальства.

Не правы ли мы, что университеты наши пользуются самоуправленіемъ, но самоуправленіемъ безпримѣрнымъ и неслыханнымъ, и что не въ той части самоуправления, которая касается избранія профессоровъ, заслуживаютъ университеты измѣненія, а въ той, которая касается внутренней учено-административной жизни, слѣдующей за избраніемъ? Отнять у университетовъ право производить выпускные экзамены: вотъ что прежде и главнѣе всего нужно для оживленія науки, одинаково желаемого и обществомъ, и правительствомъ. Отмѣнить въ особенности тотъ порядокъ, не иначе какъ зловреднѣйшій, по которому экзаменаторъ совмѣщается въ одномъ лицѣ съ доцентомъ. Удиви-

тельно, что, заимствуя порядки отъ иностранныхъ университетовъ, законодательство наше не заимствовало того именно, что поддерживаетъ жизнь, на примѣръ, нѣмецкихъ университетовъ. Иль, впрочемъ, понятно: первоначальные проекты, вѣроятно, составлялись ученымъ же сословіемъ, которое, естественно, не желало выпустить изъ рукъ своихъ прерогативу, вручающую каждому изъ профессоровъ фельдмаршальскій жезлъ, только въ отрицательномъ примѣненіи: если тотъ можетъ произвести въ чинъ, то каждый изъ профессоровъ можетъ единицею запереть молодому человѣку карьеру. Между тѣмъ, къ сожалѣнію и удивленію, начало это такъ крѣпко зашло, что приложено даже къ гимназіямъ, за которыми, по крайней мѣрѣ въ старыя времена, оно не значилось. Если университетъ и всегда имѣлъ за собою право самосуда, то гимназія подлежала суду (ученому) университетовъ, на которыхъ лежало производство вступительныхъ экзаменовъ. Но университеты оказали въ этомъ случаѣ послѣдательное великодушіе: право признавать молодыхъ людей достойными университета признано за самими гимназіями (правда, съ предоставленіемъ университетамъ права повѣрокъ), какъ университетамъ, далѣе, предоставлено право рѣшать способности къ занятію мѣстъ государственной службы, и на этотъ разъ уже безповѣрочно.

Не требуетъ ли здравый смыслъ прямо обратнаго? Сужденіе о способности слушать университетскій курсъ не должно ли принадлежать университетамъ и не должна ли въ этомъ заключаться отчасти оцѣнка и самихъ гимназій (которыя, впрочемъ, подлежатъ все-таки и теперь повѣркѣ директорской и инспекторской)? И далѣе, способность на занятіе гражданскихъ мѣстъ, другими словами — право, сообщаемое теперь университетскимъ степенямъ, не должно ли подлежать сужденію и рѣшенію тѣхъ учреждений, которыя будутъ пользоваться услугами лицъ, снабженныхъ этимъ правомъ? И въ этомъ порядкѣ не заключалось ли бы съ тѣмъ вмѣстѣ опять критической повѣрки и надъ самими университетами, которые теперь ровно никакой не подлежатъ? И даже этого одного было бы уже достаточно, чтобы

подбавить бодрости ученому сословию и обратить вниманіе учащихъ къ дѣйствительному труду надъ наукою?

Но этого одного недостаточно, и притомъ мы высказываемъ только начало, не развивая примѣненій. Если приведемъ случай, мы не отказываемся продолжать рѣчь объ этомъ предметѣ, который въ настоящее время едва ли не важнѣе всѣхъ другихъ, когда всѣ государственныя права сводятся къ университету и на университетское воспитаніе кладется все основаніе будущей гражданской жизни. Впрочемъ достаточно только указать иногда фактъ, чтобы понять его значеніе. Намъ кажется, что даже не употребляя словъ «университетъ», ученая степень, экзаменъ, достаточно предложить кому-нибудь такую формулу слѣдующими словами: «Существуютъ въ государствѣ учрежденія, уполномоченныя одѣлять гражданъ правами, признаніе которыхъ обязательно для прочихъ учреждений. Права эти даются по испытанію, а испытываютъ тѣ самые, которые приготавливаютъ къ испытанію, приговариваютъ они безапелляционно, да и такъ еще, что каждому изъ судей дается право самовластного veto, упраздняющаго благопріятные приговоры всѣхъ другихъ». Задача, — требуется рѣшить: непристрастны ли будутъ испытанія и внимательны ли припротоавленія? Для болыпей ясности можно и прибавить, что испытатели, они же и припротоавители, суть лица не смѣняемыя, и припротоавленіе съ испытаніемъ производятъ въ закрытой «храмѣ», куда не дерзаетъ проникать взоръ и ухо посторонняго. Затруднится ли кто-нибудь рѣшить эту задачу?

Объ обновленіи университетовъ.*

Не безъ огорченія мы прочитали нижеслѣдующую замѣтку, намъ присланную, очевидно, студентомъ, судя по слабости пера, молодости взглядовъ и несобыточности надеждъ. Дѣло идетъ о

* «С. И.», 7-го февраля. № 37, 1-й отдѣлъ, 1-й отдѣлъ, 1-й отдѣлъ.

балѣ, данномъ въ концѣ прошлаго мѣсяца. Вотъ, въ какихъ чертахъ сказанъ молодымъ людямъ образъ этого «событія»:

«Наконецъ, такъ поговариваютъ многіе изъ студентовъ, сообщая мы отпраздновали день годовщины своего университета, и отпраздновали такъ, какъ именно того желали. На этотъ разъ мы, кажется, пробудились... Да и въ самомъ дѣлѣ, 73-й годъ внесъ въ ихъ жизнь нѣчто новое, о чемъ умолчать и мнѣ казалось невозможнымъ. Я говорю невозможнымъ, потому что это фактъ совершенно первый въ жизни студентовъ Московскаго университета и притомъ необходимо вліяющій на самую жизнь ихъ; вотъ почему въ этой статьѣ я поставилъ своею задачею указать на значеніе этого факта, насколько это будетъ необходимо...»

«Всѣ хорошо понимаютъ то безвыходное положеніе, въ которое бываетъ поставлено громаднѣйшее большинство студентовъ. Однако, несмотря на такія стѣснительныя обстоятельства, статистическія данныя увѣряютъ насъ въ томъ, что число молодежи, не удовлетворяющейся гимназическимъ образованіемъ, постоянно возрастаетъ и возрастаетъ. При этомъ бросается въ глаза и то, что изъ поступающихъ въ высшія учебныя заведенія процентъ состоятельныхъ представляетъ собою каплю въ морѣ. Гдѣ же, спрашиваемъ мы, найти средства къ существованію остальныхъ? Запросъ въ работѣ, которою могъ бы заняться студентъ, не предя своимъ занятіямъ, такъ ничтоженъ, что составляетъ какъ бы феноменъ; а между тѣмъ предложеніе сравнительно велико, что понижаетъ цѣну на трудъ, такъ что даже имѣющій работу бываетъ вынужденъ прискивать себѣ новыя средства къ существованію...»

«Эта погоня за кускомъ хлѣба заставляетъ исполнять часто тяжелую работу, отнимающую много времени, а ничтожность заработной платы даетъ возможность жить лишь въ сырой и душливой комнатѣ и при всемъ этомъ плохо вознаграждать организмъ питательными веществами; ко всѣмъ этимъ невгодамъ присоединяется еще требованіе платить за право слушанія лекцій... Неудивительно послѣ этого, что университетское начальство постоянно имѣло въ виду заботу о состоятельныхъ студентахъ: однихъ освобождало отъ платы за слушаніе лекцій, другимъ давало единовременныя пособія; но незначительность средствъ, которыми оно располагало, не удовлетворяло слишкомъ многихъ. Наконецъ, само московское общество отнеслось сочувственно къ положенію студентовъ, что можно было бы подтвердить нѣкоторыми фактами, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться. Однако, до сихъ поръ не было видно еще совокупныхъ усилій самихъ студентовъ для выхода изъ этого тяжелаго положенія, и вотъ, студенческий вечеръ 25-го января привѣтствуютъ, какъ зорю болѣе лучшей жизни; ходятъ небезосновательные слухи, что собрано около 30-ти тысячъ; понятно, что на эти деньги можно оказать значительную помощь. Какъ поступятъ господа распорядители, до сихъ поръ еще неизвѣстно, но желательно было бы заложить этимъ первымъ сборомъ прочную основу

будущему благосостоянію студентовъ. Благоразуміе было бы, вмѣсто единовременныхъ пособій, которыя нисколько не искореняютъ самаго зла, основать капиталъ, проценты съ котораго шли бы на уплату за слушаніе лекцій несостоятельныхъ студентовъ. Правда, что эта мѣра въ данный моментъ окажетъ меньше пользы, чѣмъ единовременныя пособія; но взаимѣнъ этого она обѣщаетъ быть постоянной, вслѣдствіе чего студентъ становится менѣе подверженъ различнымъ колебаніямъ. Наконецъ, основной капиталъ будетъ постоянно возрастать, и тогда польза будетъ оказываема болѣе существенная; тогда возможно учрежденіе стипендій и раздача единовременныхъ пособій и т. п. Если предложить среднимъ числомъ ежегодный сборъ въ 20 тысячъ, то черезъ 10 лѣтъ капиталъ возрастетъ до 200 тысячъ, съ которыхъ проценты представятъ сумму въ 14 тысячъ (въ частномъ банкѣ). Основанный, такимъ образомъ, капиталъ необходимо представить университетскому начальству, которое бы завѣдывало имъ и помѣщало особо въ отчетѣ свѣдѣнія объ операціяхъ, совершаемыхъ при помощи этого капитала. Вотъ все, что только я хотѣлъ сказать; но при этомъ мнѣ необходимо замѣтить, что мѣра, предлагаемая мною, есть ничто иное, какъ одно изъ возможныхъ средствъ къ улучшенію матеріальнаго благосостоянія студентовъ, но что можетъ быть сами господа распорядители, въ рукахъ которыхъ находится вышеупомянутый капиталъ, найдутъ лучшія и болѣе удобныя его примѣненія».

Оставимъ разсуждать о томъ, до чего несбыточны разгорѣвшіяся мечты молодого автора, считающаго барыши отъ баловъ чуть не милліонами. Вотъ на что, наконецъ, упирается современное университетское воспитаніе! «Мы пробудились... 73-й годъ внесъ въ жизнь студентовъ нѣчто новое... Привѣтствуемъ, какъ зорю лучшей жизни... И это все — балъ! Балъ есть событіе, цѣлая эпоха, начинающая новое лѣтосчисленіе, перспектива возрожденія. Балъ есть фондъ недостаточныхъ студентовъ. Нечѣмъ содержаться, будемъ искать благотворителей; не найдется благотворителей; устроимъ балъ съ благотворительною цѣлью. Эта благотворительная цѣль есть вспоможеніе неимущимъ студентамъ; а устроители этого благотворительнаго увеселенія—это мы сами, для которыхъ нужно вспоможеніе... Не знаемъ, съ какой даже стороны подойти къ этой совокупности фактовъ, потому что съ какой ни подойти, одна другой печальнѣе. Намъ приходилось уже выражать свое сожалѣніе вообще о такъ называемыхъ сборахъ «въ пользу недостаточныхъ студентовъ», гдѣ гг. студенты ставятся въ неблаговидную роль ни-

щихъ, живущихъ подаянiями. Сборы посредствомъ устраиваемыхъ увеселеній, конечно, и того хуже, потому что не только воспитываютъ мысль о законности нищенства, но и приучаютъ видѣть почтенность въ практическомъ примѣненіи извѣстнаго правила «цѣль освящаетъ средства», давно осужденнаго въ іезуитахъ, и если недавно снова воспѣтаго, то героемъ не ахти какимъ симпатическимъ — княземъ Бисмаркомъ. Недоставало одного, чтобы честная, открывая, учащаяся молодежь сама со- вмѣстила въ себѣ обязанности благотворителя и благотворимаго, посредствомъ того остроумнаго нищенства, которымъ практикуютъ шарманщики: они собираютъ подаваніе тоже посредствомъ собственноручнаго доставленія увеселеній. Шарманка и балъ съ электрическимъ солнцемъ—разница только въ степени. Если бы нужно было доказательствъ упадка дѣйствительной жизни въ университетахъ, одинъ этотъ фактъ студенческаго бала, съ восторженными надеждами видѣть въ немъ «зорю новой жизни», достаточенъ до прискорбія.

Насъ спрашивали по поводу нашихъ статей о мѣрахъ къ поднятію университетовъ: «Итакъ, вы сводите къ отнятію только экзаменаціонныхъ правъ у профессоровъ и находите этого достаточнымъ?» Мы не находимъ этого достаточнымъ, но полагаемъ, что даже этимъ однимъ уже достигнется многое. Вообразимъ, какъ водится у тѣхъ сосѣдей, кому мы завидуемъ въ образованіи, что молодой человѣкъ, выдержавшій свое испытаніе въ зрѣлости (examen maturitatis) и прослушавшій затѣмъ университетскій курсъ, сдаетъ свой окончательный экзаменъ на будущую гражданскую дѣятельность не профессорамъ, которыхъ онъ слушалъ или которымъ подслуживался, и не по формѣ лотерейныхъ жребіевъ, а настоящій, подробный экзаменъ и притомъ публичный предъ особою экзаменаціонною комиссіей, смотря по роду дѣятельности, которую онъ избираетъ; предъ комиссіей, составленной изъ серьезно-ученыхъ лицъ, но не имѣющихъ ничего общаго съ профессорами въ должности, и, кромѣ нихъ, изъ практическихъ образованныхъ дѣятелей (юристовъ или врачей, механиковъ и проч., смотря по специальностямъ); предста-

вимъ въдобавокъ, что молодой человѣкъ не былъ бы стѣсненъ обязанностью слушать непремѣнно опредѣленнаго, казеннаго профессора, а университетъ не затворялъ дверей для чтенія лекцій никому, имѣющему вмѣстѣ съ правомъ и желаніе быть преподавателемъ; и, наконецъ, что каждый изъ преподавателей имѣлъ бы право на гонораръ отъ слушателя, а каждый слушатель обязанъ былъ бы представить на экзаментъ, помимо своихъ познаній, и свидѣтельство профессора о выслушанномъ курсѣ лекцій. Представимъ все это и спросимъ себя, возможны ли были бы тогда сонныя профессора или студенты, бьющіе баклуши? Профессоръ, полагающій въ своемъ жалованьи лишь 25-ти лѣтній переходъ къ пожизненной пенсіи, а въ посѣщеніи аудиторіи усматривающій лишь средство для моціона, тогда обозначился бы пустотою своихъ залъ и своими слушателями, проваливающимися на экзаменахъ. Дѣльность экзаменовъ, помимо безпристрастія экзаменаторовъ, находила бы ручательство для себя въ публичности; а эта дѣльность вынуждала бы и студентовъ поневолѣ не готовиться только на живую нитку, какъ теперь, по пословицѣ, «ѣхать на охоту, собакъ кормить», а дѣйствительно учиться.

Однимъ словомъ, едва ли можно сомнѣваться въ быстромъ и коренномъ излеченіи нашихъ университетовъ преподаніемъ этого средства, не принятаго и упорно не принимаемаго, какъ мы уже говорили, только потому, что проекты университетскихъ уставовъ идутъ обыкновенно не мимо рукъ же профессорскихъ; а кто себѣ врагъ? И кто добровольно накинеть на себя узду? А помимо поднятія науки и поощренія дѣйствительному ученію, то же средство, и именно оно одно помогло бы, между тѣмъ, еще и въ томъ, чего у насъ никогда не доставало, помогло единству учебнаго образованія въ политическомъ смыслѣ. Мало того, что экзаменаціонныя комиссіи образовали бы изъ себя вообще почву преданія, конечно, постоянно подновляемую свѣжими силами, но онѣ подтянули бы къ общему уровню въ частности и тѣ университеты, которые, благодаря ложно понятому и ложно поставленному самоуправленію, или отстаютъ, или тянутъ въ сторону. Объ отстающихъ ни слова; они не могли бы отставать, когда

чувствовали бы постоянный на себѣ контроль экзаменаціонныхъ комиссій, которыя, по существу дѣла, съ тѣмъ вмѣстѣ оказывались бы и новаторскими. А сами комиссіи потому не могли бы уже отставать, что были бы публичны, испытывали надъ собою постоянный контроль общества, не говоря о контролѣ правительственнымъ, который былъ бы несравненно облегченъ предъ теперешнимъ порядкомъ, съ экзаменами въ четырехъ стѣнахъ и съ полною зависимою центральною властью отъ официальныхъ мѣстныхъ донесеній. Но нельзя упускать изъ вида особенно тѣхъ, которые тянутъ въ сторону. Мы бы далеко не прочь были, когда бы предполагаемая комиссія ни числомъ, ни мѣстопробываніемъ не совпадала съ университетами и лицеями, и когда бы въ ихъ руки предоставлено было раздаяніе правъ не только государственной службы или права лечить (*venia medendi*) и права учить (*venia docendi*). Пусть бы тогда Дерптскій университетъ присылалъ своихъ питомцевъ къ намъ, въ московскую комиссію, за добывтіемъ правъ на профессорскіе, докторскіе и служебные дипломы. Но можетъ быть, въ предвидѣніи этого то обстоятельства, и найдутся сильныя затрудненія къ введенію мѣры, которая помимо поднятія русской науки, общала и русской національности вообще укрѣпленіе и распространеніе.

Итакъ, это одно уже средство общаетъ столь многое. Но мы ничуть не думаемъ считать его единственно достаточнымъ, и нынѣшнее печальное письмо напоминаетъ намъ еще о другомъ, которое, въдобавокъ къ первому, окончательно должно было бы и приковать юношество къ занятіямъ и возвысить науку, но вмѣстѣ и высвободить молодыхъ бѣднягъ изъ позорнаго положенія нищихъ, разыгрывающихъ шарманку предъ сострадательною публикою. У тѣхъ же добрыхъ сосѣдей нашихъ, во всѣхъ ли университетахъ, не знаемъ, но есть такое правило, чтобъ выдавать стипендіи не по свидѣтельству о бѣдности (въ Россіи на этотъ счетъ выработалъ обычай ставить учащуюся молодежь на одну доску съ вдовами благороднаго происхожденія, представляющими отъ предводителя свидѣтельство о бѣдности), а за трудъ, и трудъ притомъ не отвлекающій отъ школы,

напротивъ, въ ея же области и подъ ея же наитіемъ совершаемый. Предъ началомъ семестра даютъ темы для диссертаций на преміи; разѣры премій достаточны, чтобы дать студенту содержаніе; темы достаточны для силъ студента, но таковы, однако, что кладутъ по камешку на зданіе науки, воздвигаемое въ болѣе полномъ и обширномъ объемѣ болѣе зрѣлыми учеными. Кто не читалъ, по крайней мѣрѣ не видывалъ этихъ студенческихъ Preisschrift (непрѣмѣнное условіе — они печатаются)? Кто изъ специально занимавшихся научными вопросами не натѣкался на эти мелкія, крошечныя изслѣдованія, но безъ которыхъ рѣдко можно обойтись, потому что они-то и заготовляютъ, по мелочамъ, справочно-критическій матеріалъ, которыми такъ славятся нѣмецкія монографіи? Прослѣдить употребленіе извѣстной грамматической частицы у извѣстнаго писателя; свести мѣста, относящіяся въ извѣстному пункту философскаго ученія въ сочиненіяхъ, положимъ, Декарта и Лейбница; рѣшить данный вопросъ о наслѣдствѣ на основаніи пандектъ или же произвести вычисленіе по данной задачѣ изъ астрономіи или механики: — все это будетъ не просто упражненіе, но вкладъ въ науку, обоюдно полезный, не говоря уже о томъ, что онъ избавляетъ возрастающаго гражданина отъ унижительной и развращающей крайности — обращаться къ подаванію.

Будетъ ли услышано наше слово? Рутинѣ сильна; лѣнь обаятельна; быть просто чиновникомъ по ученой части, а не ученымъ въ настоящемъ смыслѣ — перспектива заманчивая, болѣе заманчивая, чѣмъ корпѣнье надъ книгами и самостоятельныя изысканія, особенно среди окружающей массы, которая или вовсе не училась, или училась, но съ тѣмъ же только опять, чтобы добывать

Кресты, чины, имѣнія богаты,

съ забвеніемъ того, что заучивалось, даже съ презрѣніемъ къ ученю, а подчасъ съ враждою и съ злобною клеветою, метящею за свое невѣжество... Но какъ бы то ни было, мы убѣждены и убѣждены глубоко, что помимо этихъ средствъ всякое другое обновленіе, въ чемъ бы оно ни состояло, окажется предпочте-

ніемъ пустого порожнему, не измѣняющимъ ничего существеннаго, окажется перемѣною, какъ мы уже выразились однажды, бѣлаго колпака на колпакъ бѣлый.

О повѣрочныхъ испытаніяхъ при университетахъ.*

На-дняхъ мы передавали соображенія «Новаго Времени» о повѣрочныхъ испытаніяхъ; по мнѣнію газеты, испытаній этихъ не должно быть. Мы не можемъ съ этимъ согласиться; нельзя находить справедливымъ, чтобы рѣшенія гимназій служили указами для университетовъ: кого назначимъ, тѣхъ и берп. Здравый смыслъ требовалъ бы совершенно обратнаго: по здоровому смыслу, каждому заведенію, какъ мы уже говорили не разъ, должно быть предоставляемо право вступительныхъ и переводныхъ экзаменовъ, и ни одному выпускныхъ, по той уже, между прочимъ, причинѣ, что выпускные экзамены должны свидѣтельствовать не только о зрѣлости испытываемыхъ юношей, но вмѣстѣ о достоинствѣ заведенія и способностяхъ педагоговъ. Не прямое ли извращеніе — передавать заведенію власть судить о томъ, кто годенъ или негоденъ къ слушанію курсовъ, преподаваемыхъ не въ его, а въ чужихъ стѣнахъ? Не тѣмъ ли болѣе извращеніе — передавать власть такого суда низшему заведенію о высшемъ? Или послѣдовательно, давайте такое же право родительскимъ домамъ, пансіонамъ и каждому частному учителю относительно гимназій, какое даете гимназіямъ относительно университетовъ. Пусть гимназій довольствуются домашнимъ испытаніемъ и оцѣнкою, произведенными передъ тѣмъ, какъ везти дитя въ гимназію. Не хотите? Считаете это нелѣпымъ? Необходимо признать значительную долю нелѣпости и въ томъ порядкѣ, по которому гимназическое начальство признается окончательнымъ

* «С. И.». 5-го марта. № 62.

университетскій вопросъ.

судьею о достопріемлимости молодого человѣка въ университетъ. Правду сказать, даже трудно представить основаніе, почему былъ отмѣненъ старый порядокъ, поручавшій производство вступительныхъ университетскихъ экзаменовъ профессорамъ. У насъ нѣтъ подъ рукою и распоряженія, которымъ введенъ новый обычай; приведены ли тамъ основанія или попросту сказано: *sic volo, sic jubeo*. Если же основанія приведены, не то ли главнымъ образомъ, чтобъ избавить молодыхъ людей отъ напрасныхъ проѣздовъ? Подразумѣвается, что молодой человѣкъ, негодный для университета, успѣетъ убѣдиться въ своей негодности отъ мѣстныхъ гимназій, и тѣмъ избавить себя отъ лишняго расхода. Но если бы такое основаніе и было приведено, мы усомнились бы; охотибѣ предположили бы, что за видимымъ сердоболіемъ о молодыхъ людяхъ скрывается сердоболіе скорѣе о профессорахъ, которымъ дѣйствительно скучновато было возиться съ экзаменами. Но это, полагаемъ, основаніе во всякомъ случаѣ такое, котораго можно и не уважить.

Итакъ, по надлежащему, отъ гимназій должно быть совсѣмъ отнято право выпускныхъ экзаменовъ, а тѣмъ болѣе — пріемныхъ въ университетъ. Самое крайнее, что можетъ быть въ этомъ отношеніи предоставлено гимназическимъ педагогамъ — испытаніе совмѣстное съ посторонними ревизорами. Къ этому приходитъ и «Новое Время»; но необходима оговорка. Гимназическіе педагоги могутъ быть депутатами при производствѣ испытаній другими, а не наоборотъ. Это большая разница, кто ревизуетъ и кто присутствуетъ при ревизіи. Выпускной экзаменъ, какъ мы сказали, есть повѣрка сколько учившихся, столько, если не болѣе, самихъ учившихъ. А потому главнымъ судьей долженъ быть прямо посторонній. Свои же люди, свои учителя, свой директоръ, въ качествѣ косвенныхъ отвѣтчиковъ, законно могутъ принимать участіе лишь въ производствѣ слѣдствія, а притомъ скорѣе помогать испытываемымъ и представлять за нихъ, нежели допрашивать. Когда кончился періодъ ученія, юноша въ своихъ бывшихъ подготовителяхъ, естественно, долженъ находить опору при сдачѣ послѣднихъ отчетовъ.

Если бы такъ, то, понятно, не представляло бы надобности и въ повѣрочныхъ испытаніяхъ. Когда же выпускные экзамены устроены на другихъ основаніяхъ, безъ повѣрки невозможно. «Новое Время» находитъ жестокимъ это повтореніе истязаній. Мы этого не находимъ, потому что не желаемъ, чтобы испытаніе вообще походило на истязаніе. Все зависитъ отъ того, какъ производить испытанія; существеннѣйшею изъ задачъ педагогическіхъ должно быть именно, чтобы экзамены не производили даже тѣни волненія и смущенія въ испытываемомъ. Дайте всегда испытываемому одуматься, не ставьте ему въ вину маловажныхъ ошибокъ и случайныхъ забывчивостей; воздержитесь болѣе всего отъ искушенія сбивать съ толку; напротивъ, ободряйте его и помогайте, наводите на мысль; наконецъ, придумайте самый видъ испытанія, чтобы онъ отстранялъ всякую мысль о случайности. Всѣ теперешнія болѣзненные впечатлѣнія испытываемыхъ производятся именно этими двумя причинами: инквизиціоннымъ способомъ, который прилагаютъ экзаменаторы, и лотерейнымъ качествомъ самихъ испытаній.

Не отрицая надобности повѣрочныхъ испытаній, мы стоимъ, однако, противъ практическихъ послѣдствій, которыя, между прочимъ, имѣются при нихъ въ виду. Въ этомъ случаѣ мы согласны съ «Новымъ Временемъ». «Новое Время» описываетъ странное, безотрадное и несправедливое положеніе, въ которое ставится молодой человѣкъ, отгоняемый отъ университета послѣ того, какъ на выпускномъ экзаменѣ онъ получилъ отличныя похвалы, можетъ быть даже заслужилъ медаль. Куда пойдетъ тогда несчастный юноша? спрашиваетъ газета, и мы вполне сочувствуемъ этому негодующему вопросу. Это есть несправедливость, обида и съ тѣмъ вмѣстѣ политическій вредъ: вы оскорбляете незаслуженно молодого человѣка и тѣмъ самымъ озлобляете. Вы сами поставили его въ положеніе увѣнчаннаго и потомъ развѣнчиваете. Это значитъ сочинять оскорбленіе, создавать озлобленныхъ, и притомъ безъ всякой нужды и пользы. Гдѣ больше вреда, въ томъ ли, что молодой человѣкъ, ошибочно удостоенный медали и способный прошибаться на третьемъ

склоненіи латинской этимологіи или на греческомъ придыханіи, будетъ слушать университетскія лекціи, или въ томъ, что получается лишнее озлобленное лицо противъ современнаго порядка?

Повѣрочныя испытанія съ правомъ отрицательныхъ рѣшеній напоминаютъ обычай старыхъ временъ, когда за плохо выученный урокъ барченкомъ сѣкли въ его глазахъ двороваго мальчика. Гимназіи провинились, выдавъ неправильно золотую медаль или даже просто удовлетворительный аттестатъ, а мальчикъ за это отвѣчай. Если уже должны сопровождаться повѣрочныя испытанія практическими послѣдствіями и если должны вообще существовать повѣрочныя испытанія, благодаря нелогическимъ правамъ гимназій, то и силу послѣдствій должно обрушивать непосредственно, если не единственно, на тѣхъ, кто предварительно испытывалъ и удостоивалъ, а не на испытуемыхъ и удостоенныхъ. Припоминается намъ, что отчасти такъ бывало встарь въ духовныхъ училищахъ. Въ духовныя академіи, при старыхъ порядкахъ, поступали двоякимъ порядкомъ молодые люди: одни, прямо удостоенные семинарскими начальствами, другіе—волонтеры. Экзамену вступительному были подвергаемы и тѣ, и другіе, но съ тою разницею, что если провалились удостоенные семинаріями и присланные ими въ качествѣ отличныхъ студентовъ, достойныхъ слушанія высшихъ курсовъ, то ихъ отправляли назадъ въ епархіи на счетъ тѣхъ начальствъ, которыя ихъ выслали; помимо срама, и эти обратные прогоны кое-что значили при огромныхъ нашихъ разстояніяхъ и при тогдашнихъ недостаточныхъ окладахъ. Вообще, сказать къ слову, система испытаній въ духовныхъ училищахъ, какая была въ старыя времена, отличалась во всѣхъ отношеніяхъ несравненно большею цѣлесообразностью и справедливостью, нежели какая была и есть въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и какая, по образцу послѣднихъ, заведена теперь, къ сожалѣнію, и въ духовныхъ.

По поводу полемики объ университетской реформѣ.*

Читатели могутъ составить понятіе, какая горячая полемика возбудилась замѣчаніями профессора Любимова на университетскій уставъ: мы сообщаемъ сущность и мнѣнія этого профессора и критикъ на него. Сегодня въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» г. Любимовъ снова беретъ перо и отвѣчаетъ своимъ возражателямъ. Качество и напряженность этого спора, на нашъ взглядъ, доказываютъ, что въ настоящую пору объ университетскомъ уставѣ толковать даже невозможно и что сама реформа, если бы даже была она изъ полезнѣйшихъ по существу, приведетъ скорее не къ пользѣ, а ко вреду.

Мы внимательно прочитали мнѣніе г. Любимова, прочитали и возраженія. Находимъ многое, въ чемъ не можемъ согласиться съ почтеннымъ профессоромъ: особенно непримѣнимымъ намъ кажется требованіе увеличеннаго, одновременнаго взноса отъ студентовъ. Но затѣмъ въ остальныхъ предположеніяхъ не находимъ, по крайней мѣрѣ, ничего чудовищнаго; отрицательныя положенія намъ кажутся даже безусловно вѣрными. Г. Любимовъ находитъ нераціональною настоящую систему экзаменовъ; мы находимъ ее таковою же и не разъ это поясняли. Г. Любимовъ находитъ возмутительнымъ попрошайство въ видѣ концертовъ въ пользу нуждающимся студентамъ; намъ этотъ обычай тоже кажется унизительнымъ. Г. Любимовъ въ восполненіи профессорскаго состава исключительными силами самого университета видитъ опасность кумовства и nepотизма и обмелчания науки. Но кто жъ этого не видитъ и кто не понимаетъ, что печальныя эти явленія состоятъ въ прямой зависимости отъ теперешняго закона, которымъ совершается подборъ профессоровъ? Итакъ, что же возбудило противъ г. Любимова горячія негодо-

* «С. И.», 31-го марта. № 88.

ванія? Почему мнѣніе его единогласно было отвергнуто и на совѣтѣ университетскомъ, да еще не просто отвергнуто, но отвергнуто «съ удареніемъ», mit Betonung, какъ выражается часто въ своихъ телеграммахъ телеграфное бюро Вольфа. Г. Любимовъ сегодня самъ почти жалуется на это, что совѣтъ не довольствовался, о чемъ просилъ г. Любимовъ, просто приложить его мнѣніе въ видѣ особаго, но провелъ его сперва сквозь строй профессорскихъ отзывовъ и представилъ его, такимъ образомъ, не просто какъ особое, но какъ единогласно отвергнутое.

Итакъ, гдѣ же причина? Она не заключается въ существѣ мнѣнія, о чемъ можетъ догадаться г. Любимовъ даже изъ собственнаго теперешняго отвѣта. Онъ напоминаетъ, что мнѣнія, ни хуже, ни лучше того, что теперь, однимъ словомъ, почти тѣ же самыя по основаніямъ и по подробностямъ представляемы были имъ и прежде, и онъ не оставался одинъ. Мнѣнія эти были высказываемы и въ другихъ университетахъ; нѣкоторыя Харьковскимъ университетомъ предлагаемы были даже единогласно, и никакой бури негодованія отъ этого не поднималось. Ясно, что негодованіе и единогласное отреченіе относятся не къ мнѣнію, а къ личности.

Но г. Любимовъ ничего такого не совершилъ, за что бы стоило на него опрокинуться; да не стали бы и прибѣгать къ такому косвенному способу. Ясно, что за г. Любимовымъ видятъ другихъ. Сказать проще: въ г. Любимовѣ видятъ одно съ «Московскими Вѣдомостями». Нападеніе на г. Любимова есть выстрѣлъ на г. Леонтьева, а г. Леонтьеву приписываютъ всемогущее вліяніе на теперешнее министерство. Это есть протестъ и противъ вліянія, приписываемаго г. Леонтьеву, и противъ системы, которая, какъ предполагаютъ, проводится г. Леонтьевымъ чрезъ министерство въ современный порядокъ просвѣщенія. Вѣрны ли эти догадки о вліяніи бывшаго профессора и тѣмъ болѣе о его всемогуществѣ, мы не рѣшаемъ, но мы настаиваемъ на фактѣ, что мнѣніе о такомъ вліяніи существуетъ и что протестъ и противъ вліянія, и противъ системы, изъ него объясняемой, существуетъ. Протестъ этотъ выразился сначала

неблагопріятной баллотировкой самого Леонтьева. Теперь выражается онъ же гораздо въ болѣе усиленныхъ выраженіяхъ, посредствомъ нападеній на мнѣніе г. Любимова. Мы не увеличимъ, когда скажемъ, что въ обществѣ, по крайней мѣрѣ московскомъ (за прочія не ручаемся), пробѣжало даже злорадство до нѣкоторой степени при вѣсти объ участи, постигшей злополучное мнѣніе, и злорадство опять по той же причинѣ. Общество раздѣлило въ этомъ случаѣ чувства совѣта и чувства извѣстныхъ петербургскихъ органовъ.

Объ этомъ предметѣ можно бы подольше поговорить и подробно разъяснить ближайшія и отдаленныя причины неудовольствія, передать кстати, какими обстоятельствами въ особенности оно поддерживается и день ото дня усиливается и распространяется; бываютъ сочетанія, имѣющія смыслъ злосчастнѣйшихъ нравственныхъ созвѣздій; бываютъ силы, содружества съ которыми не прощаютъ самому добросовѣстнѣйшему мнѣнію. Но не будемъ распространяться. Для настоящаго случая беремся доказать только одно: именно, что время для безпристрастной полемики по вопросу объ университетской реформѣ теперь, какъ мы сказали, есть самое неудобное и что сама реформа, будетъ она хороша или дурна въ себѣ, не приведетъ ко благу. Она падаетъ на почву, враждебно предрасположенную. Но чего ждать, когда съ отвращеніемъ и озлобленіемъ примутъ реформу тѣ самыя, которые должны будутъ ее исполнять?

Говоримъ это съ огорченіемъ, потому что въ необходимости реформы убѣждены, и притомъ реформы коренной. Говоримъ тѣмъ съ болѣшимъ огорченіемъ, что понимаемъ всю бесполезность нашихъ предупрежденій; реформа будетъ, разумѣется, произведена, и, всего вѣроятнѣе, произведена по рецепту довольно родственному съ тѣмъ, который предлагается г. Любимовымъ. Но тѣмъ менѣе сомнѣваемся, что за этимъ, рано или поздно и скорѣе рано, чѣмъ поздно, произойдетъ реакція—новая реформа, а съ нею и новое измѣненіе всей системы образованія или паденіе классицизма. Струны и теперь натянуты сильно.

Въ интересѣ именно классическаго образованія поднимаемъ —

увы, знаемъ, что безплодный — голосъ, не натягивать положенія еще сильнѣе. Надобно прислушиваться къ окружающему. Надобно имѣть терпѣніе постепенности. Вся реформа, производимая теперь въ просвѣщеніи, именно страдаетъ болѣе всего этимъ недостаткомъ крутости, нетерпѣливости, исключительности. Выписанные изъ-за моря учителя классическихъ языковъ оказываются, по экзамену, незнающими предметовъ, на преподаваніе которыхъ приглашены. А они, между тѣмъ, учили невозбранно, и подъ особымъ покровительствомъ начальства, цѣлые два года! Вотъ вамъ результатъ нетерпѣливости. Какіе анекдоты по части знанія классическихъ языковъ рассказываются о новоиспеченныхъ педагогахъ россійскаго приготовленія, объ этомъ лучше умолчимъ — изъ сожалѣнія къ едва оперившимся молодымъ людямъ. А публика все собираетъ и все поясняетъ по-своему. Вы желаете возвысить умственный уровень студенчества и усиливаете экзамены, но публика предполагаетъ заднюю мысль и говоритъ: «двадцать лѣтъ откровенно объявлялось, что болѣе 300 чловѣкъ не должно сидѣть на университетскихъ скамейкахъ; теперь достигаютъ того же, только другимъ способомъ». Вы возмущаетесь благотворительными концертами и другими благовидными способами попрошайства. Вамъ отвѣчаютъ: «понимаемъ, вы хотите бѣдныхъ совсѣмъ оттолкнуть отъ университета». За *opus consulum* ставятъ единицу и лишаютъ вступленія въ университетъ. Отцы, когда-то тоже проходившіе латынь, вошютъ: «экзаменаторъ ослѣпъ, онъ самъ не смыслить; *alter consulum* вѣрно, только когда говорится объ опредѣленномъ одномъ изъ двухъ консуловъ, а не объ одномъ изъ всего множества консуловъ, перебывавшихъ въ республикѣ и имперіи; тутъ умыселъ другой; принципъ — запираетъ двери крѣпче». Лицею цесаревича Николая даютъ права; его воспитанники освобождаются не только отъ экзаменовъ, но и отъ провѣрокъ (?). Эта публика записываетъ, объясняетъ въ связи съ усиленными строгостями, налагаемыми на гимназическихъ и домашнихъ выпускниковъ, и усматриваетъ ловко придуманный способъ уловленія въ стѣны лица.

Продолжать ли? Нѣтъ, остановимся, потому что продолжать можно было бы безъ конца, наслушавшись всевозможныхъ догадокъ и толковъ, иногда правдоподобныхъ, иногда даже совсѣмъ невѣроятныхъ. А они растутъ. Въ заключеніе обратимъ вниманіе на фактъ, нелишенный скорбной занимательности, что въ настоящей полемикѣ по университетскому вопросу г. профессоръ, равно какъ его оппонентами, именно и забыта сторона, о которой мы рѣшились напомнить — забыта публика, забыты отцы, матери, братья, сестры учащихся. Одни толкуютъ въ интересахъ достоинства профессоровъ, другіе становятся за достоинство центральной власти. Не угодно ли послушать и еще? Студенты, тѣ толкуютъ въ тѣсныхъ своихъ интересахъ и требуютъ себѣ голоса, правда, по частному вопросу о распредѣленіи пособій. Но все равно. А публика-то, а отцы, а все общество? Не мѣшаетъ и ихъ имѣть въ виду и съ нимъ тоже считаться.

Мы упоминали сейчасъ о студенческихъ воззрѣніяхъ. Извлекаемъ изъ редакціоннаго архива два письма, въ числѣ прочихъ полученныя уже давно, вскорѣ послѣ памятнаго студенческаго бала. Они толкуютъ не о формѣ университетскаго устава, но, въ свою очередь, тоже поучительны. Пишутъ молодые люди, очевидно, проникнутые наилучшимъ настроеніемъ. Но какая духовная безпомощность, какое одиночество! Какой приговоръ слышится настоящему составу профессоровъ и всему настроенію университета! Эти письма могутъ служить лучшимъ доказательствомъ неотложности реформы. А между тѣмъ такое трагическое противопоставленіе слышится, и именно со стороны общества противъ всякой попытки къ обновленію университета, если оно предпримется *ceteris paribus*, при сохраненіи всѣхъ остальныхъ теперешнихъ условій просвѣщенія, достаточно накопившихъ неудовольствій!...

Вотъ студенческія письма:

I.

«М. Г. Будучи самъ студентомъ три года, я успѣлъ ознакомиться съ бытомъ бѣдныхъ или недостаточныхъ студентовъ и съ тѣмъ вліяніемъ, какое имѣетъ благотворительность на ихъ бытъ. Между бѣд-

ными студентами встрѣчаются иногда дѣйствительно свѣтлыя, достойныя личности, благотвореніе для которыхъ не пропадаетъ даромъ, но большинство этихъ, такъ называемыхъ, бѣдныхъ студентовъ составляетъ большое мѣсто въ жизни высшаго учебнаго заведенія: они крайне деморализованы, средства стипендіи употребляются ими на прихоти и интересы науки неглижируются. Что порождаетъ такую неприглядность между студентами? Вы, можетъ быть, укажете на благотворительность во всѣхъ ея многоразличныхъ проявленіяхъ, какъ на причину всѣхъ этихъ по истинѣ грустныхъ явленій. Нѣтъ. Благотворительность сама по себѣ небольшое зло. Помогать ближнему есть требованіе нравственнаго закона. Нищета не есть нѣчто позорное; она составляетъ общее явленіе жизни: «нищихъ всегда имате съ собою», и между студентами она вполне естественна. Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, какъ облегчить для студентовъ перенесеніе этой *vis major*? По какимъ путямъ направлять благотворительность, чтобы она достигла своей цѣли—облегченія несчастія. Какъ устроить, чтобы благотворительностью пользовались не формально бѣдные, а матеріально? Чтобы добродетельное дательство не развращало благодарствующихъ, а возбуждало бы въ нихъ благотворный духъ смиренія и стремленіе заслугами на пользу наукъ отблагодарить благотѣлствующихъ? Взгляните на все болѣе и болѣе привлекающее къ себѣ общественыя симпатіи Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ; оно достигаетъ, благодаря разумнымъ мѣрамъ, своей цѣли и потому представляетъ отрадное явленіе. Не то между студентами: здѣсь начальство строго руководствуется формальными доказательствами бѣдности и нисколько не обращаетъ вниманія на ея матеріальную сторону. Достаточно представить темными путями добытое свидѣтельство о бѣдности, чтобы быть освобожденнымъ отъ платы за слушаніе лекцій, получить стипендію и вдобавокъ еще единовременныя пособія изъ разныхъ, назначенныхъ на это суммъ. Начальству все равно, дожидается ли проситель назначеннаго ему вспомоствованія въ бобровомъ воротникѣ или въ лѣтнемъ пальто трудно распознаваемого цвѣта. Такое же равнодушіе питаютъ и сами благотѣлствуемые студенты: они вовсе не стѣсняются просить помощи у г. ректора, а есть и такіе, что цинично похваляются своимъ умѣньемъ получить болѣе противъ другихъ».

«Дозволяя устройство студенческаго бала, начальство допустило счастливую непослѣдовательность, причина которой кроется въ про-свѣщенно-гуманномъ отношеніи немногихъ профессоровъ къ студентамъ. Воспрещая прежде, въ видахъ опасности корпоративнаго духа между студентами, литографированіе лекцій, рѣшительно необходимыхъ для изученія преподаваемыхъ предметовъ, оно разрѣшаетъ учредителямъ и распорядителямъ пресловутаго бала устраивать засѣданія, на которыхъ рѣшается судьба собранныхъ съ бала суммъ, которыя, будучи приобрѣтены именемъ всѣхъ студентовъ, расходуются безо вся-

каго контроля со стороны послѣднихъ и кого бы то ни было. Совершенно было бы дѣйствительно доброе и справедливое дѣло, если бы эта непослѣдовательность обусловлена была какимъ-нибудь принципомъ, который на будущее время ее логически оправдывалъ, и устроено было бы общество для пособія нуждающимся студентамъ, проектированное кіевскимъ профессоромъ г. Бунге, которое, при участіи самихъ студентовъ, какъ близко знакомыхъ съ состояніемъ своихъ товарищей, оцѣнивало бы бѣдность съ ея матеріальной стороны и уничтожило бы возмутительную привычку, выхаживъ у предводителя дворянства извѣстное свидѣтельство, обирать добродушное начальство и живо симпатизирующее учащемуся юношеству обществу. Обильныя и частыя жертвы послѣдняго не прошли бы тогда мимо дѣйствительно нуждающихся, но не имѣющихъ возможности выполнить установленныя формальныя требованія, по громадности ли разстоянія, отдѣляющаго ихъ отъ родины, какъ, напримѣръ, студентовъ Восточной Сибири, или по какимъ-либо другимъ причинамъ. Тогда и заручившимся свидѣтельствомъ о бѣдности не пришлось бы эксплуатировать карманы добродетельныхъ дателей».

«Студентъ-пессимистъ».

Москва. 6-го февраля 1873 г.

II.

«Если находятся многіе изъ студентовъ, которые посмотрѣли на извѣстный балъ, какъ «на зарю новой жизни», то осмѣлюсь заявить, что есть также въ средѣ ихъ и такіе (правда, ихъ немного), которые не безъ краски стыда прочитали замѣтку въ номерѣ «Современныхъ Извѣстій» о студенческомъ вечерѣ и по поводу ея размышленіе. Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что до «зари новой жизни», кажется, придется долго, долго ждать, если обратить вниманіе на отсутствіе серьезнаго труда и на мелкія практическія понятія студента. Пишущій эти строки—студентъ и хорошо знакомъ какъ съ образомъ мыслей своихъ товарищей, такъ и съ ихъ ничего недѣланиемъ. По понятію большинства студентовъ, университетъ есть путь къ диплому, а зубреніе лекцій—орудіе для полученія вожделѣннаго документа».

«Холодное равнодушіе къ серьезному знанію, школьная зубрѣлка, погоня за баллами, хожденіе въ университетъ съ цѣлью намотать глаза профессору и чрезъ то остаться въ памяти—вотъ какія, къ несчастію, качества характеризуютъ студента. Нескоро найдешь товарища, который бы искренно относился къ наукѣ, съ которымъ жарко можно бы поспорить, не рискуя черезъ нѣсколько минутъ съѣхать на легонькіе разговорцы, который бы больше уважалъ книгу, чѣмъ таксканье по бульварамъ. Такихъ очень и очень немного. А было, говорятъ, время, когда студенты не прозябали, а кипѣли молодою и здо-

ровою жизнью, когда, собравшись въ сырой конурѣ съ пробитымъ диваномъ и стуломъ о трехъ ножкахъ, они, разгоряченные споромъ, на-примѣръ, объ идеяхъ Гегеля, не замѣчали никакихъ неудобствъ и воображали себя счастливейшими изъ смертныхъ. То, дѣйствительно была «заря новой жизни», и жаль, что она не была предвѣстницей полного разсвѣта, но по волѣ невѣдомой силы потухла, исчезла».

«Гдѣ искать главную причину грустнаго направленія студенческой жизни? По моему крайнему разумѣнію, она коренится въ цѣломъ обществѣ. Если внимательно присмотрѣться къ интересамъ общества, къ тому, что особенно занимаетъ его въ данный моментъ, то получится впечатлѣніе очень неутѣшительное: утилитарные виды на первомъ планѣ, сдѣлаться богатымъ—чуть не идеаль большинства,—а какова почва, таково и растеніе; направленіе студента не есть ли продуктъ общественной жизни? Кажется, въ такомъ выводѣ не будетъ натяжки».

«Въ образѣ мыслей и поведеніи студента очень много аналогичскаго съ кропотливыми дѣлишками общества. Извѣстно, какъ большинство студентовъ смотритъ на университетское образованіе. Нельзя объяснять исключительно нуждою и то обстоятельство, что въ послѣднее время многіе студенты начали заниматься въ разныхъ конторахъ, гдѣ, волей-неволей, имъ приходится иногда играть не совсѣмъ благо-видную роль. Бросается также въ глаза и другое, новое явленіе въ университетской жизни—именно, студенты въ довольно значительномъ количествѣ стали жениться. Все это краснорѣчиво говоритъ за то, что учащаяся молодежь нашла на полку и избрала неблагоую часть. Общество обыкновенно съ негодованіемъ и даже съ презрѣніемъ смотритъ на шалопайство студента, но не должно ли оно прежде всего покраснѣть за себя? Не есть ли это шалопайство дѣтище самого общества? Что такое оно само дѣлаетъ? Двинулась ли наша публика впередъ, къ цѣли человѣчной, общественной? Не должна ли она сознаться, что во время оно общество не отличалось такимъ рьянымъ утилитаризмомъ, какимъ оно заражено въ настоящую минуту?»

«Правда, зажечь человѣческую искру, пробудить сознание, двинуть учащуюся молодежь къ доброй цѣли—все это могъ бы сдѣлать университетъ; но увѣ! наши университетскія свѣтила больше свѣтятъ, чѣмъ грѣютъ. Отношенія профессора къ студенту всемъ извѣстны: профессоръ окруженъ китайскою недоступностью, съ нимъ трудно студенту заговорить, заспорить,—его дѣло придти въ университетъ, прочитать по большей части разъ навсегда составленную лекцію и въ концѣ учебнаго года поставить баллъ. Нужно имѣть счастливую энергію и свѣтлое сознание, чтобы не заснуть подъ это однообразное токанье ученаго маятника,—а гдѣ взять студенту энергіи? Въ обществѣ? Откуда ему, получить это свѣтлое сознание? Въ университетѣ? Въ отвѣтъ на это остается только тяжело вздохнуть...»

«Современныя Извѣстія» для оживленія университета предлагаютъ учредить экзаменаціонную комиссію, которая давала бы право на по-

лученіе диплома и не имѣла бы никакого отношенія къ университету. Что жъ? Мысль благая и дай Богъ, чтобы она не осталась одною мыслью и однимъ голосомъ, вопиющимъ въ пустынь! Но, кромѣ этой принудительной мѣры, мнѣ кажется, слѣдовало бы обратить вниманіе и на другое, не менѣе сильное средство оживить молодежь—именно, дать студентамъ большую свободу, чѣмъ какою они пользуются въ настоящее время, т. е. позволить имъ собираться потолковать, почитать, разумеется, безъ всякой организаціонной затѣи. А то вѣдь на дѣлѣ такъ бываетъ, что если три-четыре студента задумаютъ изрѣдка сходить за тѣмъ, чтобы провести вечерокъ въ чтеніи, на-примѣръ, Писарева, имъ сейчасъ прикажутъ разойтись. Я знаю много подобныхъ случаевъ. Обратиться за разрѣшеніемъ къ университету? Но кому придетъ охота ставить себя подъ контроль, когда собираются четыре человѣка по-товарищески и безъ всякой мысли составленія общества? И неудивительно, послѣ этого, что между студентами слышатся такіа изреченія: «и собираться можно только не для разсужденій, а для кутежа, ибо за первыя будутъ преслѣдовать, а за послѣдній оставить въ покоѣ».

«Да простятъ мнѣ мои товарищи по университету за то, что я высказалъ грустную истину. Если имъ покажется несправедливымъ мое слово, то пусть возражаютъ!»

«Товарищъ».

12-го января 1873 г.

О назначеніи профессоровъ.*

Одинъ ученый намъ пишетъ:

«Г. редакторъ! Смѣю васъ увѣрить, что профессоръ Любимовъ объясненіемъ своимъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» ввелъ и васъ, и многихъ другихъ въ грубое заблужденіе, сославшись на мнѣніе одиннадцати профессоровъ Московскаго университета, требовавшихъ будто бы въ 1862 году, при пересмотрѣ устава, исключительнаго замѣненія университетскихъ кафедръ по назначенію отъ министра. Дѣло было не такъ, о чемъ можно справиться въ двухъ томахъ Записокъ на университетскій уставъ, изданныхъ велѣдъ затѣмъ; тамъ есть и это мнѣніе одиннадцати профессоровъ. Всѣ остальные требовали замѣненія кафедръ только по рѣшенію самихъ университетовъ, безъ дальнѣйшаго утвержденія какою-либо правительственною властью: сегодня избранъ большинствомъ, завтра начинай читать лекціи. Противъ этой крайности и возсталъ меньшинство изъ одиннадцати профессоровъ

* «С. П.». 4-го апрѣля. № 92.

имена коихъ г. Любимовъ отчасти привелъ въ своемъ объясненіи, изъ коихъ нѣкоторые и теперь еще состоятъ на службѣ: они не хотѣли исключать участіе министра въ назначеніи профессоровъ. Извѣстно, что уставъ 1863 года призналъ эту мысль: кандидаты на каѳедры записываются въ факультетахъ; затѣмъ баллотируются также и въ совѣтъ, а потомъ уже представляются: доценты на утвержденіе попечителей, а профессора—министра. Намъ извѣстенъ случай, что въ одномъ изъ учебныхъ округовъ (не здѣшнемъ) попечитель не утвердилъ одного доцента, избраннаго университетскимъ совѣтомъ; то же можетъ дѣлать и министръ, имѣющій всегда возможность вытребовать къ себѣ баллотировальные листы всѣхъ кандидатовъ, подвергшихся избранію. Затѣмъ всѣ ищущіе каѳедръ у насъ наперечегъ и скорѣе не идутъ въ ученую службу (напримѣръ, юристы), чѣмъ ищутъ ея. Чего же теперь добивается г. Любимовъ своимъ мнѣніемъ? Исключительнаго выбора и безсрочнаго назначенія профессоровъ министромъ, отнимая у послѣдняго лучшее средство знать всѣхъ годныхъ къ тому кандидатовъ чрезъ представленія совѣтовъ. Стало быть, онъ стремится къ противоположной крайности, и надо полагать, что совѣтъ здѣшняго университета, отвергнувъ мнѣніе г. Любимова, поступилъ на тѣхъ же основаніяхъ, какими руководились 11 профессоровъ, протестовавшихъ противъ другой крайности. Ссылаться на ихъ мнѣніе, при нынѣшней постановкѣ вопроса г. Любимовымъ, значило бы исказить истину. Они отвергли одну крайность, г. Любимовъ заставляетъ ихъ теперь поддерживать противоположную. Но тамъ опасенъ былъ непотизмъ, камрачество, а тутъ тайныя, единичныя внушенія, одноличныя предстательства, чего такъ боятся, по вашему замѣчанію, русское общество. Въ 1863 году ослабили недостатки, связанные съ круговой порукой (по русской пословицѣ: рука руку моетъ); теперь могутъ вызвать влияние и силу временщиковъ, которые въ былыя времена, а, можетъ быть, и нынѣ еще, зачастую компрометировали власть. Вотъ истинный смыслъ полемики, по мнѣнію человека, отслужившаго свой срокъ до устава 1863 года».

Мы не желаемъ входить въ полемику по этому частному вопросу, тѣмъ болѣе, что уже не разъ объявляли, что считали вопросъ о способѣ назначенія профессоровъ наименѣе существеннымъ для оживленія университетовъ и поднятія науки. Ученый корреспондентъ справедливо замѣчаетъ, что исключительности, въ ту ли, въ другую ли сторону, вредны. Равно справедливо указываетъ онъ на ту особенность въ положеніи университетовъ, что въ кандидатахъ на профессуру скорѣе у насъ недостатокъ, чѣмъ излишество. А то и другое говорить за сохраненіе

настоящей системы назначеній; министръ можетъ на практикѣ шире воспользоваться правомъ своего veto; право это столь сильно, что оно почти равняется полновластію. Но и то сказать, при недостаточномъ контингентѣ кандидатовъ на профессорство много ли представится и случаевъ министру браковать избранныхъ, если только не предпочтется оставлять каѳедры пустующими, чѣмъ наполнять людьми недостойными; одна бѣда въ этомъ случаѣ стоитъ другой.

Если на что въ замѣщеніи каѳедръ стоитъ обратить вниманіе, то именно на размноженіе контингента профессоровъ, и вотъ чему слѣдуетъ оказать поощреніе. Достигнуть этого можно, главнѣйшимъ образомъ, облегченіемъ и расширеніемъ правъ доцентства. Откройте шире двери желающимъ преподавать; не стѣсняйте въ экзаменахъ того, кто предпочелъ казенному профессору частнаго; примите систему гонорарія, усвоеннаго въ нѣмецкихъ университетахъ. Подъ влияніемъ этихъ мѣръ недостатка въ кандидатахъ не окажется, особенно если казенныхъ профессоровъ отстранить отъ права загораживать доцентамъ двери. Будетъ тогда изъ чего дѣлать выборъ и министру; не замедлитъ, кромѣ того, ученая конкуренція, вмѣсто теперешнихъ личныхъ интригъ и искательствъ; слѣдовательно, помимо всего, въ выгоду будетъ и нравственность, и наука.

А нравственность и въ этомъ вопросѣ не малое дѣло. Чтобы возвысить достоинство ученыхъ мужей и ихъ характеръ, необходимо бы—и это мы говоримъ не первый разъ—даровать ученому сословію ту независимость, которая въ законѣ дарована судейскому сословію. Чины съ орденами производятъ невѣроятныя послѣдствія, и не всегда къ пользѣ тѣхъ, кто ими украшается. Въ числѣ прочихъ, краснорѣчивѣйшій примѣръ мы видимъ на духовенствѣ: устремленіе на скуфы и камилавки было едва ли не главнѣйшею мушкою, оттянувшюю всѣ умственные и нравственные соки этого сословія отъ прямого призванія. Грозитъ то же ученому сословію. Зато, наоборотъ, при совершенной независимости профессора въ сказанномъ смыслѣ, даже та исключительность, которой хочетъ г. Любимовъ, обезразличилась бы

въ своемъ дѣйствіи: университетъ не обратился бы въ департаментъ, а профессора въ начальниковъ отдѣленія, какъ боятся петербургскіе органы.

По поводу статьи объ университетскомъ вопросѣ.*

Мы не беремъ на себя вполнѣ защищать нижеизложенное мнѣніе, подъ заглавіемъ: Университетскій вопросъ. Г. Русскій, отвѣчая на возраженія «Московскихъ Вѣдомостей»—«пущай наука гніетъ и студенты бѣютъ баклуши», утверждаетъ, что на дѣлѣ нѣтъ ни того, ни другого, и даже выводитъ отсюда, что радикальной реформы въ университетскомъ уставѣ совѣмъ не нужно. Не будемъ повторять своего мнѣнія по этому вопросу, мы его высказывали неоднократно. Замѣтимъ лишь, что цифры, приводимыя авторомъ о дѣятельности университетовъ, не убѣдительны. Онѣ доказываютъ, что уставъ 1863 года не содѣйствовалъ ухудшенію университетовъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ невозможно было желать и достигать еще лучшаго. Онѣ могутъ доказывать, что университеты теперь даже лучше, чѣмъ прежде, но никто не понимаетъ преобразованія въ смыслѣ возврата къ старинѣ.

Впрочемъ, авторъ самъ соглашается, что дѣло не въ уставахъ и параграфахъ, и въ этомъ смыслѣ два замѣчанія, имъ высказанныя, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Одно изъ нихъ касается той нравственной зависимости университетовъ отъ общества, въ силу которой ученые труды не получаютъ у насъ достаточнаго вознагражденія. Иначе сказать, запросъ на науку слабъ; внутренней подробности въ умственномъ развитіи, любознательности въ ея высшемъ смыслѣ не разлито среди общества. Нельзя не согласиться съ выводомъ, къ которому отсюда приходитъ г. Русскій, что прежде и главнѣе всего, поэтому необходимо озабо-

титься усиленнымъ распространеніемъ первоначальнаго и средняго образованія, послѣ чего процвѣтаніе высшей науки явится само собою, какъ естественный плодъ.

Другое замѣчаніе, хотя вскользь брошенное, напоминаетъ о коренной ошибкѣ, допущенной въ свое время полезнымъ въ другихъ отношеніяхъ объединеніемъ государственной кассы. Мы говоримъ объ отсутствіи специальныхъ средствъ у университетовъ, по крайней мѣрѣ у здѣшняго. Заведенія (научныя и благотворительныя) не могутъ быть въ этомъ случаѣ сравниваемы съ государственными учрежденіями въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, съ мѣстами административными и судебными. Если въ послѣднихъ подчиненіе единству кассы спасаетъ государство отъ непродвижительныхъ расходовъ, то заведенія, подобныя университету, безъ самостоятельныхъ средствъ, наоборотъ, лишаются одного изъ условій своей производительности. Въ этомъ смыслѣ не можемъ не поспѣвать, вмѣстѣ съ авторомъ, на прорѣхи университетскаго хозяйства и не пожалѣть, что одинъ изъ университетскихъ корпусовъ «имѣетъ видъ пересыльнаго замка», какъ онъ справедливо выразился.

А кстати, почему бы этотъ «пересыльный замокъ», т. е. лавочный корпусъ на Моховой, не отдать въ аренду, изъ условій выстройки, какому-нибудь предпринимателю, подобно тому, какъ, напримѣръ, поступилъ Богоявленскій монастырь съ своею пусто-порожнею землею въ Богоявленскомъ переулкѣ? Охотники бы нашлись, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Или и то сказать: при полномъ подчиненіи единству кассы, какая, въ самомъ дѣлѣ, нужда университету хлопотать объ операціи, плоды которой достанутся ли ему, неизвѣстно?

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ.

«Науки гніютъ, студенты баклуши бѣютъ», говорятъ «Московскія Вѣдомости» (№ 85) въ своемъ возраженіи на статью «Современныхъ Извѣстій» и, на основаніи такого приговора, настаиваютъ на коренной перемѣнѣ университетскаго устава. Настаивать можно на всемъ, но основанія къ тому слѣдуетъ приводить не придуманныя, но безспорныя, признанныя всѣмъ обществомъ. Затѣмъ, если указываемыя

* «С. И.», 11-го апрѣля. № 97.

причины требуемой формы вѣрны, то нельзя великое зло лечить такими скудными средствами, какъ параграфы, статьи или тому подобныя мѣры: тутъ нужна не одна буква, прилагаемая въ дѣйствительности какъ угодно, но внутренній духъ, создаваемый самою жизнью, а не уставами, которые могутъ быть лишь ею же освящаемы».

«Но посмотримъ прежде: вѣрны ли основанія, указанныя защитниками коренной передѣлки нашихъ университетовъ? Не суть ли они одно только праздное слово? Науки гниютъ и виною выставляется уставъ 1863 года; стало быть, до него онѣ у насъ процвѣтали. Когда рѣчь идетъ о гніеніи университетской науки, то ея гніеніе можетъ быть доказываемо прямо ученою дѣятельностью членовъ университета. Посмотримъ на эту дѣятельность сперва съ вышней стороны. Изъ ежегодныхъ отчетовъ одного Московскаго университета мы получаемъ слѣдующія данныя. Въ 1865 году, который можно считать годомъ, когда господство стараго устава только что прекращалось, 30 преподавателей Московскаго университета издали различные ученые труды; а въ 1867 году, когда университетская жизнь уже вполне сложилась по новому уставу, 50 преподавателей напечатали свои сочиненія; затѣмъ въ 1863 году напечатали свои труды 46 человекъ, въ 1869 году—42, въ 1870 году—51, въ 1871 году—37, въ 1872 году—41. Мы не считали здѣсь такихъ преподавателей, которые по нѣскольку лѣтъ кряду заявляли въ университетскихъ отчетахъ, что занимаются составленіемъ или продолженіемъ такихъ трудовъ, которые и до сихъ поръ не появлялись въ свѣтъ: такъ, мы не считали г. Крылова, о которомъ нѣсколько разъ заявлялось, что онъ «занимался и продолжаетъ заниматься приготовленіемъ къ печати курса лекцій по римскому праву», не считали г. Леонтьева, о которомъ печаталось, что онъ «занимается изготавленіемъ учебныхъ руководствъ по гимназическимъ курсамъ», ибо не знаемъ таковыхъ съ его именемъ. Изъ вышеприведенныхъ цифръ не видно, чтобы ученая дѣятельность преподавателей дѣйствительнаго университета была убита уставомъ 1863 года».

«Число докторовъ и магистровъ, выпущенныхъ со времени введенія новаго устава Московскимъ университетомъ и большею частью оставленныхъ на ученой службѣ при немъ и при другихъ русскихъ университетахъ, не уступаетъ ихъ числу за такое же количество лѣтъ той эпохи, когда дѣйствовалъ прежній уставъ. Ученые труды членовъ Петербургскаго университета столь же многочисленны, какъ и труды московскихъ преподавателей. Изъ послѣдней книжки «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» мы видимъ, что въ Петербургскомъ университетѣ въ 1871 году 43 преподавателя напечатали свои сочиненія. Изъ послѣднихъ извѣстныхъ намъ отчетовъ другихъ университетовъ видно, что въ Киевскомъ университетѣ напечали свои сочиненія 28 преподавателей, въ Варшавскомъ—27, въ Харьковскомъ—18, въ Казанскомъ—17, въ Одесскомъ—13. А сколько ученыхъ обществъ возникло при русскихъ университетахъ со времени введенія устава 1863 г.:

сперва при Московскомъ, а потомъ и при всѣхъ, общества естествоиспытателей; при Московскомъ юридическое и математическое, въ Киевѣ историческое, въ Казани медицинское и т. д.»

«Можно ли утверждать, что преподаватели русскихъ университетовъ небрегутъ своимъ дѣломъ? Но, быть можетъ, они представляютъ въ своихъ трудахъ только гнилой товаръ; это было бы извѣстно русскому обществу, русскимъ образованнымъ людямъ, ибо вездѣ успѣхи науки тѣсно связаны съ успѣхами народнаго образованія. Одиное сужденіе, одиночный приговоръ въ этомъ случаѣ можетъ имѣть свою цѣну лишь тогда, когда онъ слышится отъ такихъ свѣтилъ науки, какъ Гумбольдтъ или Гизо; въ противномъ случаѣ онъ есть признакъ зазнавшагося самолюбія или служить подкладкою для какой-либо посторонней цѣли, не имѣющей ничего общаго съ наукою, съ просвѣщеніемъ. Въ Россіи этотъ голосъ раздавался три раза; въ 1819—1824 гг., когда Магницкіе и Руничи ворвались въ университетскую жизнь, сняли формы, данныя ей уставомъ 1804 года, уничтожили нѣсколько кафедръ, предметы которыхъ они считали гнилыми для русской жизни, придали преподаванію особенный, свойственный ихъ дѣятельности характеръ, и потомъ исчезли сами вмѣстѣ съ своей системою; затѣмъ, въ 1848 году, когда въ русскихъ университетахъ закрыты были кафедры философіи, ограничено число студентовъ, вопреки уставу 1835 года, а въ гимназіяхъ унижены до послѣдней степени древніе языки и, наконецъ, раздается теперь... но на какомъ основаніи—не удостоиваютъ высказать; ради какой цѣли—про то вѣдаютъ только вопіющіе то. Знаемъ только, что о гніеніи науки въ Россіи не сказано ни слова въ министерскомъ циркулярѣ, предложившемъ пересмотрѣть университетскаго устава. А кому бы лучше знать это?»

«Студенты бьютъ баклуши»,—говорятъ «Московскія Вѣдомости» и обвиняютъ въ томъ уставъ 1863 года. Но съ этимъ уставомъ число студентовъ, подающихъ ежегодно сочиненія на темы, задаваемыя для полученія медалей, не только не уменьшилось въ русскихъ университетахъ, но растетъ съ каждымъ годомъ; сочиненія студентовъ съ тѣхъ поръ чаще печатаются въ университетскихъ изданіяхъ. Съ устава 1863 года при всѣхъ факультетахъ оставляются на два года по нѣскольку лучшихъ студентовъ для приготовленія къ высшимъ ученымъ степенямъ; при большей части кафедръ историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ заведены семинаріи, т. е. практическія упражненія для студентовъ; есть преміи за лучшія работы; не говоримъ уже о медикахъ, которымъ некогда бить баклуши при ихъ ежедневныхъ занятіяхъ въ клиникахъ, больницахъ, анатомическихъ театрахъ, лабораторіяхъ и кабинетахъ своего факультета. «Московскія Вѣдомости» ни чѣмъ не докажутъ справедливость своего завѣренія. Исчезли студенческія оргіи стараго времени».

«Что же нужно для нашихъ университетовъ? Прежде всего поддержки матеріальной и нравственной текущимъ ученымъ, преподавательскимъ

и учебнымъ занятіямъ профессоровъ и студентовъ. Уставъ 1863 года увеличилъ средства на это, но не въ достаточныхъ съ потребностями размѣрахъ. Въ немъ множество самыхъ важнѣйшихъ потребностей предоставлено на удовлетвореніе изъ сборной суммы со студентовъ за слушаніе лекцій или изъ специальныхъ средствъ каждаго университета. Но сборная сумма слишкомъ мала для этихъ нуждъ и хотя, напримеръ, въ Московскомъ университетѣ профессора не дѣлятъ между собою предоставляемую имъ часть этой суммы, а обращаютъ ее на учебныя потребности, обогденныя уставомъ, но все-таки этой суммы не хватаетъ на покрытіе всѣхъ педагогическихъ нуждъ университета. Своихъ специальныхъ средствъ, которыя уставъ предполагаетъ у каждаго русскаго университета, у Московскаго университета нѣтъ. Они были до 1863 года и состояли въ доходахъ съ типографіи, ея домовъ и университетской газеты; но съ тѣхъ поръ, какъ эти статьи сданы въ аренду, Московскій университетъ не получаетъ на свои нужды ни одной копейки изъ ежегодной арендной суммы въ 75.000 рублей, идущей не въ университетскую кассу. Въ десять лѣтъ нужды университета превысили и его штатные доходы, и его сборную сумму, и теперь министерство само признало необходимымъ выдать Московскому университету въ нѣсколько сроковъ до 200.000 рублей на новыя необходимыя для него постройки и на починку старыхъ, готовыхъ развалиться отъ ветхости. Но это пособие не покроетъ даже всѣхъ строительныхъ нуждъ университета. Старый лавочный корпусъ, стоящій на Моховой, противъ манежа, въ видѣ какого-то пересыльнаго замка, останется въ прежнемъ видѣ, столь же бесполезнымъ, какъ и до сихъ поръ. Собственно ученые и учебныя нужды университета остаются также при прежнихъ средствахъ, безъ усиленія которыхъ нѣтъ возможности возвысить учебныя занятія и поднять ученые труды».

«При этомъ, къ слову сказать о частыхъ заявленіяхъ, не только встрѣчающихся въ печати, но и слышащихся въ обществѣ — о необходимости умножить число университетовъ въ Россіи; у насъ-де университетовъ относительно общаго числа всего народонаселенія имперіи менѣе сравнительно съ количественнымъ отношеніемъ числа университетовъ къ массѣ народонаселенія въ другихъ европейскихъ странахъ. Но университеты не существуютъ для народной массы; они могутъ быть полезны только для грамотныхъ. А если мы возьмемъ число грамотныхъ въ Германіи и число университетовъ въ ней и сравнимъ ихъ съ числомъ ея университетовъ, то увидимъ, что у насъ университетовъ болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой европейской странѣ. Не увеличивать число ихъ, не ослаблять и безъ того не обильную рѣку подобными каналами, а развѣ охранять или поддерживать уже существующее намъ будетъ только что въ пору. Да и сама ученая дѣятельность у насъ еще не настолько вознаграждается обществомъ, или мало сознающимъ пользу науки, или даже не нуждающимся въ ней, что не

даетъ за потраченные на нее труды такого вознагражденія, какъ въ западной Европѣ. Если русская наука еще скудна, то эта скудость зависитъ отъ бѣднаго образованія нашей народной массы, чему могутъ помочь только первоначальныя школы, затѣмъ уже среднія. Распространите образованіе въ народѣ, тогда поднимутся гимназій и реальныя училища, а за ними и университеты съ ихъ наукою. Но этого не исцѣлишь одними параграфами и уставами, которые тутъ не причемъ. Наука прихотливое растеніе: она зрѣетъ не на всякой почвѣ и требуетъ тщательнаго ухода за собою».

«Русскій».

1874 годъ.

По поводу годовщины Московскаго университета.*

Чего пожелать Московскому университету для завтрашней его годовщины? Ни однимъ изъ университетовъ не празднуется день своего основанія такъ горячо и такъ единодушно по всей Россіи. Не одно старѣйшинство въ средѣ другихъ, не одна многочисленность питомцевъ, разсѣянныхъ по лицу Русской земли,— нѣтъ тутъ есть что-то другое, почему именно 12-го января извѣстно всей Россіи, и почему всюду, отъ Сибири и до Финскаго залива, собираются въ этотъ день кружки, и если имъ по малочисленности не выходитъ составиться, тоскуетъ и проситъ сердце у стараго студента спѣть старое *Gaudeamus*. Московскій университетъ былъ нѣчто болѣе, нежели учебное заведеніе; то была семья; и оттого учившіеся въ другихъ университетахъ, пусть они и сойдутся въ свою годовщину, у нихъ будетъ холодно, искусственно—подраженіе формѣ, въ которой нѣтъ духа. Вспомнить нечего, гдѣ было шапочное знакомство, гдѣ не было событий, отъ которыхъ разомъ вздрагивали тысячи сердецъ радостью, горемъ, негодованіемъ. Могутъ быть прекрасные, даже

лучшіе профессора; можетъ быть указана болѣе многочисленная плеяда истинныхъ ученыхъ, оставившихъ или доставляющихъ болѣе обильные вклады въ науку: и все не то! Въ Московскомъ университетѣ профессора были не просто преподаватели, но воспитатели. Дѣятельность факультета, дѣятельность даже единственного профессора отдавались не на однѣхъ стѣнахъ аудиторіи, не на однихъ непосредственныхъ слушателяхъ: каждый факультетъ отражался на другихъ и, наконецъ, своего рода магнетическимъ токомъ связанъ былъ университетъ съ окружающимъ обществомъ; они мѣнялись впечатлѣніями, жили одною умственной жизнью, дорожили одними интересами. Вотъ отчего Московскій университетъ есть болѣе *alma mater* для Россіи, нежели всякій другой, и именно отсюда получаютъ особое значеніе самая многочисленность его питомцевъ и самое его старѣйшинство. Московскій университетъ сослужилъ службу Россіи не тѣмъ, что разбросалъ по Россіи множество народа извѣстнымъ образомъ выученнаго, до извѣстной степени свѣдущаго, но тѣмъ, что это разбросанное множество сохраняетъ единство нравственного обличія. Московскій университетъ есть нравственная личность, и въ этомъ смыслѣ—главный умственный воспитатель Россіи, не только количественно, но, что важнѣе—качественно.

Цѣло ли это? Продолжается ли преданіе, крѣпнеть ли единство? Нельзя не сказать, къ сожалѣнію, что условія внутреннія и внѣшнія, въ которыя поставленъ университетъ, скорѣе благопріятствуютъ разложенію, чѣмъ созиданію.

Въ профессорскомъ мірѣ раздѣленіе есть и сейчасъ. И это не партіи, которыхъ бы разъединяли гражданскія или научныя понятія, или соперничество національностей: такія партіи всегда были, должны быть; онѣ признакъ не вырожденія, а, напротивъ, жизни. Нѣтъ, университетъ состоитъ изъ кружковъ, напоминающихъ собою бывшія партіи дворянскихъ выборовъ, гдѣ до мнѣній не было дѣла, и гдѣ удивились бы, если бы кто освѣдомился о мнѣніяхъ, ибо ихъ не полагалось. Это кружки, составленные и составляющіеся на единственномъ интересѣ—личныхъ интересахъ своекорыстія.

* «С. И.». 12-го января. № 11.

Этому раздѣленію прекрасно соотвѣтствуютъ другія. Знаютъ ли профессора студентовъ и студенты профессоровъ? Братство студенческое не гаснетъ ли? И, наконецъ, какъ знаютъ другъ друга университетъ и общество? Общество слышитъ объ университетѣ, но не слышитъ университета; лучшія университетскія силы зарылись въ спеціальныя книги, чтобъ работать надъ наукою самою по себѣ. Это лучшія; о худшихъ не будемъ говорить. Есть и исключенія. Но общее положеніе, надѣмся, не преувеличено. Московскій университетъ становится Петербургскимъ. Мы никакъ не хотимъ сказать чего-нибудь укоризненного С.-Петербургскому университету, котораго ученая дѣятельность, напротивъ, заслуживаетъ полнѣйшаго уваженія и едва ли не стоитъ выше Московскаго. Но мы говоримъ о преданіи и духѣ и о нравственномъ единствѣ. Что было въ Петербургскомъ университетѣ отъ начала, благодаря его существованію въ мірѣ бюрократіи, а съ нею—усиленно эгоистическихъ интересовъ и притомъ помазанныхъ чиновничествомъ, то воспроизводится Московскимъ, благодаря другимъ условіямъ. Какія они?

Ихъ много, и одно наглавнѣйшее, есть общее для всѣхъ университетовъ. Мы говоримъ о несчастномъ законѣ профессорскаго двадцатипятилѣтія. Откуда началось паденіе университета? (Позволимъ себѣ это слово). Съ того момента, какъ началъ приближаться срокъ перваго двадцатипятилѣтія для профессоровъ устава 1835 г. Иначе не могло и быть. Профессоръ, который предвидитъ себѣ опасность изверженія, вынуждается, приближаясь къ роковому дню, смотрѣть на своихъ товарищей, какъ на враговъ, которыхъ долженъ побѣждать то хитростью, то прямымъ нападеніемъ, т. е. тѣмъ же низверженіемъ: это борьба за существованіе! Профессоръ, который не увѣренъ въ крѣпости своего профессорскаго стула, не иначе долженъ посматривать и на своихъ слушателей, какъ на орудія своихъ враговъ, какъ на будущихъ противниковъ, которые послужатъ къ его ниспроверженію; лучший по успѣхамъ внушаетъ ему не радость, а страхъ и досаду; не готовить онъ долженъ будущихъ сѣятелей, но затаптывать сѣмена, чтобъ они не взошли и не за-

глушили его самого. Итакъ, все, по необходимости, напрягается на личное своекорыстіе, на соблюденіе мѣста, на интригу дружбъ, на интригу непріязней. И, наконецъ, если, несмотря на всѣ успѣха, несчастіе послѣдовало, онъ, бывшій опорой и украшеніемъ *almae matris* цѣлую четверть столѣтія, не обязывается ли на исходѣ дѣятельности возненавидѣть то святилище, въ которомъ самъ былъ кумиромъ?

Минуя прочія условія, скажемъ еще объ одномъ, въ которомъ уже не университетъ или его устройство виноваты, а городъ. Если Петербургъ искони городъ гвардіи и бюрократіи, то Москва изъ нравственнаго сердца Россіи становится ея коммерческимъ сердцемъ. Спекуляція и афера, нажива, вотъ ея жизнь теперешняя. Нравственные интересы въ сторону, когда мамона представляетъ столько прелестей, легко достижимыхъ! До науки ли, когда ежеминутныя явленія скоробогаства колятъ глаза? И вотъ Минерва братается съ Меркуріемъ, и не только братается,—она ему подслуживается; она беретъ съ него примѣръ и коммерческіе идеалы съ завистью усваиваетъ себѣ.

Перемѣна не утѣшительна; но ожидаемъ худшаго: по мѣрѣ коммерческаго возрастанія Москвы, ея умственные и нравственные интересы будутъ все болѣе падать. Скажемъ болѣе: будетъ падать ея національное значеніе, которое возможно, только когда духовные интересы первенствуютъ. Подъ этими созвѣздіями пожелаемъ Московскому университету додержать свой древній духъ, соблюсти свою нравственную личность насколько возможно долѣе. Для прекрасно памятной его годовщины пожелаемъ ему даже чуда, чтобъ не только устоялъ онъ, но всталъ съ новою силою, невредимымъ среди повальнаго коммерческаго повѣтрія, и высоко для всѣхъ насъ держалъ знамя науки, чести, правды, высшихъ общественныхъ интересовъ.

О высшемъ женскомъ училищѣ.*

«С.-Петербургскія Вѣдомости» сообщаютъ извѣстіе, утѣшительное для каждаго благомыслящаго и непріятное развѣ для тѣхъ, кто находитъ выгоду отыскивать истинные и мнимые поводы къ политическимъ страхамъ, чтобъ разрабатывать ихъ для своихъ видовъ, никакъ не политическихъ. Правительство не остановилось на предположеніи основать высшее училище для женщинъ; отъ намѣренія переходитъ оно къ дѣлу; проектъ училища уже составленъ.

Оставалось бы намъ только привѣтствовать это мудрое предначинаніе, если бы не нѣкоторыя недоразумѣнія, заслуживающія того, чтобъ ихъ разъяснить.

Въ числѣ предметовъ, общеобязательныхъ для всѣхъ пяти отдѣленій училища, поставленъ латинскій языкъ. Это, такъ сказать, главный предметъ всего курса. Смѣемъ причислять себя никакъ не къ реалистамъ, но такую постановку женскаго курса находимъ не вполне основательною. Только безсмысліе можетъ утверждать, что въ древнихъ языкахъ, и въ частности латинскомъ, въ нихъ самихъ, помимо всякихъ условій, кроется таинственная сила, развивающая умы. Классическіе языки полезны и, при настоящихъ условіяхъ всемірнаго просвѣщенія, неизбѣжны для основательнаго развитія умственныхъ способностей лишь въ извѣстномъ возрастѣ, именно въ томъ, когда молодая голова еще не способна имѣть дѣло съ логическими формами непосредственно. Въ этомъ возрастѣ услуга классическихъ языковъ, особенно при пособіи математики, незамѣнима. Языкъ есть логика, но логика, то есть законы мысли, съ содержаніемъ еще не оторваннымъ отъ формы; древній языкъ имѣетъ то преимущество, что его содержаніе, какъ и формы, закончены и опредѣлены не движутся и не волнуются—условіе весьма важное для учеб-

наго предмета, полагаемаго въ основу образованія; фундаментъ для образованія, предполагаемый въ видѣ истины (напримѣръ, естественно-исторической или законовъ живого языка), которая завтра сдвинется съ своего мѣста, перестанетъ быть истиной и обратится въ предразсудокъ—плохой фундаментъ.

Все это вѣрно, но приложимо доколѣ умъ не способенъ разсматривать законы мышленія сами по себѣ, отдѣльно отъ содержанія. Но далѣе, какую же службу развитію можетъ сослужить древній языкъ? Чтобы поставить вопросъ прямѣе, объяснимъ примѣромъ. Писатель, государственный мужъ, политико-экономъ, военный генералъ, сельскій хозяинъ, негоціантъ, техникъ, прошедшіе въ свое время курсъ извѣстнаго объема, безъ древнихъ языковъ, станутъ ли умнѣе и развитѣе, выучивъ въ зрѣломъ возрастѣ правила латинской и греческой грамматики со всѣми исключеніями и усвоивъ оба языка настолько, чтобъ читать à livre ouvert Теренція и Софокла и писать латинскіе и греческіе стихи на заданную тему? Можетъ быть, фанатики классицизма рѣшатся даже это утверждать; но, по нашему скромному мнѣнію, такую таинственную силу позволительно приписывать лишь снадобьямъ, о которыхъ публикуется въ газетныхъ объявленіяхъ, подъ восклицательнымъ заглавіемъ: «нѣтъ болѣе сѣдыхъ волосъ»! По нашему скромному разумѣнію, въ зрѣломъ возрастѣ древній языкъ есть предметъ знанія, но не средство развитія. При гимназическомъ воспитаніи удерживать изученіе его и далѣе малолѣтняго возраста неизбѣжно, чтобы не прерывать правильное теченіе курса, чтобъ переходъ отъ занятій къ занятіямъ представлялъ не ломаную, а кривую линію. Но и здѣсь, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, по настоящему, должны быть ослабляемы классическія возжи; если передержать ихъ слишкомъ, тогда вмѣсто пользы они произведутъ уже вредъ, вредъ обоюдный, и знаніямъ, отнимая время у другихъ, болѣе питательныхъ изученій, и развитію, останавливая умъ молодого человека на мелочахъ, которыя въ цѣпи логически-грамматическихъ законовъ даже лишены значенія: такимъ образомъ, классицизмъ будетъ служить уже не просвѣщенію и развитію, а помраченію и

* «С. П.», 26-го іюля. № 182.

притупленію—недостатокъ, котораго, сказать мимоходомъ, слѣдуетъ сильно побиваться отъ нашихъ классическихъ гимназій, уставъ которыхъ не обратилъ вниманія, повидимому, на упомянутое существенное условіе пользы классицизма.

Посмотримъ съ этой точки зрѣнія на предполагаемое высшее женское училище. Латинскій языкъ и даже греческій будутъ не бесполезны для дѣвицы, назначенной быть учительницей, — но какъ предметъ знанія, а не какъ средство развитія. Ей придется преподавать эти предметы, и поэтому нужно ихъ знать; но тогда это—предметъ факультетскій, а не общій. Такъ и слѣдовало бы поставить. Если же имѣть въ виду формальную услугу латинскаго языка, какъ средства образовательнаго, тогда слѣдуетъ ввести его не въ высшемъ училищѣ, а въ гимназіяхъ; иначе будетъ поздно и болѣе вредно, чѣмъ полезно.

Можетъ существовать и другая цѣль въ усиленіи и расширеніи латинскаго курса, отрицательная, и притомъ не педагогическая, а полицейская. Объ ней постыдно было бы и говорить, еслибъ не находились люди, которые, подъ видомъ просвѣтительныхъ цѣлей, готовы будутъ коммисіонерствовать за древніе языки именно ради нея. Классическіе языки способны отвлекать отъ политической дури,—такъ могутъ разсуждать фанатики классицизма и этими доводами (сознательно обманными, какъ мы полагаемъ) убѣждать въ необходимости латинскаго языка повсюду, гдѣ только можно. Но достаточно напомнить, что въ 1848 году господствовало совершенно обратное мнѣніе, въ силу чего классицизмъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и былъ тогда придавленъ. Говоря же совершенно серьезно, не туманя глазъ гнилыми доводами, слѣдуетъ согласиться, что древніе языки не повинны ни въ томъ политическомъ злѣ, которое имъ приписывали, ни въ той полицейской услугѣ, общаніемъ которой стараются завоевать имъ повсемѣстную гражданственность. Революціонные порывы и охранительная степенность зависятъ совсѣмъ отъ другихъ условій, съ которыми древніе языки не имѣютъ ничего общаго. Англія консервативна не потому, что

тамъ школы для джентельменовъ по средневѣковому сидятъ на одной латыни, и французскій социализмъ родился не отъ недостатка въ классицизмѣ или излишества въ естествознательномъ курсѣ школъ.

Женское училище, обогащенное латынью, лишено анатоміи и физиологіи. Почему? Потому что училищу присвоится педагогическое назначеніе, отвѣчаютъ «С.-Петербургскія Вѣдомости». Къ сожалѣнію, нельзя безусловно одобрить ни этой цѣли, ни пути, избраннаго къ ея достиженію. Точнѣе сказать, мы сомнѣваемся, чтобы исключеніе анатоміи съ физиологіею и вообще естественныхъ наукъ внушено было исключительно этими соображеніями. Мы видимъ здѣсь отдаленныя послѣдствія страха за общественный порядокъ и нравственность, для которыхъ опасности предвидятся въ распространеніи естественныхъ знаній. Напрасно. Естественныя знанія могутъ служить одинаково и злымъ, и добрымъ цѣлямъ. Дѣло въ направленіи, въ системѣ, въ выводахъ, а не въ самомъ изученіи природы. Но пусть ботаника съ зоологіей будутъ, дѣйствительно, предметами слишкомъ специальными, втискиваніе ихъ въ курсъ будетъ равнозначительно потерѣ времени. Но если что необходимо для образованной женщины; если отъ чего можетъ ожидать общественная жизнь благотворнѣйшихъ послѣдствій, то отъ знакомства нашихъ женъ и матерей съ основаніями гігіены и терапіи, а отсюда и съ физиологіею, равно какъ съ анатоміею. Женщина есть мать; женщина есть воспитательница прежде, чѣмъ преподавательница. Безъ приготовленія преподавательницъ можно даже обойтись; это есть уже продолженіе и дополненіе; это есть роскошь до извѣстной степени; школы, устроенныя въ этомъ смыслѣ, будутъ школами профессиональными. Но намъ нужны школы, которыя бы готовили женщинъ вообще, т. е. будущихъ матерей и женъ, слѣдовательно, воспитательницъ. Слѣдовательно, когда дѣло идетъ и о высшей школѣ, то устройте такую, которая бы приготовила супругу и мать, воспитательницу тожъ, съ высшимъ всеобъемлющимъ запасомъ знаній, нужныхъ для воспитательницы. Есть

школы, изготавлиющія «барышень» и «дамъ», снабжающія будущихъ подругъ мужского рода и будущихъ производительницъ всего человеческого рода средствами хорошо держать станъ, увеселять слухъ музыкою и зрѣніе танцами, а для пріятнаго веденія разговоровъ—и нѣкоторыми поверхностными свѣдѣніями, въ числѣ которыхъ умѣнье владѣть иностраннымъ новѣйшимъ языкомъ—одно не изъ послѣднихъ. Это ли мать, это ли подруга, это ли воспитательница дѣтей? Это ловительница жениховъ, а не подруга, дама свѣта, а не домашняго очага, и школа эта—школа кокетства, а не семейной жизни. Училище съ высшими курсами, но специализированное для того, чтобы готовить учительницъ, не восполнить пробѣла, благодаря которому и исчезаетъ у насъ теперь мало-по-малу семейная жизнь, отрѣзаемая существующимъ воспитаніемъ отъ прежнихъ началъ патриархальныхъ, и взамѣнъ того не дающая ничего, кромѣ женщины гостинныхъ, самаго пустого и тлетворнѣйшаго изъ женскихъ типовъ. Специальное подготовленіе учительницъ будетъ только дальнѣйшимъ шагомъ на этомъ же жалкомъ пути, подмогою къ отрыванію женщины отъ семьи и отъ дѣтей. Къ чему же ей оставлять гостиную? Для дѣтской будетъ гувернантка и учительница.

Лѣтъ тридцать назадъ, когда практически реальныя цѣли преобладали въ общественномъ воспитаніи, медицину внесли даже въ курсъ духовныхъ семинарій, на томъ не лишенномъ основательности соображеніи, что врачъ душъ предстоятъ слишкомъ часто случаи быть и врачомъ тѣлесъ, особенно среди простонародья, которое вдобавокъ совершенно лишено правильной медицинской помощи. Впослѣдствіи медицина выкинута изъ семинарскаго курса по соображеніямъ еще болѣе уважительнымъ, чтобы не засорять головъ у молодыхъ людей, готовящихся къ священному сану, посторонними свѣдѣніями въ ущербъ прямымъ. Но мать, но супруга? Не есть ли она первая хранительница гигиѣны, не есть ли первый санитарный стражъ человечества? Дайте знать образованной женщинѣ анатомію и фи-

зіологію и даже съ начатками патологіи и терапіи, не для практики по чужимъ домамъ, а для пользы прежде всего въ своемъ собственномъ.

Однимъ словомъ, чтобы не разсуждать далѣе о предметѣ, въ пользу котораго доводовъ не хватитъ не на одну журнальную статью, а развѣ на цѣлыя книги,—подготовительныя медицинскія свѣдѣнія для высшаго женскаго образованія необходимѣе всѣхъ остальныхъ и должны сослужить высокую, благотворнѣйшую общественную службу. Довольно понятно, что въ числѣ побужденій, руководившихъ составителями проекта, былъ страхъ за женскую стыдливость и опасеніе располдить героинь цинизма, въ родѣ цюрихскихъ, о которыхъ сообщалъ въ свое время «Правительственный Вѣстникъ». Опасеніе напрасное! Скажемъ болѣе: именно факты, о которыхъ передавалъ «Правительственный Вѣстникъ», доказываютъ противное тому, къ чему пришли составители проекта. Несомнѣнно, что изъ всѣхъ современныхъ женскихъ порывовъ къ возвышенію образованія, порывъ медицинскій есть самый сильный. Этимъ доказывается существованіе дѣйствительной потребности; уродливости же, къ которымъ привели попытки удовлетворить ее, суть только неизбѣжныя послѣдствія неправильнаго пути, оставшагося къ удовлетворенію не по винѣ самихъ женщинъ, послѣдствія обученія внѣ родины, внѣ семьи, внѣ смягчающихъ и облагораживающихъ вліяній, съ одной стороны, и подъ близкими развращающими вліяніями—съ другой.

Наконецъ, стыдъ,—охраняется ли онъ невѣжествомъ въ анатоміи и фізіологіи? Въ самомъ понятіи объ этомъ стыдѣ и его естественности не есть ли нѣчто фальшивое? Мать, рождающая ребенка процессомъ, скрываемымъ въ области обязательнаго стыда, мать, кормящая ребенка, пеленающая его, бабушка, принимающая ребенка,—совершаютъ ли онѣ это, должны ли совершать, полезно ли, чтобы онѣ совершали, замуря глаза, въ невѣдѣніи и невѣжествѣ? Степенное и притомъ довольно полное, систематическое знаніе по этой части, сообщаемое женщинамъ и даже дѣ-

вицѣ, будетъ, повѣрьте, лучшимъ охраненіемъ женскаго и общественнаго стыда, чѣмъ держаніе въ потемкахъ, и притомъ, должно признаться, лицемѣрное. Эта наружная таинственность того, о чемъ давно дѣвица знаетъ въ преувеличенномъ, искаженномъ и раздражительномъ видѣ, чрезъ дѣвичьи отъ горничныхъ и чрезъ будуары отъ опытныхъ подругъ, не наноситъ ли болѣе вреда цѣломудрію, чѣмъ откровенное, но научное и строгое изученіе?

1875 годъ.

О пересмотрѣ уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній.*

Въ «Голосѣ» изложено подробно слухъ объ основаніяхъ, въ которыхъ согласилась смѣшанная коммиссія, пересматривавшая или, точнѣе, обозрѣвавшая уставы высшихъ учебныхъ заведеній. Въ общемъ, содержаніе остается то же, но нѣкоторыя частности даютъ немного иную окраску. «Голосъ» излагаетъ такъ:

Главнымъ источникомъ безпорядковъ, повторяющихся по временамъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, признаются общіе недостатки внутренняго быта этихъ заведеній, именно: отсутствіе прямой органической связи между учащимися и учащими; преобладаніе коллегіальнаго начала въ формахъ управленія учебными заведеніями и частные недостатки нынѣшнихъ профессорскихъ коллегій; неправильное примѣненіе различныхъ льготъ, какъ при приѣмѣ въ высшія учебныя заведенія (слабость приѣмныхъ испытаній), такъ и во время прохожденія курсовъ ученія (освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій, пособія, стипендіи); затрудненія, проистекающія отъ значительнаго увеличенія числа учащихся; утилитарныя цѣли, привле-

* «С. И.», 7-го января, № 6.

УНИВЕРСИТЕТСКОГО ВОПРОСА.

кающія большинство молодыхъ людей въ высшія учебныя заведенія; наконецъ, отсутствіе семейныхъ и гражданскихъ нравовъ, которые могли бы оказывать содѣйствіе начальству заведеній при охраненіи надлежащаго порядка. Разсмотрѣвъ въ подробности эти главнѣйшія причины безпорядковъ, коммиссія, говоря, обратилась къ изысканію мѣръ для устраненія подобныхъ недостатковъ, при чемъ, прежде всего, признала, что ею могутъ быть указаны лишь общія руководящія начала, примѣненіе которыхъ должно вполнѣ зависѣть отъ ближайшаго усмотрѣнія подлежащихъ вѣдомствъ и сообразоваться съ существующими уже особенностями каждаго вида учебныхъ заведеній. По слухамъ, главнѣйшія мѣры, проектированныя коммиссіею, заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ пересмотрѣ всѣхъ, дѣйствующихъ въ настоящее время, уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній; 2) въ ограниченіи автономіи профессорскихъ коллегій изъятіемъ изъ ихъ вѣдѣнія дѣлъ административно-полицейскаго свойства и установленіемъ другого порядка назначенія профессоровъ, при чемъ вообще признано полезнымъ уменьшить составъ коллегій; 3) въ усиленіи правительственнаго контроля за направленіемъ преподаванія, при помощи, въ университетахъ, напимѣръ, учрежденія особыхъ экзаменаціонныхъ коммиссій, по назначенію министра народнаго просвѣщенія и съ приглашеніемъ депутатовъ отъ другихъ вѣдомствъ; 4) въ усиленіи средствъ инспекторскаго надзора за студентами и охраненія полицейскаго порядка въ стѣнахъ каждаго учебнаго заведенія; 5) въ стѣсненіи, по возможности, дальнѣйшаго притока малоподготовленныхъ, въ научномъ отношеніи, молодыхъ людей въ высшія учебныя заведенія, особенно же необезпеченныхъ матеріально, что можетъ быть достигаемо строгостью пріемныхъ испытаній; 6) въ надлежащемъ вниманіи начальства къ дѣйствительнымъ учебнымъ нуждамъ учащихся и 7) въ строгомъ и немедленномъ подавленіи всякихъ волненій и безпорядковъ, безъ оказанія какого-либо послабленія и безъ допущенія какихъ-либо переговоровъ, тѣмъ менѣе уступокъ со стороны начальства.

Съ нѣкоторыми пунктами можно безусловно согласиться. Та-

кова потребность надлежащей внимательности къ дѣйствительнымъ учебнымъ нуждамъ учащихся, упомянутая въ п. 6; таково предположеніе объ учрежденіи экзаменаціонныхъ коммиссій (п. 3); мы соглашаемся и въ пользу изъять изъ профессорскаго вѣдѣнія дѣла административно-полицейскаго свойства. Нѣтъ нужды добавлять, что каждый благомыслящій согласится и въ необходимости подавлять всякія волненія и безпокойства, безъ послабленій (п. 4). Но необходимо, разумѣется, предупреждать волненія, не давая имъ причинъ. Если будетъ оказываемо, какъ требуетъ п. 6, надлежащее вниманіе къ дѣйствительнымъ нуждамъ учащихся, тогда можно быть спокойнымъ, что никакихъ волненій не будетъ. Предположимъ случай, что кафедра занята бездарностью и, еще того хуже, бездарностью самоувѣренною и нахальною, которая облюбливаетъ дѣйствовать на слушателей не нравственнымъ содержаніемъ своего служенія, а именно тѣми административно-полицейскими приѣмами, которые, какъ справедливо находитъ коммиссія, вовсе не дѣло представителей науки: волненій тогда есть мѣсто опасаться. Но именно надлежащее вниманіе къ дѣйствительнымъ нуждамъ учащихся и предупредить этотъ поводъ.

Словомъ, «прямая органическая связь между учащими и учащимися», которой справедливо желаетъ коммиссія, есть истинное и наилучшее предохраненіе учебныхъ заведеній отъ всякихъ безпорядковъ, и весь вопросъ въ томъ, какъ ее достигнуть. Само собою разумѣется, что эта связь предполагается нравственная и научная безъ политической подкладки. Да если разобратъ статистически наши учебныя безпорядки, по временамъ появлявшіеся, то они и не обнаруживали никогда политическихъ помысловъ, за исключеніемъ развѣ безпорядковъ въ 60-хъ годахъ, и то въ видѣ слишкомъ слабаго намека и подъ очевиднымъ вліяніемъ чужихъ, не университетскихъ наущеній, пожелавшихъ въ свою пользу воспользоваться домашнимъ недовольствомъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія. Держись знамя науки высоко, будь каждый профессоръ истинный жрецъ науки; умѣй онъ вдохновить слушателей къ учебнымъ занятіямъ: весь во-

прось рѣшенъ или, лучше, никакого вопроса не возникаетъ, потому что ему не откуда будетъ возникнуть.

Мы вышли бы изъ предѣловъ газетной статьи, если бы рѣшились подробно указать въ настоящій разъ дополнительныя мѣры къ достиженію той органической связи между учащими и учащимися, въ отсутствіи которой коммиссія справедливо усмотрѣла болѣзнь учебныхъ заведеній. Но не можемъ не сказать, что «свобода преподаванія» могла бы послужить наилучшими узлами для нравственно-органическаго соединенія учащихся съ учащими. Въмѣсто возвышенія платы за право посѣщать университетъ вообще, установите обязательный для каждого слушателя гонораръ въ пользу каждого слушаемаго профессора; допустите между профессорами свободную конкуренцію: вотъ и органически-нравственная связь, естественная, съ уничтоженіемъ теперешней привиллегіи совѣтовъ назначать профессоровъ, но и безъ обратной привиллегіи, которая повела бы еще къ меньшему порядку—приставлять профессоровъ административнымъ путемъ. Пускай право за совѣтами и конференціями назначать профессоровъ, которыхъ они считаютъ лучшими въ наукѣ, остается. Пускай право за высшею администраціею остается устранять профессоровъ, оказывающихся неблагонадежными; пускай усиливается правительственный надзоръ; но свободная конкуренція пускай служить все-таки главнымъ основаніемъ. Вотъ и отсутствіе безпорядковъ, вотъ и органическая связь, вотъ и естественное, невольное возвышеніе науки, особенно при существованіи экзаменаціонныхъ коммиссій. Нѣмецкіе порядки во многомъ служатъ для насъ образцомъ; гимназін усердно ихъ скопировали; прямая дорога слѣдовать образцу и далѣе, и приближать къ нѣмецкимъ образцамъ не одни низшія и среднія, но и высшія заведенія.

Извѣстіе «Голоса» говоритъ неясно объ «утилитарныхъ цѣляхъ, привлекающихъ молодежь въ высшія учебныя заведенія», и объ «отсутствіи семейныхъ и гражданскихъ нравовъ, которые могли бы оказывать содѣйствіе начальству заведеній при охраненіи надлежащаго порядка».

«Утилитарныя цѣли» въ другомъ переводѣ есть гражданскія права, приуроченныя къ учебнымъ заведеніямъ. Предполагала ли полезнымъ коммиссія отмѣнить эти права? Совѣмъ отнять права у образованія, отмѣнить умственный цензъ невозможно, не ввергнувъ отечество въ мракъ, которому ни одна страна не представляетъ подобнаго. Потребность образованія еще не вошла въ плоть и кровь населенія, независимо отъ поощрительныхъ премій со стороны государственной власти. Но многіе, и мы въ томъ числѣ, не нашли бы ничего вреднаго, если бы раздаяніе правъ сосредоточилось индѣ, а не въ самихъ учебныхъ заведеніяхъ или, правильнѣе сказать, если бы оно не сосредоточилось, какъ теперь, прямо въ учебныхъ сферахъ, а разложилось по различнымъ частямъ администраціи, нуждающимся въ образованныхъ дѣятеляхъ.

Позволимъ себѣ замѣтить, не семейные и гражданскіе права виновны въ отсутствіи виѣшняго содѣйствія учебнымъ начальствамъ со стороны общества. При самыхъ лучшихъ правахъ (предположимъ, что они худы) какъ бы, однако, могло общество оказывать требуемое содѣйствіе, и въ чемъ? При настоящихъ условіяхъ всякое дѣйствительное свободное содѣйствіе, хотя бы самое доброжелательное, будетъ «вмѣшательствомъ», вмѣшательствомъ не только незаконнымъ, но прямо противозаконнымъ. Должно ли ограничиваться это содѣйствіе только безусловнымъ выраженіемъ негодованія на молодыхъ людей при всякомъ случаѣ административныхъ недоразумѣній, при всякомъ гнѣвѣ, которому учащіеся подвергнутся отъ своихъ начальствъ? Или даже прямо въ домашнихъ нотаціяхъ и наказаніяхъ молодымъ людямъ при каждомъ подобномъ случаѣ? Никто не будетъ оспаривать, что на немалое униженіе обрекли бы себя общество и семья, если бы рѣшились признать для себя обязательнымъ такое требованіе; и трудно ожидать добровольной рѣшимости на такое униженіе. Слѣдовательно, оставляя вопросъ, хороши или дурны нравы гражданскіе и семейные, чисты они или развращены, содѣйствія отъ нихъ можно ожидать, когда имъ дана будетъ доля положительнаго участія въ направленіи учебнаго

образованія; когда руководство общественнымъ образованіемъ будетъ прислушиваться къ общественному мнѣнію и соизмѣрять съ нимъ свои дѣйствія, и когда будетъ оказываемо доброжелательное и исполненное готовности вниманіе къ голосамъ родителей, и не только къ ихъ просьбамъ, но и совѣтамъ. Общество пойдетъ тогда дружно съ учебною администраціею, и тогда можно предсказать, что каждый учебно-административный шагъ, будетъ ли то положительный или отрицательный, поощрительный для молодыхъ людей или стѣснительный, будетъ пріивѣтствованъ съ восторгомъ, и въ каждомъ родителѣ, мало того, въ каждомъ обывателѣ найдетъ себѣ администрація усерднѣйшаго инспектора.

Но, въ концѣ концовъ, мы и не думаемъ, чтобъ нравы наши гражданскіе и семейные были безусловно развращены, хотя мы и не станемъ безусловно восхвалять ихъ и не восхваляемъ никогда. Нѣтъ, они еще не такъ худы и безпорядочны, и если искусственно не питать недовольствъ и общественныхъ равнодушій, тѣ же нравы наши, общественные и семейные, могутъ служить, да и служить на самомъ дѣлѣ они-то, а не кто другой, самыми надежными опорами всякаго гражданского порядка и благоустройства, и учебнаго въ частности.

О пересмотрѣ устава университетовъ.*

О пересмотрѣ устава университетовъ давно ходили слухи: называли и предсѣдателя комиссіи, назначаемой по этому дѣлу, бывшаго товарища министра, нынѣ члена государственнаго совѣта, статсъ-секретаря Делянова. Но, однако, официальное назначеніе комиссіи состоялось только 21-го апрѣля, при чемъ г. Делянову Высочайше предоставлено и выбрать членовъ въ

* «С. И.», 5-го мая. № 121.

комиссію, впрочемъ съ утвержденія г. министра. Какіе изъ пунктовъ устава, главнымъ образомъ, имѣется въ виду подвергнуть передѣлкѣ, неизвѣстно: скорѣе всего, разумѣется, должно думать, что не расширеніе, а сокращеніе правъ университетской корпораціи будетъ ближайшею заботою комиссіи. Такъ можно заключить изъ направленія, которому съ нѣкотораго времени слѣдуютъ во взглядѣ на этотъ вопросъ «Московскія Вѣдомости» съ «Русскимъ Вѣстникомъ», изданія, какъ извѣстно, наиблизжайшія теперешнему министерству просвѣщенія. Слухи прибавляютъ, впрочемъ, что отъ комиссіи, о которой идетъ рѣчь, не должно ожидать работы особенно спѣшной; преобразование признано не особенно настоятельнымъ. И то утѣшительно, если правда; потому что, въ самомъ дѣлѣ, устройство университетовъ со времени изданія настоящаго устава (1863 года) еще не заявило себя ничѣмъ положительно худымъ. Можно желать, чтобы жизнь университетская шла вообще бодрѣе и наука цвѣла успѣшнѣе: но недостатокъ дѣятельности едва ли есть послѣдствіе устава, и тѣмъ менѣе вѣроятія, чтобъ измѣненіемъ нѣсколькихъ пунктовъ его можно было вдохнуть жизнь въ аудиторию и любознательность съ трудолюбіемъ въ учащихся.

Другая новость по министерству же просвѣщенія: старшее отдѣленіе VIII класса гимназій, которое въ просторѣчьи и называлось не иначе, какъ VIII классомъ, теперь официально получаетъ это наименованіе, въ силу чего, между прочимъ, и бюджетъ министерства просвѣщенія увеличивается на 150.000 рублей.

Наконецъ, гимнастика будетъ обязательнымъ предметомъ изученія въ мужскихъ гимназіяхъ, а законовѣдѣніе — въ женскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Это пока слухъ. Въ объясненіе послѣдняго изъ нихъ «Новости» приводятъ, что «въ нашей судебной лѣтописи можно на каждомъ шагѣ встрѣтить самые прискорбные примѣры юридическихъ ошибокъ со стороны нашихъ женщинъ, являющихся послѣдствіемъ ихъ незнакомства съ законами». Основаніе нѣсколько сомнительное: что такіе за пункты юридическіе, незнаніе которыхъ обличается въ женщи-

нахъ на судѣ? Пункты ли это уголовного уложенія: тогда курсъ законовѣднія обратится въ катехизисъ или нравственную философію. Если же прошибаются женщины по части гражданского права, то невѣдніе ихъ раздѣляется во многихъ случаяхъ большинствомъ мужчинъ, и во всякомъ случаѣ едва ли даже возможенъ для среднихъ учебныхъ заведеній юридическій курсъ въ такой полнотѣ, которая бы вполне предохранила отъ всѣхъ ошибокъ въ житейскомъ быту.

1876 годъ.

Связь между университетомъ и обществомъ.*

(По поводу диспута Шахова).

Мы очень благодарны г. Герье за поправку отчета о диспутѣ г. Шахова; а тѣмъ болѣе благодарны за сочувственное слово въ пользу стенографированія диспутовъ. Присоединяемъ и свое слово.

Въ старыя времена (до 1856 года) каждый диспутъ былъ эпохою въ общественной жизни. Это была единственная арена свободного публичнаго слова. Отчасти, благодаря этому, и связь общества съ университетомъ была тѣснѣ теперешняго. Съ расширеніемъ свободы слова въ другихъ сферахъ, въ печати, земскихъ и городскихъ собраніяхъ, въ судѣ, то и другое стало ослабѣвать. Теперь уже надобно спрашивать: осталась ли какая-нибудь связь между университетомъ и обществомъ? Что касается диспутовъ, то они проходятъ почти незамѣтно. Чтобы все лучшее общество явилось на диспутѣ, это явленіе теперь почти невозможное даже, потому что самого общества въ старомъ смыслѣ уже нѣтъ.

* «С. И.», 20-го марта. № 77.

Но ораторствованіе въ думѣ, земскихъ собраніяхъ, въ судѣ занимали, пока были новинкою. Равнодушіе одинаково теперь и къ профессору, и къ адвокату, и къ земскому или городскому оратору. Была потребность въ свободномъ словѣ, и на него кидались, помимо содержанія. Мы помнимъ, съ какимъ напряженнымъ любопытствомъ выслушивались сначала даже спичи на обѣдахъ, и даже читанные по рукописямъ (но не цензурованные). Теперь нужно громкое содержаніе, скандальность дѣла, чтобы снова насторожились уши при разборѣ дѣла или при обсужденіи проекта. Все это въ порядкѣ вещей; но результатомъ вышло, что серьезнаго-то вниманія и участія и вовсе ни къ чему общественному нѣтъ, а тѣмъ болѣе затерялась связь съ наукой черезъ университетъ. Хорошо ли это или дурно?

Мы находимъ, что въ несомнѣнномъ дурномъ здѣсь есть и хорошая сторона. Когда прислушались въ судахъ и общественныхъ собраніяхъ говоруну; когда спичами на обѣдахъ скорѣе можно даже наскучить, нежели привлечь вниманіе, университетамъ время и удобство возобновить свои связи съ обществомъ, и свое вліяніе, прибавимъ. Какъ угодно, общественная мысль, общественные принципы, на ихъ теоретической высотѣ, должны вырабатываться въ этомъ святилищѣ науки. Съ другой стороны, съ потерей живой связи съ обществомъ, сохнетъ необходимо и университетская жизнь. Несправедливо требовать, чтобы университетская наука витала на метафизическихъ высотахъ и безтѣлесныхъ опредѣленіяхъ: совершенная отвлеченность науки точно также вредна и для нея, и для общества, какъ и тенденціозность. Возьмемъ ближе. Магистрантъ или докторантъ беретъ тему для диссертациі: что толку, если его диссертациа есть «Петрушка для Петрушки», какъ выразился нѣкто объ отвлеченныхъ разсужденіяхъ? Петрушка Мертвыхъ душъ любилъ читать ради самаго процесса чтенія. Найдутся ученые, которые возьмутъ для рѣшенія задачу только потому, что она не рѣшена, а чѣмъ вызывается ея рѣшеніе именно теперь, объ этомъ онъ не спрашиваетъ. Степень будетъ получена; пускай диссертациа остается даже не читанною никѣмъ благодаря тому, что

о вопросѣ, которому она посвящена, ни теперь, ни даже черезъ десятки лѣтъ, не придетъ никому нужда даже справиться.

Мы столько разъ говаривали о безжизненности университета, о формальности и мертвенности его науки, что повторять уже не станемъ, тѣмъ болѣе, что обвиненія этого рода обратились не только въ общее мѣсто, но даже въ орудіе для несправедливаго нападка на университеты, нападка не съ той стороны, гдѣ у нихъ дѣйствительное слабое мѣсто. Дѣйствительное ихъ слабое мѣсто есть именно отрѣшенность отъ общества и его жизни. Обновить себя университетъ можетъ восстановленіемъ этой связи. Пусть эта связь и никогда не достигала желаемой близости, но тѣмъ хуже для него же и для общества, когда и это порвалось. Посмотримъ хотя на движеніе самой науки внѣ университетскихъ стѣнъ. Чтобы былъ у насъ совершенный застой, этого нельзя сказать. У насъ есть и процвѣтають теперь спеціальныя даже журналы. Мы говорили разъ о процвѣтаніи историческихъ журналовъ; но, кромѣ ихъ, существуютъ и обзорѣнія, посвященныя движенію науки вообще (журналъ «Знаніе»). А педагогія? Не знаемъ, есть ли еще страна, гдѣ бы такъ кипѣла разработка педагогическихъ вопросовъ. И все это — мимо университета. Пусть работаютъ на этихъ поприщахъ университетскіе воспитанники, можетъ быть нѣкоторые и изъ профессоровъ, но, дѣйствительно, университетъ ли въ этихъ работахъ выражается? Выражаются отдѣльные дѣятели, выражается извѣстная литературная школа, но не университетъ. У насъ есть даже спеціальныя филологическія журналы (Филологическія Записки), но опять не органъ университета. Однимъ словомъ, потребность несомнѣнна, и движеніе неоспоримо. Но движеніе куда, подъ чьимъ руководствомъ, съ тою ли основательностью, какой имѣемъ право требовать отъ истинной науки? И пристало ли университету умывать въ этомъ руки?

Какія-нибудь Ученыя Извѣстія университетовъ перелистываются только на актахъ и въ минуту своего выхода, въ чемъ виновата опять отвлеченность. Не общество вызвало на рѣшеніе того и другого вопроса, а уединенная кабинетная работа

натолкнула. Въ этихъ-то видахъ необходимо сдѣлать доступными для возможно обширнаго круга рѣдкія ученыя бесѣды въ стѣнахъ университета, извѣстныя подъ именемъ диспутовъ. Къ сожалѣнію, аудиторіи у насъ закрыты; особенныя административныя условія благопріятствуютъ тому, что лекціи, прочитываемыя профессоромъ, не достигаютъ до публики и путемъ печати; служилъ 25 лѣтъ, а что тамъ дѣлалъ, только ли служилъ, или же научно работалъ, объ этомъ могутъ сказать только невѣрные воспоминанія студентовъ и искаженные записки. Одинъ диспутъ знакомить насъ съ присутствіемъ ученой жизни въ университетѣ, и слѣдовало бы развить эту сторону соприкосновенія университета съ обществомъ, воспользоваться этою формою (пока единственною), чтобы привлечь постороннихъ къ участію въ движеніи науки. А въ этомъ смыслѣ стенографированіе было бы положительнымъ благодѣяніемъ.

Намъ кажется, достигнуть этого было бы и нетрудно. Мимоходомъ говоря, ужели и лекціи профессоровъ записываются доселѣ первобытнымъ азбучнымъ способомъ, а не стенографически?

Это было бы удивительно. Стенографія не очень хитрая вещь; вдобавокъ, университетъ могъ бы и усовершенствовать эту отрасль скорописанія, поставивъ ее на болѣе ученыя основанія, болѣе соотвѣтственныя и техникѣ письма, и законамъ словообразованія; теперь она пока болѣе предметъ ремесла. А какъ бы оживилось! Какъ бы освѣжило и самихъ участниковъ въ диспутѣ! Не говоримъ уже объ обществѣ, которое, вѣрьте, будетъ съ жадностью прислушиваться къ каждому живому слову, раздававшемуся на преніяхъ въ Alma Mater. Мы видимъ отчасти примѣръ, чего можно достигнуть расширенною гласностью на петербургскихъ обществахъ: Техническомъ и Содѣйствія промышленности. Публика внимаетъ этимъ рефератамъ и преніямъ. Нѣтъ сомнѣнія, они не остаются безъ дѣйствія на отдаленные уголки Россіи; мы могли бы представить доказательства. И прибавимъ: обязаны своимъ успѣхамъ эти рефераты и пренія постоянной, аккуратной публичности, не ограничивающейся допу-

щеніемъ слушателей въ залу, но оповѣщающей посредствомъ подробныхъ отчетовъ всю Россію. А спеціальныя техническія и спеціальныя промышленно-торговые вопросы, право, дальше отъ публики, чѣмъ вопросы ученые въ тѣсномъ смыслѣ, историческія, филологическія, юридическія, естествознательныя и во многихъ случаяхъ — даже математическія.

О ДИСПУТАХЪ.

(Письмо редактору).

«М. Г. Въ № 52 вашей газеты, въ замѣткѣ, подписанной В. Л., высказана очень дѣльная мысль, къ которой нельзя не отнестись сочувственно. По поводу одного изъ послѣднихъ диспутовъ въ Московскомъ университетѣ, г. В. Л. высказываетъ желаніе, чтобы редакціи нашихъ журналовъ или газетъ посылали стенографовъ на диспутъ для составленія точныхъ отчетовъ о преніяхъ или чтобы самъ университетъ заботился о стенографированіи преній и помѣщалъ описаніе диспутовъ въ своихъ годовыхъ отчетахъ. Г. В. Л. справедливо замѣчаетъ, что, вслѣдствіе отсутствія стенографа, «отчетъ о диспутахъ перешелъ въ область газетныхъ репортеровъ». Объ этомъ, конечно, нельзя не пожалѣть. Постороннимъ лицамъ, болѣею частью мало знакомымъ съ предметомъ преній, трудно слѣдить за ними, и, естественно, газетный репортеръ, составляя краткій отчетъ о преніяхъ, впадаетъ въ невольныя недоразумѣнія и нерѣдко искажаетъ дѣло. Заявленіе г. В. Л. о неудовлетворительности свѣдѣній, доставляемыхъ репортерами, заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что онъ самъ хорошо знакомъ съ дѣломъ, ибо недавно въ № 34 «Современныхъ Извѣстій» помѣстилъ описаніе диспута г. Шахова, которое какъ нельзя лучше доказываетъ, какъ трудно постороннему наблюдателю вѣрно представить общій ходъ и характеръ диспута. Г. Шаховъ — авторъ чрезвычайно талантливо написаннаго очерка французской литературы во время консульства. Изучая литературныя произведенія этой эпохи въ связи съ политическимъ и социальнымъ состояніемъ французскаго общества, авторъ мастерски овладѣлъ своимъ предметомъ и, благодаря блестящему изложенію, съ такимъ же искусствомъ овладѣваетъ читателемъ. Желая читать въ Московскомъ университетѣ лекціи по исторіи всеобщей литературы, г. Шаховъ представилъ свою книгу словесному факультету для полученія званія приватъ-доцента. Факультетъ, какъ видно изъ его отзыва, отнесся съ большимъ одобреніемъ къ представленному сочиненію, и это одобреніе было высказано всѣми оппонентами на диспутѣ. Но публика, прочитавшая отчетъ г. В. Л. объ этомъ диспутѣ, должна вынести совершенно невѣрное представленіе не только объ

отдельных возражений, но, что еще важнее, об общем впечатлении и результате диспута, очень лестном для диспутанта.

Не разбирая всего отчета, мы приведем несколько примеров недоразумений. Так, например, об одном из оппонентов, профессора Стороженко, сказано, что он «указал диспутанту важный пропуск — религиозное направление, которое имело свое место в литературе начала 19 столетия». Но большая часть книги г. Шахова посвящена разсмотрению сочинения Шатобриана *Le Génie du Christianisme* и сочинений Бональда, и потому такое замечание не имело бы смысла в устах оппонента. Г. Стороженко имел в виду совершенно другое: он находил, что диспутант, разбирая в своей книге причины, производившие переворот во французской литературе после революции, недостаточно выдвинул вперед силу религиозного чувства, охватившего общество. Далее сказано: «Г. Стороженко заключил указанием, что не ко всем сочинениям избранной эпохи можно относиться с одним историческим методом; например, о Шатобриане можно бы сказать много и со стороны психологической и эстетической». Из этих слов можно заключить, что г. Стороженко хотел сделать укор диспутанту за то, что тот следовал историческому методу, тогда как профессор, наоборот, после упомянутого замечания выразил г. Шахову свое полное сочувствие за его исторический метод, который, при изучении литературы, дает более богатые результаты, чем, например, эстетический, применимый только к некоторым сочинениям».

«Профессору Соловьеву приписано замечание, «что точно также опущена диспутантом из виду сторона в обзорной литературы». Эти слова совершенно непонятны. Г. Соловьев указал на то, что французский народ особенно ценит в католицизме красивую обстановку и что потому одною из главных причин громадного успеха сочинения *Génie du Christianisme* было то, что автор его сумел, как никто до него, представить христианство с изящной стороны».

«Наконец, добродушно высказанное С. М. Соловьевым сожаление, что в «прекрасную книгу» г. Шахова вкралось, под влиянием современной журналистики, несколько выражений, не употреблявшихся прежде в литературном языке, например «огорошить» — г. В. Л. представить в виде строгого выговора».

«Еще более можно сожалеть о том, что г. В. Л. сообщил неверный слух, бросающий невыгодный свет на диспутанта. Он говорит: «как слышно, факультет предлагал г. Шахову защищение диссертации (*pro venia legendi*) при более скромной обстановке, и даже раздавались голоса в пользу того, что приват-доцентские диссертации могут быть представляемы в рукописи. Однако, публичность взяла верх, и спрашивается: «на что она нужна?» Ответ на этот вопрос находится несколько строк ниже: «Диспутанты, как особенно было заметно на диспуте г. Шахова, стараются рисоваться перед публикой» и т. д. Дело было совершенно наоборот. Г. Шахов,

который, вследствие разстроенного здоровья, должен был спешить за границу, ничего так не желал, как получить со стороны факультета одобрения своей диссертации без всякого диспута или, по крайней мере, без публичного диспута, какой установлен для магистерских диссертаций. Но факультет, несмотря на все желание ускорить отъезд г. Шахова за границу и не подвергать молодого человека после болезни утомительному публичному диспуту, должен был руководиться уставом и устроить публичный диспут».

«Мы совершенно согласны с г. В. Л., что стенографирование диспутов чрезвычайно желательно и не только потому, чтобы «не пропадали даром, как сказано в замечании, возражения оппонентов, которые нередко представляют весьма и весьма ценный вклад в ученую литературу», но и для того, чтобы репутация молодых диспутантов не становилась жертвой случайных репортеров и чтобы молодые, талантливые ученые, подобные г. Шахову, не встречали при первом своем появлении на литературном поприще, вместо вполне заслуженного сочувствия и одобрения, ни чем не вызванное недоброжелательство».

В. Герье.

ненностью, отдаленностью от всяких общих запросов, наконец, скажем прямо, совершенною бездарностью в выбор тем и чистою потерей времени в их разработку. Мы опять воздерживаемся от поименований. Но пусть молодой ученый, изобретая тему для диссертации, поразмыслит: какую, в самом деле, цену иметь для науки разработка незначительной подробности памятника отдаленных времен, несущественного самого в себе для науки, да и стоящего вне всяких отношений, хотя бы отдаленных и косвенных, к русской жизни и ее интересам? Где та наука и ее интересы, которым думает магистрант служить? Переведут, что ли, его диссертацию на немецкий язык (по-русски ведь никто, даже из русских, не будет же иметь духа одолеть чтение), и будущие ученые немцы, французы или англичане не возьмут ли эту монографию в вид одного из материалов для своей системы? Всякий знает, что эта надежда несбыточная, что диссертация, даже дельная, не удостоится даже справки от жрецов науки на Западе. А у нас, где для редкой науки существуют даже общие курсы, тем ввернее участь для подобных диссертаций, забвение, забвение навѣки — смерть с самой минуты рождения. И, однако, молодые ученые, эти донкихоты в науку, как мѣтко выразился нѣкто, начинают гордиться сухостью, соревнують друг перед другом уйти дальше от современности, от жизни, от общих запросов, от интересов общества, от существенных требований самой науки.

Мысль г. Тихонравова есть внешній формальный поворот к сближению университета с обществом, и мы приветствуем ее от души, рекомендуя ее примѣром другим университетам. За библиотеку университетскую будут многие благодарны, а распоряжение о споспѣшествованіи к истинной публичности диспутов пускай не ограничивается отведеніем мѣста для репортеров. Предметы диспутов не всегда (а теперь даже никогда) по плечу заурядному репортеру. Отчего не завести стенографических отчетов? Отчего университету не взять на себя повѣрки таких отчетов, без стѣсненія, разумѣется, отчетов, записан-

ных посторонними, и притом ограничивающейся контролем надъ точностью ученых данных, о которых шла рѣчь на засѣданіи? Не нужно терять общей мысли изъ вида: университет и общество, университет и интересы жизни, университет и общие запросы литературные, научные, педагогические в частности, социальные и политические, разошлись между собою, и этого явления нельзя не причислить к наиболее зловерным как для направлення общественного, так и для успѣхов самой науки в Россіи.

Вопросъ социальный на Руси есть, въ большинствѣ случаевъ, не что иное, какъ видоизмѣненный педагогическій вопросъ.*

Вопросъ социальный на Руси есть въ огромномъ большинствѣ случаевъ не что иное, какъ видоизмѣненный, такъ или иначе, вопросъ просто педагогическій. Мы укажемъ на роль частных учебных заведеній, какъ резервуара, куда стекаютъ всѣ неудобные элементы казенныхъ школъ и где по большей части перерабатываются въ полезныхъ гражданъ. Но все это приложимо къ темъ юношамъ, родители которыхъ въ состояніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ расходовать на воспитаніе одного сына 300—600 рублей ежегодно, то есть такую сумму, на которую иной разъ содержится цѣлое семейство. Впрочемъ, молодежь, достаточно обезпеченная наследственными родительскими средствами, сколько извѣстно изъ судебныхъ дѣлъ, составляетъ самое незначительное меньшинство въ числѣ нашей недовольной и протестующей молодежи. Кто главнѣйшіе агитаторы? Дѣти чиновниковъ, духовенства и пестрая безцвѣтная толпа, которую такъ трудно причислить къ какому-нибудь сословію или общественному

* «С. Н.», 17-го октября. № 286.

положенію. Этоть-то недостаточный людъ, не удержавшись въ казенныхъ школахъ и не имѣя средствъ докончить образованіе свое помощью частныхъ учебныхъ заведеній, и образуетъ тѣ нездоровые элементы, противъ которыхъ предстоитъ теперь вести борьбу.

Есть или, по крайней мѣрѣ, было мнѣніе, что все зло, все болѣзненное броженіе въ нашемъ обществѣ происходитъ отъ допущенія къ высшему образованію недостаточно обеспеченной молодежи. Рекомендовалась даже мѣра—поднять плату за университетскія лекціи до такой цифры, которой хватаетъ на содержаніе цѣлой семьи, откуда выходитъ большинство лицъ, получающихъ теперь у насъ высшее образованіе. Къ высшему образованію предполагалось призвать только ту молодежь, которая сейчасъ далеко не занимаетъ первыхъ мѣстъ въ школѣ. Мѣра эта, способная погубить все наше образованіе, къ счастью, не состоялась. При настоящей платѣ за ученіе въ гимназіяхъ и за слушаніе лекцій въ университетахъ, особенно при огромномъ числѣ стипендій въ послѣднихъ, высшее образованіе остается доступнымъ для самыхъ бѣдныхъ слоевъ народонаселенія. Участь молодого человѣка, окончившаго университетскій курсъ, навсегда обезпечена, изъ какого бы бѣднаго состоянія ни происходилъ онъ.

Не такова судьба вышедшихъ или вынужденныхъ выйти изъ гимназій и даже университета до окончанія курса. Это въ полномъ смыслѣ слова «лишніе люди», по крайней мѣрѣ, въ значительномъ большинствѣ. Куда, въ самомъ дѣлѣ, поступитъ молодой человѣкъ, не окончившій курса въ гимназій и даже въ университетѣ. Прежде, бывало, огромная масса этого, неперева-реннаго школою матеріала поступала во всевозможные суды, въ писцы, изъ которыхъ вырабатывались, наконецъ, такіе благополучные россияне, лучшимъ представителемъ которыхъ остается Гоголевскій Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Теперь на долю ихъ остается, главнымъ образомъ, частная служба: на желѣзныхъ дорогахъ, въ банкахъ и т. п. учрежденіяхъ, гдѣ эксплуатація труда занимаетъ первое мѣсто.

Реформа судебная и другія, не говоря о воинской повинности, всѣ предпочитающія образованіе невѣжеству, вмѣстѣ съ поднятіемъ уровня школьнаго образованія, по необходимости, должны были создать цѣлый классъ людей недоучившихся и чрезъ то недовольныхъ. Люди эти есть и будутъ, и чтобы не стало ихъ, для этого нужны особыя органическія мѣры.

Для всѣхъ этихъ недовольныхъ и безпокойныхъ элементовъ единственно возможною и въ то же время весьма благотѣльною и для общества ретортою были бы спеціальныя ремесленныя школы, основанныя и содержимыя правительствомъ и земствами.

Поговорите съ хозяевами мастерскихъ; послушайте ихъ жалобы, какъ отъ рукъ отбились мастеровые, какъ все лѣнливо и пьяно. Ужасно то, что и въ будущемъ трудно ожидать поднятія въ мастеровой средѣ умственного и нравственного уровня, потому что мастеровые вырабатываются и будутъ вырабатываться въ мастерскихъ изъ учениковъ, начало обученія которыхъ есть бѣганье въ кабакъ за водкой для мастеровъ.

Пусть откроются ремесленные школы: башмачныя, сапожныя, портняжныя, столярныя, слесарныя и т. д.; пусть поставлены онѣ будутъ въ условія, настолько же приличныя, какъ, положимъ, уѣздныя училища; пусть обученіе мастерству будетъ преобладать тамъ надъ элементарнымъ общеобразовательнымъ курсомъ; пусть будутъ приниматься туда дѣти тѣхъ лѣтъ, когда ясно уже становится замѣтнымъ, что ни классическая, ни реальная школа имъ не по силамъ, тѣмъ болѣе, что и въ мастерскихъ цѣлые годы бесполезно расходуются на простое присматриваніе къ работѣ, и настоящее обученіе начинается лишь лѣтъ съ 14—15-ти, и въ эти школы потекутъ молодые люди, не воспитавшіе пока еще своего неудовольствія на директора или инспектора гимназій до степени всероссійскаго и даже всемірнаго озлобленія.

Этимъ спаслись бы не только тысячи бесполезныхъ лишъ, но и прямо вредныхъ гражданъ, незамѣтно былъ бы поднять уровень и всего мастерового сословія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уро-

вень всякаго мастерства, а через то и общаго благосостоянія государства. Одно уже существованіе Золотой роты дѣтей заставляетъ обратить серьезное вниманіе на вопросъ о ремесленныхъ школахъ.

Причины университетскихъ безпорядковъ.*

Недавнее безпорядочное движеніе петербургской молодежи, составившейся, какъ передаютъ официальные извѣстія, преимущественно изъ «учащихся», дало «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» случай поговорить о неудобствахъ подчиненія высшихъ учебныхъ заведеній разнымъ вѣдомствамъ. Газета ссылается особенно на экзаменаціонное время, когда многіе лишены бываютъ возможности попасть въ высшія учебныя заведенія, именно потому, что послѣднія находятся въ разныхъ вѣдомствахъ, въ силу чего, конечно, ни программы, ни число вакансій не соображены между собою. Газета намекаетъ также на различіе взглядовъ, которые могутъ сказываться при сужденіи объ однихъ и тѣхъ же явленіяхъ у одного вѣдомства и у другого. Послѣднее обстоятельство, конечно, можетъ служить, если не содѣйствующею причиною къ безпорядкамъ, то, по крайней мѣрѣ, помѣхой къ радикальному устраненію ихъ и предохраненію отъ нихъ. Но затѣмъ, если дѣло идетъ о волненіяхъ, мы недоумѣваемъ, при чемъ можетъ быть тутъ единство власти или ея разнородность, а равно единство программы и число вакансій? Мы удивляемся, что при сужденіи о безпорядкахъ, періодически повторяющихся среди учащейся молодежи, недоглядываютъ другой, болѣе важной, причины, правда, также виѣшней, но очень существенной, которая, намъ кажется, наиболѣе содѣйствуетъ безпорядкамъ.

Во всѣхъ волненіяхъ, подобныхъ харьковскому, кievскому, петербургскому и другимъ, нынѣшняго года и прошлыхъ годовъ, кто бываютъ и бывали дѣятелями? — Молодежь, — но какая? Учащаяся ли и исключительно ли учащаяся? Опытъ пока-

зываетъ, что во всѣхъ подобныхъ происшествіяхъ, начиная съ самыхъ раннихъ 60-хъ годовъ и до нынѣшняго года, главнѣйшими дѣятелями, зачинщиками и возбудителями были не учащіеся; отчасти — учившіеся, но выбывшіе, или — учащіеся, но перекочевывающіе изъ одного заведенія въ другое по мало-успѣшности занятій или даже совсѣмъ не переступавшіе порога университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Спросите у современниковъ студенческимъ волненіямъ 60-хъ годовъ въ Москвѣ, справьтесь съ послѣдними движеніями. Всегда во всѣхъ сходкахъ, помимо студентовъ, являются неизвѣстно откуда взявшіеся люди; и въ послѣднемъ петербургскомъ происшествіи фигурировали точно также посторонніе люди, давнѣе поводъ воскликнуть ректору: «я не узнаю сегодня студентовъ», и, дѣйствительно, заявившіе прямо о себѣ, что они не студенты. «С.-Петербургскія Вѣдомости», вспоминая о строгомъ режимѣ минувшаго царствованія, основательно заявляютъ, что неудовольствія среди учащейся молодежи бывали и тогда, но съ тою разницею, что не принимали формы демонстрацій. Газета признаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и то, что теперь въ числѣ волнующейся молодежи учащаяся, обыкновенно, стоятъ на второмъ планѣ, а на первомъ какая-то другая. Оставалось бы сдѣлать еще только шагъ, и тѣ же «Вѣдомости» пришли бы къ заключенію такого рода: въ минувшее царствованіе волненія не могли принимать форму демонстрацій потому, между прочимъ (а по-нашему потому — главнымъ образомъ), что подъ учащуюся молодежь не могла подставляться себя самозванно не учащаяся, и даже учащаяся не въ томъ заведеніи, гдѣ возникло неудовольствіе. А не могла попасть посторонняя молодежь, минуя все, просто потому даже одному, что студенты каждаго заведенія имѣли форменный мундиръ, который давалъ ихъ отличить всякому среди всѣхъ. Въ теперешнія времена не рѣдкость, что при волненіяхъ, даже женщины, не говоря уже о разномъ мужскомъ сбродѣ, проникаютъ среди студентовъ на университетскій дворъ и даже въ залы. Припоминаемъ времена студенческой формы и спрашиваемъ: Возможно ль было тогда такое явленіе? Студенты

* «С. И.», 8-го декабря. № 338.

первые не погналы бы отъ себя эту пришлую сволочь, не почувствовали бы себя оскорбленными?

Но мундиръ есть только принадлежность «организаци», только внѣшняя примѣта (впрочемъ, даже въ этомъ ограниченномъ смыслѣ примѣты очень существенная). Сдѣлаемъ еще шагъ и обобщимъ: вся бѣда именно въ томъ, что учащаяся молодежь лишена организаци; что всякій студентъ предоставленъ лично самому себѣ и, слѣдовательно, всякому вѣтру; что въ силу того, при настоящемъ положеніи, учащаяся молодежь есть матеріалъ для «толпы», толпы въ худшемъ значеніи этого слова, которая заслуживаетъ одного — и совершенно законно — быть разгоняемою. Употребимъ, вмѣсто слова «организаци», слово «дисциплина», это будетъ одно и то же: дисциплина предполагаетъ организацию, организациа дисциплину. Употребимъ и третье слово, съ которымъ, однако, по какому-то предразсудку, соединяютъ понятіе о чемъ-то противоположномъ дисциплинѣ: «корпорациа». Войско есть корпорациа, и нигдѣ нѣтъ такой строгой дисциплины, какъ въ войскѣ. А вотъ этого — именно и недостаетъ учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ военныхъ и отчасти духовныхъ. Они лишены дисциплины, потому что не организованы, потому что они не корпорациа. Они соединены только названіемъ и стѣнами заведенія, которое временно посѣщаютъ. Законъ не признаетъ ихъ солидарности, предполагаетъ какъ бы, что они чужды и незнакомы другъ другу, не имѣютъ, не должны и не могутъ имѣть ничего общаго. На дѣлѣ этого нѣтъ и физически быть не можетъ, нельзя представить возможности, чтобы молодые люди сходились въ аудиторію, не глядя другъ на друга, уходили, не прощаясь и во все время пребыванія даже въ стѣнахъ заведеній ни о чемъ не перемолвились въ продолженіи четырехъ-то лѣтъ. Слѣдовательно, связь дана, она фактически существуетъ; но такъ какъ она ничѣмъ не регулирована, ни подъ какую дисциплину не подведена, никакой законной организаци не получила, то вытекаетъ неизбежное послѣдствіе, беспорядочность, въ силу которой, съ одной стороны, даже

ближайшіе, даже сотоварищи и однокурсники одинъ другому чужды; а съ другой стороны — солидарность, мнимое товарищество распространяетъ себя даже далѣе естественныхъ предѣловъ, далѣе стѣнъ самого заведенія, придираясь къ одному названію «студентъ»; петербуржецъ находитъ нужнымъ сочувствовать и даже дѣятельно выразить свое сочувствіе харьковцу, харьковецъ — кievцу, студентъ-медикъ — технику, и такъ далѣе — лицамъ, которыхъ сочувствующій въ глаза не видалъ и въ такой исторіи, къ которой онъ самъ нимало не причастенъ и о которой имѣетъ смутное понятіе, но большей части непремѣнно ложное, потому что получаетъ отъ разгоряченныхъ, одностороннихъ головъ, увлекшихся, а чаще всего прямо отъ поджигателей и зачинщиковъ, которые находятъ въ смутахъ свое призваніе и которые, хотя сами не учились и не учатся, объявляютъ себя тоже солидарными со студентами на томъ одномъ основаніи, что они — «молодежь». Такимъ-то образомъ, отсутствіе правильной организаци и отсюда дисциплины для учащихся и притомъ своей для каждого заведенія въ особенности, и отсутствіе неизбежныхъ при семъ, отличительныхъ для каждой органической единицы примѣтъ, правилъ и условій, порождаетъ какую-то самочинную корпорацию «молодежи» вообще, корпорацию неслышанную, невозможную, нелѣпую, корпорацию виѣ осязаемыхъ условій и примѣтъ; разумѣется, это не корпорациа, не единство, а вавилонское столпотвореніе; это есть прямо дезорганизациа и деморализациа вмѣстѣ.

Мы не вдаемся въ подробности и не считаемъ себя на это призванными; не намѣчаемъ, даже хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, организацию и дисциплину, которую бы прилично было учредить въ составѣ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но мы просимъ вдуматься въ наши указанія и убѣдиться, что именно въ отсутствіи организаци учащихся, иногда простирающихся до тысячи и свыше въ одномъ заведеніи, и заключается вся причина періодическихъ беспорядковъ молодежи, которыми истинно опечалено все зрѣлое общество.

1879 годъ.

По вопросу объ учрежденіи при университетахъ общежитій.*

Наше университетское юношество можно, повидимому, поздравить съ такою благодѣтельною правительственною мѣрою, которая, обезпечивъ матеріальное положеніе бѣднѣйшихъ студентовъ, должна способствовать болѣе свободѣ научныхъ занятій, оберегая въ то же время желающую учиться молодежь отъ стороннихъ вредныхъ вліяній. «Новое Время» сообщаетъ, что министромъ народнаго просвѣщенія передано на предварительное обсужденіе университетскихъ совѣтовъ предположеніе объ учрежденіи при университетахъ, въ видахъ оказанія пособій достойнымъ студентамъ, общежитій, при которыхъ студенты, взаимно получаемыхъ ими нынѣ стипендій, были бы вполне обезпечены всѣмъ необходимымъ и тѣмъ съ болѣе большимъ успѣхомъ могли бы заниматься науками.

Мы называли эту мѣру благодѣтельною. Матеріальное положеніе болѣе части университетской молодежи бѣдственно. Наши университеты, эта соль, этотъ цвѣтъ нашей жизни, съ самаго своего основанія по сіе время, наполняются вообще недостаточною молодежью. Богатое дворянство предпочитаетъ идти

въ пажескій корпусъ, въ училище правовѣдѣнія и тому подобныя учебныя заведенія, гдѣ дается много правъ и спрашивается мало знаній. Наша купеческая молодежь, не получивъ отъ предковъ особенно тонкихъ извиловъ мозга, пока все еще ухитряется университетскіе дипломы замѣнять рекрутскими квитанціями или докторскими свидѣтельствами, глядя по тому, что обходится дешевле. Три четверти университетскихъ студентовъ бѣдняки, получающіе отъ родителей въ годъ какіе-нибудь десятки рублей, довольствуются грошевыми уроками, платою за переписку бумагъ и т. п. Существованіе половины студенчества было бы невозможно, если бы университеты не имѣли въ своемъ распоряженіи стипендій. Но какія это жалкія деньги при настоящей дороговизнѣ. Мы помнимъ: лѣтъ 15—20 тому назадъ давались благотворительныя стипендіи по 8 руб. 82 коп. и даже 8 руб. 16 коп. въ мѣсяцъ. И это было великимъ подспорьемъ, и бѣднякъ-студентъ, получивъ 8 руб. 16 коп. въ мѣсяцъ и видя впереди эти 8 руб. 16 коп. ежемѣсячно, чувствовалъ себя Крезомъ. Есть въ университетахъ казенныя стипендіи, доходящія, кажется, до 16-ти рублей въ мѣсяцъ, но ими налагаются нелегія обязательства службы, часто гдѣ-нибудь въ отдаленной окраинѣ. Есть стипендіи и въ 25 руб., напримѣръ, Кирилло-Мефодіевская въ Московскомъ университетѣ, но такихъ черезчуръ мало. Но даже и 25 руб. въ мѣсяцъ какія это деньги, и для одинокаго человѣка въ настоящее время 25 руб. это только сносная квартира и столъ, а нужно еще платье и книги. Ограниченность такого содержанія заставляетъ студентовъ прибѣгать и сейчасъ къ совмѣстному жительству троихъ-четверыхъ въ одной комнатѣ, черезъ что расходы на квартиру уменьшаются втрое и вчетверо, прикрывая наготу. И вотъ сама студенческая практика показываетъ, что улучшеніе быта возможно прежде всего чрезъ совмѣстное жительство. Безъ сомнѣнія, министерство, предполагая общее житіе студентовъ, не ограничится расходою 16-ти руб. на человѣка, ибо сумма эта опредѣлена по расходамъ на содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ прошлаго царствованія, когда жизнь была вчетверо дешевле. Что тогда покрывалось 16-ю руб-

* «С. П.». 12-го мая. № 129.

лями въ мѣсяцъ, можетъ быть теперь покрыто едва 50-ю. По крайней мѣрѣ, опытъ военныхъ училищъ, тратящихъ на каждого юнкера, при готовой квартирѣ, до 50-ти рублей въ мѣсяцъ, показываетъ, что о 16-ти-рублевыхъ расходахъ не можетъ быть и рѣчи, ибо недостойно было бы «достойныхъ» студентовъ обезпечивать 16-ю рублями, когда военное министерство расходуетъ втрое больше, не полагая различія между «достойными» и «недостойными». Какъ бы то ни было, но уже одна даровая квартира, теплая, сухая и просторная, должна показаться благодареніемъ студенчеству, перебивающемуся на разныхъ Бронныхъ и Грачевкахъ, по крайней мѣрѣ, въ Москвѣ и не въ лучшихъ мѣстностяхъ по другимъ городамъ. Мы уже не говоримъ, сколько силъ и здоровья, при проектируемыхъ казенныхъ квартирахъ, сохранится въ формирующемся возрастѣ и сколько безвременныхъ могилъ не закроется лишній разъ. Не говоримъ и объ упраздненіи крайне неприличнаго (хотя и извинительнаго) попрошайничества студентовъ, въ видѣ всякихъ баловъ и чтеній въ пользу студентовъ. Учащаяся молодежь, лучшая притомъ ея часть, протягивающая руку за милостынею и къ банкиву, и къ кокоtkѣ—какой въ самомъ дѣлѣ позоръ для общества.

Недостаточное обезпеченіе рѣшительно помѣха въ учебныхъ заведеніяхъ. Пять, иногда шесть часовъ лекцій, потомъ путешествіе на урокъ за пять или за шесть верстъ изъ-за пяти или шести гривенъ, или сидѣнье 5—6 часовъ за перепискою—какое ученіе пойдетъ на умъ измученной головѣ? Да и сердобольные родители нарываютъ запрещъ студента не въ часовой, а въ двухъ-трехъ часовой урокъ, пристягнувъ къ лѣнивому гимназисту безтолковую гимназистку. Хорошій студентъ записываетъ лекціи, составляетъ ихъ дома, пополняетъ гимназическіе пробѣлы въ новыхъ языкахъ, отдается какой-нибудь специальності—до пріобрѣтенія ли матеріальныхъ средствъ при этомъ, а при заботѣ о матеріальныхъ средствахъ до ученія ли? Большое мѣсто студенчества—недостатокъ книгъ. Въ прежнее, по крайней мѣрѣ, время, вмѣсто указаннаго программю изслѣдованія, прочитывались двѣ-три книги, послужившія матеріаломъ рекомендован-

ному сочиненію, и все потому, что негдѣ или не на что было достать нужную книгу; товарищъ ссужалъ товарища латинскимъ или греческимъ словаремъ, самъ нуждаясь въ немъ, и т. д. Съ устройствомъ общежитій, съ открытіемъ вечернихъ занятій въ бібліотекахъ, безъ сомнѣнія, доступными станутъ для студентовъ даже такіа бібліотечныя сокровища, какъ Фабрицій, на примѣръ, основательно теперь не отпускаемые на домъ на Грачевки и Бронныя.

Совмѣстное жительство имѣетъ и еще добрую сторону. Лучшее общество для студента есть студенты же. Студенческая среда воспитываетъ лучше, чѣмъ гостинныя и гостинницы. Студенчество, лишенное формы, разбросанное по грязнымъ квартирамъ, неразборчиво на знакомство, при незнаніи жизни способно сходиться съ людьми низшаго образовательнаго ценза. Женщины не высокаго ценза нравственного играютъ тоже не послѣднюю роль въ вечернихъ студенческихъ сборищахъ. Отъ этой грязи, отъ этого омута тоже могутъ спасти казенныя квартиры. Досказывать ли? Проектированная мѣра, конечно, спасетъ многихъ отъ сѣтей современныхъ ловчихъ. Будемъ откровенны. Вѣроятно, это, главнымъ образомъ, и имѣется въ виду; можетъ быть и разсчитываютъ внѣшнимъ образомъ изолировать молодежь. Вѣдь бѣдняки, а не богатые бываютъ недовольны своимъ положеніемъ. Недовольство же прекрасная почва для сѣмянъ противообщественной агитаціи. Но мы полагаемъ, что не внѣшняя, а внутренняя сторона реформы будетъ спасать студенчество отъ такой агитаціи: у молодежи создадутся чрезъ общежитіе дѣйствительные общественные интересы, не чужіе, не напускные, а свои собственные, какъ разъ себѣ по плечу, какіе и были, и сейчасъ есть въ духовныхъ академіяхъ, и въ военныхъ даже училищахъ. Вѣдь никто, при устройствѣ общежитій, не станетъ, конечно, торговаться изъ-за такихъ пустяковъ, какъ читальная комната съ газетами и журналами, курильная комната и т. п. Это само собою разумѣется, а сейчасъ изъ этого дѣлается комическій «вопросъ». Пресловутыя «кассы», изъ-за которыхъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ столько разговору, станутъ

анахронизмомъ, потому что голодающихъ, нуждающихся въ квартирѣ, платьѣ, книгахъ не будетъ, а всякія «сходки», утративъ свой протестующій характеръ, могутъ получить даже воспитательное значеніе, все глядя потому, насколько будутъ онѣ отвѣчать прямымъ цѣлямъ учащагося студенчества.

Предвидимъ возраженія: «общежитія, стало быть, мы школьники, мальчишки». Совершенно вѣрно: школьники и мальчишки, которыхъ главная задача учиться. Проектированная мѣра, и съ положительной, и съ отрицательной стороны (нами, впрочемъ, пока только предполагаемой) къ тому и направлена. Студенчество, возведенное въ поклоненіе, въ фетишъ, какъ было въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, уже анахронизмъ теперь. Теперешнее развитое студенчество должно это понимать. Россія, слава Богу, за эту четверть столѣтія подвинулась настолько впередъ, что образованіе ставится высоко, но не обоготворяется, а студентъ цѣнится не по студенчеству, а по ученію. Въдь только въ самыхъ дикихъ странахъ на ученаго смотрятъ, какъ на колдуна.

О запрещеніи студентамъ университетовъ заниматься литографированіемъ лекцій.*

Въ университетской учебной практикѣ есть одно больное мѣсто, которое, вотъ уже болѣе десятка лѣтъ, пытаются залечить однимъ и тѣмъ же пластыремъ, но скорого исцѣленія все-таки не предвидится, ибо вся бѣда въ недостаткѣ откровенности между паціентами и медиками. Болѣзнь пустая, даже и совсѣмъ не болѣзнь, и леченіе только растравляетъ здоровое мѣсто. Ведемъ рѣчь о пресловутомъ запрещеніи студентамъ университетовъ заниматься литографированіемъ профессорскихъ лекцій.

Съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ университетскія начальства чуть не ежегодно издають запрещенія студентамъ за-

ниматься литографированіемъ лекцій. Запрещенія повторяются, слѣдовательно, не исполняются. Но дѣйствительно ли это такое зло, что стоить такъ энергично его преслѣдовать и нѣтъ ли другого какого-либо цѣлесообразнаго средства для достиженія той же цѣли, которая преслѣдуется этимъ малоисполняемымъ запрещеніемъ?

Что, собственно, университетскія начальства имѣютъ въ виду, запрещая студентамъ облегченный способъ воспроизведенія профессорскихъ чтеній, изученіе которыхъ составляетъ прямую обязанность студентовъ? Не то ли, что, подъ видомъ литографирования невинныхъ преподавательскихъ лекцій, студенты позволяютъ себѣ литографное воспроизведеніе сочиненій, цензурою неодобренныхъ и даже прямо преступныхъ? Такимъ непозволительнымъ издательствомъ, дѣйствительно, занимались студенты конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ. Бывало въ Москвѣ, особенно на медицинскомъ факультетѣ, успѣшно пло литографированіе, наряду съ профессорскими записками, и различныхъ запрещенныхъ брошюръ. Антрепренеръ изданій, какой-нибудь студентъ, промышленникъ, исправно одѣлялъ своихъ товарищей-подписчиковъ вмѣстѣ съ листами химіи или фізіологіи и сырыми еще оттисками Бюхнеровской Матеріи и Силы, Фейербаховской Сущности религіи, Лорановской Сущности христіанства и т. д. Никому не казалось это страннымъ и даже подписчики-товарищи расплачивались съ издателями сразу и за «Богословіе» о. Сергіевскаго, и за «Матерію и Силу» Бюхнера. Но времена перемѣнились. Литографныя заведенія подчинены теперь строжайшему правительственному надзору; студенты университетовъ потеряли вкусъ къ «Матеріи и Силѣ» Бюхнера, а нѣкоторые изъ прежнихъ издателей лекцій—охоту свою къ пропагандированію сущности религіи и христіанства замѣнили теперь открытыми на свое имя конторами денежныхъ ссудъ подъ закладъ движимости. Такимъ образомъ, и рѣчи теперь не можетъ быть о томъ, чтобы, подъ видомъ воспроизведенія профессорскихъ лекцій, могло бы скрываться что-либо неодобрительное или даже преступное.

* «С. И.», 6-го декабря. № 336.

Студентамъ неприлично заниматься такимъ постороннимъ дѣломъ, какъ издательство лекцій; да это и отвлекаетъ ихъ отъ прямого дѣла. Правда; но, къ сожалѣнію, большинство нашей учащейся молодежи такъ плохо обезпечено матеріальными средствами, что не можетъ обходиться безъ постороннихъ занятій, и хорошо еще, если это будутъ уроки, а не переписка какихъ-либо бумагъ, счетовъ, прямо даже занятія въ конторахъ и т. п., что университетскими правилами не преслѣдуется. Слѣдовательно, и не здѣсь кроется причина запрещенія литографировать лекціи.

Напротивъ, многое, повидимому, говоритъ за полную умѣстность такого рода занятій. Главная обязанность студента есть слушаніе и приготовленіе лекцій. Литографированныя лекціи, составленіемъ которыхъ занимаются трое, четверо, всегда, безъ сомнѣнія, лучше воспроизводятъ чтеніе профессора. Одна группа слушателей занята составленіемъ лекцій по одному предмету, другая по другому. Здѣсь вполнѣ предлагается плодотворное раздѣленіе труда. Да и не каждый, взятый порознь, студентъ способенъ записывать лекціи. Одни не обладаютъ скоростью почерка, навыкомъ къ этому; другимъ, особенно въ большихъ аудиторіяхъ, гдѣ собирается курса два численнаго студентами факультета, плохо слышно чтеніе. Кромѣ того, какъ бы хорошо ни была записана лекція однимъ студентомъ, она не представляетъ вполнѣ годнаго пособия для приготовленія къ экзамену: единоличныя записки не лишены бываютъ пропусковъ, а требованія на испытаніи у иныхъ экзаменаторовъ доходятъ чуть не до буквальности. Да и лекція, записанная полгода тому назадъ, представляетъ мало удобочтемый матеріалъ: это по опыту знаетъ каждый изъ записавшихъ профессорскія лекціи и готовившихся по нимъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что нѣкоторые лекторы читаютъ такъ быстро, что только стенографу въ пору записывать за ними. Студентамъ остается, слѣдовательно, учиться стенографіи. Стенографія искусство не мудреное, но требуетъ продолжительной практики; иначе записываніе пойдетъ медленно, чѣмъ даже при обыкновенномъ способѣ. Простымъ ли, стенографическимъ ли путемъ записаны лекціи, онѣ нуждаются въ перепискѣ дома, по возможности, тотъ

часть же, пока чтеніе не испарилось изъ головы. Лекцій иной разъ читается до пяти. Опять ссылаемся на опытъ каждаго: можно ли все это ежедневно переписывать, особенно при печальной необходимости имѣть студенту постороннія занятія для своего содержанія? Мы убѣждены, что трудность и необходимость такихъ пріемовъ лучше всѣхъ извѣстны самимъ лицамъ, издающимъ запрещенія литографировать лекціи.

Осуществимо ли практически это запрещеніе? Студентъ не имѣетъ права сдѣлать заказъ въ литографію на воспроизведеніе лекцій профессора безъ письменнаго разрѣшенія послѣдняго. Прекрасно; но онъ, пожалуй, и не обратится съ такимъ контрабанднымъ требованіемъ. Составивъ курсъ, развѣ студентъ не можетъ выдать его за свой и самъ, а то, и черезъ подставное благонадежное лицо, сдѣлать заказъ въ литографіи на общихъ правилахъ? Какъ помѣшать этому? Приносится въ цензуру курсъ, положимъ, астрономіи Иванова или Петрова. Какъ не подписать его къ печатанію? То же и съ другими предметами, ибо ни одинъ курсъ ни въ одномъ университетѣ не найдется такой, который не могъ бы быть одобренъ цензурою. Но пусть и этого не будетъ. Остается допотопный способъ распространенія лекцій: то же составленіе каждаго курса общими силами троихъ, четверыхъ студентовъ и воспроизведеніе этихъ чтеній не литографіею, а перепискою. Можно ли и это счесть дѣяніемъ незаконнымъ? Но оно только дороже литографированія, ничѣмъ не отличаясь отъ него, ибо и переписывать можно не самому, а отдавать писцамъ.

Несмотря на запрещеніе литографировать лекціи, всегда въ каждомъ университетѣ найдется, притомъ не одинъ, профессоръ, который, ничто же сумняся, будетъ давать свое согласіе на литографированіе его лекцій. А это облегченіе занятій со стороны одного или нѣсколькихъ преподавателей, при общей запретительной мѣрѣ, не будетъ ли создавать фальшивую репутацію нѣкоторыхъ профессоровъ въ ущербъ прочимъ? Запретить профессорамъ эту дачу разрѣшеній. Но это было бы уже невозмож-

нымъ стѣсненіемъ авторскихъ правъ. Притомъ иной профессоръ для облегченія студентовъ самъ, отъ своего лица, по собственному оригиналу, можетъ сдѣлать заказъ.

Итакъ, когда литографированіе студентами лекцій, само по себѣ, не представляетъ ничего ни неприличнаго, ни преступнаго, когда прямо отвѣчаетъ даже прямымъ задачамъ учащагося юношества, только облегчая эти задачи, когда, наконецъ, это неосуществимо практически, то на какихъ же серьезныхъ основаніяхъ можетъ держаться это запрещеніе?

Университетское преподаваніе, возразятъ еще, было бы съ цензурной стороны стѣснено выходомъ лекцій на Божій свѣтъ. Но если оно нецензурно (въ дѣйствительности этого ничего нѣтъ), зачѣмъ же это читается, виѣдряется въ юношество, — требуется отчетъ въ этомъ. Вѣдь и университеты и цензура — въ одномъ государствѣ. Наконецъ, у университетовъ есть своя цензура, напримѣръ, для диссертаций на ученые степени, при чемъ сами профессора являются цензорами для ученыхъ сочиненій.

Будемъ откровенны. Ни одна изъ указанныхъ выше причинъ не принимается въ основаніе запрещенія. Есть другія причины, истинныя, хотя неохотно кѣмъ-либо высказываемыя.

При дозволенномъ литографированіи лекцій студенты перестанутъ ходить въ аудиторіи, и голосъ профессора будетъ звучать въ пустыхъ стѣнахъ въ то время, когда студенты дома преспокойно будутъ по литографированнымъ запискамъ зубрить предыдущія лекціи. Не такъ ли? Положеніе, дѣйствительно, нелѣпое, но нельзя назвать лѣпымъ и это средство удерживать студентовъ въ аудиторіи. Оно не достигаетъ цѣли, ибо, несмотря на запрещеніе литографировать лекціи, студенты далеко неполнымъ числомъ посѣщаютъ университетъ, предпочитая въ это время переписывать болѣе исправными товарищами составленныя предыдущія лекціи. А главное, если таково дѣйствительно основаніе запрещенія, мѣра эта, не лишенная лицемѣрія, должна вносить фальшь въ отношенія студентовъ и профессоровъ, совѣсть не желательную, особенно въ настоящую смутную минуту.

Не лучше ли поступить прямѣе: разрѣшивъ литографированіе лекцій, прямо обязать студентовъ къ посѣщенію лекцій, хотя бы помощью переклички, или расписыванья въ книгѣ, или другимъ какимъ-либо болѣе прямодушнымъ способомъ. Мѣры эти, заставивъ студентовъ посѣщать лекціи, облегчили бы имъ усвоеніе ихъ, и никто не остался бы въ накладѣ. Талантливый, ученый, любимый слушателями профессоръ, никогда не просидитъ безъ слушателей, хотя бы лекціи его не только литографировались, но даже печатались и посѣщеніе его аудиторіи представлено было бы на произволъ. Это опять-таки подтвердитъ каждый по собственному наблюденію.

Но если запрещеніе литографировать лекціи есть мѣра, не понуждающая студентовъ исправно посѣщать лекціи, она, да простятъ намъ, способна позволять преподавателямъ вести дѣло спустя рукава. Пока профессорское слово остается въ рукописныхъ тетрадкахъ студентовъ, лекторъ можетъ не принимать на себя нравственной отвѣтственности за научное достоинство своихъ чтеній. Но разъ лекціи отлитографированы съ его дозволенія или за его присмотромъ, тутъ нельзя уже отречься: «я этого не говорилъ» или: «я это излагалъ совершенно иначе».

Самимъ студентамъ заниматься изданіемъ лекцій, конечно, какъ будто бы и не идетъ. Но почему бы не принять на себя этой обязанности самимъ преподавателямъ. Пусть лекціи не отдѣланы окончательно, какъ для печати, никто не взыщетъ: на это литографія, а не печать. Литографированіе лекцій поэтому не только не должно быть запрещаемо, наоборотъ, прямо стать дѣломъ обязательнымъ, какъ первое условіе нормально поставленнаго педагогическаго дѣла: если есть преподаваніе, должно быть и руководство или какое-либо пособіе для учащихся. Если преподаватель не находитъ возможнымъ одобрить чужое руководство, прямое дѣло самому составить удобнѣйшее. Ученикъ безъ руководства — тотъ же мастеровой безъ инструмента, солдатъ безъ ружья. А пока студенты обладаютъ самодѣльнымъ орудіемъ для своего образованія.

Удивляемся: въ то время, какъ университеты строго преслѣдуютъ литографированіе лекцій, военные, напримѣръ, училища обязательно снабжаютъ своихъ воспитанниковъ на казенный счетъ литографированными записками преподавателей, коль скоро существующіе печатные курсы не удовлетворяютъ лектора. Для этого въ военныхъ училищахъ имѣются даже свои литографскія заведенія, каковыя могли бы быть и въ университетахъ. А вѣдь, кажется, на недостатокъ школьной дисциплины военные учебныя заведенія пожаловаться не могутъ.

1880 годъ.

**О намѣреніи воронежскаго земства
ходатайствовать объ основаніи въ Воронежѣ
университета.***

На-дняхъ, со словъ корреспондента одной изъ петербургскихъ газетъ, передали мы о намѣреніи воронежскаго земства ходатайствовать объ основаніи въ Воронежѣ университета. Къ сожалѣнію, печать наша, часто восхищающаяся дутыми и модными предпріятіями по народному образованію, совсѣмъ оставила безъ вниманія эту счастливую мысль.

Наше время есть эпоха усиленныхъ заботъ по народному образованію. Посмотрите заглавія наиболѣе ходкихъ учебныхъ книгъ — онѣ расходятся не только десятками, но даже и сотнями тысячъ экземпляровъ; отдѣльныя изданія въ 30 — 50 тысячъ экземпляровъ уже не рѣдкость. Видано ли когда такое широкое распространеніе учебной литературы? Мечталъ ли даже кто объ этомъ изъ составителей учебниковъ шестидесятыхъ годовъ? Въ газетахъ, то и дѣло, читаемъ объ открытіи здѣсь гимназій или прогимназій, тамъ реальнаго училища. О начальныхъ школахъ уже и не говоримъ. Провинціальныя корреспонденціи объ открытіи

* «С. И.» 7-го января. № 6.

начальных училищ загромождали бы газетные столбцы, если бы все их пускать в печать. Число низших и средних школ в последнее 20-ти-лѣтіе увеличивается в такой пропорціи, какъ никогда. Къ сожалѣнію, и правительство, и частныя лица, и общества, земства и думы по народному образованію обратили исключительное вниманіе на начальную и среднюю школу, покинувъ заботу о высшей. Прошлое царствованіе ознаменовало себя учрежденіемъ нѣсколькихъ университетовъ. Въ наше время, за цѣлые 25 лѣтъ, не основано ни одного университета, если не считать переименованія лица въ Одессѣ въ университетъ, да приготовленій къ основанію Сибирскаго университета. И тѣмъ удивительнѣе это пренебреженіе теперь къ высшему образованію, при заботахъ о немъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія, которую, не безъ основанія, упрекаютъ въ фотофобіи, при усиленнѣйшихъ заботахъ сейчасъ по открытію низшихъ и среднихъ школъ въ небывалыхъ размѣрахъ. Но, безъ сомнѣнія, вниманіе отъ высшаго образованія отвлечено только временно. Труды, обращенные теперь на устройство и умноженіе классическихъ гимназій, должны смѣниться заботами объ открытіи нѣсколькихъ университетовъ; ибо, въ противномъ случаѣ, учебная реформа останется нецѣлесообразною, знаніемъ не оконченнымъ: классическія гимназіи имѣютъ одинъ только смыслъ, какъ врата къ университетскимъ факультетамъ, кромѣ медицинскаго, разумѣется, какъ техническаго, нуждающагося не въ гуманномъ образованіи, а только въ знакомствѣ съ средневѣковою кухонною латынью.

Но если начальныя училища и гимназіи можно было основывать по рецепту Владиміра Равноапостольнаго и Ярослава Мудраго, гдѣ Богъ на сердце положить, университеты, какъ будущіе центры просвѣщенія, должны являться въ исторически насѣженныхъ мѣстахъ. Понятенъ смыслъ основанія въ Москвѣ или Кіевѣ университета и мало понятно бытіе его въ Харьковѣ, на примѣръ. Имѣетъ свой смыслъ Петербургскій университетъ, ибо Петербургъ есть гнѣздилище интеллигенціи *sui generis*. Имѣетъ смыслъ Сибирскій университетъ, ибо Сибирь есть цѣлая часть свѣта. Но Орелъ, Курскъ, Пенза, Вологда, Самара и мно-

жество другихъ городовъ должны представить историческое основаніе для учрежденія въ нихъ университета, чего они исполнить не въ состояніи.

Не то Воронежъ. Намъ мало извѣстна исторія того или другого изъ провинціальныхъ городовъ, кромѣ старинныхъ историческихъ центровъ, какъ Новгородъ, Псковъ, Вятка, Кіевъ, Смоленскъ и т. п. Да такой исторіи и не существуетъ, если не считать составленныхъ различными секретарями статистическихъ комитетовъ всякихъ историко-статистическихъ описаній того или другого города, этой своего рода «исторіи генераловъ». Мало знаемъ и исторію Воронежа. Но названный выше корреспондентъ, сообщившій о благодѣи и просвѣщенномъ намѣреніи воронежскаго земства, указалъ цѣлую плеяду просвѣщенныхъ русскихъ дѣятелей, родившихся и подвизавшихся въ Воронежѣ. Дополнимъ его указаніе: въ Воронежѣ 20 лѣтъ издаются «Филологическія записки», ученое изданіе, которое могло бы послужить украшеніемъ любого университетскаго и даже столичнаго города. «Филологическія записки» помѣстили на своихъ столбцахъ довольно оригинальныхъ статей, на примѣръ, уважаемаго профессора Потебни и многихъ другихъ представителей отечественной науки, часто предпочитавшихъ обращаться не къ покойному Бодянскому въ его «Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей», не въ «Записки академіи наукъ», а къ скромному воронежскому изданію г. Хованскаго. Многіе труды европейскихъ представителей лингвистики переведены въ этомъ изданіи цѣликомъ. И удивительное дѣло: изданіе почтеннаго г. Хованскаго наиболѣе специальное среди ему подобныхъ. Это не «Обозрѣніе» молодыхъ профессоровъ Московскаго университета, критически оцѣнивающее, сколько можемъ судить, по нѣсколькимъ видѣннымъ нами книжкамъ, труды по различнымъ отраслямъ науки. Это не «Чтенія» покойнаго Бодянского, куда валился всякій хламъ по отечественнымъ, славянскимъ и иностраннымъ матеріаламъ. «Филологическія записки» только неудачно названы филологическими; это изданіе, посвященное, главнымъ образомъ, сравнительному языкознанію. И при такой-то специальной задачѣ из-

даніе это можетъ держаться цѣлыхъ 20 лѣтъ въ городѣ не университетскомъ. Возможно ли такое явленіе въ какой-нибудь Калугѣ или Саратовѣ и даже въ университетской Одессѣ?

Такова, между прочимъ, ученая аттестація Воронежя. Имена Кольцова и Никитина, если не первоклассныхъ нашихъ поэтовъ, во всякомъ случаѣ образцовыхъ писателей, произведенія которыхъ встрѣтите въ любой хрестоматіи наравнѣ съ стихотвореніями Пушкина и Лермонтова, достаточно, помимо другихъ литературныхъ именъ, могутъ рекомендовать будущій университетскій городъ со стороны литературныхъ талантовъ. Прочтите біографію Никитина, составленную тоже не неизвѣстнымъ воронежскимъ писателемъ М. де-Пуле, и вы убѣдитесь, что Воронежъ, дѣйствительно, рѣзко выдѣляется среди нашей не университетской провинціи. Тамъ найдете такіе факты, что, напримѣръ, при выступленіи Никитина на литературное поприщѣ, тогдашняя редакція «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (а мы знаемъ, что за литература большинства этихъ губернскихъ вѣдомостей) принадлежала къ числу лучшихъ въ Россіи. Редакторомъ ея былъ Срединъ, кандидатъ Петербургскаго университета, а сотрудниками, дававшими тонъ и направленіе газетѣ, Второвъ и Александровъ-Дольникъ, умѣвшіе оцѣнить истиннаго поэта въ дворянѣ Никитинѣ въ 1849 г. И это въ глуши, вдали отъ университета, послѣ мрачнаго 1848 года!

Не станемъ упоминать о такихъ мѣстныхъ изданіяхъ, какъ «Воронежская Бесѣда»; скажемъ только, что теперешнія періодическія изданія, выходяція въ Воронежѣ, положительно лучшія среди подобныхъ имъ произведеній провинціальной печати.

Воронежъ достаточно созрѣлъ для университета. Въ наукѣ, въ литературѣ, въ журналистикѣ онъ внесъ въ общерусскую жизнь больше иныхъ университетскихъ городовъ. Столичная печать вполне можетъ выдать будущему университетскому городу аттестатъ зрѣлости. Разработка частныхъ вопросовъ, каковы: достаточно ли среднее учебныхъ притоковъ для будущаго университетскаго русла въ Воронежскомъ краѣ; на какія частныя средства для основанія университета можетъ рассчитывать

правительство и т. д.? Это уже дѣлю мѣстной печати, которая должна всѣ свои силы положить на рѣшеніе этихъ вопросовъ. Можетъ быть, среди мѣстныхъ патріотовъ найдутся состоятельные люди, пожелающіе память о себѣ связать пожертвованіями съ основаніемъ университета въ родномъ краю. Дай то Богъ!

По поводу слуховъ о предстоящей университетской реформѣ.*

Предстоящая университетская реформа, по слухамъ, проникшимъ отчасти даже въ печать, будетъ, между прочимъ, состоять: 1) въ назначеніи профессоровъ отъ министерства; 2) въ учрежденіи государственнаго экзамена и 3) въ широкомъ допущеніи приватъ-доцентуры. Скорбѣтъ ли объ этомъ, присоединиться ли къ голосамъ, усматривающимъ въ этомъ разрушеніе университетской преподавательской корпораціи, а вмѣстѣ съ нею и свободы университетской науки?

Если дѣйствительно въ такомъ, а не inomъ смыслѣ подготавливается реформа, можемъ скорѣе радоваться, нежели печалиться. Когда впервые заговорили о замѣнѣ выборнаго начала въ университетахъ назначеніемъ преподавателей отъ министерства, было вполне основательно опасеніе, что университетское преподаваніе понизится; что каѳедры могутъ быть занимаемы различными проходимцами (что и сейчасъ творится въ педагогическихъ, хотя и не университетскихъ, сферахъ «братіями славянами»); что повторятся тѣ времена, когда на университетскія каѳедры философіи садились чуть не отставные квартальные надзиратели, изъ всѣхъ наукъ знакомые только съ благонамѣренностью. При введеніи одной только этой мѣры, безъ сомнѣнія, не только былъ бы пониженъ уровень универ-

* «С. И.», 21-го января. № 20.

ситетскаго преподаванія, но былъ бы подписанъ смертный приговоръ университетской наукѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, пожалуй, и русскому просвѣщенію.

Между тѣмъ и настоящій порядокъ занятія университетскихъ кафедръ едва ли много лучше. Вмѣсто предполагаемаго произвола директора департамента господствуетъ сейчасъ произволъ ординарнаго профессора. Говоримъ не обо всѣхъ, но о многихъ. Кафедры, въ большинствѣ случаевъ, достигаются кумовствомъ, ухаживаніемъ за профессоромъ добрый десятокъ лѣтъ, — кто этого не знаетъ? Практическій студентъ съ перваго еще курса начинаетъ смотрѣть въ глаза преподавателю того предмета, по которому впоследствии желаетъ «магистроваться». Четыре года онъ работаетъ преимущественно по его предмету. Но этого еще мало. Курсъ оконченъ. Кандидатъ оставленъ ли своимъ патрономъ при университетѣ или нѣтъ, ему надо сдать магистерскій экзаменъ, для котораго, по уставу, никакой программы не полагается. И вотъ молодой человѣкъ посѣщаетъ профессора годы, перечитываетъ его библіотеку или, по крайней мѣрѣ, беретъ его книги на домъ, разрѣзывая неразрѣзанныя, работаетъ, какъ Іаковъ на Лавана, и ждетъ, когда самъ профессоръ скажетъ: «пора». Впрочемъ, для благоразумнаго юноши и этого не достаточно; надо выслужиться настолько, чтобы профессоръ рѣшительно погналъ его на магистерскій экзаменъ, на экзаменъ — къ самому себѣ. Но какъ же экзаменоваться, когда программы нѣтъ. Практика говоритъ, что магистрирующійся долженъ быть знакомъ съ литературою предмета, а литературы какого угодно предмета хватить слишкомъ на цѣлую жизнь. И вотъ начинается комедія: дружеская торговля между профессоромъ-экзаменаторомъ и его кліентомъ-пріятелемъ. По бѣльшей части условливаются, что главнымъ на экзаменѣ вопросомъ будетъ имѣющій ближайшее отношеніе къ темѣ диссертациі, уже задуманной (по соглашенію съ профессоромъ) и разрабатываемой магистрирующимъ. Но какъ Іакову приходилось работать на Лавана не только ради любимой Рахили, но и за нелюбимую имъ Лію, такъ и будущему магистру пред-

стоитъ улаживать свои отношенія съ экзаменаторами и по второстепеннымъ предметамъ. Тутъ то же ambitio (ухаживаніе), и горе молодому человѣку, если будущіе его экзаменаторы — враги по совѣтскимъ интригамъ, въ чемъ недостатка нигдѣ не бываетъ. Какъ ухитрится ему дружить часто съ злѣйшими между собою врагами? Но вотъ экзаменъ конченъ. Новыя мытарства съ диссертациею, сначала магистерскою, потомъ докторскою. То же ухаживаніе и кумовство при выборахъ въ факультетъ и въ совѣтъ. Немудрено, что такимъ тяжкимъ, унижительнымъ порою путемъ возсѣдшій на кафедре профессоръ разрываетъ дружбу съ бывшимъ своимъ патрономъ и даже становится лютѣйшимъ его врагомъ въ факультетѣ и совѣтѣ, если, разумѣется, пришлось ему занять кафедру въ томъ же университетѣ, хотя, конечно, до кражи Лавановскихъ золотыхъ и серебряныхъ идоловъ и прятанья ихъ подъ верблюжье сѣдло не доходитъ дѣло.

Предполагаемая реформа, повидимому, если слухи справедливы, минуетъ какъ министерскій, такъ и профессорскій произволъ. Казенные профессора (нельзя же не имѣть кадровъ) назначаются министерствомъ. Пусть не великъ будетъ ихъ ученый авторитетъ, безъ ученой степени и ученыхъ трудовъ все-таки, разумѣется, не обойдется назначеніе. А ученая степень и труды развѣ и сейчасъ, при выборахъ по совѣсти, не единственное условіе годности университетскаго преподавателя. Но рядомъ съ «казенными» профессорами, говорятъ, будетъ открытъ доступъ на университетскую кафедру каждому, выдержавшему экзаменъ *pro venia legendi*. Студенты свободно могутъ посѣщать кого угодно: казеннаго профессора или преподавателя, скажемъ, добровольца. Правда, и сейчасъ есть въ университетахъ приватъ-доценты; но приватъ-доцентура теперь остается только для профессорскихъ кліентовъ, притомъ лишь какъ ступень въ доценты по выбору. Для прочихъ она оказывается дѣломъ не подходящимъ: студенты не станутъ слушать приватъ-доцента, какъ бы знающъ и талантливъ онъ ни былъ; имъ вѣдь экзаменоваться не у приватъ-доцента, а у профессора.

не изъ приватъ-доцентскихъ лекцій, а изъ профессорскихъ записокъ.

Устраняя университетскихъ преподавателей отъ экзаменовъ и предоставляя это скучное дѣло экзаменаціонной комиссіи, реформа ничѣмъ не поддержитъ бездарнаго или малосвѣдущаго казеннаго профессора и ничего не лишитъ приватъ-доцента. Для слушателей оба они останутся безъ внѣшняго авторитета, каждый съ авторитетомъ лишь своего таланта и знанія.

Доступъ молодымъ силамъ на университетскія кафедрѣ ослѣжить, такимъ образомъ, университетскую науку, заставить казенныхъ профессоровъ чаще мѣнять свои тетрадки, не говоря уже объ уничтоженіи университетскаго неопотизма.

Но реформа, скажутъ, уничтожитъ университетскую корпорацію. Какую корпорацію? Развѣ это естественная корпорація, сама собою сложившаяся съ незапамятныхъ временъ? Не вчера ли явилась на свѣтъ эта корпорація? Да еще корпорація ли? Не чиновники ли, утверждаемые министерствомъ, получающіе казенное жалованье точно также, какъ учителя гимназій, члены судебныхъ учреждений и т. п.? Вѣдь не на плату же за слушаніе лекцій содержатся университеты вообще и преподаватели ихъ въ частности. Голоса раздаются и будутъ раздаваться противъ университетской реформы; но если ея начала таковы, какъ мы указали, это будутъ голоса членовъ касты, тяжелымъ, мы признаемъ это, путемъ создавшихъ свое исключительное положеніе. Своеволие ученой корпораціи, касты, реформа, повидимому, готовится замѣнить свободою преподаванія, призывая въ университетъ всѣ ученыя силы народа, какъ призываетъ правительство сейчасъ на общественную службу, на примѣръ, провинціальную печать.

Какъ бы то ни было, такою реформою университетскою, при широкомъ раскрытіи доступа на кафедрѣ, ставится ребромъ вопросъ: Возможна ли вообще настоящая, истая наука въ Россіи?..

О публичномъ словѣ въ аудиторіи и провинціальной печати.*

Говоря о расширеніи доступа приватъ-доцентамъ на университетскія кафедрѣ, мы коснулись вчера слуха о предоставленіи болѣе широкихъ правъ провинціальной печати. Та и другая мѣры совершенно подобны, какъ по существу, такъ и съ точки зрѣнія справедливости и ожидаемой отъ нихъ пользы.

Доказывать тождество безцензурнаго университетскаго слова и отвѣтственнаго печатнаго листка было бы излишне. Полезнѣе указать на привилегированное положеніе того и другого. Кто развѣ избранъ въ университетскіе преподаватели, тотъ имѣетъ право свободно излагать предъ испытанными слушателями науку въ ея предѣлахъ, какъ и отвѣтственный редакторъ столичнаго изданія можетъ предъ разнообразнѣйшею аудиторіею проводить свои взгляды въ предѣлахъ законности. Но какъ лекторы, не принадлежащіе къ профессорскому званію, такъ и редакторы провинціальныхъ изданій лишены этого права. Чтеніе такъ называемыхъ публичныхъ лекцій подчинено стѣснительнымъ формальностямъ, подобно подцензурному выходу провинціальныхъ органовъ.

Мы всегда удивлялись геройству лицъ, не принадлежавшихъ къ составу университетскихъ преподавателей, выступавшихъ съ публичными чтеніями. Ради аудиторіи въ 50—100 человекъ, ради какихъ-нибудь 5—10 чтеній, они принуждены проходить всѣ мытарства св. Феодоры. Но жизнь переросла эти формальныя требованія. Посмотрите на публичныя засѣданія нашихъ ученыхъ и иныхъ обществъ. Откуда это обиліе рефератовъ и что такое на самомъ дѣлѣ эти рефераты? Это публичныя лекціи, правда, передъ членами общества, но часто только номинальными. При томъ это публичныя засѣданія, то есть съ присутствіемъ и по-

* «С. И.», 22-го января. № 21.

стороннихъ обществу посѣтителей. Это бесплатныя публичныя лекціи или, если хотите, съ ничтожною для однихъ платою, называемою членскимъ взносомъ, даровыя для прочихъ. Это даже болѣе, нежели публичныя лекціи; это публичные диспуты. Не станемъ касаться достоинства такихъ рефератовъ. Во многихъ областяхъ они приносили и приносятъ несомнѣнную пользу, но никогда не явились бы они на свѣтъ, будь лекторы-докладчики принуждены излагать свою мысль въ стѣснительной формѣ публичныхъ лекцій.

Подобнаго исхода не могла найти провинціальная печать. Отсюда такія печальныя явленія, какъ произведшее въ свое время много шума дѣло тифлискаго редактора г. Николаидзе, выломавшего двери дома цензора, не пропускавшаго въ печать невинную его статью. Непрестанныя судебныя кляузы провинціальныхъ дѣятелей противъ столичной печати достаточно свидѣтельствуютъ о необходимости внесенія больше свѣта и воздуха въ темную и затхлую провинціальную среду. Со стороны трудно даже представить положеніе провинціального публициста. Невиннѣйшая въ цензурномъ смыслѣ вещь не можетъ явиться дома въ подцензурномъ изданіи, ибо провинція вся перекумилась. Незначительное извѣстіе, скромное мнѣніе можетъ не понравится той или другой мѣстной власти, тому или другому мѣстному тузу, и оно зачеркивается краснымъ карандашомъ. Какъ быть? Отправить корреспонденцію въ столичное изданіе, которому не страшенъ какой-либо мѣстный Граціановъ или Деруновъ. Но для столичнаго изданія и извѣстіе, и проектъ провинціального публициста представляютъ слишкомъ мало интереса. Жители, напримѣръ, Орла весьма принимали въ сердцу исторію съ своимъ постояннымъ мостомъ; но скажите, пожалуйста, великъ ли интересъ здѣсь, въ Москвѣ, толковать по поводу постоянного моста въ Орлѣ, да еще читателямъ не только Москвы, но и Вятки и Гродно. А такихъ случаевъ большинство. Гласность въ провинціальныхъ дѣлахъ не нравится только мѣстнымъ сердцеѣдамъ Граціановымъ и кабатчикамъ Деруновымъ. Высшее же правительство да и судъ всегда смотрѣли какъ нельзя

болѣе снисходительно на печатаніе мѣстныхъ корреспонденцій въ столичныхъ изданіяхъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно вѣрно указаніе редактора «Недѣли» г. Гайдебурова, привлеченнаго недавно къ суду за помѣщеніе извѣстія, невиннаго съ точки зрѣнія закона, но о дѣяніи возмутительномъ, и, конечно, оправданнаго.

Г. Гайдебуровъ высказалъ на судѣ, что въ послѣднее время корреспонденція вообще, а особенно изъ глухихъ далекихъ мѣстъ нашего пространнаго отечества, приобрѣтають все болѣе и болѣе значеніе. Для этихъ мѣстностей, удаленныхъ отъ крупныхъ административныхъ центровъ, корреспонденція есть единственный способъ, посредствомъ котораго эти мѣстности могутъ заявить о злоупотребленіяхъ мелкихъ мѣстныхъ властей. Такое значеніе корреспонденціи признается, и даже, по мнѣнію г. Гайдебурова, косвенно поощряется самимъ правительствомъ, которое, конечно, не можетъ не видѣть всей пользы, приносимой этими извѣстіями. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» весьма нерѣдко появляются заявленія г. министра внутреннихъ дѣлъ, которыми корреспонденція иногда опровергаются, но часто и подтверждаются, при чемъ объявляется, что такія-то лица преданы суду, удалены отъ должности и т. д. Нерѣдко г. министръ по поводу корреспонденціи сносится по телеграфу съ губернаторами, требуя отъ нихъ отвѣта. Можно было бы, — говорить редакторъ «Недѣли», — привести много случаевъ, когда только благодаря газетнымъ корреспонденціямъ раскрывались такія возмутительныя вещи, которыя инымъ путемъ никогда не явились бы на свѣтъ Божій.

«Вы, гг. судьи, — сказалъ г. Гайдебуровъ, — конечно, поймете, какое впечатлѣніе на насъ, редакторовъ, производитъ такое отношеніе правительства къ печати. Нашими корреспонденціями правительство пользуется не подъ рукою, не подъ сурдинкой, а совершенно открыто, и еще не было случая, чтобъ за невѣрную корреспонденцію министръ внутреннихъ дѣлъ, въ рукахъ котораго находится широкое право кары, эти кары налагалъ. Очевидно изъ этого, что правительство желаетъ, чтобъ это дѣло

было поставлено правильнымъ образомъ и оказало бы ему и обществу услугу».

Вотъ почему желали бы и мы, чтобы подтвердился, заявленный уже печатно, слухъ, увѣряющій, что изъ пересмотрѣннаго и дополненнаго цензурнаго устава будетъ создано новое положеніе о печати, въ которомъ сдѣланы будутъ значительныя облегченія для провинціальной печати. Газеты говорятъ, что предполагается увеличеніе суммъ, ассигнуемыхъ ежегодно на изданіе губернскихъ вѣдомостей; что программа изданій этого рода будетъ совершенно измѣнена съ сохраненіемъ лишь офиціального отдѣла. Говорятъ, что изданіе газетъ въ неуниверситетскихъ городахъ будетъ разрѣшаемо каждому достаточно извѣстному въ край лицу, подъ условіемъ внесенія денежнаго залога, съ предоставленіемъ администраціи права конфискаціи такихъ изданій, въ случаѣ полученія ими третьяго предостереженія.

Насколько это немного, настолько обѣщаетъ великую пользу въ настоящую трудную минуту, нуждающуюся пуще всего въ зрѣломъ и добросовѣстномъ словѣ.

О расширеніи приватъ-доцентуры.*

«Голосъ» сегодня отозвался на нашу статью по поводу слуховъ о томъ, что проектъ новаго университетскаго устава допускаетъ въ широкихъ размѣрахъ приватъ-доцентуру или, точнѣе сказать, въ размѣрахъ неограниченныхъ. По крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ дошелъ до насъ слухъ, и въ этомъ смыслѣ мы его привѣтствовали. «Голосъ» спрашиваетъ, не доходило ль до насъ слуха, что по новому уставу «всякій, желающій приступить къ государственному экзамену, долженъ пройти черезъ университетъ»;

* «С. И.». 31-го января. № 30.

никто изъ не бывшихъ въ университетѣ и не выдержавшихъ государственнаго экзамена, не можетъ занимать государственныхъ должностей». Только при утвердительномъ отвѣтѣ на вопросъ газета находить возможнымъ обсуждать вопросъ по существу, а до толѣ находить нужнымъ оставаться, какъ выразилась она, при кассационныхъ поводахъ.

Органъ, издающійся въ Петербургѣ, во всякомъ случаѣ, ближе къ источнику всякихъ офиціальныхъ и полуофиціальныхъ слуховъ, и потому «Голосу» вѣрнѣе знать, въ какой мѣрѣ достовѣрно и то, что нами сообщено. Намъ казалось, что если предполагаемый новый уставъ рѣшается идти на свободу преподаванія, то онъ принимаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ ея логическія послѣдствія, а, слѣдовательно, и право ученія, т. е. право для студента слушать любого изъ профессоровъ, казеннаго или вольнаго. А, слѣдовательно, затѣмъ и все значеніе университетовъ измѣнится на образецъ, если не вполнѣ германскій, то приближающійся къ нему. И мы не видимъ въ этомъ не только никакой бѣды, но, напротивъ, видимъ почти единственное средство и пробудить науку, и возвысить университетъ.

Два возраженія представляются по этому поводу «Голосомъ»: 1) при данныхъ условіяхъ, права производить окончательные экзамены будутъ лишены одни университеты; разныя привилегированныя и военно-учебныя заведенія попрежнему будутъ производить ихъ, открывая своимъ воспитанникамъ доступъ къ низшимъ и высшимъ должностямъ во всѣхъ вѣдомствахъ; 2) въ нѣмецкихъ университетахъ, съ успѣхомъ или неуспѣхомъ на экзаменахъ не связанъ вопросъ о «стипендіяхъ» и другихъ льготахъ.

Первое возраженіе падаетъ само собою, если новому уставу будутъ сопутствовать и новыя «условія». Само собою разумѣется, отнятіе силы у экзаменовъ университетскихъ съ сохраненіемъ силы экзаменовъ для привилегированныхъ заведеній будетъ нелѣпностью. Слѣдовательно, у заведеній, по крайней мѣрѣ однородныхъ съ факультетами, привилегіи должны быть отняты. Но, съ другой стороны, мы не находимъ никакого неудобства въ томъ,

чтобы военно-учебныя заведенія, или другія спеціальныя, открывали доступъ къ должностямъ, только не «всякимъ», какъ выразился «Голосъ», а военнымъ или вообще — спеціальнымъ. Кругъ должностей, доступныхъ людямъ съ университетскимъ образованіемъ, можетъ и долженъ быть строго опредѣленъ, равно какъ и кругъ другихъ, доступныхъ людямъ со спеціальнымъ образованіемъ. Въ настоящее время поручикъ можетъ не терять надежды попасть въ члены окружнаго суда. Если онъ попадетъ, конечно, это будетъ злоупотребленіемъ, не меньшимъ, чѣмъ если бы назначить того же поручика въ дивизіонные штабъ-докторы или въ протоіереи. Не желаетъ ли авторъ статьи «Голоса» продолженія возможности такихъ злоупотребленій? Безъ сомнѣнія, нѣтъ, а потому нѣтъ и надобности примѣнять къ нимъ университетскій уставъ, изъ опасенія, чтобы не оказались иначе университеты униженными предъ прочими заведеніями. Какъ мы понимаемъ дѣло, государственный экзаменъ долженъ быть обязательенъ для всякаго при поступленіи на государственную должность, вмѣстѣ съ аттестатомъ извѣстнаго учебнаго заведенія, но, прибавимъ, не неизмѣнно университетскаго, а смотря по роду службъ и по должности, изъ коихъ одни требуютъ одного рода и одной степени образованія, другіе другого.

Второе возраженіе, что съ успѣхами на экзаменахъ связанъ у насъ вопросъ о стипендіяхъ и другихъ льготахъ, мы отстраняемъ указаніемъ на порядки германскихъ же университетовъ, гдѣ есть тоже степендіи, но степендіи имѣютъ форму премій, выдаваемыхъ студентамъ за лучшія диссертациі. Въ началѣ семестра вывѣшиваются темы на конкурсъ, съ назначеніемъ премій. Студентъ выбираетъ любую тему и получаетъ премію по конкурсу. Извѣстно, что весь богатый эрудиціонный матеріалъ нѣмецкой учености обязанъ именно этому своимъ происхожденіемъ. Студенты въ своихъ конкурсныхъ сочиненіяхъ разрабатываютъ камешки науки, изъ которыхъ потомъ уже воздвигается храмъ настоящимъ, вполнѣ зрѣлымъ ученымъ. Не получше ли будетъ этотъ порядокъ нашего теперешняго, если принять его у насъ, особенно съ обязательствомъ, чтобы всѣ диссертациі, удостоенныя

премій, непременно печатались и, такимъ образомъ, выходили на провѣрку всего общества.

Мы ставимъ себѣ вопросъ такъ: или быть у насъ наукѣ, или не быть. При настоящихъ условіяхъ у насъ ея нѣтъ или, точнѣе сказать, она не движется, и побужденій двигаться по черпнуть ей не откуда. Разъ выбранный магистръ на несмѣняемую должность профессора можетъ заснуть на двадцать-пять лѣтъ, переворачивая однѣ и тѣ же тетради и даже не ища степени доктора, которую могутъ дать, какъ и давали, лицамъ, отъ которыхъ наука не видала ни единой печатной строки. Это фактъ, котораго не отодвинешь никакими умствованіями; благодаря ему неизмѣнно и повторяется періодическое обновленіе университетовъ, приблизительно, въ сроки между пятнадцатью и двадцатью пятью годами. Перетряхивается уставъ, совершается посылка молодыхъ людей за границу, чтобы новыми соками полить истощившуюся почву. Можно подумать, что мы совсѣмъ неспособны къ наукѣ. Но не проще ли объяснить это печальное явленіе отсутствіемъ соревнованія? Дайте приватъ-доцентамъ, понятно, имѣющимъ ученую степень и, сверхъ того, выдержавшимъ экзаменъ *pro venia legendi*, право на аудиторію наравнѣ съ казенными профессорами, — весь видъ непременно переменится и докажется, безъ сомнѣнія, на дѣлѣ, что и мы, русскіе, способны не менѣе двигать науку, чѣмъ наши западные собратья. Понятно, что къ этому должны быть примѣнены и всѣ остальные условія какъ правъ образованія вообще въ имперіи, такъ и положенія университетовъ въ частности. Авторъ статьи «Голоса» указываетъ, что приватъ-доцентура, которой данъ и уставомъ 1868 года нѣкоторый просторъ, не прививается у насъ. Но вѣдь оттого-то и не прививается, что приватъ-доценты терпятъ, а не вооружены правами, равными профессорскимъ. А въ этомъ весь и вопросъ, и повторимъ, если новый уставъ рѣшится дать эти права, то мы можемъ только его привѣтствовать и радоваться за науку, за университеты, за юношество, за развитіе Россіи вообще.

Петровская земледѣльческая академія.*

Телеграфированный вчера нашимъ корреспондентомъ слухъ о предложеніи закрыть Петровскую академію, напоминаетъ намъ, что основаніе академіи совпало съ двумя обстоятельствами: 1) преобразованиемъ государственнаго контроля и 2) упраздненіемъ крѣпостного права. Къ этому еще присоединилось третье. Аптекарь Шульцъ, которому буквально почти даромъ, въ тридцатыхъ годахъ, досталось подмосковное имѣніе Разумовскихъ, выжавъ изъ него что возможно, то есть порубивши болшую часть лѣса и перепродавши небольшими участками придорожныя земли для выстройки дачъ желавшимъ охотникамъ, искалъ сбытъ оставшіяся земли кому подороже. Вотъ какими обстоятельствами обусловилось начало академіи. Ко времени единства государственной кассы покойный М. Н. Муравьевъ, бывшій тогда министромъ государственныхъ имуществъ, неблагоклонно, говорить, взиралъ на предстоявшее отчисленіе отъ министерства сбереженныхъ имъ суммъ. Нужно было куда-нибудь ихъ употребить, не выпуская изъ министерства, а тутъ подвернулся искатель выгодной продажи. Эмансипація давала прекрасный случай осмыслить покупку: при наступающихъ новыхъ условіяхъ нужно-де специальное заведеніе, чтобы научить бывшихъ помѣщиковъ земледѣльческому уму-разуму, безъ котораго они обходились при даровыхъ рукахъ. Не будь совпаденія именно этихъ обстоятельствъ, была ли бы основана академія? Была ли бы основана тамъ, гдѣ теперь стоитъ? Была ли бы оплачена за обстриженное и окаренное имѣніе Разумовскихъ та сумасшедшая сумма, семьсотъ или восемьсотъ тысячъ, едва ли не по тысячѣ рублей за десятину? Болѣе чѣмъ сомнительно. Болѣе чѣмъ сомнительна, прежде всего, польза и возможность для столь безконечнаго разнообразія почвъ, какое въ Россіи, центрального

* «С. И.», 2-го апрѣля. № 91.

заведенія, и при томъ въ такой, ни земледѣльческой, ни лѣсной полосѣ, какъ московская. Петровское-Разумовское, въ частности, удобно обращалось въ виллу, для чего оно и устроено первоначально, въ богоугодное заведеніе и всего менѣе въ ферму.

Но приобрѣтеніе сдѣлано, академія рѣшена; оставалось написать уставъ и открывать новое учебное заведеніе, разумѣется, подбавивъ еще сотни тысячъ къ затраченнымъ уже. Мы помнимъ этотъ уставъ. Да и кто изъ москвичей не помнитъ, если не содержаніе устава, то фактическія его послѣдствія? Это было заведеніе своего особаго рода, не имѣвшее аналогіи ни съ чѣмъ существовавшимъ въ Россіи. Это было не учебное заведеніе, а систематическія публичныя лекціи, открытыя для всякаго желающаго слушателя. Право слушать лекціи не условливалось никакимъ испытаніемъ, слушаніе лекцій не связывалось никакими обязанностями. Кто хотѣлъ — приходилъ, кто хотѣлъ — уходилъ, и каждый занимался чѣмъ угодно безъ всякаго контроля.

Если угодно, у покойнаго Желѣзнова, перваго директора и, вѣроятнаго, творца академическаго устава, была мысль, въ основаніи не лишенная дѣльности. Земледѣльческое и лѣсное хозяйство приходилось, дѣйствительно, по всей Руси перестраивать, примѣнять къ новымъ условіямъ. Разсуждая абстрактно, нужно было ожидать, что землевладѣльцы, оставшіеся при землѣ безъ рукъ, восчувствуютъ нужду въ наукѣ, въ машинахъ, въ ученыхъ управляющихъ, въ улучшенныхъ способахъ обработки. Въ теоретическомъ обсужденіи выходилъ планъ академіи прекрасенъ, и она должна была отвѣтить настоятельной нуждѣ, стучавшей въ двери. Ну, что же, требовать отъ помѣщика, до сихъ поръ возившагося съ крѣпостными, экзамена, что ли, и изъ какихъ предметовъ? Ему, собственно, нужно ознакомиться съ раціональнымъ лѣсоводствомъ, а тому съ паровыми плугами и молотилками. Вотъ, ему въ помощь и даровыя лекціи, которыя его просвѣтятъ, и полный музей машинъ, и опытное поле.

Но помѣщики, какъ извѣстно, не восчувствовали. Большинство предпочло прожить выкушныя свидѣтельства тѣмъ же по-

рядкомъ, какъ проживались въ прежнія времена имѣнія: порубить лѣса, какіе остались, а самую землю частію запустить, частію сдать въ аренду крестьянамъ же, и если оставить собственную запашку, то самую миниатюрную, и притомъ при старыхъ способахъ и прежнихъ рукахъ. Возможно ли было иначе и чѣмъ нужно было для этого помочь, не станемъ разсуждать. Но академія оказалась для Россіи, или землевладѣльцы для академіи—дѣтищемъ, обманувшимъ ожиданія родителей. Вмѣсто землевладѣльцевъ, вмѣсто дѣльныхъ людей, ищущихъ учиться для дѣльной цѣли, въ академію поползъ всякій сбродъ: академія сдѣлалась клоакой. Все неудавшееся, недоучившееся, празднолюбное, своевольное въ юношествѣ—потянулось туда. Не будемъ говорить о дальнѣйшемъ: извѣстное убійство Иванова Нечаевымъ обратило вниманіе правительства на оплошность, допущенную при основаніи академіи; уставъ былъ исправленъ, заведеніе подчищено и подтянуто, насколько возможно, къ уровню другихъ параллельныхъ заведеній. Но истребились ли преданія академіи? Внутренно переродилось ли юношество, воспитывающееся въ немъ? Статистическія цифры о лицахъ, попадавшихъ въ политическіе процессы, не даютъ особенно успокоительнаго отвѣта. Наша статья, гдѣ мы впервые высказали, по поводу пожара академіи, совѣтъ закрыть это заведеніе, чтобы не тратиться снова на дорогое возобновленіе музея, эта статья вызвала очень страстные противъ насъ филиппики, принадлежавшія—одна неизвѣстному автору, другая Бывшему слушателю академіи, впрочемъ, тоже неизвѣстному. Мы не отвѣчали, и главнымъ образомъ потому, что убѣждены въ ихъ неискренности. И г. Бывшій слушатель, и другой возражатель, несомнѣнно, убѣждены въ истинѣ сказаннаго нами столько же, сколько мы сами, но досаждаютъ, зачѣмъ это объявляется во всеуслышаніе. Господа, да развѣ это наше только мнѣніе или ваше, а не единогласное всѣхъ, кто только слыхалъ о Петровской академіи? И правительство, наконецъ, развѣ предъ нимъ нѣтъ цифръ, неподкупныхъ статистическихъ цифръ, которыя отводятъ петровцамъ, съ немногими другими спеціальными заведеніями, преобладающее мѣсто

среди попадающихъ въ политической агитаціи? Но мы оставимъ объ этомъ разсуждать. Дай Богъ академіи, если правительство оставить ей существованіе, до дна переработать юношество, ей поручаемое, и самой процвѣтать. Но

- 1) она бесполезна;
- 2) она дорога.

Землевладѣльцы, какъ мы видѣли, учиться не пошли. Кого жъ она готовитъ послѣ того? Ученыхъ управляющихъ, конечно. Но землевладѣлецъ, который не пошелъ учиться, не возьметъ и ученаго управляющаго, особенно дорогого. А аттестатъ высшаго учебнаго заведенія долженъ развивать претензіи: да и въ самомъ дѣлѣ, возможно ли воспитаннику, кончившему курсъ въ заведеніи, равномъ университету, идти на какія-нибудь двадцать пять, тридцать рублей? А неопытному молодому человѣку, знающему хозяйство только по лекціямъ и по крохотной Петровской фермѣ, не изучившему мѣстныхъ условій, больше не дадутъ. Да и ничего не дадутъ, не возьмутъ задаромъ. Согласятся его взять только въ огромныя хозяйства, въ подручные главному управляющему или для занятій болѣе канторскихъ, нежели полевыхъ; много ли же такихъ? А между тѣмъ казна тратитъ сотни тысячъ; а молодые люди тратятъ силы, время и выращиваютъ въ себѣ претензіи, которыя, не находя удовлетворенія въ сферахъ готовой практической дѣятельности, должны себѣ изобрѣтать дѣятельность, метаться и попадать на кривыя дороги.

Высшіе теоретическіе курсы, хотя бы по земледѣлію, могутъ найти мѣсто въ университетахъ; а для пракческаго хозяйства достаточны учебныя фермы безъ высшихъ курсовъ, да не одна на всю Россію, а по нѣскольку на каждую ея полосу. Музеи же и должны быть музеями, самостоятельными открытыми заведеніями, въ родѣ Политехническаго. Такова наша мысль въ общихъ чертахъ. Можетъ быть, мы еще успѣемъ развить ее, а дотолѣ выразимъ недоумѣніе, почему взаимнѣ академіи предполагаются среднія лѣсоучебныя заведенія? Первая половина предположенія понятна; но почему отдается исключительное пред-

почтеніе лѣсоводству? Мы рѣшаемся заключить скорѣе, что слухъ, дошедшій до «Новостей», не точенъ, и среднеучебныя заведенія взаимно академіи предполагаются не только лѣсныя, но и земледѣльческія.

По поводу свѣдѣній о проектѣ новаго университетскаго устава.*

Въ предпоследнемъ № «Московскихъ Вѣдомостей» напечатаны свѣдѣнія о проектѣ новаго университетскаго устава, впервые узрѣвшія свѣтъ съ 1874 года. Не перепечатываемъ эти свѣдѣнія по простой причинѣ, что упоминаемый проектъ изъять изъ числа предметовъ, подлежащихъ обсужденію въ печати. Но это-то обстоятельство и повергаетъ насъ въ недоумѣніе: «Московскія Вѣдомости» сохраняютъ развѣ особенную привиллегію и именно по вопросамъ учебнаго вѣдомства? По крайней мѣрѣ, случалось и прежде не разъ, и не два, что во время только что разыграннейшей полемики по учебному вопросу печать постигало запрещеніе обсуждать вообще учебныя дѣла или въ частности какой-нибудь относящійся къ нимъ вопросъ, именно въ то время, и разъ помнимъ даже однодневно съ тѣмъ, какъ «Московскія Вѣдомости» въ болѣе или менѣе длинной статьѣ изрекали свои приговоры по самомъ запретномъ предметѣ, а кстати и о печати, которая осмѣливалась имъ перечить и которой онѣ въ такихъ случаяхъ не щадили. Последнее слово, благодаря воспрещеніямъ, оставалось поэтому всегда за «Московскими Вѣдомостями», которыя вдобавокъ неоднократно принимались увѣрять читателей, что и общество вмѣстѣ съ ними, стоитъ на сторонѣ мѣрѣ, принимаемыхъ министерствомъ просвѣщенія. Въ какой мѣрѣ правдивъ былъ этотъ поклонъ на общество, доказывается тѣми, до сихъ поръ не умолкающими, отзывами о бывшемъ министрѣ, едино-

душіе которыхъ, по сознанію самихъ «Московскихъ Вѣдомостей», поколеблено только одною «Петербургскою Газетою».

Мы согласны допустить, что совпаденія, которыя происходили между «последними» словами «Московскихъ Вѣдомостей» и воспрещеніями касаться учебныхъ вопросовъ, были дѣломъ случая, хотя не примемъ пари, если бы кто сталъ увѣрять и въ противномъ. Но мы хотимъ сказать, что воспрещенія подобнаго рода, особенно съ привилегированнымъ положеніемъ единственной газеты, не ведутъ къ цѣли, на которую, рассчитываютъ, а скорѣе къ обратной. Что касается университетскаго устава въ частности, то «Современныя Извѣстія», напримѣръ, ничуть не защищаютъ Status quo университетовъ; желаютъ имъ преобразованія, въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже прямо сходясь съ предположеніями, о которыхъ сообщаютъ теперь «Московскія Вѣдомости». Мы далеки отъ того, чтобы рассчитывать на силу своего слова, но и оставленіе «Московскихъ Вѣдомостей» единственнымъ глашатаемъ, полагаемъ, способно производить только раздраженіе въ обществѣ, особенно при той репутаціи, которая вообще установилась, къ несчастью, за направленіемъ «Московскихъ Вѣдомостей» по всѣмъ вопросамъ внутренней политики.

Намъ могутъ возразить, что въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» сообщены только историческія свѣдѣнія о проектѣ новаго университетскаго устава, а не обсужденіе его. Забавно было бы и ожидать отъ «Московскихъ Вѣдомостей» безпристрастнаго сужденія о проектѣ, котораго именно онѣ-то и были, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, главнымъ двигателемъ. Но дѣло въ томъ, что самое изложеніе однихъ фактовъ можетъ быть болѣе или менѣе полно, болѣе или менѣе точно, иначе сказать—болѣе или менѣе добросовѣстно, а на добросовѣстность пріемовъ «Московскія Вѣдомости» далеко не имѣютъ патента. Да и точное сообщеніе свѣдѣній, когда существуетъ воспрещеніе вообще ихъ касаться, не способно ли только дразнить общество?

Все сказанное клонится къ тому, что временныя воспрещенія касаться извѣстныхъ вопросовъ политики внѣшней и внутренней необходимо бы ограничивать случаями крайней важ-

* «С. И.», 12-го мая. № 129.

ности, гдѣ разглашеніе какихъ-либо фактовъ можетъ вредить государственнымъ интересамъ. Что же касается до полемики, которая можетъ возбудиться по тѣмъ или другимъ вопросамъ, то она, кромѣ пользы, ничего и принести не можетъ. Въ прежнія времена, лѣтъ двадцать, пятнадцать назадъ, принималось даже за правило, реформы, предполагаемыя къ осуществленію, предварительно передавать на обсужденіе общественное. Худа отъ этого не произошло и даже болѣе: мирный характеръ, какимъ ознаменовалось осуществленіе всѣхъ коренныхъ реформъ, не этому ли предварительному всестороннему обсужденію и быть обязанъ? И, наоборотъ, учебная реформа не потому ли именно и вызвала всеобщее, къ несчастью, озлобленіе (искренно говоримъ—къ несчастью), что давила всякій голосъ, кромѣ «Московскихъ Вѣдомостей», которыя, помимо своей общей репутаціи, уже тѣмъ подрывали вѣру къ своей справедливости, что пользовались отъ того же, защищаемого, ими министерства арендой, и арендой притомъ, какъ всякому изъ публики извѣстно, возобновленной безъ законныхъ торговъ, помимо условій первоначальнаго контракта и съ разными платежными льготами и послабленіями. Послѣдствія такой политики теперь обозначились. Пусть единодушный теперешній кликъ печати «Московскія Вѣдомости» обзываютъ «безстыжнѣйшимъ гамомъ плутовъ»; въ глазахъ безпристрастнаго читателя эта некрасивая квалифікація обращается только на нихъ же самихъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, называть всѣхъ безъ изыятія «плутами» или, какъ прежде—«разбойниками пера» и «мошенниками печати», равно какъ нельзя всѣхъ обвинять въ нигилизмѣ или измѣнѣ. Во-первыхъ, это не доказательно. А во-вторыхъ, кто же послѣ того остается единственно честнымъ, не «плутомъ», не «разбойникомъ» и не «мошенникомъ». Ужели только однѣ «Московскія Вѣдомости»? Со своею образною честностью, какъ онѣ понимаютъ ее, и поздравляемъ ихъ, предоставляя имъ оставаться при ней, если онѣ другой не знаютъ; но остальные-то всѣ не становятся черезъ это ни «плутами», ни «мошенниками», ни «разбойниками».

О несправедливой привилегіи классическихъ гимназій въ выдачѣ аттестатовъ зрѣлости*.

Говорятъ, что поѣздка г. министра народнаго просвѣщенія и его бесѣды съ педагогами отозвались, не скажемъ волненіемъ, но броженіемъ умовъ, между прочимъ, въ духовныхъ семинаріяхъ: семинаристы воспылали, чтобъ отмѣнено было правило, стѣсняющее имъ доступъ въ университетъ; слышно, дѣлаются попытки, опять со стороны семинаристовъ же, довести это желаніе до свѣдѣнія министра путемъ формальныхъ просьбъ. Редакція этихъ прошеній, сколько мы о ней знаемъ, такова, что вызываетъ улыбку сожалѣнія о степени «зрѣлости» просителей. А дѣло и идетъ о томъ, чтобы именно признать ихъ безповѣрно «зрѣлыми»!

О правилѣ, требующемъ отъ семинаристовъ аттестата зрѣлости для поступленія въ университетъ, можно разсуждать съ общегосударственной точки зрѣнія, полезно ли изъ числа элементовъ университетскаго юношества исключать молодыхъ левитовъ и полезно ли давать преобладаніе численности, ну, на примѣръ, хотя юношамъ еврейскаго происхожденія. Понятно, если бы разсужденія объ этомъ правилѣ возникали и въ семинарскихъ правленіяхъ, основательно ли они унижены предъ педагогическими совѣтами гимназій, и притомъ не только казенными, а многими и частными, за которыми признано безповѣрное право выдачи аттестатовъ зрѣлости. Но семинаристы или семинаристы, тяготящіеся правиломъ, требующимъ отъ нихъ экзамена зрѣлости, добивающіеся его отмѣны? Считаютъ они себя зрѣлыми наравнѣ съ другими? Стало быть, чего же имъ быть недовольнымъ? Отъ нихъ не требуютъ болѣе, чѣмъ отъ другихъ. Такъ видно они не находятъ себя достаточно приготовленными, чтобы переступить экзаментъ; слѣдовательно, они

* «С. И.». № 311.

просить себя привилегіи предъ гимназистами. Но за что же, гдѣ основаніе? Не постыдно ли вообще просить привилегіи? Пойдемъ дальше: ученикъ коммерческой школы, болѣе того — сельскаго училища, болѣе того — вовсе нигдѣ не учившійся, точно также обидится и скажутъ: «пустите меня въ университетъ». Между семинаристомъ и этими воспитанниками разница та, что послѣднихъ не пускали въ университетъ и прежде. Не отрицаемъ нравственнаго права и у воспитанника сельской школы, и у совершеннаго неуча сожалѣть о недоступности для него высшихъ школъ, но ему указывается средство въ видѣ экзамена; то же средство указывается и семинаристу; требованія не возвышаются передъ обыкновенными. Разница та, что къ семинаристамъ не прилагали до времени и этихъ обыкновенныхъ требованій: но то была льгота, изытіе, привилегія, о которой предупреждалось, что она будетъ временная; Ломоносовыхъ отнятіе временной привилегіи не смутило бы, возбудило бы лишь новую энергію въ занятіяхъ и блистательное преодоленіе мнимаго препятствія блистательно сданными экзаменами. Броженіе, происходящее въ семинаріяхъ, во всѣхъ или нѣсколькихъ, все равно, очень похоже, по своему существу, на волненіе, произведенное въ церковныхъ старостахъ попытками подвергнуть ихъ контролю. Казалось бы, оставалось только радоваться, гордиться, торжествовать; казалось бы, церковные старосты должны сами просить о контролѣ, обижаться отсутствіемъ контроля, которое держитъ ихъ подъ тяжелымъ подозрѣніемъ, что они, можетъ быть, пользуются церковными суммами. Такъ нѣтъ, они обижаются, что ихъ хотятъ контролировать, слѣдовательно, только усиливаютъ подозрѣніе. Семинаристъ, кипятившійся, что отъ него требуютъ экзамена зрѣлости, тѣмъ самымъ даетъ только доказательство, что онъ не зрѣлъ, что предосторожность, относительно него принятая, основательна.

Все вышесказанное ни мало не ослабляетъ, какъ выше мы сказали, умѣстности обсужденій того же вопроса съ общегосударственной точки зрѣнія или съ точки зрѣнія относительныхъ государственныхъ вѣдомствъ. Сомнительна польза въ преобла-

даніи еврейскаго и польскаго элемента въ университетскомъ юношествѣ. Сомнительна справедливость привилегіи, предоставленной гимназіямъ. Если требованіе зрѣлости отъ поступающаго въ университетъ есть требованіе вполне законное, и не менѣе законно требованіе фактическихъ свидѣтельствъ этой зрѣлости, то почему гимназическія начальства, и притомъ одни, признаны безапелляціонными судьями зрѣлости? Вотъ гдѣ корень вопроса и глубочайшая причина броженій. Право слушанія лекцій въ университетѣ, аттестатъ зрѣлости и гимназическій экзаменъ, эти три вещи несправедливо скомканы въ одно, о чемъ мы въ свое время, лѣтъ восемь или семь назадъ, когда еще можно было безъ стѣсненій разсуждать объ учебныхъ предметахъ, говорили довольно.

Экзаменъ зрѣлости, да, онъ долженъ быть. Но за что онъ связанъ съ гимназическимъ выпускнымъ экзаменомъ? Гимназическій аттестатъ свидѣтельствуетъ объ успѣшномъ окончаніи курса, рассчитаннаго на достиженіе умственной и нравственной зрѣлости. Аттестатомъ гимназическое начальство свидѣтельствуетъ, что, по его мнѣнію, воспитанникъ достигъ этой зрѣлости. Но это есть его мнѣніе, основанное на виѣшней исправности ученика въ продолженіи курса и на исправной сдачѣ послѣдняго экзамена. Здѣсь средство смѣшивается съ цѣлью. Курсъ есть путь къ зрѣлости, а путь можетъ быть такой и иной, съ такимъ распредѣленіемъ курса и съ другимъ, съ такими учебниками и иными; сами гимназическія начальства въ одной гимназіи могутъ быть придирчивѣе, въ другой снисходительнѣе, въ одной требовательнѣе къ тому, въ другой къ другому; никакіе циркуляры министерства не выравняютъ ихъ до совершеннаго тождества. А, стало быть, гимназическіе директора съ педагогическими совѣтами и не окончательные безапелляціонные судьи о зрѣлости воспитанника; а еще менѣе законные судьи они о зрѣлости воспитанника, который прошелъ курсъ не въ ихъ стѣнахъ. Латинскій языкъ развѣ есть зрѣлость самъ въ себѣ, грамматика Ходобая развѣ есть самъ латинскій языкъ? Подобныхъ вопросовъ можно задавать безъ счета о каждомъ

предметъ гимназическаго курса, и выводъ получится тотъ же: гимназическія начальства не судьи о зрѣлости; они судьи только объ успѣшномъ прохожденіи курса, ими преподаваемаго, а не какъ не другими. Судъ о зрѣлости долженъ быть поставленъ нѣсколько повыше и побезпристрастнѣе и основанъ на нѣсколько болѣе широкихъ взглядахъ, нежели буквальное, внѣшнее исполненіе министерскихъ циркуляровъ.

Сама «зрѣлость» тождественна ли со способностью слушать университетскія лекціи? Смотря по тому, какъ мы ее опредѣлимъ, она можетъ быть и тѣснѣе, и шире того, чѣмъ нужно для университетскаго студента. А именно она-то и не опредѣлена. По теперешнимъ порядкамъ, зрѣлъ тотъ, кто подготовленъ къ университетскому курсу. А, слѣдовательно, подготовленный къ высшему техническому курсу незрѣлъ вообще, незрѣлъ умственно и нравственно? Такимъ опредѣленіемъ сказано оскорбительный приговоръ массѣ юношей, которые того не заслужили, — приговоръ, который притомъ стоитъ въ противорѣчій съ ежедневными явленіями жизни, въ противорѣчій со всѣмъ строемъ государственныхъ правъ; и добавимъ, здѣсь-то коренится одна изъ причинъ недовольства графомъ Толстымъ, недовольства, которое часто само себя не умѣло объяснить, высказывая причины воображаемыя, а не дѣйствительныя, отстаивая реальныя гимназій, возставая противъ классическихъ языковъ и т. п. У общества на первомъ, и даже на единственномъ планѣ, были права, а не развитіе; у министерства поставленъ былъ вопросъ о развитіи, а сведенъ на права.

Однимъ словомъ, если «зрѣлость» сама по себѣ, а гимназическій аттестатъ самъ по себѣ, то сами по себѣ и «зрѣлость» со способностью къ слушанію университетскихъ лекцій. Въ гимназическая зрѣлость можетъ быть, да и бываетъ, незрѣлостью къ слушанію высшихъ техническихъ курсовъ. Стало быть, такъ называемая, зрѣлость вообще есть только зрѣлость къ университету: но тогда какая кричащая неправда дѣлать судьями объ университетскихъ требованіяхъ — кого же? Гимназій! Въ томъ то и дѣло, что часть учебнаго порядка у насъ скопи-

рована съ нѣмецкаго, а другая осталась въ русскій видѣ. Противъ гимназическаго аттестата зрѣлости ничего бы нельзя было возразить, когда бы и университеты были у насъ построены на нѣмецкій образецъ, съ правомъ свободнаго преподаванія и свободнаго слушанія. Но когда университеты суть только продолженныя гимназій, съ тою разницею, что курсы ихъ развѣтвлены на спеціальности, но съ переходными экзаменами, съ обязательными профессорами и курсами, тогда косвенное подчиненіе университетовъ гимназіямъ, сказывающееся въ зависимости университетскаго состава отъ аттестатовъ, выдаваемыхъ гимназіями, есть вопіющее и даже оскорбительное противорѣчіе...

По поводу ходатайства слушательницъ женскихъ курсовъ о наименованіи ихъ „высшими“.*

Слушательницы женскихъ курсовъ, помѣщающихся въ здѣшней 3-й классической гимназій, слышно, ходатайствовали о наименованіи ихъ курсовъ «высшими», при чемъ говорятъ ходатайство это не увѣнчалось успѣхомъ. Что было причиною отказа, не знаемъ, но полагаемъ, что такъ называемые «лубянскіе» курсы едва ли что-либо выиграли бы отъ переименованія клички. Можетъ быть даже просительницами руководило суетное желаніе не уступать въ чинѣ такъ называемымъ курсамъ г. Герье, пользующимся прилагательнымъ «высшіе». Но дѣло не въ кличкѣ а въ приспособленіи этихъ и иныхъ женскихъ курсовъ къ какимъ-либо потребностямъ, ясно опредѣленнымъ.

Такіе курсы существуютъ не въ одной Москвѣ, гдѣ, сверхъ нихъ, есть еще женское педагогическое общество, тоже, разумѣется, имѣющее курсы, висяціе на воздухѣ. Высшіе и иные

* «С. И.», 29-го сентября. № 269.

женскіе курсы существуютъ теперь во всѣхъ университетскихъ городахъ, при чемъ о вновь открытыхъ въ Кіевѣ писалъ намъ на-дняхъ кіевскій нашъ корреспондентъ. Любопытна исторія такихъ курсовъ, хотя бы тѣхъ же «лубянскихъ», напимѣрь, обстоятельный очеркъ которыхъ представили «Отечественныя Записки» въ іюльскомъ № текущаго года. Авторъ, г-жа Некрасова, рассказываетъ, какъ въ теченіе 10-ти лѣтъ курсы эти тихо, безъ шума продолжали вести свое дѣло на свои маленькія средства, не пользуясь во все время никакимъ вспоможеніемъ со стороны правительства, кромѣ дарового помѣщенія и только изрѣдка прибѣгали къ поддержкѣ того небольшого кружка лицъ, которыя, прямымъ или косвеннымъ образомъ, имѣли соприкосновеніе съ ними; вспоминаетъ дѣятельность Ф. Н. Королева, г-жи Фреймутъ и другихъ, трудившихся съ ними; точно фотографируетъ отношеніе слушательницъ къ курсамъ и заканчиваетъ сѣтованіемъ, что курсы приходятъ теперь въ упадокъ, что «безъ надежды на полученіе правъ затрачивать три года усиленнаго труда на курсахъ въ настоящее время могутъ очень немногія женщины»; что «пусть курсы получаютъ систематическую программу, пусть имъ дадутъ права и тогда тотчасъ окажется громадный наплывъ на нихъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что новое министерство народнаго просвѣщенія обратить должное вниманіе какъ на московскіе женскіе курсы, такъ и на подобныя же учрежденія въ другихъ городахъ. Требуется установить экзамены по точной, утвержденной министерствомъ программѣ; выработать опредѣленную программу наукъ, излагаемыхъ на курсахъ; приладить эту программу къ существующей потребности въ преподавательницахъ и къ ихъ настоящимъ правамъ. На сторонѣ русскихъ учащихся женщинъ стоитъ тотъ фактъ, что курсы существуютъ и общаются существовать. При недостаткѣ учителей, оказывается масса женщинъ, учившихся и продолжающихъ учиться по окончаніи уже курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но безъ опредѣленной цѣли. Нужно поставить эту цѣль; нельзя даже ея не поставить; иначе будетъ воспитываться справедливое недовольство. Въ преж-

нее время пугалъ призракъ женевской или цюрихской студентки. Не пора ли объ этомъ позабыть и посмотрѣть хотя бы на консервативнѣйшую Англію. Тамъ давно уже фактически рѣшенъ вопросъ о способности женщинъ даже къ точнымъ наукамъ. Вотъ факты.

Въ 1869 году (мы обратимся къ тѣмъ даннымъ, которыя были какъ бы пробными) въ университетскихъ, а также и въ другихъ значительныхъ городахъ Англіи для женщинъ читались лекціи точныхъ наукъ. Наиболѣе замѣчательны изъ нихъ, по составу и именамъ профессоровъ, курсы Соутъ-Кенсингтонскаго музея въ Лондонѣ, гдѣ читали профессора: Гексли—физическую географію, Гетри—физику и химію, Оливеръ—біологію (по преимуществу растительную физиологію). Объемъ программъ показываетъ, что курсы далеко не были элементарными. Наименѣе удачны были лекціи Гетри: отсутствіе экспериментальной стороны мѣшало полному успѣху. Что до чтеній Гексли, то окончательно выполненная имъ программа носила настолько серьезный характеръ, что, по словамъ одного журнала, весьма немногіе образованные люди нашего времени могли бы, не затрудняясь, дать отвѣтъ на многіе изъ вопросовъ, входившихъ въ составъ программы Гексли. Профессоръ началъ свои чтенія, предполагая въ слушательницахъ уже достаточное знакомство съ предметомъ, а именно: съ взаимодействіемъ соленой и прѣсной воды, съ естественными условіями, могущими вліять на образованіе рѣкъ, на распредѣленіе воды на земной поверхности и т. д. Исходною точкою чтеній Гексли было объясненіе явленій въ рѣчныхъ бассейнахъ, при чемъ онъ имѣлъ въ виду преимущественно рѣчки, впадающія въ море, указывая при этомъ на рѣку Темзу. Лекціи на этихъ курсахъ читались совмѣстно, въ общей аудиторіи, для мужчинъ и женщинъ. Окончательныя испытанія производились также одновременно: всѣ слушатели были подвергнуты общему экзамену. Подобныя же лекціи для женщинъ читались въ Гауерститской коллегіи. Профессоръ Форстеръ читалъ курсъ динамики и ученія о теплотѣ; профессоръ Гирстъ—курсъ элементарной и высшей геометріи; профессоръ

Вильямсонъ — химию. Читались на этихъ курсахъ и другія лекціи, а именно: по литературѣ, языковѣднію. Находя невозможнымъ изученіе химіи безъ лабораторныхъ работъ, Вильямсонъ ввелъ опытный приѣмъ и, по настоянію слушательницъ, устроилъ для нихъ небольшую лабораторію. Это уже ничуть не указываетъ на элементарность чтеній Вильямсона. Лабораторныя работы его ученицъ отличались серьезностью. Лекціи его подробно развивали теоріи неорганической и органической химіи. Курсы эти были устроены IV-мъ отдѣломъ англійскаго совѣта женскаго образованія, гдѣ предсѣдательствовала въ то время г-жа Бутлеръ. Этимъ же отдѣломъ совѣта устроены были подобныя чтенія для женщинъ въ Лидсѣ и Братфордѣ, гдѣ Альдосъ (изъ Кембриджа) читалъ курсы по исторіи физическихъ наукъ. Въ Дублинѣ, подъ руководствомъ доктора Макалестера, не только устраивались для женщинъ лекціи, но основалась цѣлая коллегія женскаго образованія. Въ Единбургѣ профессоръ Фразеръ читалъ физику, а профессоръ Теръ — математику; но и помимо опредѣленныхъ, систематически устроенныхъ курсовъ многіе замѣчательнѣйшіе англійскіе ученые посвящали часть своего времени для образованія женщинъ, читая по временамъ специально для нихъ лекціи. Такъ, Средневикъ, профессоръ кембриджскій, и братъ его, преподававшій въ Мертенѣ, читали лекціи для женщинъ въ Престонѣ, Манчестерѣ и другихъ мѣстностяхъ. Оксфордскіе профессора Гаркартъ и Чайльдъ въ Клифтонѣ прочли нѣсколько лекцій. Джемсъ Стюартъ (изъ коллегіи св. Троицы въ Кембриджѣ) цѣлый семестръ читалъ въ Ливерпулѣ курсъ физики исключительно для женщинъ, касаясь измѣненія свѣта, теплоты, магнетизма и знакомя съ спектральнымъ анализомъ. Число его слушательницъ простиралось до 165-ти. Въ 1870 году въ чтеніяхъ, учрежденныхъ лондонской ассоціаціей для образованія женщинъ, профессоръ Бальфуръ читалъ ботанику. Профессоръ Дживонсъ индуктивную логику. Тогда же предполагалось ввести и преподаваніе зоологіи, геологіи. Программы курсовъ въ 1870—71 годахъ уже отводятъ болѣе значительное мѣсто физико-химическимъ и біологическимъ наукамъ. Естественныя науки при всту-

пительныхъ экзаменахъ становятся на первый планъ, отбѣняя другіе предметы. Способность женщинъ къ воспріятію этихъ наукъ подтвердилась блистательными успѣхами ихъ и отзывами преподавателей объ этихъ успѣхахъ. Успѣхи эти оказались, мало сказать, удовлетворительными: они превосходили ожиданія профессоровъ. Мы упоминали уже, что экзамены слушательницъ Соутъ-Кенсингтонскаго музея производились одновременно со студентами. Полный перевѣсъ въ успѣхахъ оказался здѣсь на сторонѣ женщинъ. Такимъ же экзаменамъ подвергнуты были слушательницы и другихъ курсовъ въ другихъ городахъ. И всюду женщины не только не оставались позади мужчинъ, не только сравнивались съ ними, но, какъ увѣряютъ, во многихъ случаяхъ даже опередили ихъ. Вотъ отзывъ одного изъ профессоровъ, читавшихъ лекціи для женщинъ, именно единбургскаго профессора Фразера.

«У меня было 65 слушательницъ, — говоритъ онъ; — изъ нихъ принимали участіе во всѣхъ испытаніяхъ и окончательныхъ экзаменахъ 48. По мѣрѣ развитія моего курса, я все болѣе и болѣе убѣждался, что ученицы мои, по своимъ способностямъ и прилежанію, могли сравниться только съ наиболѣе талантливыми и трудолюбивыми студентами, какимъ и когда-либо я имѣлъ счастье преподавать».

Подобныхъ отзывовъ довольно; всѣ они утверждаютъ то же самое. Сведя итоги испытаній, какимъ были подвергнуты слушательницы различныхъ курсовъ, англійскіе профессора пришли къ заключенію, что женщины не только могутъ конкурировать съ мужчинами въ самомъ строго научномъ изученіи филологіи, математики, опытной физики, химіи, философіи, но весьма нерѣдко успѣхи ихъ превышали общій уровень успѣховъ студентовъ.

Вотъ факты, вотъ опыты самой практики. Они такъ краснорѣчивы. Нужно ли украшать еще какими-либо комментаріями?

По поводу „петицій“ студентов университетов и других высших учебных заведений.*

Доселѣ мы ни единымъ словомъ не обмолвились о такъ называемыхъ «петиціяхъ» студентовъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Идолопоклоняемая нѣкоторыми органами печати учащая молодежь считается чѣмъ-то настолько священнымъ, что предъ нею, какъ предъ библейскою купиною, надлежитъ разувать ноги. Но дѣлать нечего: чуждые либеральнаго фетишизма, рѣшаемся высказаться, на этотъ разъ не обинуясь.

«Петиціи» подаются студентами, лиценстами, технологами и т. д., кромѣ воспитанниковъ духовныхъ академій. Слышимъ о приготовляемыхъ петиціяхъ даже семинаристами. Обратятся, пожалуй, съ петиціями и гимназисты, и реалисты. Зачѣмъ отставать отъ старшихъ товарищей и ученикамъ уѣздныхъ училищъ и тѣхъ начальныхъ школъ, откуда могутъ исходить только устные просьбы. Точно не дѣйствительность; точно какой-то нелѣпый лихорадочный сонъ.

Понимаемъ петиціи думы или земскаго собранія, какъ представителей города, губерніи, уѣзда; понимаемъ ходатайство университета, а также любого учебнаго заведенія о расширеніи правъ. Но вы, господа, представители кого? Самихъ себя. Но завтра вы оканчиваете курсъ; на ваше мѣсто явятся другіе курсы. Выставляете вы нужды настоящихъ или же и не вступавшихъ еще въ университетъ курсовъ? Но вы уполномочены теперешними гимназистами и поступающими по экзамену въ вашъ университетъ изъ разныхъ уголковъ Россіи? Но вы знаете, въ чемъ футурусы будутъ нуждаться? Студенчество, по вашему, сословіе замкнутое, изъ котораго нѣтъ выхода, навсегда остаю-

щееся съ своими нуждами, а не переходное состояніе, не учебная повинность, не вода текущая, прибывающая и убывающая периодически ежегодно. Очень нужны ваши петиціи для старшихъ студентовъ 4-го, напримѣръ, курса, имѣющихъ, однако, особенное право на вниманіе къ ихъ нуждамъ. Не шумите ли больше всѣхъ вы, первокурсники, только что освобожденные отъ гимназическаго билета и необходимости отвѣшивать поклоны надзирателямъ, вы, еще почти не испытавшіе студенческой жизни? Въ этомъ-то, главнымъ образомъ, и состоитъ внутреннее противорѣчіе настоящей нелѣпой постановки вопроса.

Что же? Думаете, эти общія мѣста: кассы, читальни, стипендіи, кухмистерскія такъ-таки лицамъ, власть имѣющимъ, новость? Никто, кромѣ васъ, не былъ студентомъ? Десять—двадцать лѣтъ тому назадъ, когда нужно было играть въ руку реакцій, не выставлялись студентами эти же общія мѣста? Нѣтъ сомнѣнія, что правительство, возвращающееся къ реформамъ, однимъ почеркомъ пера охотно порѣшитъ эти микроскопическіе вопросы, вамъ изъ вашего улья представляющіеся такими громадными. Если это не сдѣлано, то, конечно, потому, что не замолкли еще эти ваши ребяческія выходки.

И о чемъ просите? Всѣ петиціи составлены по одному лекалу: всѣ твердятъ о стипендіяхъ, читальныхъ, кассахъ, кухмистерскихъ и правѣ жениться. Неужели вы думаете, что въ этомъ однообразіи, доходящемъ до тождественности, возможно усмотрѣть выраженіе истинныхъ потребностей «учащейся молодежи», а не повѣтріе, эпидемію, стадное чувство, если только не комедію маріонетокъ? Оставимъ «насущную потребность» въ читальныхъ, хотя дѣльному студенту не до чтенія газетъ и журналовъ, только, однако, и проектируемыхъ въ читальныхъ. Оставимъ «уравненіе правъ лицъ, прошедшихъ курсъ 1-го общаго класса училища, съ правами лицъ, окончившихъ курсъ семикласныхъ училищъ», о чемъ просятъ, напримѣръ, здѣшніе техники: заявленіе, откровенно свидѣтельствующее, что права, а не любовь къ наукѣ, путеводная звѣзда гг. техниковъ. Оставимъ всѣ эти пункты петицій, ибо о главномъ-то, о поднятіи

* «И. С.», 21-го ноября. № 322.

уровня науки, ни одно ходатайство не упоминаетъ. Но верхъ прелести — это просьбы «учащейся молодежи» высшихъ учебныхъ заведеній о правѣ жениться. Прежде, бывало, для воспитанника учебнаго заведенія самымъ обиднымъ словомъ было «женихъ». Теперь не то: сама молодежь, не обинуясь, заявляетъ свой аттестатъ зрѣлости — физической. Что жъ? Такъ у всѣхъ студентовъ и въ Москвѣ, и въ Кіевѣ, и въ Одессѣ, и въ Харьковѣ, и въ Ярославлѣ и т. д. одна мысль, одно желаніе — жениться! И жениться сейчасъ, не откладывая даже на годъ. Всѣ, стало быть, состоятъ безумно влюбленными. Хорошій аттестатъ прежнимъ научнымъ занятіямъ! Не посчастливится же и впредь наукѣ отъ вашего счастья. Лекціи и дѣтскія пеленки, какъ это ладится. И почему, однако, петиціи идутъ не отъ студенческихъ невѣстъ? Знаете ли, господа, слышите ли, какими взрывами смѣха сопровождается этотъ несчастный пунктъ вашихъ петицій? Вѣдь, какъ хотите, а это достойно стать съ знаменитымъ изреченіемъ фонвизинскаго Митрофана Терентьевича: «Часть воли моей пришесть, не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя».

Кто, однако, пойдетъ за васъ? Модистки, бѣлошвейки, искаательницы приключеній, какія-нибудь перезрѣлыя дѣвицы изъ «благородныхъ»? И чудно: всѣ петиціи твердятъ о бѣдности студентовъ, о необходимости болѣе правильнаго распредѣленія несчастныхъ 8—9-ти рублевыхъ стипендій, о потребности въ дешевыхъ, чуть не даровыхъ кухмистерскихъ. И рядомъ съ этоюто заявляемою бѣдностью непокрытою, когда самимъ, по вашимъ же словамъ, буквально ѣсть нечего, — тутъ же неотложная необходимость жениться. Одно изъ трехъ, стало быть: или вы предполагаете кидать дѣтей въ воспитательные дома, а если оставлять при себѣ, то расплосать нищихъ, или намѣрены искать богатыхъ невѣстъ и жить на иждивеніи женъ; или всѣ эти вопли о бѣдности житья и необходимости жениться одинъ стадный голосъ, что, конечно, и есть на самомъ дѣлѣ.

Кстати, знаютъ ли учащіеся женихи, что для оберъ-офицеровъ извѣстныхъ лѣтъ, людей вполне граждански самостоятель-

ныхъ и полноправныхъ, ограничена свобода располагать своею рукою? Требуется отъ нихъ въ полковую кассу взносъ обезпеченія въ 5,000 руб. сер. противъ разведенія нищихъ, по смерти недостаточнаго родителя кидаемыхъ, обыкновенно, на руки ни въ чемъ неповинныхъ родныхъ или друзей. Вотъ истинно гуманная мѣра.

Стипендіи, кассы, кухмистерскія и вообще обезпеченіе матеріальнаго быта студентовъ въ тѣхъ формахъ, которыя можетъ быть и на умъ не приходили «петиціямъ», дѣло полезное; читальни и клубы могутъ быть допущены, какъ невинное развлеченіе, хотя и не особенно рекомендуемое любовью просителей къ наукѣ. Но да сохранять лица, власть имущія, нашу учащуюся молодежь отъ легкомысленнаго взгляда на нерасторгаемые по смерти брачныя узы. Запрещеніемъ браковъ власть окажетъ учащимся молодымъ людямъ гораздо большее благодѣяніе, чѣмъ разрѣшеніемъ всевозможныхъ кассъ, клубовъ, читаленъ, кухмистерскихъ и тому подобное.

Студенческіе безпорядки.*

«Наконецъ, это надоѣло»... Полагаемъ, мы не ошибаемся, что таково будетъ точное выраженіе впечатлѣнія, которое на жителей Никитской и дальнѣйшихъ улицъ и на другихъ случайныхъ самовидцевъ произведено было третьягодншней процессіею нѣсколькихъ сотъ молодыхъ людей, конвоируемыхъ полиціею. Корреспондентъ, телеграфировавшій о происшествіи въ Петербургъ, заблагоразсудилъ назвать процессіею «печальною». Почему же она печальная? Отчасти, она была и комическою. Для полиціи, при множествѣ другихъ, болѣе благодарныхъ занятій, печальна была обязанность охранять молодыхъ людей отъ

* «С. И.». 8-го декабря. № 339.

гнѣва жителей; для самихъ молодыхъ людей или, точнѣе, за нихъ, печально то, что они не заслужили въ городѣ лучшей репутаціи и для охраненія личной безопасности не могутъ разсчитывать ни на чье заступничество, кромѣ городскихъ (въ душѣ, впрочемъ, тоже ихъ не жалующихъ). Но нельзя не признать комизма въ этомъ торжественномъ шествіи, получившемъ видъ почетнаго сопровожденія официальными тѣлохранителями—кого же? Шалуновъ или буюновъ, то или другое, одинаково выходитъ комично. Но общее впечатлѣніе, произведенное на общество, это—досада. Что, изъ-за чего и какъ произошло, по правдѣ сказать, для московскихъ обывателей совершенно все равно. Изъ-за чего взволновались студенты, и притомъ часть, именно принадлежащая одному изъ факультетовъ, медицинскому, да еще первокурсникамъ; кто здѣсь правъ, кто виноватъ, кто ближайшею, кто отдаленнѣйшею былъ причиной, общественные интересы ни малѣйше этимъ не затронуты. Такъ или иначе происходило, никто не будетъ отъ того сытъ или голоденъ, ни чьи мирныя занятія не пріобрѣтутъ лишней вѣроятности на успѣхъ или неуспѣхъ; и такъ какъ дѣло идетъ о храмѣ наукъ и, въ частности, о медицинскомъ и отчасти юридическомъ факультетѣ, то лишнее ли обезпеченіе предвидится для правосудія, лишнее ли обезпеченіе для народнаго здравія,—да объ этомъ вопросъ и не ставится въ исторіяхъ, затѣваемыхъ этими юристами и медиками *in spe*, какія бы тамъ ни были ближайшія причины происшествія, неосуществившіеся идеалы кухмистерской или читальни, или же соленый огурецъ, кинутый, какъ увѣряютъ слухи, въ профессора. Общество выражаетъ досаду на тревогу, которую въ немъ возбуждаютъ и которой оно само не подавало повода, тревогу, которую, по характеру ея, можно сравнить только съ безпокойствомъ мирнаго гражданина, у котораго домъ, къ несчастію, стоитъ въ сосѣдствѣ съ увеселительнымъ заведеніемъ, дающимъ о себѣ знать шумомъ и драками. Какое мнѣ дѣло, говорятъ они хозяину безпокойнаго дома или даже блюстителю благочинія, кто тамъ у васъ правъ, кто виноватъ; только устройте, пожалуйста, чтобъ меня не безпокоили, я имѣю на это право.

Можно ручаться, что именно таково впечатлѣніе громаднаго большинства обывателей Москвы, да и обывателей всего русскаго царства. А нѣкоторые изъ этого большинства даже засучиваютъ рукава, чтобы произвести личную расправу съ тѣмъ, кого они считаютъ «бунтовщиками».

Мы помнимъ бурю негодованія, которая пронеслась по печати по случаю охотнорядскаго избіенія, произведеннаго надъ молодыми людьми, въ которыхъ чернь заподозрила студентовъ; кто постарше, тотъ и еще помнитъ исторію—«Дрезденскаго побоища». Обвиняли полицію, что она не предупредила избіеній; иные не прочь были намекнуть даже, что именно по наущенію полиціи и совершались побоища. Споръ о томъ, какое участіе въ побоищахъ принимала полиція, будетъ праздный, потому что существо дѣла не въ этомъ, а въ томъ, что чернь, стало быть, съ охотою, съ удовольствіемъ берется за кулачную расправу именно съ тѣми, кого она знаетъ подъ кличкою «студентовъ». Допустимъ, что полицейскіе чины натравливали чернь, хотя позволяемъ себѣ сильно въ этомъ усомниться. Но ужели такъ легко, хотя бы и полиція, натравить чернь на кого угодно? Можемъ поименовать званія, можемъ поименовать процессіи, натравливать на которыя окажется небезопаснымъ для того, кто рѣшился бы взять на себя роль подстрекателя. Что же изъ этого слѣдуетъ?

А слѣдуетъ то, что тотъ сортъ молодыхъ людей, который въ народѣ безразлично окрещивается именемъ «студентовъ», не пользуется народнымъ расположеніемъ; мало того, онъ имѣлъ несчастіе снискать прямое нерасположеніе; подстрекатель можетъ съ успѣхомъ пользоваться только готовыми элементами непріязни. Въ представителяхъ болѣе образованнаго класса нерасположеніе принимаетъ болѣе мягкую форму сожалѣнія, впрочемъ, не довольно отчетливо сознаваемого въ своемъ существѣ и въ своихъ основаніяхъ. Найдутся единицы, много развѣ десятки, которые, разсуждая задними числами, вѣрные культу «молодыхъ силъ», питаютъ также прямую слабость къ возрастающему поколѣнію и готовы признавать «молодые силы» чьими-то «жертвами», приписать имъ, точнѣе сказать, предположить въ нихъ,

какіе-то «свѣтлыя идеалы» (впрочемъ, неизвѣстные), вздохнуть по сему удобному случаю о «наукѣ». Это мы слышимъ уже болѣе двадцати лѣтъ, въ теченіе которыхъ «молодыя силы», успѣли вырасти въ старыя, изъ дѣтей образовать не только отцовъ, но даже дѣдовъ; старымъ «молодымъ силамъ», ничѣмъ не проявившимся, преемствуютъ другія «молодыя силы», на которыхъ упокоиваются себя тѣ же «свѣтлыя надежды». Все это праздная игра въ слова, упражненія въ общихъ мѣстахъ, потѣха себяъ безплодною оппозиціею, и притомъ оппозиціею предъ направлениемъ, которое давно перестало существовать. Въ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ, когда университеты ограничены были штатнымъ числомъ слушателей, классическая система была свергнута, и военщина признана была идеаломъ гражданскаго воспитанія, «молодыя силы» и «наука», дѣйствительно, были до извѣстной степени жертвами. Впрочемъ, не тѣ были тогда «молодыя силы», и сама «наука» была болѣе похожа на себя. Прилагать тогдашнія сѣтованія къ теперешнимъ направленіямъ и порядкамъ способны развѣ старцы, пребывающіе во младенчествѣ.

Достойно сожалѣнія, что кличка «студентовъ», которая скоро во мнѣніи народа будетъ совсѣмъ опозоренною, прилагается безразлично ко всѣмъ молодымъ людямъ, воспитывающимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, тогда какъ міръ этихъ заведеній далеко не безразличенъ, и даже не безразличенъ бываетъ составъ одного и того же заведенія. Взять хотя бы университеты. Можно ручаться, что въ безпорядкахъ бываютъ совершенно неповинны слушатели математическаго и особенно филологическаго факультетовъ. Отчасти юридическій и наиболѣе медицинскій факультеты, и притомъ первые курсы, вотъ средоточіе волненій. Отсюда слѣдуетъ, что безпорядочность стоитъ въ обратномъ отношеніи къ умственной и возрастной зрѣлости и къ наукѣ самой въ себѣ. Склонность къ волненіямъ возрастаетъ по мѣрѣ широты бездѣльнаго досуга и по мѣрѣ того, какъ общее образованіе переходитъ въ профессиональное, полуремесленное — юриста и врача. Въ этомъ отношеніи плохая услуга была оказана университетамъ упраздненіемъ первыхъ курсовъ Медико-хирургической академіи.

Съ частной точки военнаго вѣдомства было благоразумно избавить себя отъ парши; но съ общей государственной не представлялось благоразумнымъ расплывать ее же въ университетахъ. Положеніе послѣднихъ представляется тѣмъ болѣе достойнымъ сожалѣнія, что они лишены даже способовъ къ самооборонѣ отъ вторженія неблагонадежныхъ элементовъ. Хочешь, не хочешь, а принимай, *alma mater*, подъ свое крыло всѣхъ, кого угодно гимназическимъ совѣтамъ препроводить къ тебѣ съ аттестатомъ «зрѣлости». Мы боимся ошибиться, но едва ли не шестьсотъ человѣкъ слушателей на первомъ курсѣ здѣшняго медицинскаго факультета. Помимо всего, возможенъ ли при такомъ наплывѣ успѣхъ самого преподаванія, напримѣръ, хотя демонстративной анатоміи? Большая половина слушателей лишена возможности слѣдить (какъ требуется существомъ преподаванія — наглядно) за профессоромъ; а тѣмъ самымъ, слѣдовательно, большая часть слушателей обязательно пріучается къ полужизнанію, самому надежнѣйшему источнику всякой неблагонадежности. Судя по всему тому, что есть, что было и чего ожидать можно, разумнѣе было бы не обременять университеты лишнимъ наплывомъ, и притомъ молодыхъ лицъ, жаждущихъ болѣе ремесла и эксплуатаціи, нежели науки и просвѣщенія, а, напротивъ, опорожнить ихъ. Признайтесь, гг. юристы и медики *in spe*, не «свѣтлыя» же «идеалы», въ самомъ дѣлѣ, мерещатся вамъ вдали, за стѣнами университета, а просто хлѣбныя мѣста. Мы видѣли, кто изъ васъ выходилъ въ теченіе двадцати или десяти послѣднихъ лѣтъ. Юридическій и особенно медицинскій факультеты должны ли еще непременно принадлежать университету, — вотъ вопросъ, который можно рѣшать надвое, имѣя въ виду профессиональность обоихъ факультетовъ. Во всякомъ случаѣ, благодѣяніе было бы оказано дѣйствительно зрѣлому юношеству, когда бы отобранъ былъ отъ университетовъ въ особую школу, по крайней мѣрѣ, медицинскій факультетъ или же хотя два первые его курса. Во всѣхъ этихъ непригожихъ исторіяхъ, образчикъ которой представила послѣдняя, всего достойнѣе сожалѣнія то, что отъ безпорядочныхъ и бездѣльныхъ молодыхъ людей, половина которыхъ, несом-

нѣнно, черезъ годъ, черезъ два, вынуждена будетъ очистить отъ себя университетъ за малоуспѣшность въ занятіяхъ, — отъ этой заправки безпорядковъ падаетъ тѣнь на молодыхъ людей, серьезныхъ, работающихъ, скромныхъ, которые имѣютъ несчастье числиться также студентами и которые за одно это свое званіе вынуждены, заурядъ со всѣми, читать въ глазахъ народа противъ себя подозрѣніе; мало того, которые становятся жертвами не правительства или университетскаго начальства, а образующейся среди безпорядочнаго юношества охлократіи, которая умѣетъ грязно мстить за непричастность къ волненіямъ.

Мы сказали: «несчастье числиться студентомъ». Сказали, и сами поражаемся. До чего дошло! Какое потрясающее превращеніе! Что было названіе «студентъ» лѣтъ двадцать и болѣе, и что теперь! Студентъ — синонимъ благороднаго, великодушнаго, чистаго; голубой воротникъ — нѣмъ неоспариваемое право на уваженіе. А теперь?..

Студенческіе безпорядки.*

Слышимъ упреки, что наше изданіе сообщаетъ мало фактическихъ свѣдѣній объ «исторіи» въ здѣшнемъ университетѣ. Телеграммы петербургскихъ газетъ даже прямо отмѣтили, что «Современныя Извѣстія» ничего не сказали на другой день послѣ студенческой «исторіи». Свободные отъ упрековъ «въ связи съ нѣкоторыми членами профессорской корпораціи», но чуждые и ухаживания со стороны обломковъ падшаго министерства просвѣщенія, вчера указали мы, что подобныя исторіи надоедливы; добавимъ теперь, что, собственно, никакой особенно серьезной «исторіи» и не было. Какой-то студентъ позволилъ себѣ дерзость относительно профессора, проступокъ школьническій, всегда и вездѣ возможный: противъ этого есть мѣры педагогическія, въ

крайнемъ случаѣ, подобные проступки наказываются мировыми судьями. Далѣе: студенты пошумѣли у себя въ зданіи и отчасти на дворѣ, тоже обыкновенный случай въ жизни университетовъ. «Исторія» же, въ смыслѣ столкновенія съ чернью, была совершенно предупреждена благоразумными распоряженіями власти, которою черезъ нѣсколько часовъ студенты и были благополучно распущены по домамъ, кромѣ оказавшихся среди нихъ, какъ слышно, пяти-шести агитаторовъ, не принадлежащихъ къ студенчеству.

Наши революціонеры не у дѣлъ, если это ихъ была затѣя, еще разъ провалились. Но «исторія» удалась съ противоположнаго конца, въ смыслѣ повода къ антиправительственной (будемъ же, не обинуясь, называть вещь по имени) агитаціи со стороны «Московскихъ Вѣдомостей» все изъ-за того же бездыханнаго «тѣла Патрокла».

На другой же день послѣ этого случая въ жизни Московскаго университета университетская газета поспѣшила произвести дознаніе и слѣдствіе, составить обвинительный актъ, поставить, безъ пренія сторонъ, вопросы и вынести обвинительный приговоръ. Признаны виновными слѣдующіе факты, лица и учрежденія: поѣздка г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія; безсовѣстная вообще ложь газетъ; «поощреніе» студентовъ къ «петиціямъ» университетскими властями, въ частности «газетами, состоящими въ связи съ нѣкоторыми членами профессорской коллегіи»; ректоръ университета, какъ главный виновникъ схода, съ своею рѣчью къ студентамъ; полное изыятіе въ послѣднее время Московскаго университета изъ управленія попечителя; университетское самоуправленіе и, вообще «либеральная партія». Потерпѣвшими же лицами признаны семь студентовъ, а сами шалуны-студенты изъ обвиняемыхъ обращены въ гражданскихъ истцовъ.

Дополнимъ нѣсколькими безпристрастными свидѣтельскими показаніями настоящее дѣло.

Позабыто немногое: позабыто нѣсколько «исторій» въ Петербургскомъ университетѣ при разныхъ министрахъ просвѣщенія;

* «С. Н.». 9-го декабря. № 340.

позабыта гораздо худшая исторія, разыгравшаяся въ Московскомъ университетѣ еще до министерства графа Толстого; позабыто, что наибольшее число серьезнѣйшихъ студенческихъ исторій выпало какъ разъ на время управленія графа Толстого; въ Харьковѣ, напримѣръ, гдѣ дѣло доходило до казацкихъ нагаекъ; въ Києвѣ, гдѣ ректору проломилъ камнемъ голову. Да что студенческія исторіи! Ни одно у насъ министерство просвѣщенія не было такъ чревато исторіями прямо преступно-политическаго характера, какъ падшее министерство. Но рѣшался ли кто-нибудь обвинять графа Толстого за его поѣздки по Россіи? «Петиціями» ли выражалось недовольство молодежи своимъ положеніемъ при графѣ Толстомъ? Помнимъ факты наипреступнѣйшіе: Періодическая ли печать возбуждала петербургскихъ, харьковскихъ и кievскихъ студентовъ тогда, когда наивиннѣйшіе факты изъ школьной жизни министерства просвѣщенія были изъяты изъ публичнаго обсуждения? «Изъяты ли были изъ управленія попечителя и переданы ли были во избѣжаніе двоевластія въ завѣдываніе ректора» битые нагайками харьковскіе студенты и швырявшіеся камнями кievскіе студенты?

Ректоръ и профессора Московскаго университета бунтовщики; пособники ихъ газеты, «состоящія въ связи съ нѣкоторыми членами профессорской коллегіи». Такова, по меньшей мѣрѣ, главная мысль разбираемой статьи «Московскихъ Вѣдомостей». Прекрасно. Но, если такъ, то почему же «болѣе всѣхъ возбуждались и волновались первый и второй курсы медицинскаго факультета», какъ прямо заявляютъ «Московскія Вѣдомости»? Почему профессорская и ректорская «интрига» могла охватить только «молодыхъ первокурсниковъ, не успѣвшихъ явиться въ университетъ въ началѣ сентября»? Удивительное дѣло: университетъ бунтуетъ своихъ слушателей, и бунтуютъ лишь тѣ, которые только что поступили въ университетъ, и всѣмъ спокойно держатся и даже протестуютъ тѣ, кто дольше пробылъ въ университетѣ, т. е. дольше былъ подъ воздействием профессорскаго и ректорскаго бунтарства. Не въ

гимназіяхъ ли скорѣе заложенъ былъ зарядъ взрыва въ юныя души, такъ естественно воспламеняющійся при вступленіи въ болѣе свѣжую атмосферу? Студенты старшихъ курсовъ вообще остаются спокойными при «исторіяхъ» потому, что позабывается переломъ условій школьной жизни, а также и благодаря именно самому университету, посаженному нынѣ университетскою газетою на скамью подсудимыхъ.

Итакъ, факты подобраны искусственно и освѣщены ложно «Московскими Вѣдомостями», съ лихорадочною торопливостью явившимися на студенческія сходки, въ качествѣ агитаторовъ противъ ближайшаго и высшаго начальства разшалившихся студентовъ. Два, три года тому назадъ «Московскія Вѣдомости», несомнѣнно, возбуждали мясниковъ во время побоища на Моховой. Это было послѣдовательно. Теперь роль мясниковъ предоставляютъ онѣ разгоряченной толпѣ студентовъ, натравливая ихъ на ректора и профессоровъ. Въ виду этого, понятно благоразуміе начальства, закрывшаго университетъ.

Но даже и это не все. «Московскія Вѣдомости» рѣшились на отчаяннѣйшее средство, никогда никѣмъ, даже завзято-красными органами не практиковавшееся. Во время студенческой исторіи онѣ дали мѣсто на своихъ столбцахъ студенческимъ письмамъ, и не письмамъ съ протестомъ болѣе благоразумныхъ студентовъ противъ своихъ товарищей, а противъ университетскаго и даже высшаго начальства! Это значитъ: недостаточно громко звучитъ и недостаточно широко разносится голосъ ораторовъ на сходкѣ. Къ услугамъ ихъ, къ услугамъ разбуянившихся мальчиковъ, волнующихся противъ своего начальства, печатный органъ, университетская газета! И мы, и другія изданія и получали и получаемъ студенческія письма противъ начальства, но никто изъ насъ не унизится стать издателемъ студенческихъ бунтарскихъ рѣчей на студенческихъ сходкахъ. И какихъ рѣчей!

«Совершеннѣйшая правда, что ректору принадлежала инициатива сходовъ; совершенно справедливо и то, что онъ говорилъ въ стѣнахъ университета многообѣщавую студентамъ рѣчь, со слезами на гла-

захъ и съ просьбою, чтобъ его слова не записывались и не шли дальше стѣнъ университетскихъ. Это прежде всего бросилось студентамъ въ глаза. Вскорѣ эти сходки, мимо вѣдома и воли ректора, стали собираться довольно часто; цѣль онѣ имѣли самую безобидную: устройство кухмистерской, читальни и т. д., но не въ этомъ суть: студенты, къ величайшему своему удивленію, узнали, что ректоръ собираетъ совѣтъ и поручаетъ профессору З. передать студентамъ, что онъ, буде эти сходки продолжатся, закроетъ первый курсъ медицинскаго факультета. Понятно, насколько студенты могли возмутиться угрозою ректора, того самаго ректора, который былъ виновникомъ этихъ сходокъ, который давалъ надежду, что ихъ скоро формально разрѣшатъ, и, слѣдовательно, до ихъ разрѣшенія будутъ смотрѣть на нихъ сквозь пальцы. Но еще несправедливѣе нападать на первый курсъ медицинскаго факультета. Не первый курсъ собирался на эти сходки, не отъ него зависѣло, что анатомическій театръ находится рядомъ съ аудиторіей перваго курса и что сюда являются медики втораго курса для практическихъ работъ и не новичкамъ было протестовать противъ всѣхъ этихъ сходокъ, а между тѣмъ кара падаетъ на нихъ. Мы говоримъ кара, такъ какъ ректоръ не ограничился одною угрозою: онъ вывѣсилъ объявленіе, въ которомъ доводилъ до свѣдѣнія студентовъ, что 6 человекъ перваго и втораго курсовъ исключены (при чемъ двое изъ нихъ пострадали невинно). Возбужденіе студентовъ возросло до крайней степени. Въ то же время между студентами распространился слухъ, что одинъ изъ наиболѣе настаивавшихъ на исключеніи былъ профессоръ З., вслѣдствіе чего въ аудиторіи перваго отдѣленія перваго курса собрались студенты различныхъ курсовъ, которые встрѣтили его шиканьемъ и т. д. Это было 5-го декабря. Но мы забыли сообщить еще о весьма важномъ поводѣ къ недоразумѣнію. Дѣло въ томъ, что многіе изъ медиковъ перваго курса, выдержавшіе экзаменъ, числомъ около 250, просили ректора о выдачѣ имъ отпуска на рождественскія вакаціи, но ректоръ объявилъ имъ, что, по приказу высшаго начальства, отпуска всему первому курсу медицинскаго факультета не полагается. Недоумѣвающіе студенты обратились съ ходатайствомъ къ генералъ-губернатору и получили въ отвѣтъ, что разрѣшеніе будетъ дано всѣмъ тѣмъ, кого представитъ ректоръ. Спрошенный, въ свою очередь, студентами ректоръ объявилъ имъ лаконически, что отпуска медикамъ перваго курса ему не приказано давать. Понятно, что все это увеличило не только что броженіе, но даже и количество недовольныхъ, прибавивъ къ нимъ около 250-ти человекъ, даромъ проживающихъ въ Москвѣ, вмѣсто того, чтобы быть въ отпуску на праздники. Итакъ, послѣ скандала съ г. З. (котораго болѣе спокойные студенты предупреждали не являться на лекцію) всѣ студенты высыпали въ анатомическій театръ, а затѣмъ на старый университетскій дворъ, требуя для объясненій самаго ректора; къ нимъ присоединилась масса отъ всѣхъ факультетовъ и курсовъ. Большинство изъ нихъ, кромѣ

вышеприведеннаго, имѣли на ректора еще частныя неудовольствія, а именно: многіе недоумѣвали, куда думаетъ израсходовать ректоръ концертныя деньги; другіе за то, что до сихъ поръ не выдалъ имъ пособій, третьи—на двучинное обращеніе съ ними ректора.

Для образчика довольно. Въ другихъ письмахъ заявляется студентами (?), что они взволновались вслѣдствіе смѣны графа Толстого и назначенія новаго министра просвѣщенія, «за что, конечно», студентовъ «порицать было бы странно»; затѣмъ рассказывается исторія принятія «петиціи» ректоромъ, суть этой петиціи и извѣстное опроверженіе «Правительственнаго Вѣстника», и далѣе студентъ-агитаторъ продолжаетъ:

«Виновники скандала тѣ, которые, вмѣсто того, чтобы прямо и определенно отвѣтить хотя бы отказомъ на студенческіе запросы и просьбы заигрывали съ ними «въ вѣче» и, поддерживая надежду, въ то же время и тѣмъ самымъ искусственно поддерживали въ ихъ средѣ агитацію».

Достаточно.

На долю г. Сабурова выпала печальная участь Гладстона послѣ Биконсфильда, съ похмельемъ въ чужомъ пиру. Но можно ли было ожидать, что «Московскія Вѣдомости» спустятся до роли феніевъ!

О необходимости государственныхъ экзаменовъ.*

Въ «Новомъ Времени» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ» читаемъ одновременно отвѣтъ на вопросъ: что дѣлать съ университетами? Мнѣнія, высказанныя обѣими газетами, могутъ служить дополненіемъ одно другому. Причину періодическихъ безпорядковъ въ университетахъ «Новое Время» находитъ въ отсутствіи нравственнаго авторитета для студентовъ. Съ отсутствіемъ преданій ничего не сдѣлаешь; надобно дожидаться вре-

* «С. И.». 11-го декабря. № 342.

мени, чтобъ они образовались. Совершенно основательно желаніе, чтобы, по крайней мѣрѣ, было болѣе нравственной связи между профессорами и учащимися и чтобы университетъ болѣе стоялъ на своихъ ногахъ, нежели теперь, когда университетское начальство не можетъ шага сдѣлать безъ разрѣшеній.

Итакъ, университету нужно предоставить самоуправленіе. «Новое Время» собственно на этомъ общемъ пожеланіи останавливается; но мы дополнимъ: самоуправленіе должно быть представлено не въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ желаютъ гг. профессора и въ какомъ согласно вторить имъ большинство органовъ печати. «Московскія Вѣдомости» основательно замѣчаютъ противъ безобразія корпораціи, которая сама себя назначаетъ и исполняетъ, будучи облечена привилегіею раздавать государственныя права, содержась, между тѣмъ, добавимъ мы, на государственный деньгъ и не неся никакой отвѣтственности. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ же и какая отвѣтственность профессоръ? Въ частности, несутъ ли они какую-нибудь отвѣтственность за студенческіе безпорядки; мало того — заинтересованы ли они сколько-нибудь, чтобы безпорядковъ не повторялось? Ни мало. Сейчасъ закрыли университетъ прежде наступленія святочныхъ вакацій, могло или можетъ случиться закрытіе заведенія на дѣлѣ годъ: профессоръ остается при своемъ жалованьи и при квартирѣ, если таковую имѣетъ. До него это нисколько не касается, хотя нравственная отвѣтственность, по справедливости, за поведеніе воспитываемыхъ лежитъ на воспитывающихъ. Тѣмъ не менѣе, на дѣлѣ и передъ закономъ профессоръ и студенты, это два отдѣльные міра, хотя сохраняющіе наружный видъ, и только наружный, единаго цѣлаго. Подобное положеніе продолжаться не можетъ; періодическіе безпорядки слишкомъ внушительно напоминаютъ о необходимости преобразования.

Не знаемъ, въ чемъ состоялъ проектъ графа Толстого; передавали изъ него нѣкоторыя подробности, положительно возмутительныя. Но если высказываемое сегодня «Московскими Вѣдомостями» есть часть упоминаемаго проекта, мы подписываемся подъ нее вполне. Отъ университетовъ должна быть отнята при-

виллегія раздачи государственныхъ правъ: это есть сущность высказываемаго «Московскими Вѣдомостями». Коль скоро привиллегія раздачи государственныхъ правъ отнята, съ тѣмъ вмѣстѣ открывается просторъ свободѣ преподаванія, кстати и свободѣ слушанія, и вмѣстѣ открывается просторъ правильному, ученому соперничеству между преподавателями — залогъ процвѣтанія науки. Не остается основанія приковывать обязательно слушателя къ профессору, можетъ быть бездарному и пролѣзшему на кафедру кумовствомъ и низкопоклонничествомъ. Нѣтъ основанія и заграждать кафедру достойному преподавателю, если онъ имѣетъ требуемую ученую степень и связанную съ нею *veniam legendi*. Всѣ стѣсненія въ отношеніяхъ слушателей къ профессорамъ падаютъ, все противорѣчіе теперешняго положенія устраняется. А противорѣчіе именно въ томъ заключается, что съ одной стороны университетъ есть какъ будто только квалифицированная гимназія, составъ обязанныхъ учителей для обязанныхъ учениковъ, а съ другой, на самомъ дѣлѣ, обязательныхъ отношеній никакихъ не существуетъ, кромѣ экзамена, и никакихъ средствъ для поддержанія обязательныхъ отношеній не дано. Студенты не ходятъ на лекціи, и нельзя ихъ винить: все дѣло въ экзаменѣ. Горяченькіе профессора приманиваютъ къ себѣ въ аудиторію слушателей запискиваніемъ; пусть это нечестно, но вполне естественно, когда недостойное отношеніе, къ наукѣ ли, къ юношеству ли, не влечетъ за собою никакого риска: все опять дѣло въ экзаменѣ, а экзаменъ въ монопольныхъ рукахъ того же профессора.

Но свободное соперничество профессоровъ влечетъ за собою неизбѣжность гонорара за лекціи, и учиться въ университетѣ станетъ значительно дороже теперешняго? Само собою разумѣется, и нужно съ этимъ примириться; мало того, мы неизбѣжно должны придти къ этому послѣдствію, и помимо свободы преподаванія. При умноженіи гимназій не хватитъ государственныхъ средствъ, чтобы имѣть готовые безмездныя высшія училища для всѣхъ охочивающихся курсъ въ среднихъ, если только мы желаемъ, чтобы среднихъ было не по одному или по два, а по пяти или даже по десяти въ губерніи.

Гдѣ мы найдемъ лицъ для производства государственныхъ экзаменовъ, когда и въ профессорахъ недостатки? Это вопросъ примѣненія, а не сущности, и затрудненіе не такъ велико, какъ кажется защитникамъ профессорскихъ привилегій. Только Петербургская академія воображаетъ, что въ Россіи нѣтъ достойныхъ ученыхъ; на каждую отрасль найдутся достойные специалисты.

Безъ привилегіи на раздачу государственныхъ правъ, но со свободою преподаванія и слушанія, университетъ будетъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть, высшимъ образовательнымъ учрежденіемъ; въ частности, студенты высвобождаются изъ своего двусмысленнаго положенія не то малолѣтковъ, не то полноправныхъ гражданъ, и столь желаемое ими корпоративное устройство получаетъ основаніе и смыслъ. Нравственная связь преподавателей со слушателями устанавливается; а организація при корпоративномъ устройствѣ всего университетскаго состава, учащаго и учащагося, свяжетъ всѣхъ насквозь взаимною отвѣтственностью. Государственная власть будетъ знать, на комъ искать въ случаѣ безпорядковъ; впрочемъ, и самыхъ безпорядковъ не будетъ.

По поводу вопроса о необходимости въ многолюдныхъ университетахъ отдѣлить юридическій и медицинскій факультеты.

Въ «Новомъ Времени» нѣкто, за подписью «Бывшій студентъ», разсуждая по поводу повторяющихся университетскихъ безпорядковъ и по поводу средства, предлагаемаго противъ нихъ въ видѣ студенческихъ корпорацій, приходитъ къ выводу, на который и мы намекали. Въ многолюдныхъ университетахъ юридическій и медицинскій факультеты должны быть отдѣлены отъ прочихъ. Такова мысль автора; мы ставили ее въ видѣ вопроса,

* «С. И.». 16-го декабря. № 347.

который, какъ мы выразились, допускаетъ рѣшеніе въ обѣ стороны; авторъ высказывается рѣшительно, на основаніи тѣхъ же доводовъ, которые нами были высказаны, именно, что медицинскій, какъ и юридическій факультетъ, суть школы болѣе профессиональныя. Совпаденіе замѣчательное, которое тѣмъ болѣе для насъ пріятно, что является въ газетѣ, выражавшей недоумѣніе по поводу нашей статьи. Впрочемъ, во всемъ, что писано въ «Новомъ Времени» по поводу университетскаго происшествія, мы не нашли ничего разногласнаго съ тѣмъ, что высказано нами. «Новое Время», да и всѣ газеты безъ исключенія, выразили поступку студентовъ неодобреніе; всѣ и «Новое Время» въ томъ числѣ, признали происшествіе домашнею университетскою исторіей, лишенною политическаго характера. «Новое Время», въ частности, весьма дѣльно пожурело попытку студенческаго «протеста» противъ «Московскихъ Вѣдомостей». «Новое Время» высказало основательное сожалѣніе объ отсутствіи нравственной связи между учащими и учащимися, составляющемъ корень всякаго зла. Это и есть наша мысль и, кромѣ того, мысль почтеннаго Д. И. Иловайскаго, высказавшаго ее въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Голосъ г. Иловайскаго, особенно авторитетенъ въ этомъ вопросѣ — онъ былъ самъ профессоромъ университета.

Бывшій студентъ находитъ необходимымъ отдѣленіе медицинскаго и юридическаго факультетовъ въ виду многолюдства и въ виду неспособности, какъ полагаетъ онъ, русскаго студенчества къ корпоративному устройству. Съ послѣднимъ мы не соглашаемся и, полагая, авторъ самъ хотѣлъ сказать не то, что высказалъ. Итакъ, отдѣленіе полезно только въ виду болѣе легкаго надзора за студентами. Нѣтъ, авторъ не могъ становиться на эту, узко полицейскую точку зрѣнія, потому что говорить о разнородности стремленій и естественнаго отсюда послѣдствія — отсутствія нравственной связи между факультетами профессиональными и, назовемъ такъ, гуманитарными. Послѣдній фактъ совершенно достовѣренъ и въ Московскомъ университетѣ даже воплощенъ въ двойственности самыхъ зданій: новый университетъ и старый университетъ (послѣдній съ медиками по

преимуществу)—два разнородныя тѣла. Но если профессиональные факультеты обнаруживаютъ склонность къ волненіямъ, отчего они прекратятся по отдѣленіи ихъ отъ университета вообще? Университетъ будетъ чище, достойнѣе себя, съ этимъ не споримъ; но отдѣленные факультеты напомнятъ намъ о Медико-хирургической академіи, о Петровской академіи, о Лѣсномъ и Технологическомъ институтахъ, и мы знаемъ по опыту, достаточно ли эти заведенія застрахованы своимъ отдѣльнымъ бытіемъ отъ безпорядковъ.

Нѣтъ, все дѣло въ корпоративности, не въ нѣмецкой, какъ ошибочно полагаетъ авторъ, а въ организаціи вообще, и притомъ легальной. Нужно, чтобы студенты не были «толпой». А они теперь толпа и, будучи таковой внѣ аудиторіи, переносятъ себя, какъ таковую, даже и въ аудиторію; въ этомъ вся и разгадка. Нѣтъ еще положенія въ Россіи, болѣе противорѣчащаго себѣ самому, нежели студенчество. Законъ признаетъ ихъ органическую цѣлость и вмѣстѣ отрицаетъ. Онъ признаетъ ихъ студентами, въ этомъ смыслѣ выдаетъ имъ виды отъ университета, держитъ ихъ въ прикрѣпленіи къ университету, смотритъ на нихъ въ стѣнахъ университета, въ актовомъ залѣ, въ экзаменаціонной, въ аудиторіи, какъ на единицу, раздѣленную на другія меньшія единицы; но отказывается внѣ стѣнъ университета видѣть въ нихъ части цѣлаго, которое самъ признаетъ; мало того, оказывается, запрещаетъ имъ быть и проявлять себя частями цѣлаго, преслѣдуетъ проявленіе ихъ единства. Мастеровые на фабрикахъ и тѣ составляютъ артели; законъ этого не преслѣдуетъ (а долженъ бы еще, по мнѣнію нашему, вмѣнить въ непремѣнную обязанность). Фабричные обѣдаютъ въ общей столовой и имѣютъ общую кухню; да иначе и не могли бы они существовать. Никакимъ гражданамъ не запрещается составлять товарищества съ цѣлями, не противными закону. А студенты, товарищи по существу и по закону, не имѣютъ права держать общую кухню, будетъ она спеціально студенческая. Понятно, при этихъ условіяхъ, студенты, собравшись гдѣ-нибудь, могутъ образовать не болѣе, какъ «толпу». А толпа—плохой задатокъ

порядка и спокойствія. Слѣдовательно, должна быть дана организація, а съ нею наступитъ и необходимая дисциплина.

Мы не прочь отъ выдѣленія профессиональных факультетовъ въ особые заведенія, но и не настаиваемъ на немъ. Ни то, ни другое не существенно; существо опять все-таки въ организаціи и дисциплинѣ. При отсутствіи организаціи раздробленное юношество «новаго» университета не застраховано отъ той, какъ мы нѣкогда выразились, парии «старого», которая можетъ быть есть подносокъ Медико-хирургической академіи. А при организаціи «новый» университетъ своимъ серьезнымъ трудолюбіемъ, можетъ быть, благотворно воздѣйствовать бы на «старый».

1881 годъ.

По поводу скандала въ Московскомъ университетѣ.*

Нѣкоторымъ нравится поводовъ къ общественнымъ тревогамъ отыскивать въ университетахъ. Происшествіе 5-го декабря обратило вниманіе на Московскій университетъ, и вотъ, въ каждой ничтожной мелочи готовы усматривать «исторію». Если послушать нѣкоторые петербургскіе листки, то актъ 12-го января ознаменовался будто чѣмъ-то «историческимъ», — употребляемъ это слово въ извѣстномъ уличномъ смыслѣ. Не знаемъ съ достовѣрностію, что такое случилось и даже случилось ли что-нибудь. Если повѣрить распространителямъ тревогъ, то рѣчь ректора принята была сначала глубокимъ молчаніемъ, потомъ рукоплесканіями и среди нихъ свистками, свистками, прибавляютъ даже, искусственными, инструментальными. Ну, пусть, хотя самый фактъ оспаривается нѣкоторыми. Что жъ изъ того? Да, что жъ изъ того? Вотъ этого-то вопроса, къ несчастію, и не любятъ у насъ задавать, хотя онъ-то именно важнѣе всего при всякомъ происшествіи, выходящемъ изъ разряда привычныхъ. Ну, свистали нѣкоторые: что же изъ того? Въ партеръ при-

шелъ пьяный, и его пригласили удалиться. Случилось на улицѣ безобразіе. Тревожнаго ничего вѣдь нѣтъ, никто не возведетъ подобныхъ происшествій въ государственное событіе. Весь смыслъ происшествія, если оно дѣйствительно случилось, состоялъ въ томъ, что нѣсколько студентовъ, много ли ихъ или мало, все равно, нарушили приличіе, нарушили уваженіе къ мѣсту и ко времени, оскорбили святость университетскаго праздника, торжественный актъ обратили въ поводъ для площадной выходки. Выходка была площадною, шутовскою, вовсе не серьезною, мальчишествомъ, потому что совершенное молчаніе, при обычаѣ при- вѣтствовать актовъ рѣчи рукоплесканіями, гораздо серьезнѣе. Но, однако, и то что же, гдѣ предметъ тревоги, обсужденій какъ будто о государственномъ дѣлѣ? Изъ трехъ тысячъ студентовъ нашлось нѣсколько худо воспитанныхъ и непонимающихъ приличія. Очень прискорбно за молодыхъ людей, но даже не очень удивительно при такомъ ихъ большомъ числѣ.

Въ важномъ видѣ, съ какимъ приняло общество и отчасти печать столь ничтожное происшествіе, даетъ себя знать одна психическая черта, къ глубокому огорченію всякаго свободно-мыслящаго, намъ присущая. Мы такъ привыкли къ молчанію, къ фронту, къ однообразію, къ безличію, къ безволію и къ лицемерію, что насъ не шутя пугаетъ всякая, самая легкая рябь на этой, въ безконечность простирающейся стоячей водѣ, называемой русскою жизнью. Важность, которую придали иные нѣсколькимъ свисткамъ на университетскомъ актѣ, просто смѣшна, пожалуй, даже и вредна тѣмъ, что придаетъ неизвѣстнымъ свистунамъ значеніе, котораго они не стоятъ. Но бываютъ, точнѣе сказать, бывали случаи, когда, благодаря какой-нибудь мелочи, какому-нибудь отдѣльному случаю, вздутому въ важную «исторію», принимались мѣры подавленія общественной свободы. «На же де вамъ, если вы не умѣете себя вести!» какъ будто такъ говорилось. Сколько совершенно невинныхъ, благонамѣренныхъ ходатайствъ наказаны были административною ссылкой! Если начать съ адреса тверскихъ дворянъ еще въ блаженные времена эманципаціи, много можно перечислить примѣровъ.

* «С. И.», 21-го января. № 20

Мы не станемъ на нихъ останавливаться, потому что тяжесть послѣдствій ложилась только на отдѣльныя лица; на весь же остальной міръ російскихъ гражданъ дѣйствовала только устраниеніемъ. Укажемъ два происшествія, благодаря которымъ цѣлая функція общественной жизни была засушена, прежде чѣмъ успѣла не только зацвѣсти, но даже дать ростокъ. Въ одномъ изъ общественныхъ собраній, дворянскомъ или земскомъ, не помнимъ, но это все равно, слышались «вольныя» рѣчи, выходившія изъ-за дозволенныхъ предѣловъ, касавшіяся предметовъ, превышавшихъ компетенцію собранія. Можно было предать суду неводержимаго оратора, подвергнуть его взысканію; но послѣдовала «мѣра»: рѣчи, произносимыя на общественныхъ собраніяхъ и дѣйствія, тамъ производимыя, имѣютъ право доходить ко всеобщему свѣдѣнію только черезъ административную цензуру. Другое подобное происшествіе вызвало законъ о власти предсѣдателей въ общественныхъ собраніяхъ, чуть не уравненной съ правами полкового командира.

Что это такое? Страхъ пустяковъ, привычка къ фронту, неподвижности, однообразію, болѣзненно развитое воображеніе, безсознательно рисуящее какіе-то ужасы, но какіе неизвѣстно, отъ всякаго самостоятельно-оригинальнаго проявленія личности. Сравнимъ съ нами Великобританію, да и не въ Соединенномъ королевствѣ Англіи и Шотландіи, а въ Ирландіи. Каково положеніе! Подобнаго не дай Богъ никому; и не только у насъ, но даже гдѣ угодно не можетъ возникнуть даже отдаленнаго подобія. Всѣмъ государственнымъ людямъ, начиная отъ Гладстона, всѣмъ лордамъ, всѣмъ лицамъ, наконецъ, принадлежащимъ къ высшему образованному классу, слѣдовало бы давно перемереть отъ безпокойства, если бы они были русскіе люди. А объ исключительныхъ мѣрахъ и говорить нечего: онѣ были бы распространены не только на Ирландію, но и на оба остальныхъ королевства и даже на колоніи. Но смотрите, какъ бережно дѣйствуетъ кабинетъ даже въ настоящемъ положеніи, когда на цѣломъ островѣ дѣйствуетъ рядомъ съ правительственною подземная организованная власть!

Слышали мы отъ одного путешественника, нашего соотечественника. Идетъ онъ по Лондону ночью, въ сопровожденіи полисмена, указывающаго иностранцу дорогу. Освѣщенный домъ. «Здѣсь дѣлаютъ фальшивыя деньги»,—пояснилъ полисменъ. Росіянинъ приходитъ въ ужасъ и изумленіе.—«Какъ же это допущено?»—Они занимаются у себя, въ домѣ, это ихъ дѣло, и мы не вмѣшиваемся: вотъ когда они пустятъ въ ходъ свои издѣлія, тогда другое дѣло, они не уйдутъ отъ насъ». — Вотъ правило, до котораго намъ, разумѣется, далеко, но въ которомъ хотя бы понемногу стоило намъ себя воспитывать. Но мы насквозь проникнуты желаніемъ «предупрежденій», а, слѣдовательно, и болѣзненнымъ представленіемъ о невѣдомо какихъ опасностяхъ, которыя могутъ произойти (а еще произойдутъ ли они, Богъ вѣсть, и по всей вѣроятности не произойдутъ) отъ смѣлаго слова, отъ вольнаго дѣйствія, которыя сами въ себѣ не заключаютъ еще ничего преступнаго, а только выдѣляются изъ пошлаго уровня. Удивительное требованіе удивительнаго равенства! Удивительное не только неуваженіе, а просто ненависть какая-то къ личной свободѣ, къ самостоятельнымъ проявленіямъ? Недавно одна, и притомъ почтенная, газета, въ отвѣтъ на наши сомнѣнія о пользѣ объединенія губернской власти, замѣтила, что нельзя же оставить губернскія учрежденія безъ контроля. Какого? Стало быть, предварительнаго? Необходимо дѣйствія губернскихъ властей предварительная цензура? Но мы и для печати просимъ суда, съ освобожденіемъ отъ цензуры; а губернаторъ (предполагаемый контролеръ учреждений), конечно, не судъ и не прокуроръ. Но такъ и во всемъ: необходимость предупредительной палки срослась съ нами, даже лучшіе не могутъ отъ нея отрѣшиться.

Все это говоримъ мы по ничтожному случаю; но потому-то и стоитъ сказать. Возьмемъ этотъ университетскій случай и проведемъ послѣдовательно возрѣніе тѣхъ, которые усматриваютъ въ немъ важную «исторію». Возрѣніе это — наслѣдство тридцатыхъ годовъ, и посмотримъ съ тогдашней точки зрѣнія, какъ слѣдуетъ отнестись къ происшествію. Какъ? Разумѣется—

дознаніе, слѣдствіе, и прежде еще — обыскъ, не выпуская изъ залы, отдача въ солдаты виновныхъ, а если ихъ не найдено, то — отъ девяти десятого. Затѣмъ общая мѣра: запрещеніе не только свистковъ, но и рукоплесканій, усиленная полиція при каждомъ актѣ, впускать студентовъ не иначе, какъ по билетамъ и, пожалуй, съ предварительнымъ обыскомъ. Не такъ ли? Вы согласитесь, что непременно было бы такъ. А изъ-за чего? Конечно, не изъ-за чего; слѣдовательно, не изъ-за чего и тревожиться, достаточно смѣяться и презирать. Это не значить, однако, чтобы и наблюдательная власть точно также только посмѣивалась или даже раскланивалась, какъ у насъ тоже бываетъ иногда въ подобныхъ случаяхъ. Нѣтъ, она должна видѣть и знать, все видѣть и все знать, и все принимать къ свѣдѣнію, но дѣлать употребленіе изъ своихъ свѣдѣній не ранѣе того, какъ полицменъ, провожавшій нашего знакомаго по Лондону, рѣшилъ примѣнить свое знаніе къ дѣлателямъ фальшивой монеты. Ахъ, сколько бы и прошлыхъ бѣдъ миновало насъ, если бы держались этого правила! Зато, сколько выросло бы жизни и добра!

По поводу скандала въ Петербургскомъ университетѣ.*

Вчера въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщены были размышленія о скандалѣ въ Петербургскомъ университетѣ и о затѣяхъ, которыя предприняты вообще по министерству народнаго просвѣщенія. Въ петербургскихъ газетахъ иронически присвояютъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» названіе «оракула», и на этотъ разъ кличка будетъ не безосновательна. «Московскія Вѣдомости» высказываютъ, что они узнаютъ руку, которая играетъ во всѣхъ этихъ происшествіяхъ, что онѣ давно слѣдятъ за нею и при-

* «С. И.». 16-го февраля. № 46.

деть время назовутъ ее. Что можетъ быть загадочнѣе этого полукровенія и какія бы причины препятствовали назвать по имени сейчасъ эту руку, «проклятое», какъ выражаются «Вѣдомости», присутствіе которой онѣ усматриваютъ въ современныхъ происшествіяхъ. Если не для публики, то для правительства должна быть раскрыта загадка, и мы не будемъ удивлены, если правительство, дѣйствительно, обратится къ редакціи съ вопросомъ, чтобы она наставила его въ изысканіи причинъ зла: дѣло не шуточное; кто-то мутитъ молодежь, кто-то подыскивается подъ учащееся юношество, кто-то употребляетъ его въ орудіе политическихъ волненій. Мы отказываемся прочесть этотъ шифръ; но если бы въ рукахъ нашихъ были данныя, которыми, повидимому, располагаютъ «Московскія Вѣдомости», мы бы, не обинуясь, раскрыли пружину безобразныхъ происшествій, которыхъ приходится быть свидѣтелями.

Говоримъ безъ малѣйшей ироніи. Происшествія идутъ, дѣйствительно, одно безобразнѣе другого и «Московскія Вѣдомости» не безъ основанія замѣчаютъ, что цѣлый учебный годъ представить бѣлую страницу, отнять будетъ у ученія, благодаря волненіямъ, почти что искусственно вызываемымъ и поддерживаемымъ.

Но мы отклоняемъ всякое предположеніе объ искусственности, далеки отъ мысли находить умыселъ, и тѣмъ болѣе злой умыселъ. Вся бѣда, что новое управленіе министерствомъ просвѣщенія не установило, повидимому, опредѣленнаго взгляда на свое дѣло. Это явствуетъ, между прочимъ, изъ рѣчей, съ которыми обращался къ педагогическому міру А. А. Сабуровъ, и именно не изъ содержанія рѣчей, а изъ самаго ихъ факта, изъ того, что онъ просилъ педагоговъ какъ бы просвѣтить его, и изъ теперешняго сѣзда попечителей, съ преподанною ему задачею, которая не можетъ не возбуждать недоумѣній. Сказано было и повторено нѣсколько разъ, что школьная система останется на старыхъ основаніяхъ: стало быть, весь вопросъ сводился, повидимому, на примѣненіе. Но когда мы прочитываемъ, какого рода мнѣнія поступаютъ на обсужденіе сѣзда, и какого рода

измѣненія, судя по слухамъ, конечно, предполагаются на самомъ сѣздѣ, то становится яснымъ, что самое понятіе о системѣ непрочное, что возводится опять въ вопросъ, быть классической школѣ или выбросить ее за бортъ, не ограничить ли гимназіи однимъ древнимъ языкомъ и не открыть ли доступъ въ университетъ изъ реальныхъ училищъ? Мы умалчиваемъ о поражающихъ подробностяхъ; мы еще возвратимся къ нимъ. Мы хотимъ сказать, что самага даже общаго взгляда на школьную задачу нѣтъ. Несомнѣннымъ остается одно желаніе «облегчить» учениковъ, облегчить вообще, вообще помочь имъ переходить изъ класса въ классъ, изъ гимназіи въ университетъ, а съ какими познаніями и съ какимъ развитіемъ, это вопросъ второстепенный, подчиненный главной задачѣ «облегченія». Долой часть экзаменовъ, поменьше уроковъ, поменьше вѣклассныхъ занятій. Однако, этого мало; нельзя ли выкинуть за бортъ еще нѣкоторые предметы, замѣнивъ ихъ другими, которые будутъ существовать не столько для ученія, т. е. для напряженія мысли, сколько для препровожденія времени? Такимъ путемъ легко дойти до предположенія замѣнить какой-нибудь изъ уроковъ и играми, а учителямъ отпускать на каждый урокъ по фунту лакомствъ, которыми они будутъ одѣлять милыхъ добронравныхъ мальчиковъ, вмѣсто теперешнихъ противныхъ балловъ.

Но во всемъ этомъ, повторяемъ, мы отказываемся видѣть умыселъ, и притомъ направленный противъ серьезности ученія вообще и противъ классической школы въ частности; а тѣмъ менѣе рѣшаемся приписать какія-то агитаторскія цѣли, какъ, по видимому, хочетъ «Московскимъ Вѣдомостямъ». Въ новомъ управленіи министерствомъ просвѣщенія мы усматриваемъ излишекъ добродушія. Имѣемъ право ждать отъ него, чтобъ оно объявило твердо, рѣшается ли оно поддержать классическую школу, и если да, то въ какомъ смыслѣ облегченій оно желаетъ. Въ томъ ли, что какъ можно болѣе число доходило бы до аттестата зрѣлости? Но это зависитъ отъ двухъ причинъ: отъ способностей ученическихъ и отъ способностей учительскихъ, и отъ программы всего менѣе. Поставьте же эти вопросы прямо и опре-

дѣленно; явятся и отвѣты отъ тѣхъ же педагогическихъ дѣятелей, прямые и ясные. Но въ такомъ случаѣ всякія предположенія объ исключеніи одного изъ древнихъ языковъ, о разбавкѣ курса времяпроводительными предметами не должны быть допускаемы даже до обсужденія. Или снова вопросъ о самыхъ основаніяхъ школьной системы? Но когда же, наконецъ, мытарства эти кончатся? Повторимъ, что было сказано нами еще лѣтъ восемь тому назадъ: пусть какая-нибудь система, но твердо выдержанная; самое худшее именно — производить въ учебномъ мірѣ періодическія потрясенія коренными ломками, сбивать съ послѣдняго толка и общество, и учителей, и учащееся юношество, сѣять сѣмя смутъ, недовольствъ, волненій и осуждать цѣлое поколѣніе на полубразованность.

По поводу скандала въ Петербургскомъ университетѣ. *

Скандалъ въ Петербургскомъ университетѣ подаль поводъ новому, который разыгрался или разыгрывается уже не въ стѣнахъ университета, а на газетныхъ столбцахъ. Его можно называть скандаломъ о «рукѣ» и «рукахъ». «Московскія Вѣдомости», какъ нами было уже упомянуто, подозрѣваютъ чью-то таинственную руку, которая мутитъ университеты. «Голосъ» почему-то принялъ къ сердцу это упоминаніе о «рукѣ» и даетъ намекъ, что скорѣе виноваты въ университетскомъ скандалѣ «руки», а не «рука». Бывшимъ министромъ просвѣщенія, поясняетъ петербургская газета, учреждена обильная надъ студентами инспекція, стоящая казнь ни мало, ни много, 16.000 руб. въ годъ. Какъ же это инспекція не предупредила безпорядковъ? И чего она смотрѣла во время, какъ безпорядки ужъ происхо-

* «С. И.», 18-го февраля. № 48.

дили? А она еще — усиливает свое обвинение «Голосъ» — почти отказывалась давать показанія на судѣ, разбиравшемъ дѣло о безпорядкахъ. Однимъ словомъ, изъ намековъ «Голоса» выходитъ, что инспекція если не подстроила безпорядки, то, по крайней мѣрѣ, ихъ попустила. Изъ судебного протокола оказывается, дѣйствительно, не совсѣмъ объясненнымъ одно обстоятельство. Такъ называемый центральный кружокъ, отъ имени котораго разбрасывались прокламаціи, студентамъ неизвѣстенъ; по крайней мѣрѣ, они отозвались незнаніемъ. Но инспекція, наоборотъ, показала, что существованіе кучки студентовъ подъ этимъ названіемъ ей было извѣстно. Не странно ли послѣ того, въ самомъ дѣлѣ, что о безпорядкахъ, затѣянныхъ и исполненныхъ «центральнымъ кружкомъ», инспекція ничего не знала? Потому что если бы она знала, она бы предупредила. Послѣ того, что же это за инспекція?

Но дѣло не въ этомъ. Послѣ напоминанія о «рукахъ» въ «Голосѣ» «Московскія Вѣдомости» выступили съ новымъ указаніемъ на «руку», на этотъ разъ не мутящую, а дающую. Въ замѣткѣ, написанной княземъ Друцкимъ-Соколинскимъ и помѣщенной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», утверждается слѣдующее. Предшественникъ графа Толстого по управленію министерствомъ просвѣщенія (слѣдовательно, А. В. Головинъ) получалъ въ безотчетное распоряженіе 24.000 рублей въ годъ; изъ нихъ семь тысячъ рублей министромъ отпускалось редактору «Голоса». Когда же поступилъ графъ Толстой, эту субсидію онъ отнялъ. Съ ироніей, не лишеной язвительности, князь оканчиваетъ свою замѣтку приглашеніемъ редактору «Голоса» перепечатать сообщенныя имъ свѣдѣнія.

Особенно новаго, впрочемъ, въ этихъ свѣдѣніяхъ ничего и нѣтъ для лицъ, нѣсколько посвященныхъ въ закулисныя дѣла печати. Новымъ можетъ быть признано только определенное обозначеніе цифры. Слухи, ходившіе въ былое время, цифру эту увеличивали болѣе чѣмъ вдвое. Говорили тогда и о другихъ субсидіяхъ, которыя получались будто бы тою же газетою изъ другихъ вѣдомствъ. Хозяинъ «Голоса» вообще считается масте-

ромъ устраивать денежныя дѣла и въ частности денежныя отношенія къ правительственнымъ лицамъ и вѣдомствамъ, съ безконечно болѣшимъ тактомъ, нежели бывшій — чуть не сказали «покойный» — редакторъ «Берега». Между тѣмъ и другимъ редакторомъ не можетъ быть, впрочемъ, никакого и сравненія. Даже въ послѣднее время издатель «Голоса» получилъ концессию на телеграфную проволоку между Москвою и Петербургомъ, и притомъ на столь выгодныхъ условіяхъ, что телеграммы обходятся концессионеру въ 3½ копѣйки, да не за слово, а за строку. Но все-таки вопросъ не въ томъ, а въ «рукѣ» и «рукахъ». Печатаемая замѣтка князя Друцкого-Соколинскаго, «Московскія Вѣдомости» имѣли-ль въ виду намекнуть единственно на то, что «Голосу» въ данномъ вопросѣ, то есть учебномъ, вѣрить нельзя? Что онъ былъ купленный хвалитель системы А. В. Головина, а потому и купленный хулитель графа Толстого, ибо сей лишилъ газету лишнихъ семи тысячъ дохода? Или намекъ простирается и далѣе? Повторяемъ, на «Московскихъ Вѣдомостяхъ» положительная лежитъ обязанность дать разгадку на свои намеки.

Князь Друцкой-Соколинскій должно быть имѣть въ рукахъ неоспоримыя, документальныя доказательства, когда столь смѣло бросаетъ перчатку. «Голосъ», вѣроятно, ихъ потребуетъ или же пояснить, что субсидія имѣла какое-нибудь другое, болѣе благовидное назначеніе, нежели даютъ понять «Московскія Вѣдомости». Уваженіе къ публикѣ этого требуетъ: безъ поясненія, дѣйствительно, не совсѣмъ приличный смыслъ получаетъ полемика, которую ведетъ «Голосъ» съ «Московскими Вѣдомостями». И замѣчательно — по правдѣ сказать, даже скверно — послѣднимъ аргументомъ и въ той и въ другой газетѣ противъ своей противницы выступаютъ именно субсидіи; и у «Голоса» любимый попрекъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» тотъ же, что имъ будто мирволилъ бывшій министръ, то есть графъ Толстой, въ арендной платѣ за университетскую газету; то есть и петербургская газета сводитъ вопросъ на ту же куплю.

По поводу студенческих беспорядков и формализма средней школы.*

Предъ нами три документа. Одною изъ нихъ мы не печатаемъ, — прокламаціи «университетскаго центральнаго кружка», которую обязательно подѣлилась съ публикою «Страна». Мы не желаемъ оказывать сумасбродамъ чести распространеніемъ ихъ галиматъи. Читая этотъ наборъ словъ, восклицаемъ невольно: «и это писано юношами, получившими аттестатъ зрѣлости!».

«Правительство сжилось за послѣднее время съ мыслью, что студенчество не способно больше къ жизни; что въ немъ нѣтъ ни политическаго смысла, ни гражданскаго мужества, короче: что оно деморализовано до мозга костей».

Но писавшіе надумались ли, есть ли не политическій, а простой логическій смыслъ въ этихъ строкахъ, которыми они начинаютъ свою прокламацію? Почему это правительство «сжилось» и притомъ «за послѣднее время»; о какой «жизни» это говорится; почему правительство могло искать въ студентахъ «политическаго смысла» и «гражданскаго мужества»? Какъ слышно, что перомъ водилъ кто-то, не способный связать даже двухъ мыслей, не разобравшій въ свою жизнь ни одного понятія, а слыхавшій фразы, и такъ не переваривши выкрадывающій тѣ, которыя покрасивѣе. Не красиво ли это, въ самомъ дѣлѣ: «политическій смыслъ», «гражданское мужество», «деморализовано», «до мозга костей». Вѣдь это прелесть.

Далѣе:

«Но среда студенческая не обезличена».

Не чепуха ли это? Но опять зачесалось сказать словцо, кажущееся чѣмъ-то высокимъ. Непремѣнно «среда», да еще «обезличена». Далѣе все то же шутовство, да еще съ дерзостью. «Надъ Сабуровымъ произнесенъ приговоръ»... говорится, между

прочимъ. Скажите, какъ страшно, но въ сущности это только обезьянство, захотѣлось поиграть въ «большихъ».

Серьезнѣе два документа, которые приводятся ниже: письмо самоубійцы гимназиста (въ «мѣстныхъ извѣстіяхъ», подъ рубрикою Харьковъ) и письмо къ намъ одного изъ родителей, помѣщенное ниже сего. Можно задуматься надъ тѣмъ и другимъ, и, на нашъ взглядъ, то и другое писано на одну тему. «Лицемеріе, лживость, полнѣйшая апатія!» оплакиваетъ гимназистъ свою гимназію. «Учатъ, но не воспитываютъ, — съ формальною строгостью требуютъ знаній, но не готовятъ встрѣтить жизнь съ ея соблазнами»... То и другое говоритъ, слѣдовательно, объ отсутствіи воспитанія, о формализмѣ, объ отсутствіи души. Да, этимъ страдаетъ наша школа, какъ и мы неоднократно замѣчали; мы прибавили бы даже: страдаетъ только этимъ. Если страшійся за своихъ дѣтей прибавляетъ еще сѣтованіе на непомѣрную, по его мнѣнію, требовательность гимназическаго курса и непропорціонально малое число доходящихъ до аттестата зрѣлости, сравнительно съ числомъ поступающихъ; то, какъ мы полагаемъ, здѣсь есть недоразумѣніе. Требованія, по нашему мнѣнію, не велики. Но, съ одной стороны, учить не умѣютъ, а съ другой — классическій гимназическій курсъ не ко всѣмъ способностямъ пригоденъ. Это не значитъ того, что нужно его понизить, «облегчить», какъ, повидимому, намѣревается новое управленіе министерствомъ просвѣщенія. Необходимо придумать, куда дѣвать отстой гимназистовъ, которымъ не по плечу классическій курсъ и которые, однако, не всѣ же идіоты, но способны къ продолженію образованія въ другомъ уже родѣ, конечно. Задача не такъ неодолима, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда, и мы на-дняхъ коснемся способовъ къ ея выполненію. А теперь рекомендуемъ прочитать этотъ плачъ родителя:

«Милостивый государь! Грустная и еще небывалая ни въ одномъ изъ русскихъ университетовъ исторія, какая разразилась въ Петербургскомъ во время семейнаго торжества, приводитъ въ ужасъ сердца отцовъ и матерей и заставляетъ ихъ трепетать за будущность тѣхъ изъ своихъ дѣтей, которыя готовятся вступить на поприще университетскаго образованія. Конечно, пугаетъ не образованіе, а товарищеская

* «С. Н.», 21-го февраля. № 51.

среда, въ которую должны попасть неопытные юноши изъ-подъ родительскаго крыла и изъ-подъ строгой гимназической дисциплины: переходъ черезчуръ рѣзкій и безъ всякой послѣдовательности. Гимназіи сняли съ себя отвѣтственность за нравственное воспитаніе вѣрнѣйшихъ имъ дѣтей и обратили все свое вниманіе на ихъ научное образованіе, задавшись мыслию сдѣлать изъ нашихъ дѣтей образцовыхъ классиковъ».

«Съ введеніемъ строгаго классическаго образованія, число ежедневныхъ уроковъ въ гимназіяхъ увеличено, курсъ ученія изъ семилѣтняго превращенъ въ девятилѣтній; требовательность въ знаніи уроковъ возросла до неимовѣрныхъ размѣровъ, такъ что въ младшихъ классахъ ученику невозможно обойтись безъ репетитора. Короткое вакаціонное время почти остается безъ отдыха, ибо учащихся заваливаютъ письменными работами. Несмотря на такую требовательность, въ гимназіи все-таки ежегодно являются громадныя массы дѣтей на вступительные экзамены, такъ какъ безъ гимназическаго образованія нѣтъ дороги къ общественной дѣятельности. Изъ этой массы доходитъ до 8-го класса отъ 6-ти до 12-ти учениковъ; остальные разсѣиваются по бѣлому свѣту. Министерство народнаго просвѣщенія оставалось безучастнымъ къ судьбѣ этихъ несчастныхъ дѣтей и содѣйствовало только тому, чтобы циркулярами какъ можно больше исключать малоспособныхъ къ классическому образованію. При такихъ строгостяхъ въ университеты, казалось бы, долженъ былъ поступать самый цвѣтъ молодежи. Но, сверхъ ожиданія, это далеко не такъ. Очень плохо восходятъ новыя свѣтила по всѣмъ отраслямъ науки. Судьба исключенныхъ учениковъ изъ гимназіи нерѣдко заканчивалась самымъ печальнымъ образомъ: трупы ихъ находили раздавленными на рельсахъ желѣзныхъ дорогъ или пробитыми пулями; еще хуже, эти несчастныя дѣти пропадали на долгое время безъ вѣсти, а потомъ тайная полиція давала знать родителямъ, что пропавшій ихъ сынъ замѣшанъ въ политическихъ преступленіяхъ; въ концѣ концовъ, онъ попадалъ на скамью подсудимыхъ. Гимназическое начальство не могло сознавать себя виновнымъ въ такихъ печальныхъ исходахъ: оно сняло съ себя обязанность воспитывать учениковъ. Правда, по штату въ гимназіяхъ полагаются классныя наставники и воспитатели; но обязанность первыхъ ограничивается выставленіемъ отмѣтокъ въ балльныхъ книжкахъ для просмотра родителей, а воспитатели обязаны слѣдить только за тѣмъ, чтобы ученики не шалили въ классахъ до прихода учителя. Этимъ и ограничивается воспитательная часть въ гимназіяхъ; учителямъ же во время класса нѣтъ времени проповѣдывать о нравственности. Если же нѣкоторымъ ученикамъ гимназій придется достигнуть нравственнаго воспитанія, то не у многихъ изъ нихъ хватитъ силы удержаться въ себѣ эти достоинства въ университетѣ. Здѣсь, при отсутствіи всякаго контроля за нравственностью и научными занятіями, молодежь легко попадаетъ подъ вліяніе такихъ товарищей, которымъ университетскія

занятія успѣли приекутить и которые, вмѣсто занятій, проводятъ время въ обсужденіи разныхъ житейскихъ вопросовъ и дѣйствій своего начальства. Такимъ малодушнымъ юношамъ легко можно вскружить голову. Это подтверждается сыномъ священника Подольскимъ, который кончилъ курсъ въ гимназіи съ золотой медалью, но, попавъ въ среду дурныхъ товарищей, потерялъ нравственную опору; въ пылу неблагоразумія, подстрекаемый товарищами, онъ дошелъ до того, что поднялъ руку на министра. Вотъ къ какимъ печальнымъ результатамъ привела распущенность въ университетахъ! Университетское начальство совершенно безучастно относится къ своимъ питомцамъ: не только нѣтъ надзора за нравственностью студентовъ, но и преподаваніе науки ведется спустя рукава. Большая часть профессоровъ спитъ на своихъ кафедрахъ; единственная забота ихъ состоитъ въ томъ, чтобы скорѣй пришелъ срокъ выслуженной имъ пенсіи. Студенческіе экзамены ведутся съ большими послабленіями. При такомъ положеніи дѣла, понятно, отчего такъ мало даютъ университеты людей науки. Такимъ образомъ, нашимъ дѣтямъ приходится проходить двѣ школы: въ одной они несутъ непосильный трудъ, а въ другой—отдаются полному произволу. Такое неестественное положеніе учащагося юношества и вызвало необходимость пересмотра существующихъ гимназическихъ и университетскихъ уставовъ».

«Бѣдныя дѣти, ихъ дѣлаютъ орудіемъ какихъ-то подпольныхъ интригъ, раздутыхъ просвѣтителями юношества! При такомъ положеніи, въ какомъ теперь находится нашъ учащійся дѣти, едва ли какой-нибудь отецъ можетъ быть покоенъ за участь своего сына»...

Отецъ.

Круговая порука среди студентовъ и общества противъ анархистовъ.*

Студенты Петербургскаго университета, какъ телеграфируютъ въ «Московскія Вѣдомости», просятъ начальство освободить ихъ отъ товарищей, въ политической благонадежности которыхъ они не увѣрены. Душевно желаемъ, чтобы этотъ слухъ оправдался. Это есть одна изъ тѣхъ мѣръ самообороны, въ которыхъ мы нуждаемся, и вмѣстѣ съ тѣмъ—лучшій способъ студенчеству къ очищенію себя отъ нареканій: названіе «студентъ», послѣ всѣхъ гнусныхъ происшествій, которыхъ мы были свидѣтелями, готово

* «С. И.», 13-го марта. № 70.

обратиться въ нарицательное прозвище самыхъ неблагонадежныхъ людей, и нѣтъ ничего прискорбнѣе, что народное негодованіе изъ-за нѣсколькихъ негодныхъ обращается на все учащееся юношество. Но одинъ ли университетъ? А Технологическій институтъ, а Медико-хирургическая академія, а Горный институтъ, поставившіи Рысакова? Теперь, безъ сомнѣнія, всякій спѣшитъ отрещиваться отъ царевубійцы: но такъ будто бы онъ и былъ все время пребыванія въ институтѣ примѣрнымъ, благонаправленнымъ юношей, и все революціонное бѣшенство въ немъ народилось и созрѣло, до готовности взять на себя царевубійство, въ какіе-нибудь два мѣсяца, когда онъ пересталъ посѣщать лекціи? Это была бы психологическая невѣроятность, заслужающая занесенія даже въ учебники, въ видѣ замѣчательнаго исключенія. Но вѣрнѣе, что Рысаковъ исключенія и не представлялъ; что образъ мыслей его болѣе или менѣе былъ извѣстенъ; что зерна, изъ которыхъ выросло 1 марта, заложены были давно и всходы были замѣтны близкимъ лицамъ. А что изъ этого слѣдуетъ?

А изъ этого слѣдуетъ то, чтобы въ видахъ самообороны здоровые себя отдѣлили отъ больныхъ, поторопились выбросить изъ себя гнилые элементы.

«Но какъ это сдѣлать? спросятъ насъ. Значитъ доносить?» — Оставимъ препирательство о словѣ доносъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ есть прямо священная обязанность. Но офицеры объявляютъ своему товарищу, что они служить съ нимъ не желаютъ, что онъ мараетъ ихъ мундиръ. Это не есть доносъ, а въ этомъ смыслѣ мы понимаемъ передаваемое слухами изъявленіе студентовъ университета. Это есть судъ чести своего рода, и мы не сомнѣваемся, что большинству студентовъ именно присуще то чувство чести, которому мерзито считать своимъ товарищемъ человѣка, способнаго сочувствовать анархическимъ движеніямъ, а тѣмъ болѣе участвовать въ нихъ. Остальные останутъ предъ начальство съ круговою порукою: «мы все чисты, никто изъ насъ не загаженъ; мы ручаемся одинъ за всѣхъ и всѣ за одного».

Пойдемъ далѣе. Учебныя заведенія могутъ доставлять контингентъ или резервъ лагерю Рысаковыхъ и имъ подобныхъ. Но не изъ учебныхъ только заведеній вербуются анархисты. Есть старые, обстрѣленные воробы въ родѣ Стефановича (какъ говорятъ, убитаго теперь) или Дейча, не отысканнаго до сихъ поръ. Существуютъ Кобозевы и имъ подобные, снимающіе сырные погребя или переодѣвающиеся въ пѣвческое платье, запасающіеся подложными паспортами. Противъ нихъ лучшая мѣра самообороны есть та же круговая порука. Мы давно, нѣсколько лѣтъ толкуемъ объ этой нравственной поруцѣ, какъ надежнѣйшемъ ручательствѣ, между прочимъ, за политическое спокойствіе. Не проходитъ года, чтобы мы не возвращались къ этой мысли. Къ ней придутъ когда-нибудь и всѣ, дай Богъ, чтобы не тогда, когда будетъ поздно.

Мы не станемъ повторять основаній предлагаемаго нами органическаго переустройства всѣхъ слоевъ населенія имперіи, съ подраздѣленіемъ ихъ, между прочимъ, по профессіямъ: мы укажемъ, какъ тѣ же основанія, въ видѣ частной и чрезвычайной мѣры, могутъ быть примѣнены къ настоящимъ исключительнымъ обстоятельствамъ, и притомъ къ Петербургу, придумывающему теперь мѣры экстренной самообороны.

Гласные думы взялись осматривать дома. Мѣра полезная, но недостаточная, и притомъ вдвойнѣ недостаточная. И сейчасъ видимъ, что всего сто съ небольшимъ домовъ легло на ихъ попеченіе въ опредѣленномъ, небольшомъ районѣ. Но за что можетъ ручаться и что предупредить можетъ надсмотрщикъ изъ гласныхъ, при всей внимательности? За то единственно, что изъ домовъ, ему порученныхъ, не проведено подкопа. Мало.

Домовладѣлецъ отвѣчаетъ своимъ имуществомъ, если въ его домѣ будутъ открыты тайныя сборища, типографіи, мины: словомъ, предлагается то, что было съ успѣхомъ употреблено въ Варшавѣ въ годину мятежа. Противъ дѣйствительности этой мѣры ничего не возразимъ, пока она имѣетъ въ виду предупрежденіе вещественныхъ приготовленій къ преступленію, въ родѣ упомянутыхъ выше, и притомъ совершаемыхъ скопомъ. Но

бомба, которую можетъ кинуть одинъ человѣкъ, какъ мы и видѣли, и притомъ кинуть на улицѣ, и которую можно укрыть отъ посторонняго взора? Матеріальная отвѣтственность и надзоръ домовладѣльца здѣсь не поможетъ.

Поможетъ нравственная отвѣтственность, порука нѣсколькихъ за одного. Въ городѣ, который подлежитъ исключительнымъ мѣрамъ охраненія безопасности, полицейское начальство должно вѣдать не единицы, а кучки, и съ тѣмъ, чтобы каждый отвѣтствовалъ за всѣхъ въ своей кучкѣ и всѣ за одного. Человѣкъ, не представившій за себя порукъ въ опредѣленномъ числѣ лицъ, не имѣетъ права жительства. Всѣ поручившіеся отвѣчаютъ за каждого въ своей кучкѣ тѣмъ самымъ, чему подвергается ихъ сочленъ, оказавшійся виновнымъ, — разумѣется, виновнымъ въ политическомъ преступленіи, ибо противъ такихъ преступленій принимается чрезвычайная охрана. Проведите эту мѣру, вывѣски сейчасъ окажутся: найдутся люди, за которыхъ никто не дастъ ручательства, ни даже отецъ и братъ. О мирныхъ гражданахъ, о людяхъ дѣловыхъ не беспокойтесь: пять, шесть человѣкъ порукъ (въ большемъ числѣ, конечно, нѣтъ и надобности) всегда найдется. Если же для кого не найдется, никто не виноватъ, что не заслужилъ онъ довѣрія своихъ согражданъ. Да и потери обществу нѣтъ, если такой, никому не угодный человѣкъ, вынужденъ будетъ удалиться; и право ничье не нарушается; безъ стѣсненій же нельзя обойтись въ исключительныхъ обстоятельствахъ.

Предлагаемая мѣра намъ кажется и дѣйствительною, и безобидною. Два года назадъ бродили слухи, что по поводу взрыва во дворцѣ кто-то предлагалъ обыскать весь городъ. Мѣра эта, кромѣ безпокойства всѣмъ, и обыскиваемымъ, и обыскивающимъ, ничего бы не доставила. Да она и невозможна, ибо для одновременнаго всѣхъ обыска не достанетъ агентовъ, а только одновременный обыскъ можетъ привести къ цѣли.

Не обыскъ, а простой надзоръ, возложенный на самихъ домовладѣльцевъ, съ матеріальною отвѣтственностью, будетъ подѣйствительнѣе полицейскаго обыска; нравственная же порука,

какъ дополнительная мѣра, отчасти облегчить и самихъ домовладѣльцевъ, а вмѣстѣ предупредить и всѣ злоупотребленія, столь теперь обыкновенныя, устарѣлою паспортною системою.

Нравственное круговое ручательство.*

Вчера мы предлагали нравственное круговое ручательство, въ видѣ самообороны на обстоятельства исключительныя и въ мѣстности тоже исключительной. Мѣра, нами предлагаемая, есть только частное примѣненіе общаго основанія, которое должно бы имѣть силу для всякаго времени и для всей имперіи, когда бы, помимо раздѣленія жителей по осѣдлости и по происхожденію (сословія), дѣлились они обязательно еще по профессіямъ, раздробляясь на артели и корпораціи. Когда приходилось намъ говаривать и о пользѣ корпоративнаго устройства для учащагося юношества, мы имѣли всегда также въ виду и всегда оговаривали, что здѣсь былъ бы залогъ внутренняго спокойствія. Допустимъ корпоративное устройство хотя бы университетскаго юношества; насколько бы и на какія бы корпораціи ни раздѣлилось оно, первымъ условіемъ отъ каждой должно быть потребовано, чтобы каждый членъ корпораціи за всѣхъ и всѣ за каждого ручались въ политической благонадежности и принимали на себя отвѣтственность, если бы кто-либо позволилъ себѣ поступокъ политически укоризненный.

Это дѣло, впрочемъ, впереди. Вопросъ теперь болѣе горячій о полицейской внѣшней безопасности въ виду перешедшей всѣмъ предѣлы дерзости анархистовъ и несомнѣннаго опьяненія отъ гнуснаго успѣха, которымъ увѣнчались ихъ злодѣйскіе замыслы противъ главы государства. Полиція наша недостаточна и не искусна, это есть общее убѣжденіе, никѣмъ неоспариваемое. Бумага, формализмъ, отписка, исполненіе для вида, это есть существенная

* «С. И.». 13-го марта. № 71.

болѣзнь, которою полиція страдаетъ наравнѣ со всею администраціею. Измѣненіе необходимо; съ чего его начать и какъ произвести?

Образцовая для всего свѣта полиція—лондонская. Она образцова потому, что полиція лондонская состоитъ изъ специалистовъ своего дѣла, проходящихъ особый приготовительный курсъ, прежде чѣмъ они приставлены къ должности. Можно и наоборотъ сказать: потому, вѣроятно, наша полиція и есть самая неудовлетворительная изъ всѣхъ въ свѣтѣ, что для занятія высшей ли, низшей ли полицейской должности, у насъ не считается нужнымъ полного спеціальнаго приготовленія. По стариннымъ преданіямъ, въ городовые у насъ считается наиболѣе приличнымъ ставить солдатъ. Почему? Потому, очевидно, что, во-первыхъ, отъ солдата ожидается вышняя исполнительность, дисциплина; но это качество полезно для полицейскаго только въ отношеніи къ своему начальству, а никакъ не въ отношеніи къ своему дѣлу, которое требуетъ, кромѣ вышней исполнительности, еще кое-чего другого, именно смѣливости, и притомъ по тому роду дѣлъ, для которыхъ приглашается полицейскій. Но въ старыя времена отъ полиціи требовалась только расправа: потащилъ въ кутузку, поднялъ пьянаго, покарнулъ на гуляньѣ; все это для простого солдатики удобо-исполнимо. Не то теперь. А потому теперь и требуется, чтобы и Россія, и по преимуществу столицы и большіе города, обзавелись для полицейской самообороны составомъ лицъ, спеціально приготовленныхъ,

Перенять обезьяннически лондонскіе порядки, мы полагаемъ, нѣтъ надобности: и времени потребуется много, и издержекъ, и въ довершеніе всего ничего, по всей вѣроятности, изъ этого не выйдетъ. Полиція обратится въ то же, что и теперь, въ одинъ вышній видъ; ужъ такова закваска служебнаго міра. Повидимому, чѣмъ теперь не порядокъ? Взять хотя Москву. Существуютъ части съ частными приставами, кварталы съ квартальными и ихъ помощниками; въ каждомъ кварталѣ шесть старшихъ городскихъ, подъ ними младшіе городовые, подъ ними, наконецъ, ночные сторожа и дворники. Полчище достаточное, іерархическія

отношенія соблюдены; на видныхъ мѣстахъ стоятъ городовые, у большей части воротъ спятъ дворники. Но мы знаемъ, что дворники именно спятъ, и притомъ не у всѣхъ домовъ; что ни одинъ городской не укажетъ дома, стоящаго въ десяти шагахъ отъ него. Мы предлагаемъ, вмѣсто всего этого немалочисленнаго штата, сдать городскую безопасность на круговую отвѣтственность артели съ солиднымъ капиталомъ. Издержки города и горожанъ едва ли превзойдутъ то, что тратитъ теперь дума и домохозяева на городскихъ и ночныхъ сторожей; да если бы и превзошли, не такое теперь время, чтобы жалѣть лишннихъ издержекъ, и притомъ въ виду того, что подъ надзоромъ отвѣтственной артели городъ приобрететъ дѣйствительную безопасность и спокойствіе, и не только отъ анархистовъ, но и отъ обыкновенныхъ воровъ. Артель не потребуетъ регламентаціи, да и нечего ее затруднять ею. Достаточно ей предъявить требованія, за упущеніе которыхъ она отвѣчаетъ, всѣ за одного, за уличный грабежъ столько, за взломъ окна и двери столько, за публичное безобразіе, драку, не унятую и не предупрежденную, столько. Нарушенія безопасности и спокойствія, еще болѣе важныя, подобныя бывшимъ, напримѣръ, и грозившимъ въ Петербургѣ—еще болѣе отвѣтственность. Артель найдетъся, мы увѣрены, и исполнить задачу не хуже лондонской полиціи; явятся у нея и специалисты, найдеть она ихъ, а не то и воспитаешь; къ каждому околотку, къ каждому дому, гдѣ нужно, приставить по такому дозорщику, отъ котораго ничего не укроется, который будетъ знать всю подноготную, пролѣзетъ, можно сказать, въ душу каждого обывателя, и притомъ не обезноживая его, а оберегая. Полицейскому начальнику оставался бы только высшій надзоръ и руководство.

Оставляемъ частности. Содержаніе артели, разверстка издержекъ между думою и домохозяевами, и притомъ пропорціонально достатку cadaго и потребности въ охранѣ, все это есть вопросъ примѣненія. Мы настаиваемъ на основаніи и полагаемъ, что охраненіе города посредствомъ отвѣтственной артели есть самая лучшая, самая легкая, самая дѣйствительная форма, и притомъ вполне русская. Не знаемъ, что бы могло возразить противъ нее

городское управленіе, большинство членовъ котораго, состоящее изъ лицъ коммерческаго сословія, по опыту знаютъ всѣ преимущества охранительной системы въ видѣ артелей. Возраженій можно ожидать со стороны администраціи, если только послѣднія событія не вразумили ее. Возраженій можно ожидать именно въ томъ смыслѣ, что не «безопасно-де отдавать общественный порядокъ въ руки самого населенія, да притомъ еще организованнаго». Увы, вотъ въ этомъ-то вся бѣда, въ этомъ-то недоразумѣніи все наше и несчастье, если мы воображаемъ, что артель—организованная масса заключаетъ въ себѣ революціонный зародышъ. Въ Европѣ это такъ: всякая ассоціація непременно революціонна. У насъ какъ есть наоборотъ: въ массѣ-то у насъ и поконится охранительная сила и чѣмъ она организованиѣе будетъ по себѣ, тѣмъ крѣпче порядокъ. Намъ приходится бороться противъ отдѣльныхъ лицъ, противъ частныхъ шаекъ, оторвавшихся отъ массы. Въ этомъ отношеніи, какъ ни странно, но совершенно достоверно положеніе, что каждое даже официально служебное лицо у насъ, несомнѣнно, кроетъ въ себѣ болѣе революціоннаго духа, нежели мірянинъ, стоящій совершенно внѣ всякихъ связей съ правительствомъ, всякій правящій, несомнѣнно, болѣе революціонеръ, нежели правимый.

По поводу увольненія отъ управленія министерствомъ просвѣщенія А. А. Сабурова и о необходимости дисциплинированія высшихъ учебныхъ заведеній.*

А. А. Сабуровъ уволенъ отъ управленія министерствомъ просвѣщенія. Удаленіе этого сановника едва ли возбудитъ особенное сожалѣніе даже въ тѣхъ, кто горячо привѣтствовалъ его вступленіе. Въ теченіе почти годичнаго управленія, помимо рѣчей, произнесенныхъ министромъ въ поѣздку по Россіи, про-

* «С. И.». 26-го марта. № 84.

свѣщеніе не приобрѣло положительнаго новаго, повидимому, ничего: министръ не успѣлъ ни поставить новыхъ людей, ни заявить твердаго положительнаго взгляда и едва ли не встрѣтилъ себѣ недоброжелателей въ самомъ своемъ вѣдомствѣ, что и довольно естественно, если принять во вниманіе слишкомъ долгое временное пребываніе на своемъ посту предшествовавшего министра.

Новый министръ, баронъ Николай, не чуждъ министерству, которое принимаетъ въ свои руки: онъ былъ товарищемъ министра въ министерство А. В. Головнина. Однако, не думаемъ, чтобы съ новымъ министромъ возвратилась система, которой онъ былъ представителемъ, когда былъ лицомъ второстепеннымъ въ управленіи.

Чего теперь требуется отъ управленія просвѣщеніемъ? Не обинуясь скажемъ, что прежде всего нужно дисциплинированіе и притомъ прежде всего высшихъ учебныхъ заведеній. Минувшій годъ и въ особенности полугодіе были свидѣтелями такихъ безобразій, въ Петербургскомъ университетѣ въ особенности, что безпорядочности, которою питается возможность подобныхъ скандаловъ, пора положить конецъ. И настоящее время таково, что какъ бы ни была туго затянута узда на распатавшееся юношество, все общество встрѣтитъ ее съ полною благодарностью. Намеки на возможность какого-то студенческаго самоуправления, обильно раздававшіеся при г. Сабуровѣ, и находившіе фактическое подтвержденіе въ мирволеньяхъ сходкамъ, повидимому, только взбудоражили незрѣлыя головы. Корпоративное устройство студенчества, его организація нужна, но совсѣмъ въ обратномъ смыслѣ, нежели поняли незрѣлыя головы, выступившія съ безграмотными прокламаціями на минувшемъ актѣ Петербургскаго университета. Къ сожалѣнію, этого не поняло, кажется, само управленіе министерствомъ просвѣщенія, и отсюда броженіе въ головахъ. Нужна твердая рука, которая бы безъ всякой поблажки свела вещи къ положенію, требуемому задачею учебнаго дѣла. Нужно, чтобы студенты учились, вполнѣ учились и только учились. Не вполнѣ учащійся или, кромѣ ученія,

занимающийся бреднями; къ предмету занятій университетскихъ не относящимися, лишаетъ себя званія студента, да не на три года, какъ практикуется теперь, въ смыслъ высшаго наказанія, а навсегда. Вотъ что нужно постановить и тѣмъ отрезвить головы. Разъ совратившійся юноша безвозвратенъ, какъ теперь многіе опыты показали.

Но дисциплину недостаточно провозгласить, необходимо ее выполнить, а выполнить ее нельзя безъ возложенія отвѣтственности, во-первыхъ, круговой на самихъ учащихся, во-вторыхъ, на университетское начальство и профессоровъ. Въ этомъ смыслѣ корпоративное устройство не только допустимо, но, по нашему мнѣнію, даже необходимо. Не забудемъ, бѣда у насъ именно въ томъ, что все расплозлось, студенты по себѣ, начальство по себѣ, профессора по себѣ. Министерство издаетъ правила, начальство принимаетъ съ ужимками, а профессора, хотя и содержимые на государственный счетъ, даже съ усмѣшкою и первые обратятся съ недоброжелательною критикою начальственныхъ распоряженій къ тѣмъ же студентамъ. Это шпионы въ собственномъ лагерѣ и избавиться ихъ можно только круговою отвѣтственностью; за безпорядки студентовъ должны отвѣчать не одни сами студенты, но начальство и профессора, каждый въ своей мѣрѣ. Въ этомъ смыслѣ, какъ мы говорили неоднократно, и должно быть обдумано и дано университетамъ корпоративное устройство.

Объ отвѣтственности профессоръ за студентовъ.*

Существо рѣчи, съ которою новый министръ просвѣщенія обратился къ профессорамъ Петербургскаго университета, дошло до насъ въ двойной редакціи. Читая сообщеніе «Голоса», находимъ обыкновенное общее привѣтствіе, съ какимъ обращается

* «С. И.». 4-го апрѣля. № 93.

новый начальникъ къ своимъ подчиненнымъ, безъ указаній на опредѣленную программу. Если же вѣрить «Новому Времени», рѣчь министра была характерная; онъ изъявилъ не только желаніе, чтобы студенты не шумѣли, а учились, но и далъ понять что при самоуправленіи, которое дано университету, учащіе должны быть отвѣтственны за учащихся. Нельзя не согласиться съ основательностью послѣдняго требованія: выводъ логически вытекаетъ изъ посылки. Но остается вопросъ о примѣненіи. Мы указывали какъ-то на несообразность порядка, по которому при временномъ закрытіи университетовъ профессора не лишаются доли жалованья, соотвѣтствующей прогулу. Но это бездѣлица, хотя и ее нельзя оставлять безъ вниманія, потому что иначе выходитъ, что профессора заинтересованы въ томъ, чтобы происходили какъ можно чаще безпорядки, и притомъ такіе, за которыми слѣдуетъ временное закрытіе курсовъ. Въ чемъ еще должна заключаться отвѣтственность? Если она есть логическое послѣдствіе самоуправления, то она опредѣляется сама собою: обнаруженная безпорядочность студентовъ лишаетъ университетъ права на самоуправленіе. Въ какой мѣрѣ, когда и какъ, это, разумѣется, подлежитъ особымъ опредѣленіямъ; мы говоримъ объ общемъ правилѣ.

Могутъ возразить, что вліяніе профессора ограничивается часомъ лекцій; что университетъ вообще лишенъ нравственной власти надъ студентомъ внѣ своихъ стѣнъ; что нельзя поручиться, чьи напѣты развращаютъ молодежь, и притомъ университетскія или постороннія. Возраженіе основательно лишь отчасти. Не велико же нравственное вліяніе профессоровъ, когда всякое постороннее дуновеніе можетъ сбивать съ толку молодыхъ людей. А отсутствіе нравственнаго вліянія есть осужденіе профессорскому составу и отрицаніе его права на самоуправленіе; нравственный авторитетъ въ профессорѣ предполагается; безъ него онъ не профессоръ, и составъ такихъ лицъ, лишенныхъ нравственнаго авторитета, всего менѣе заслуживаетъ самоуправления. Доля основательности заключается въ томъ, что университетъ, внѣ своихъ стѣнъ, лишенъ власти надъ студентомъ; это

указывает на необходимость дополненій къ уставу въ смыслъ расширенія правъ университета.

Болѣе основательное возраженіе можетъ быть поставлено, что университетъ принимаетъ уже готовые нравственные элементы; вступая подъ кровъ университета, студентъ уже несетъ заразу, которою онъ отравленъ ранѣе. Теперешнее положеніе университетовъ въ этомъ отношеніи дѣйствительно беззащитно. Онъ не въ правѣ дѣлать выборъ между поступающими; онъ обязанъ брать, кого дадутъ. Мимоходомъ говоря, не блистательна аттестація аттестатамъ зрѣлости, даваемая безпорядками, которыми именно въ настоящій годъ какъ бы въ перегонку отличаются одинъ университетъ передъ другимъ!

Чтобъ возложить на корпорацію профессоровъ отвѣтственность за студентовъ, необходимо, слѣдовательно, университеты вооружить пріемными экзаменами, а, сверхъ того, и вообще тронуть университетскій уставъ. Между тѣмъ, министру приписываютъ именно обѣщаніе держать уставъ 1863 въ неприкосновенности. Намъ кажется, это будетъ самымъ злосчастнымъ рѣшеніемъ и всего менѣе соотвѣтствующимъ намѣренію, совершенно основательному, возложить на профессоровъ отвѣтственность. Существо устава 1863 года въ этомъ-то и состоитъ, что учащій составъ ни предъ кѣмъ не отвѣтственъ: это корпорація, сама себя восполняющая и сама же себя контролирующая, да вдобавокъ, вооруженная правами выдавать государственныя полномочія. Что читаютъ профессора, что дѣлаютъ, какъ экзаменуютъ, то есть въ какой мѣрѣ выполняютъ полномочіе, врученное имъ правительствомъ по раздаянію правъ, какое производятъ дѣйствіе на студентовъ, ничего этого не извѣстно ни министерству, ни публикѣ. На вскрышѣ только безпорядки и шатаніе молодыхъ умовъ. Это уставъ 1863 года.

О необходимости исключительныхъ мѣръ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.*

Больно слышать о студенческихъ безпорядкахъ. Впрочемъ какіе же это слухи? Приходится читать чуть не официальные извѣстія, а молва къ нимъ дополняетъ еще многое. Больно, что безпорядки не унимаются; больно, что и начались они и продолжаютъ именно въ то время, когда народъ подавленъ однимъ, всеобщимъ, великимъ чувствомъ. Эта шумящая молодежь, обнаруживающая въ своемъ поведеніи столь мало соотвѣтствія всеобщему чинному, строгому настроенію народа, даетъ о себѣ этимъ нелестную аттестацію. Чего же она велитъ ждать о себѣ послѣ этого.

Дисциплинированіе высшихъ учебныхъ заведеній есть первая, неотложная задача новаго управленія просвѣщеніемъ, сказали мы недавно. Но теперешнія волненія, и притомъ не унимающіяся, указываютъ еще на другую задачу; сверхъ общихъ мѣръ дисциплинированія, не требуетъ ли студенчество и именно въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ оно разбуянилось, исключительныхъ временныхъ мѣръ? Мы читаемъ о приговорѣ университетскаго суда, о немногихъ исключенныхъ, о нѣсколькихъ легче наказанныхъ. Это мѣры исправленія обычныя; достаточны ли онѣ для настоящаго времени и для настоящаго положенія? Даже общія мѣры дисциплинированія, въ чемъ бы онѣ ни состояли, примѣнимы ли онѣ къ настоящему составу студентовъ и притомъ въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ волненіями, явнымъ непослушаніемъ начальству, неприличными выходками, учащіеся удостоивѣрили о своей благонадежности, или, чтобы выразиться ближе къ языку учебнаго міра — о своей «незрѣлости»? Отвѣтъ зависитъ отъ того, какой процентъ учащихся и притомъ съ какихъ факультетовъ и курсовъ былъ причастенъ волненіямъ и ругаются ли начальства, что за принятіемъ палліативовъ безпорядковъ не повторится.

* «С. И.». 7-го апрѣля. № 96.

Хаотическое положеніе учебнаго дѣла.*

Учебное дѣло разбросано у насъ по всѣмъ вѣдомствамъ; точнѣе стазать, нѣтъ вѣдомства, въ которомъ бы не красовалось свое министерство просвѣщенія. Еще ли скажутъ, что насъ заѣла централизація? Въ учебномъ дѣлѣ мы централизованы, только особымъ образомъ — въ видѣ централизованной децентрализаціи или децентрализованной централизаціи. Децентрализація у насъ не поперечная, а долевая, представляетъ рядъ идущихъ вдоль всего управленія параллельныхъ линій, то есть такихъ линій, которыя, по геометрическому опредѣленію, сойтись съ собою не могутъ. Сравниваютъ нашу администрацію съ удѣльною системою, разница отъ которой состоитъ только въ томъ, что предметъ владѣнія раздѣленъ не по территоріямъ, а по логическимъ категоріямъ, но сущность и порядки тѣ же, что въ настоящей удѣльной системѣ: та же независимость, тѣ же войны, только не на мечехъ теперь, а на перьяхъ. По отношенію къ учебному дѣлу удѣльная система болѣе всего выдерживаетъ характеръ. Въ каждомъ министерствѣ просвѣщенія, общемъ и частныхъ, свои не только устройство, но и направленіе преподаванія; нѣкоторые имѣютъ свои особые разсадники учителей (духовенство и земство). Въ однихъ заведенія стоятъ на порядкѣ частныхъ пансіоновъ, гдѣ воленъ хозяинъ принять и отставить учителей; въ другихъ устроена корпорація, которой придана извѣстная самостоятельность (университеты); а одно вѣдомство, именно духовное, зашло въ уваженіе къ «самоуправленію» такъ далеко, что завело выборное начало даже для средне-учебныхъ заведеній, и, неизвѣстно почему, остановилось и не наградило тѣмъ же правомъ низшія училища; принципъ выдержанъ былъ бы послѣдовательно.

И добро бы разнообразіе условливалось спеціальностью

средствъ или спеціальностью цѣлей. Понятны военно-учебныя заведенія, которыя готовятъ именно военныхъ людей и никого кромѣ военныхъ; понятно, что такія заведенія и состоятъ въ спеціальному военному вѣдомствѣ, хотя непонятно, почему къ военному вѣдомству отнесена Медико-хирургическая академія. Что она даетъ, чего бы не способенъ дать медицинскій факультетъ? Изъ того, что академія поставляетъ врачей для военнаго вѣдомства, не слѣдуетъ, чтобы военное вѣдомство было свѣдущѣ другого въ академическомъ курсѣ, который одинаковъ со всѣми медицинскими курсами. Источники содержанія, между тѣмъ, та же казна, у военнаго ли министерства, у министерства ли просвѣщенія, и если средства на академію значатся въ бюджетѣ военнаго вѣдомства, они не становятся отсюда какими-то спеціально-военными; наоборотъ, слѣдуетъ только, что они попали не въ свою графу. Петровская академія состоитъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ; а вѣдомство государственныхъ имуществъ даже и не пользуется пенциями, вскормленными подъ его крыломъ, и вскормленными опять на тѣ же казенныя деньги, которыя идутъ на военные училища, на училища министерства просвѣщенія и на всѣ другія. Духовное вѣдомство равно не стѣсняетъ своихъ воспитанниковъ выборомъ профессіи; мало того, оно даже не ограничивается спеціальнымъ курсомъ, а даетъ своимъ пенциямъ общее образованіе. Сюда вошло особое основаніе: духовныя училища служатъ косвеннымъ пособіемъ духовенству къ воспитанію дѣтей вообще; это есть какъ бы добавка къ жалованью или его замѣна. На томъ же основаніи стоятъ и нѣкоторые изъ институтовъ, куда поступаютъ, напримѣръ, сироты павшихъ на войнѣ или дѣти высокопоставленныхъ особъ, въ видѣ особаго отличія, повидимому, за ихъ службу. Но это опять перепутывается, основаніе опять не выдерживается: дѣти однихъ поступаютъ, другихъ не попадаютъ. Въ духовныя заведенія открытъ доступъ всему духовному сословію, но зато не закрытъ и остальнымъ; пусть послѣднее на практикѣ не привилось, но основаніе уже нарушено. И опять, и духовныя училища, и училища учрежде-

* «С. И.», 22-го апрѣля. № 109.

ній Императрицы Маріи, наконецъ, даже земскія училища, содержатся всё не на какой другой счетъ, а на казенный, точнѣе сказать—на податной, на принудительный. Объ этомъ стоитъ сказать нѣсколько лишнихъ словъ, и именно по поводу преребанія между земствами и министерствомъ народнаго просвѣщенія, во времена графа Толстого.

Предупреждаемъ, мы вовсе не намѣрены принимать на себя защиту всего, что было предпринято бывшимъ министромъ просвѣщенія, равно какъ не намѣрены брать на себя и противнаго; мы хотимъ только сказать, что распря была лишена смысла въ въ самомъ основаніи, и виноватъ былъ не графъ Толстой, и не земства, а законодатель, упустившій опредѣлить границы обоюдныхъ обязанностей. Земства обидѣлись и обижаются доселѣ, конечно, что министерство ввязывается въ дѣло, устроенное не его средствами: «мы подавай только деньги, а распоряжаться будутъ другіе». Кто это, однако, «мы» и какимъ путемъ собираются средства? Путемъ обложенія. Если насъ поправятъ «путемъ самообложенія», мы на это замѣтимъ, что поправка не вполне точна. Для плательщика-крестьянина безразлично, кто съ него требуетъ чрезъ становаго, правительство или земство; для того или другого онъ плательщикъ одинаково подневольный, то и другое для него одинаково казна. Мы знаемъ пока одно только заведеніе, которое содержится путемъ самообложенія въ точномъ смыслѣ—Практическую академію коммерческихъ наукъ, или—два, если присоединить къ ней Мѣщанское училище. На содержаніе этихъ заведеній ни съ кого насильно денегъ не тянуть. Но остальные заведенія,—можетъ быть найдется еще пара, другая заведеній со столь же специальными, независимыми средствами, но мы ихъ не знаемъ: остальные, говоримъ, всё заведенія, не исключая ни учрежденій Императрицы Маріи, ни духовнаго вѣдомства, ни земства, всё они содержатся тою же казною, въ разныхъ видахъ и наименованіяхъ, то есть податными средствами. Капиталъ учреждений Императрицы Маріи, т. е. банковый капиталъ, и слить уже съ общимъ государственнымъ. Духовно-учебный специализованъ, но происхожденіе его извѣстно:

онъ составилъ путемъ насильственнаго отчужденія: проценты съ него, недостаточные для содержанія всѣхъ училищъ, пополняются опять частію прямо изъ средствъ государственнаго казначейства (полтора милліона), частію по способу особеннаго самообложенія, существующаго въ вѣдомствѣ. Самообложеніе это заключается въ томъ, что благочинные и священники, съѣхавшись вмѣстѣ, уговариваются, сколько какая церковь изъ своихъ доходовъ (надо замѣтить—не духовенствомъ собираемыхъ) должна удѣлить на содержаніе духовныхъ училищъ. Это обложеніе церквей, видите, и называется самообложеніемъ.

Что же изъ этого слѣдуетъ? Мы не намѣрены перечислять всѣхъ послѣдствій, финансовыхъ и административныхъ, которыя напрашиваются изъ даннаго положенія вещей.. Мы хотимъ указать только на хаосъ, въ какомъ стоитъ у насъ учебное дѣло вообще, и изъ котораго вывести учебное дѣло требуется тѣмъ болѣе настоятельно, что острое зло, проявляющееся въ видѣ революціонной пропаганды, глубочайшій корень свой имѣетъ именно въ школѣ и воспитаніи молодыхъ силъ вообще. Въ довершеніе къ общему хаосу, разные учебныя заведенія надѣлены у насъ разными привилегіями, взаимно не согласенными и не извѣстно чему соответствующими; укажемъ на Пажескій корпусъ, Училище Правовѣднія, Царскосельскій лицей. Сегодня прочитали мы, что Технологическій институтъ передается изъ министерства финансовъ въ министерство просвѣщенія. Отсюда мы заключаемъ, что положить конецъ хаотическому положенію учебнаго дѣла признало нужнымъ, должно быть, и само высшее правительство. Но если все дѣло ограничится только стягиваніемъ, и притомъ лишь нѣкоторыхъ училищъ изъ постороннихъ вѣдомствъ къ министерству просвѣщенія одному, то задача еще не рѣшится. Задача не въ томъ, какое министерство будетъ значиться въ заголовкѣ бумагъ, исходящихъ изъ того или другого заведенія. Задача несравненно и глубже, и шире.

Объ участиі казны въ содержаніи школъ.*

Статьею «Неравномѣрность дарового образованія», вчера вышедшею и сегодня здѣсь полученною, «Новое Время» предваряетъ нашу мысль, которую мы намѣревались высказать, когда задались недавно вопросомъ: какія училища и на чьи средства должны содержаться и въ чемъ состоятъ вѣдѣнія? Министерство просвѣщенія вѣдаетъ, какъ извѣстно, только высшія и среднія школы, ихъ содержитъ и едва-едва удѣляетъ крупицы на начальное образованіе, которое ведется на земскія средства и которымъ заправлять точно также желало бы земство, по возможности, безъ вмѣшательства казны. «Новое Время» не касается пока вопроса о завѣдываніи школами, а высчитываетъ сравнительныя издержки казны на образованіе высшее и образованіе первоначальное. Цифры поразительны. Каждый студентъ университета обходится ежегодно въ 388 рублей; содержаніе начальной школы среднимъ числомъ въ 259 рублей. Итакъ, одинъ студентъ стоитъ казнѣ дороже, нежели цѣлая школа. Но поразительно не это одно, а то, что министерство просвѣщенія, то есть казна, изъ 259 рублей, съ своей стороны, употребляетъ на начальную школу всего съ небольшимъ 5 рублей (остальное идетъ отъ другихъ вѣдомствъ); слѣдовательно, на одного студента казна издерживаетъ столько, сколько ей стоятъ цѣлыя 72 школы. Можно бы добавить и еще другія цифры, напримѣръ, что каждый студентъ обходится болѣе чѣмъ во 100 четвертей ржи или требуетъ оплаты себя двадцатью душевыми надѣлами. Скажите, за что же это и для чего? Чѣмъ оправдать это батрачество, которое возлагается на русскаго мужичка, нѣтъ, на цѣлыхъ двадцать мужичковъ, чтобы образоватъ молодого человека, отъ котораго польза ему, мужичку, или имъ, мужичкамъ, еще сомнительна, да притомъ тогда, когда на собственные-то

* «С. И.», 4-го мая. № 121.

дѣтища этого мужичка или этихъ мужиковъ не расходуется изъ этихъ кулей ржи и изъ этихъ душевыхъ надѣловъ ровно ничего для образованія? За что же дѣти этихъ тружениковъ оставляются во тмѣ, неразвитыми (а иной изъ нихъ можетъ быть еще болѣе способенъ къ развитію, нежели тысячи другихъ счастливецъ), когда на добытыя тѣми же тружениками средства воспитываются другіе, не участвовавшіе ни въ трудѣ, ни въ издержкахъ?

«За что» и «для чего»,—на это нѣтъ отвѣта, потому что его и не можетъ быть, ибо нарушеніе справедливости явно; но на вопросъ «почему», отвѣтъ можетъ быть данъ. А потому, что у насъ образованіе не выросло, а заведено, пошло не снизу вверхъ, а наоборотъ; сперва заведена академія, потомъ университетъ, потомъ гимназіи и такъ называемыя народныя училища, а потомъ уже послѣ всего взялись за первоначальное всеобщее образованіе. Образованіе заведено для государственныхъ цѣлей и потому преподано служилому сословію, въ томъ числѣ военному и духовному; заведено для практическихъ цѣлей заправляющаго класса, которому остальная масса отбывала повинность не однимъ содержаніемъ школы, но всѣмъ своимъ крѣпостнымъ трудомъ. Государство нуждалось не въ развитыхъ или ученыхъ людяхъ вообще, а въ образованныхъ дѣльцахъ и служакахъ, медикахъ, юристахъ, офицерахъ, священникахъ; а такъ какъ образованныхъ дѣльцовъ и служаковъ не могло произрасти безъ науки, то потребовалось, сверхъ того, и особенное сословіе дѣльцовъ науки, «ученыхъ»,—ученыхъ не безотносительно, а профессоровъ, учителей и т. п. Отношенія общественныхъ классовъ измѣнились съ тѣхъ поръ, вся земля получила иной строй: подневольная служба однихъ, крѣпостной трудъ другихъ отменены, а строй образованія остался по старому, и не только остался, но развивался въ направленіи, которое дано толчкомъ Петра, усвоено Елисаветою, продолжено Екатериною. Образованіе продолжаетъ быть поприщемъ для образованія служилыхъ людей, хотя выучившагося студента къ службѣ не принуждаютъ; образованіе дается на казенный счетъ, хотя казна и не думаетъ требовать отъ учившагося ничего въ уплату. Да и мало того,

что она дастъ образованіе на свой счетъ, она еще снабжаетъ учащагося вспомошествованіемъ въ содержаніи, и вдобавокъ за все это, когда онъ окажетъ ей милость и соблаговолитъ кончить курсъ, сама же жалуетъ ему, выучившемуся на ея счетъ, то есть на счетъ народный, чины и права, облекающія властью надъ массою и дающія новыя средства жить на ея счетъ. Самостоятельной, безотносительной потребности въ образованіи ни за самими дѣтьми и юношами, ни за ихъ родителями потребности дать дѣтямъ образованіе какъ бы не предполагается: остается все еще крѣпкимъ основаніе, въ сущности давно отжившее и въ которомъ давно всѣ перестали быть убѣжденными, что школа нужна единственно для казны, для составленія контингента служилыхъ людей. Всѣ уже убѣждены и всѣ толкуютъ, что школа нужна сама по себѣ, какъ средство общественнаго развитія; что образованіе есть тотъ же воздухъ, та же пища, только духовные, и въ томъ же смыслѣ необходимы, какъ физическіе воздухъ и пища; что образованіе прежде всего нужно общее, гуманитарное, изъ котораго выращается «человѣкъ», а не служака. Тѣмъ не менѣе, на дѣлѣ-то выращается этотъ «человѣкъ» изъ ста, много изъ десяти тысячъ одинъ на средства миллионъ, которые, то есть миллионы, остаются не только не выращиваемыми въ «человѣка», но почти не возводятся даже поверхъ животнаго.

Образованіе есть ли общественная и частная потребность, или казенная надобность? Если только казенная надобность, какъ при Петрѣ и Елисаветѣ, то единственно нужныхъ казнѣ людей и справедливо готовить на казенныя средства; иначе говоря, заставьте всѣхъ учившихся на казенный счетъ оплачивать за свое образованіе натурой, службой для казны. Если же образованіе есть общественная и частная потребность, и только въ этомъ смыслѣ государственная, что сила, величіе, преуспѣяніе государства зависятъ отъ распространенія образованія среди подданныхъ, то обязанность государства, если только признать ее, сведется не болѣе, какъ на обязанность помочь желающимъ образованія чрезъ устройство готовыхъ мѣстъ для ученія и обязан-

ность наблюсти за его ходомъ, но никакъ не брать на свои плечи всю тяжесть средствъ къ обученію всего многомилліоннаго состава народной семьи. Во всякомъ случаѣ, должна быть соблюдена правомѣрность: нельзя давать однимъ всего на казенныя средства, другимъ ничего. Гимназія для общаго образованія, содержащая на казенныя средства въ городѣ, есть уже обида селу, если въ селѣ нѣтъ училища на тѣ же казенныя средства. На гимназію для общаго образованія казна имѣетъ право распорядиться только послѣ того, какъ все населеніе уже снабжено подготовительнымъ образованіемъ. Мы говоримъ «гимназія для общаго образованія»: это не касается до такихъ специальныхъ училищъ, какъ военныя и какъ всякое другое, приготовляющее дѣятелей прямо для казенной службы. Всѣ не могутъ быть военными офицерами; казнѣ нужно ихъ опредѣленное число, и казна вполне уполномочена тратить хотя бы общія податныя средства на воспитаніе этихъ, нужныхъ для себя людей въ опредѣленномъ числѣ, не взирая на то, свѣтъ или тьма разлиты въ остальномъ населеніи. Это точка отпавленія времени Петра и Анны. Но дѣло идетъ объ общемъ образованіи, которое готовить не казеннаго человѣка, но человѣка вообще.

«Государственныхъ средствъ не достанетъ, чтобъ содержать общеобразовательныя училища по всѣмъ селамъ и деревнямъ, да сверхъ того среднія и высшія учебныя заведенія для всѣхъ тѣхъ, кто, пройдя низшую школу, окажетъ способность и желаніе проходить еще и высшую.» — Вполнѣ основательно; а, слѣдовательно, казна и должна ограничиться тѣмъ, что исполнить въ состояніи по своимъ средствамъ, но не нарушая справедливости. А, слѣдовательно, если брать на себя народное образованіе, то должна взять первоначальное, а не среднее и высшее, то есть совершенно наоборотъ тому, какъ есть теперь.

Именно, у насъ школьное дѣло поставлено теперь прямо вверхъ ногами. Тогда какъ высшее и среднее образованіе дается на средства обще-государственныя, первоначальное возложено на земскія и частныя средства. Почему на земскія? Да не болѣе,

какъ потому, что земство завѣдуетъ вообще мѣстными и въ частности простонародными дѣлами, главнѣйше мужицкими. Правда, дѣла ограничиваются «хозяйствомъ», но къ хозяйству присоединено образованіе, хотя образованіе, кажется, есть уже совсѣмъ другое нѣчто, нежели хозяйство. Эта ложная постановка и привела къ пререканіямъ, возникшимъ, какъ извѣстно, между министерствомъ и земствами, когда министерство требовало школы съ свои руки, основываясь на томъ, что оно есть министерство «просвѣщенія», а земства-де вѣдаютъ «хозяйство», слѣдовательно, обязаны давать только деньги; земства же возражали, что деньги выдаются ими на «образованіе» и, слѣдовательно, должны они завѣдывать тѣмъ, на что даютъ деньги по доброй волѣ. Обѣ стороны были одинаково правы и одинаково неправы, потому что постановка школьнаго дѣла въ основаніи была ошибочна. Земства, въ частности своими пререканіями, погрѣшали, между прочимъ, въ томъ, что средства, выдаваемые на образованіе, называли «своими», тогда какъ средства эти не ихъ, а народныя, податныя, въ одинаковыхъ отношеніяхъ стояція къ министерству ли, къ земству ли: и министерство, и земство для народа есть посторонній распорядитель, дающій назначеніе средствамъ, принудительно собраннымъ, безъ спеціальнаго уполномочія со стороны плательщика употребить ихъ на тотъ или другой предметъ въ частности. «Своими» средствами въ правѣ назвать только само сельское общество, когда бы, собравшись, добровольно ассигновало извѣстную сумму на опредѣленное училище.

«Новое Время» обѣщаетъ подробные выводы изъ началъ, которыя оно поставило. Не знаемъ, къ чему оно придетъ. Наша мысль вотъ какая. Въ противоположность теперешнему порядку, при которомъ общегосударственная казна тратится на содержаніе высшихъ и отчасти среднихъ училищъ, предоставляя низшія земству и частнымъ лицамъ, надлежало бы первоначальное народное образованіе принять на общегосударственный счетъ, и только, чтобы оно не имѣло вида принудительности, должны быть обязаны сельскія общества или города и городскіе округа (но никакъ не земства и городскія населенія, а именно сами роди-

тели, чьи дѣти будутъ воспитываться) къ сравнительно слабому участию въ издержкахъ. Чѣмъ далѣе образованіе, чѣмъ выше курсъ и, слѣдовательно, обширнѣе государственныя права съ нимъ соединенныя, тѣмъ слабѣе должно быть участіе общегосударственной казны, тѣмъ сильнѣе тягости обществъ (городовъ и земствъ) и, наконецъ, частныхъ лицъ, такъ, чтобы въ итогѣ высшее образованіе оплачиваемо было почти вполнѣ самимъ учащимся, и если оно будетъ обходиться въ 388 рублей по теперешнему, то пусть добываетъ себѣ высшаго образованія, а съ нимъ и высшихъ правъ, каждый желающій на свой личный счетъ, не тревожа мужика съ его ста кулями ржи и 20 душевыми надѣлами. Это есть прямой логическій выводъ изъ всего вышесказаннаго.

Не приходите въ ужасъ, не кричите: «итакъ, бѣдныхъ лишать правъ на образованіе!» Напротивъ, при теперешнихъ-то порядкахъ самые бѣдные-то и лишены, да не только высшаго, а какого-нибудь образованія, да еще обязаны образовывать на свой счетъ постороннихъ, во всякомъ случаѣ, болѣе достаточныхъ людей. А по предполагаемому плану, наоборотъ, ни одинъ бѣдный и не будетъ лишенъ образованія, но крайней мѣрѣ первоначальнаго. Бѣдные, но отлично-способные, никогда не лишатся и высшаго образованія. И при обязательной платѣ за ученіе, если только выходятъ они изъ ряда вонъ, ихъ найдетъ казна, ихъ снарядятъ земства, но, разумѣется, обязавъ заработать службою оказанную помощь. Наконецъ, имъ помогутъ сами университеты, стипендіи которыхъ должны сообразоваться не съ состояніемъ стипендіата, а условливаться его способностями и трудами, быть не нищенскимъ подаеніемъ, а гонораромъ. Вѣдь это позоръ, наконецъ, деморализація, нравственное растлѣніе—теперешняя система стипендій съ своимъ характеромъ даровыхъ подаеній. И мы жалуемся на упадокъ нравственнаго уровня въ учащемся юношествѣ! Но весь курсъ ученія воспитываетъ ихъ въ дармоуствѣ, умничаньѣ, несоразмѣрныхъ претензіяхъ.

По поводу циркуляра министра народного просвѣщенія барона Николаи попечителямъ учебныхъ округовъ.*

Приводимый ниже циркуляръ барона Николаи заключаетъ въ себѣ отчасти повтореніе привѣтственныхъ словъ, съ которыми онъ обращался къ профессорамъ Петербургскаго университета, тотчасъ по вступленіи въ министерство. Коллегіи профессоровъ дано самоуправленіе и даны способы къ удержанію вѣреннаго имъ юношества въ предѣлахъ, которыхъ требуетъ чистое отношеніе къ наукѣ. Слѣдовательно, на нихъ же, на коллегію профессоровъ, должна пасть и отвѣтственность за поведеніе юношества; спокойствіемъ своимъ университеты докажутъ, что они достойны самоуправленія.

Нѣчто новое читаемъ въ наставленіяхъ, относящихся къ среднимъ и низшимъ училищамъ. Не отрицая дисциплины, напротивъ, подтверждая ее, министръ поручаетъ учебному началству не разлучать учащихся отъ семьи и быть внимательными къ желаніямъ общества. «Жизнь училищъ должна быть открыта общественному взору»: это буквальные слова циркуляра; послѣдовательное примѣненіе ихъ къ дѣлу будетъ съ благодарностью оцѣнено обществомъ, особенно послѣ того, какъ въ теченіе многихъ лѣтъ всякая попытка общественнаго участія въ дѣлѣ общественнаго же воспитанія отклоняема была учебною администраціею, какъ незаконное, чуть не мятежное посягательство. Тѣмъ же духомъ примиренія дышать и наставленія, обращенныя къ инспекторамъ народныхъ училищъ, предостерегающія ихъ отъ «стремленій къ неподобающему по закону главенству», а такого рода стремленія едва ли и не служили главнѣйшимъ, если не единственнымъ источникомъ раздора между учебною администраціею и земствами.

* «С. И.». 10-го мая. № 127.

Не меньшаго сочувствія заслуживаетъ оцѣнка причинъ, вызывавшихъ нареканія на школу. Не въ излишествѣ программы, и не въ дисциплинѣ зло, которымъ страдала школа, какъ и мы неоднократно въ томъ настаивали, но «холодный формализмъ, проявленія пристрастности, уклоненія отъ духовно-нравственной задачи».

Не дѣло административнаго документа, каковъ министерскій циркуляръ, входитъ въ законодательныя предположенія. Поэтому не можемъ судить, предполагаетъ ли новый министръ сохранить неприкосновенными всѣ дѣйствующіе уставы. Въ университетскомъ уставѣ, повидимому, не предполагается измѣненій. Но даже оставляя во всей силѣ какъ уставъ университетовъ, такъ уставы прочихъ учебныхъ заведеній, нельзя не пожелать дополненій къ нимъ для того, чтобы прекрасныя начала, указанные въ циркулярѣ, могли найти примѣненіе. Таковы именно указанія министра по отношенію школы къ семьѣ и къ обществу. Учащійся иногда бываетъ оторванъ отъ семьи самымъ своимъ положеніемъ учащагося: не всѣ родители живутъ непрерывно въ городѣ, гдѣ помѣщается школа, и вотъ откуда болѣе всего опасности свращеній. Съ другой стороны, участію общественному въ воспитаніи долженъ ли быть открытъ доступъ единственно тамъ, гдѣ училища содержатся отчасти или вполне на общественныя суммы, и должно ли оно исключительно ограничиться тѣмъ, на что уполномочиваетъ, какъ выражается министръ, «буква и духъ закона», то есть почти однимъ внѣшнимъ завѣдываніемъ? Таковы два пробѣла, которые необходимо восполнить, можетъ быть, даже въ законодательномъ порядкѣ.

ЦИРКУЛЯРЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПОПЕЧИТЕЛЯМЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГОВЪ.

(6-го мая 1881 года, № 5562).

По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, вступивъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, я считаю долгомъ своимъ, для успѣшнѣйшаго исполненія возложенныхъ на министерство сіе обязанностей, ознакомить ваше превосходительство въ самыхъ об-

щихъ пока чертахъ съ тѣми основными началами, которыя надѣюсь встрѣтить руководящими дѣятельностью какъ начальниковъ учебныхъ округовъ, такъ и учебныхъ заведеній всѣхъ степеней, для наилучшаго, по мѣрѣ силъ, служенія святому дѣлу народнаго образованія.

Не могу не выразить на первыхъ же порахъ той надежды, которую я долженъ возлагать на сотрудничество гг. попечителей учебныхъ округовъ, какъ ближайшихъ и непосредственныхъ мѣстныхъ помощниковъ министра народнаго просвѣщенія. Сознывая всю невозможность единолично и изъ одного центрального пункта руководить подробностями учебной жизни на огромномъ пространствѣ нашего отечества и при разнородныхъ потребностяхъ его населенія, я обязанъ искать въ попечителяхъ учебныхъ округовъ надежнѣйшія опоры какъ для охраненія и выполненія закономъ установленныхъ правилъ и постановленій, такъ и для того, чтобы министерство народнаго просвѣщенія могло постоянно слѣдить за разномѣстными нуждами и разумными желаніями. Соприкасаясь самыхъ жизненныхъ духовныхъ потребностей всѣхъ сословій и призванное прилагать всѣ свои старанія къ возможному ихъ удовлетворенію, министерство народнаго просвѣщенія менѣ всякаго другого правительственнаго органа можетъ жить въ канцелярской или формальной замкнутости и не прислушиваться голоса общественнаго, въ лицѣ законныхъ его представителей. Сохраняя твердо въ своихъ рукахъ право руководить общимъ направленіемъ, которое должно быть дано духовному развитію народа, правительство со вниманіемъ относится къ ходатайствамъ, обращеннымъ къ нему законнымъ путемъ о нуждахъ, истекающихъ изъ священнѣйшихъ обязанностей къ возрастающему поколѣнію. Какъ высшіе въ районѣ своего управленія представители правительственной заботливости о народномъ образованіи, попечители учебныхъ округовъ, не уклоняясь при исполненіи прямыхъ своихъ обязанностей отъ указанныхъ имъ закономъ путей и охраняя, въ предѣлахъ предоставленной имъ власти, установленныя правила и порядокъ въ подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ, должны вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ постоянное общеніе какъ съ мѣстными властями, такъ и общественною средою служить связывающимъ звеномъ между мѣстными нуждами и центральнымъ управленіемъ. При такихъ условіяхъ, дѣятельность попечителей учебныхъ округовъ будетъ настолько же плодотворна, насколько она вызоветъ уваженіе и сочувствіе всѣхъ разумныхъ и благомыслящихъ людей. Не позволяю себѣ сомнѣваться въ томъ, что ваше превосходительство, раздѣляя такой мой взглядъ на свое призваніе, приложите всякое стараніе къ достойному выполненію высокой задачи, довѣріемъ Высочайшимъ на васъ возложенной.

Обращаясь къ учебнымъ заведеніямъ, въ предѣлахъ вѣреннаго вамъ учебнаго округа находящимся, я считаю долгомъ высказать слѣдующія убѣжденія:

1. Относительно университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Говоря объ университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, жела-

тельно было бы исключительно сосредоточиться на заботахъ о процвѣтаніи науки и наибольшемъ развитіи любви къ ней въ средѣ академическаго юношества; но, къ крайнему прискорбію, печальныя условія, въ которыхъ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, общественное спокойствіе было поставляемо въ Россіи преступными попытками крамольнаго духа, коснулись и нѣкоторой части юношества, посѣщающаго аудитории университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и нарушая даже въ стѣнахъ ихъ порядокъ и тишину, вынуждали прежде всего заботиться о возвращеніи этихъ учебныхъ заведеній къ единственному ихъ значенію—служить спокойному занятію наукою. Необходимость эта вызывается какъ оскорбленіемъ, которое подобными безпорядками наносится достоинству высшихъ въ государствѣ образовательныхъ учреждений, такъ, въ особенности, и тѣмъ вредомъ, который причиняется юношеству, въ значительномъ, конечно, большинствѣ чуждому преступнымъ увлеченіямъ, мѣшая ему спокойно преслѣдовать свое высшее образованіе. Остается надѣяться, что эти печальныя нарушенія, внушаемыя чаще всего извнѣ, будутъ явленіемъ только временнымъ, но, тѣмъ не менѣе, нельзя не относиться къ нимъ съ должнымъ вниманіемъ. Высочайше утвержденный 18-го іюня 1863 г. общій уставъ императорскихъ россійскихъ университетовъ, предоставивъ университетамъ широкое самоуправленіе, возложилъ на нихъ же, въ одинаковой мѣрѣ, обязанность пекись какъ о развитіи науки и о возбужденіи въ учащемся юношествѣ любви къ ней, такъ и объ охраненіи порядка въ стѣнахъ университетскихъ. Средствами для сей послѣдней задачи являются: право устанавливать правила объ обязанностяхъ учащихся, о порядкѣ въ университетѣ и о взысканіяхъ за его нарушеніе, избирать лицъ для наблюденія за этими порядками и совершать судъ надъ нарушителями. Облекая ученую коллегію такими полномочіями и оказывая ей такое обширное довѣріе, правительство, конечно, изыскивало наилучшее, по его мнѣнію, средство, дабы облегчить учащемуся юношеству возможность пріобрѣтенія высшихъ познаній и охранить научныя его занятія отъ посягательства на спокойное ихъ теченіе. Ученое сословіе не можетъ не стать на высоту этого довѣрія, закономъ ему оказываемаго. Не останавливаясь на различныхъ мѣропріятіяхъ, въ послѣдніе годы временно пріостанавливавшихъ полное развитіе началъ, положенныхъ въ основаніе устава 1863 года и вызванныхъ исключительными событіями, я почитаю, что твердое установленіе на почвѣ законности отношеній ученой корпораціи къ университету и его слушателямъ должно послужить вѣрнѣйшимъ залогомъ постепеннаго восстановленія порядка, тишины и полнаго возвращенія университетовъ къ тѣмъ условіямъ правильной научной жизни, которыя одни могутъ обезпечить успѣхъ ихъ дѣятельности. Личный опытъ въ прежнее время моего служенія въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, по управленію кіевскимъ учебнымъ округомъ, меня убѣдилъ, что и въ самое трудное время смутъ и наружнаго пагубнаго давленія на уча-

щуюся молодежь, единодушное, твердое, благоразумное дѣйствіе соединенной ученой коллегіи могло охранить университетъ отъ рѣзкаго нарушенія въ немъ спокойствія и порядка. Въ этомъ единодушіи для преслѣдованія одной цѣли—охраненія университета отъ посягательства на его достоинство, въ этой спокойной твердости при исполненіи часто труднаго гражданскаго долга, въ поддержаніи и поощреніи всѣхъ здоровыхъ элементовъ, безъ сомнѣнія преобладающихъ въ большинствѣ учащагося юношества, въ нравственномъ авторитетѣ, который наука такъ легко можетъ дать своимъ служителямъ надъ ихъ слушателями, въ собственномъ уваженіи къ закону и въ постоянномъ, и словомъ и дѣломъ, внушеніи этого уваженія въ средѣ студентовъ, лежитъ залогъ успѣха и оправданіе того самоуправленія, которое даровано ученой корпораціи. На высшемъ ученомъ сословіи лежитъ великая передъ Россіею нравственная отвѣтственность; ничто не было бы прискорбнѣе, какъ необходимость сознаться, что такая отвѣтственность была не по силамъ для тѣхъ, на которыхъ законъ ее возложилъ. Ученымъ корпораціямъ ввѣрена будущность Россіи въ лицѣ будущихъ его образованныхъ общественныхъ дѣятелей; отъ нихъ зависитъ доказать, что, служба наукъ, они служатъ опорою основамъ гражданственности, закону, порядку и доброй нравственности. Уважая ихъ призваніе, буду уважать права, закономъ имъ предоставленныя, ожидая не въ меньшей мѣрѣ исполненія такихъ обязанностей, которыя съ этими правами неразрывно связаны.

II. По среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Среднія учебныя заведенія, безъ различія ихъ учебныхъ курсовъ, предназначены для общечеловѣческаго образованія, приготовляя либо къ высшему научному, общему и спеціальному образованію, либо къ реальнымъ профессіямъ; цѣль эта прямо указываетъ на то, чего государство въ правѣ отъ нихъ ожидать; не одна только сумма извѣстныхъ знаній требуется отъ будущаго гражданина: ему не менѣе нужна крѣпость нравственной природы и характера. Расположеніе къ серьезному труду, развитіе умственныхъ способностей, уваженіе къ началамъ религіи, доброй нравственности, привычка къ порядку, къ законности, къ честному исполненію долга, — вотъ что среднее учебное заведеніе, независимо полезнаго знанія, должно стараться дать своему ученику. Приобрѣтеніе познаній выражается въ учебной программѣ заведенія; развитіе умственныхъ способностей зависитъ отъ способа преподаванія; уваженіе къ началамъ религіи и доброй нравственности ученикъ почерпаетъ изъ уроковъ закона Божія, но еще гораздо болѣе изъ бесѣдъ съ своими наставниками и изъ примѣра жизни сихъ послѣднихъ; привычку къ порядку, къ законности и къ труду—изъ разумной и въ особенности осмысленной въ своемъ примѣненіи школьной дисциплины. Правительство въ правѣ ожидать отъ начальниковъ, преподавателей и наставниковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, чтобы вся ихъ дѣятельность, не разрозненная, но совокупная и единодушная, была направлена къ возможному дости-

женію такого идеала; большее или меньшее приближеніе къ оному составляетъ мѣрило достоинства учебнаго заведенія и заслугъ его дѣятелей.

Умственные силы находятся въ прямой зависимости отъ правильности физическаго развитія; искалѣченные или надорванные тѣлесныя силы не могутъ нести тягости умственной крѣпости, а потому гигиеническія условія какъ въ общей постановкѣ школьной жизни, такъ и въ распредѣленіи учебныхъ занятій составляютъ коренное условіе здравой педагогики. Школа должна доставить отечеству людей, здоровыхъ духомъ и тѣломъ; въ этомъ отношеніи требованія школы должны соразмѣряться съ силами большинства учащихся. Не сумма познаній, требуемая нашими учебными программами, можетъ показаться чрезмѣрною: одна только неравномѣрность при распредѣленіи школьныхъ задачъ и отсутствіе достаточнаго въ опредѣленное время отдыха могутъ задачу, посильную среднему уровню, обратить въ задачу, надламывающую даже богато-одаренныя природою натуры. Въ этомъ разумномъ распредѣленіи и уравниженіи занятій заключается одна изъ главнѣйшихъ задачъ, подлежащихъ разрѣшенію опытныхъ педагоговъ.

Школа не должна разлучать ученика отъ семьи: вселяя въ немъ любовь къ себѣ, она должна поддерживать вмѣстѣ съ тѣмъ и любовь къ семейному очагу. Поэтому чѣмъ больше будетъ общенія между школою и семействомъ, тѣмъ оно лучше. Начальники заведеній, преподаватели, наставники, должны сочувственно относиться къ родителямъ и ихъ разумнымъ просьбамъ, не нарушающимъ правилъ училищной дисциплины. При постоянномъ, доброжелательномъ отношеніи къ семьѣ школа можетъ благотворно дѣйствовать и на сію послѣднюю. Не должно быть послабленія; требуется лишь сочувственное вниманіе.

Равнымъ образомъ школа не должна жить въ узкой замкнутости отъ общества; она должна имѣть съ нимъ общеніе. Немалое число среднихъ учебныхъ заведеній содержится, въ большей или меньшей мѣрѣ, на суммы общественныя; въ такихъ заведеніяхъ представителямъ общества законъ даетъ право на участіе въ завѣдываніи училищами. Это право должно быть уважаемо по буквѣ и по духу закона, его даровавшаго. Жизнь училищъ должна быть открыта общественному взору: чѣмъ она будетъ правильнѣе, чѣмъ болѣе въ ней будетъ царить живой духъ, а не мертвая форма, тѣмъ болѣе школа будетъ уважаема и любима. Не строгость дисциплины учебной и воспитательной возбуждаетъ жалобы въ благомыслящемъ обществѣ—она необходима для исполненія высокой задачи, которую школа несетъ передъ Россіею, ибо дисциплина въ жизни создается дисциплиною въ школѣ—но холодный формализмъ, всякое проявленіе пристрастности, всякое уклоненіе отъ духовно-нравственной задачи, разрѣшеніе которой возложено на школу, вызываетъ справедливыя нареканія и заслуженное порицаніе.

III. По низшимъ учебнымъ заведеніямъ. Начальное образованіе недавно возникло въ Россіи въ правильной формѣ; попеченіе о немъ лежитъ въ болышей мѣрѣ на обязанности земства, городскихъ и сельскихъ обществъ. Участвуя средствами государственной казны въ поддержаніи такихъ школъ, а также учительскихъ институтовъ и семинарій, правительство, какъ высшій представитель общественныхъ интересовъ, сохраняетъ за собою право общаго направленія этого образованія и контроля надъ его дѣятельностью. Эти двѣ задачи оно не можетъ передать въ другія руки. Для совокупности дѣйствій правительства и мѣстнаго представительства существуютъ училищные совѣты; значеніе и права ихъ должны быть уважаемы. Директоры и инспекторы народныхъ школъ, какъ непосредственные агенты министерства народнаго просвѣщенія, должны являться агентами заботливости правительственной, а не стѣсненія самостоятельности общественной; сію послѣднюю они обязаны уважать и поощрять. Узаконенные органы общественныхъ нуждъ по народному образованію и распорядители общественныхъ средствъ, отпускаемыхъ на оное, имѣютъ право встрѣчать въ сношеніяхъ своихъ съ правительственными агентами уваженіе, сочувствіе и взаимодѣйствіе. Всякое время, потраченное на пререканія, и всякое стремленіе къ присвоенію себѣ неподобающаго по закону главенства, будетъ время, потерянное для пользы общей. Желательно, чтобы директоры и инспекторы народныхъ училищъ, исполняя въ точности обязанности, на нихъ возложенныя, были проникнуты чувствомъ, что они служатъ дѣлу общественному, а не повелѣваютъ имъ. Поэтому на избраніе личностей для занятія этихъ должностей имѣетъ быть обращено особенное вниманіе. Отъ степени довѣрія къ ихъ характеру, убѣжденія въ ихъ преданности общему дѣлу, будетъ зависѣть успѣхъ ихъ дѣятельности и оцѣнка ихъ заслугъ. Контролируя преподаваніе въ народныхъ школахъ и руководя онымъ, директоры и инспекторы обязаны обращать особенное вниманіе на то, что религіозное образованіе народа есть главный и краеугольный камень народной школы.

Сообщая, съ Высочайшаго соизволенія, вашему превосходительству такіе на первый разъ общіе взгляды, я обращаюсь къ вамъ и ко всѣмъ дѣятелямъ народнаго просвѣщенія съ усерднымъ приглашеніемъ соединить всѣ наши усилія къ единодушному служенію священному дѣлу, которому мы себя посвятили. Честно исполняя свой долгъ, проникнутые духомъ любви къ возрастающему поколѣнію, безусловнаго уваженія къ закону, преданности Государю и Россіи, мы успѣемъ, смѣю надѣяться, сослужить посильную службу Престолу и Отчизнѣ.

Подписалъ: министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь баронъ Николаи.

О разлученіи школою учащихся съ ихъ семьями.*

«Школа не должна разлучать учащихся отъ семьи... Школа должна быть открыта общественному взору...» Такъ говорить въ своемъ циркулярѣ министръ народнаго просвѣщенія, и общество, сказали мы, съ благодарностью оцѣнитъ его указанія. Но чтобы послѣдовательно примѣнить эти указанія, сказали мы, потребуются мѣры, можетъ быть, даже въ законодательномъ порядкѣ. Оставляя пока вопросъ о способахъ, какими лучше всего можетъ быть школа открыта общественному взору, коснемся семьи и ея связи съ учащимися. Семья, по несчастію, въ большинствѣ разлучена съ учащимися дѣтьми; не разлучена она въ единственномъ случаѣ, когда живетъ въ одномъ городѣ со школою: но многимъ ли дано это счастье. Вотъ причина, почему многіе, а именно изъ среднихъ сословій, не доводятъ дѣтей своихъ не только до высшихъ учебныхъ заведеній, но даже до высшихъ классовъ гимназій, довольствуясь прогимназіей, да и та уѣзднаго, не городского жителя, обязываетъ къ той же разлукѣ. Вотъ почему, между прочимъ, такъ жадно ищутъ многіе помѣщенія для дѣтей своихъ въ закрытыя заведенія: не одни денежные расчеты говорятъ этимъ желаніемъ, но и боязнь выпустить дѣтей изъ надзора, надежда замѣнить свой глазъ хотя бы надзоромъ училищнаго начальства.

Это относится къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ; въ высшихъ связь съ семьей есть уже исключеніе. Но аттестатъ «зрѣлости», выдаваемый 17—18-ти лѣтнему молодому человѣку, дѣйствительно ли свидѣтельствуетъ о такой умственной и нравственной зрѣлости, для которой, не скажемъ всякій нравственный надзоръ, но всякая нравственная помощь излишня? Напротивъ, на этой-то стадіи и свертываются преимущественно го-

* «С. И.». 13-го мая. № 130.

ловы; припомнимъ оренбургскаго гимназиста, кончившаго курсъ съ золотою медалью и черезъ два, много три мѣсяца, уже оказавшагося героемъ самой скандальной исторіи съ революціоннымъ пошибомъ. Въ одиночествѣ, безъ всякаго надзора и безъ всякой помощи, несчастный юноша можетъ быть и сохранился бы. Но въ томъ то и бѣда, что, поступаая въ высшее учебное заведеніе, молодой человѣкъ поступаетъ не въ одиночную тюрьму и не въ скитъ, онъ поступаетъ въ «братію», въ товарищество, и кореннымъ образомъ ошибается законодатель, признавая въ студентѣ только отдѣльное лицо, отказываясь признать фактъ товарищества, который на дѣлѣ существуетъ и не можетъ не существовать. Противоестественно представлять, что пріѣхавшій изъ провинціи молодой человѣкъ съ аттестатомъ зрѣлости ограничиваетъ препровожденіе своего времени утреннимъ посѣщеніемъ лекцій, обѣдомъ и вечерними приготовленіями — къ чему бы — ну, хоть къ экзамену, который послѣдуетъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ никуда не ходитъ, никого не видитъ, даже товарищей. Онъ не отлучается даже въ праздники; нѣтъ, послѣднее предполагается, предполагается даже болѣе: онъ отправится въ увеселительное заведеніе. Итакъ, вотъ все, что предполагается для молодого человѣка помимо лекцій, и даже это опять, по принципу, въ одиночку? Ни съ кѣмъ слово перемолвить, и ни о чемъ, кромѣ лекцій и увеселительныхъ заведеній?

Идеаль не красивъ, но онъ таковъ. Въ началѣ минувшаго царствованія правительство справедливо взглянуло неблагоклоннымъ окомъ на закрытыя заведенія, и они заслуживали того. Чѣмъ заслуживали? — Казенщиною, формализмомъ дисциплины, подъ которымъ крылось отсутствіе истиннаго воспитанія; разлука съ семьей, неизбѣжно сопровождавшая воспитаніе въ закрытомъ заведеніи, была тоже одною изъ причинъ, вызывавшихъ неблагоклонный на нихъ взглядъ. И вотъ, студенческія общжитія отмѣнены, рядомъ съ женскими институтами завелась женскія гимназіи; сами институты отрѣшились частію отъ своего прежняго монастырскаго характера; умножились открытыя учеб-

ныя заведенія разныхъ родовъ и для обоихъ половъ. Основаніе было вѣрно. Но когда отмѣняютъ худое, нужно, чтобы въ замѣну его вступило хорошее или, по крайней мѣрѣ, менѣе худое. Казенщина кончилась, формализмъ отставленъ, а на его мѣсто что? Уже отсутствіе всякой дисциплины, всякаго, даже внѣшняго воспитанія. Предполагалось, конечно, часть учащихся, оставаясь подъ семейнымъ кровомъ, воспитаются подъ семейнымъ вліяніемъ; другихъ воспитаетъ общество, среди котораго будутъ вращаться учащіеся, уже не малолѣтніе. Но упущено было изъ вида, что на нашей сѣвѣрусской землѣ, гдѣ приходится одинъ университетъ на 500 и 600 верстъ, семья, живущая въ университетскомъ городѣ, приходится развѣ на одного студента изъ ста; а чтобы вращаться въ обществѣ, вліяніе котораго могло бы воздѣйствовать на молодого человѣка или молодую дѣвицу, нужны связи родства, давняго знакомства, чего также придется одинъ случай на сто, если не того менѣе. И вотъ получилось, что мы имѣемъ: получились стриженые дѣвицы, съ похотѣніемъ изобразить изъ себя во всемъ мужчинъ, начиная съ платья и кончая непристойностями; получились молодые люди, соревнующіе въ растрепанности; получилась даже для произведеній словесности растрепанность, какъ неизмѣнный атрибутъ настоящаго «героя»; получились, словомъ, извѣстные отрѣшившіеся отъ общества; получились, наконецъ, прямо «общины» съ примѣненіемъ, между прочимъ, «свободной любви»; получились пропагандистскіе кружки и т. д. Мы не говоримъ, что всѣ перечисленные явленія были послѣдствіемъ указанной причины, но она имъ содѣйствовала.

Просимъ не думать, что мы предлагаемъ возвращеніе къ закрытымъ заведеніямъ въ старой формѣ, облюбленной Николаевскимъ временемъ: ни, ни! Мы хотимъ только уяснить ошибочность индивидуализаціи молодыхъ людей и ошибочность предубѣжденій противъ организаціи учащагося юношества. Дѣло въ томъ, какая организація? Можно быть спокойными за юношей, живущихъ въ семьѣ, но нужно подумать и о томъ преобладающемъ большинствѣ, отъ котораго семейный очагъ далекъ

и который предоставленъ всякому вѣтру. За отсутствіемъ семьи, за отсутствіемъ общества, нужно создать, если можно такъ выразиться, искусственную семью, искусственное общество. И будто ужъ нѣтъ другого типа, кромѣ кадетскихъ корпусовъ? Англійскіе университеты представляютъ образецъ, правда, вполне для насъ недостижимый, но указываютъ типъ, соображаясь съ которымъ можно избѣгнуть и прежнихъ крайностей и теперешнихъ безобразій.

О положеніи высшихъ учебныхъ заведеній во Франціи.*

Данныя о положеніи высшихъ учебныхъ заведеній во Франціи, приводимыя г. Ивановымъ въ извѣстной уже нашимъ читателямъ книгѣ его, довольно поучительны для насъ, отчасти какъ предостереженіе, отчасти какъ примѣръ.

Отношенія министерства просвѣщенія и университетскихъ совѣтовъ—большое мѣсто нашей журналистики или, точнѣе, общее мѣсто, при чемъ симпатія ея обыкновенно на сторонѣ послѣднихъ. Происходитъ это отъ идолопоклонства предъ «наукою», вполне понятномъ въ странѣ полуобразованной. Истинное образованіе чуждо фетишизма, и во Франціи, напримѣръ, вмѣшательство министерства просвѣщенія простирается даже за предѣлы университетскихъ совѣтовъ; а никто, между прочимъ, не кричитъ противъ этого. Такъ, министерскимъ циркуляромъ отъ 24-го апрѣля 1871 года обращено было тамъ вниманіе начальниковъ учебныхъ округовъ на неудобство для членовъ факультетовъ заниматься журналистикой, на необходимость надзора окружающихъ ректоровъ въ этомъ отношеніи за всѣмъ подвѣдомственнымъ имъ персоналомъ, съ указаніемъ, что профессора должны соблюдать крайнюю осторожность и разборчиво принимать на

себя сотрудничество только въ серьезныхъ изданіяхъ. По поводу статей о коммунизмѣ, напечатанныхъ нѣкоторыми профессорами, министръ подвергъ ихъ дисциплинарнымъ взысканіямъ.

Не только въ качествѣ журналистовъ, но даже и простыхъ гражданъ, конечно, не рѣшимся мы рекомендовать такую опеку не только надъ профессорами, но и надъ кѣмъ бы то ни было; указываемъ только фактъ министерскаго распоряженія при республиканскомъ, однако, правительствѣ.

Профессора факультетовъ подчинены во Франціи подробнымъ правиламъ дисциплины, а у насъ мракобѣсіемъ представляется дисциплинированіе даже студентовъ. Въ случаѣ нарушенія дисциплины профессора во Франціи подвергаются выговору предъ академическимъ (окружнымъ) совѣтомъ, порицанію передъ высшимъ совѣтомъ, устраненію отъ должности не болѣе какъ на годъ, съ лишеніемъ или безъ лишенія всего содержанія или части его, увольненію отъ должности и, наконецъ, устраненію отъ должности.

Въ странѣ, гдѣ пустоеть множество профессорскихъ кафедръ, гдѣ года не было, чтобы оставался не занятымъ значительный процентъ кафедръ, конечно, нельзя рекомендовать подобныхъ мѣръ, способныхъ разогнать и остальныхъ профессоровъ, но не мѣшаетъ помнить, что съ европейской точки зрѣнія даже и профессора не безгрѣшны и, какъ слуги государства, могутъ подлежать даже наказаніямъ. Мы же болѣе 20-ти лѣтъ покланяемся идолу «студента». Немудрено, что идолъ, наконецъ, дѣйствительно обоготворился, призналъ себя за высшую въ государствѣ силу, чего печальными свидѣтелями были всѣ мы.

Не рекомендуя наказаній профессоровъ не только потому, что такими мѣрами можно разогнать тѣхъ немногихъ самоотверженныхъ людей, которые избираютъ этотъ трудный путь, но и потому, что самимъ судьямъ не мѣшаетъ быть также развитымъ, какъ въ данномъ случаѣ подсудимые, — считаемъ французскія мѣры дисциплинированія студентовъ вполне умѣстными и у насъ. Разумѣется, мѣры могутъ быть и инныя, чѣмъ тамъ; важна только узда противъ ребяческой ученической гордыни—источника без-

* «С. И.». 11-го августа. № 220.

покойствъ для насъ и часто гибели для нихъ самихъ. Французскіе профессора не стыдятся, напримѣръ, два раза въ мѣсяцъ дѣлать переключку студентовъ. Студентъ, отозвавшійся за отсутствующаго, теряетъ тамъ право на оплаченную запись за четверть года; оказавшійся при переключкѣ въ отсутствіи два раза въ теченіе одной четверти года не можетъ получить свидѣтельства о прилежаніи, безъ котораго нельзя получить свидѣтельства о прохожденіи курса за ту четверть года.

Не станемъ перечислять дисциплинарныхъ во Франціи наказаній студентовъ: непочтеніе или непослушаніе профессору или начальнику заведенія наказывается тамъ потерю оплаченнаго права; студентамъ воспрещается вступать въ ассоціаціи, а равно дѣйствовать коллективно, — за это они исключаются изъ факультета; исключеніе на время или навсегда изъ факультета, изъ всѣхъ учебныхъ заведеній округа, можетъ послѣдовать за рѣчи или дѣйствія студента, оскорбительныя для религіи, нравственности или правительства и т. д. Но опять повторимъ, что въ образованныхъ странахъ, не боясь упрека въ обскурантизмъ, глядятъ на студента, какъ на ученика и воспитанника. У насъ, — сколько лѣтъ носились мы съ нелѣпымъ вопросомъ: обязанъ ли студентъ посѣщать профессорскія лекціи? Нельзя представить фабрику съ необязательно являющимися рабочими, департаментъ съ такими же чиновниками, магазинъ съ такими же приказчиками и вообще какое-либо человѣческое учрежденіе (кромѣ увеселительныхъ) съ необязательно присутствующими членами его. А учебное заведеніе съ обязательно ходящими профессорами и необязательно посѣщающими студентами не только представлялось, но и восхвалялось.

Любопытенъ и другой примѣръ деморализованія студенчества: это — открытіе университетскихъ дверей для прохожихъ съ улицы, о чемъ бывало такъ мечтали у насъ. Примѣръ французскихъ университетовъ и здѣсь крайне для насъ наставителенъ. Управленіе французскихъ факультетовъ находится въ рукахъ просвѣщенныхъ и благожелательныхъ министровъ и начальниковъ учебныхъ округовъ; какъ профессора, такъ и студенты,

подчинены строгой дисциплинѣ; а между тѣмъ, по отзыву г. Иванова, курсы факультетовъ идутъ очень дурно. Это потому, что статутъ 1825 года, обязавъ студентовъ аккуратно посѣщать лекціи, вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ бесплатный входъ въ аудиторіи постороннимъ слушателямъ по особымъ билетамъ. Аудиторіи стали переполняться случайными посѣтителями, такъ что для студентовъ даже не оставалось мѣста въ аудиторіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось невозможнымъ имѣть какой-либо контроль надъ занятіями студентовъ, дѣлать установленную статутномъ переключку, предлагать вопросы, задавать письменныя работы. Профессора и студенты стали чужды другъ другу; всякое взаимодѣйствіе профессоровъ и студентовъ исчезло. Лекціи читаются не для студентовъ, а для случайныхъ посѣтителей.

Имѣя передъ собою не учениковъ своихъ, а случайно собравшихся слушателей и нѣкоторыхъ постороннихъ посѣтителей, привыкшихъ въ теченіе 10-ти или болѣе лѣтъ пріѣзжать на лекціи, какъ на концертъ или театральное представленіе, профессоръ, по наблюденію г. Иванова, обращаетъ преимущественное вниманіе на внѣшнюю отдѣлку своихъ рѣчей, часто впадаетъ въ декламацию и пріучается ловко вводить звучныя общія мѣста, вызывающія рукоплесканія. Зная, какъ современные вопросы интересуютъ всѣхъ и какъ они доступны массамъ публики, профессора часто изыскиваютъ предметы, соприкасающіеся съ заботами дня, дѣлаютъ понятные публикѣ намеки на современные событія или пускаются въ полемическія разсужденія; но передача научныхъ свѣдѣній сдѣлалась невозможною, потому что нужно примѣняться ко вкусу и знаніямъ праздной толпы, наполняющей аудиторію, — нужно удовлетворять ея любопытство, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообразоваться со взглядами, страстями, степенью подготовки и привычками большинства слушателей. Поэтому часто произносятся красивыя рѣчи съ блистательными выводами и заключеніями, занимательно излагаются теоріи разныхъ древнихъ школъ, но, конечно, безъ объясненія непонятныхъ для публики текстовъ древнихъ авторовъ... На курсахъ физики дѣлается все, чтобы опыты были занимательны и про-

изводили пріятное впечатлѣніе; но профессоръ не рѣшится объяснить тригономическую формулу, почти ни для кого въ аудиторіи непонятную.

Такимъ образомъ, высшее преподаваніе во французскихъ факультетахъ, по научному своему уровню и достоинствамъ, стоитъ гораздо ниже преподаванія въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній Франціи, такъ что министръ народнаго просвѣщенія Барду долженъ былъ исходатайствовать законъ 5-го ноября 1877 года объ учрежденіи особыхъ 70-ти кафедръ для конференцій особо назначаеваемыхъ профессоровъ исключительно для однихъ студентовъ, ибо уличные гости совсѣмъ выжили изъ факультетовъ ихъ хозяевъ — студентовъ.*

Дисциплинированіе студентовъ и охрана университетовъ отъ уличныхъ прохожихъ это изъ исторіи французскихъ факультетовъ и поучительный примѣръ, и серьезное предостереженіе для насъ, неучковъ.

По поводу „Записки“ Московскаго университета, поданной министру народнаго просвѣщенія въ 1861 году.*

Начало 60-хъ годовъ это ключъ къ уясненію исторіи зарожденія бродячихъ шиней настоящаго смутнаго времени, а каждый документъ о догдѣшнемъ недовольствѣ это просто кладъ. Въ этомъ смыслѣ познакомимъ какъ-нибудь читателей съ доставленными намъ А. А. Титовымъ нѣкоторыми письмами студентовъ Московскаго университета къ профессору Бодянскому въ 1861 году о студенческой исторіи этого же года. Тѣмъ же г. Титовымъ обѣщано намъ любопытное письмо эмигранта Драгоманова изъ той же эпохи, тоже не лишнее къ раскрытію источниковъ современнаго броженія. Но пока только о «Запискѣ».

* «С. Н.», 18-го ноября. № 319.

Совѣтъ Московскаго университета весьма вѣрно оцѣниваетъ значеніе для молодежи «внѣшнихъ мелочныхъ стѣсненій», при чемъ избѣгнуть бдительнаго взора начальства становится даже «признакомъ удалства, которое всякій нѣсколько бойкій студентъ вмѣняетъ себѣ въ честь». «Современныя Извѣстія» много разъ указывали на громадное преимущество нравственныхъ, патріархальныхъ отношеній предъ формальными, чиновничьими въ дѣлѣ воспитанія. Мы очень довольны, что ту же же мысль развиваютъ представители лучшей поры Московскаго университета.

«При господствѣ, такъ сказать, патріархальныхъ отношеній между студентами и начальствомъ, какъ это было до 1843 года, это направленіе (т. е. удалство идти наперекоръ начальству) остается совершенно безвреднымъ. Въ то время студенты безпрерывно нарушали форму. Инспекція то смотрѣла на это сквозь пальцы, то ласково ихъ побранивала, то, наконецъ, въ крайнихъ случаяхъ сажала ихъ въ карцеръ, и все обходилось благополучно. Въ настоящее время, при томъ духѣ, который, вслѣдствіе изложенныхъ причинъ, вселился въ студентовъ, при томъ высокомъ понятіи, которое они получили о себѣ, всякое мелкое стѣсненіе кажется имъ оскорбительнымъ. Они ропшутъ, на примѣръ на обязанность имѣть всегда при себѣ билеты и предъявлять ихъ при входѣ въ университетъ, гдѣ они привыкли себя считать дома и пользоваться полною свободою движенія. Опасенія же, которыя проглядываютъ въ этихъ мѣрахъ, еще болѣе утверждаютъ ихъ въ мысли, что они составляютъ дѣйствительную силу, отъ которой надо ограждать себя разными изобрѣтеніями».

Это глубоко вѣрно, и авторъ настоящаго комментарія, бывший студентъ въ Московскомъ университетѣ, какъ разъ въ 1861 году, послушъ этому.

Съ этой же точки зрѣнія естественныхъ, патріархальныхъ отношеній «Записка» разбираетъ и страшный вопросъ о студенческомъ представительствѣ, въ которомъ въ недавнее время и сторонники депутацій, и власть видѣли чуть-чуть не первые шаги къ общегосударственной конституціи.

Въ послѣдніе годы студенты приобрѣли также привычку къ постояннымъ совѣщаніямъ объ общихъ своихъ дѣлахъ и къ выбору депутатовъ. Это дѣлалось не только съ разрѣшенія, но иногда даже по распоряженію начальства. Студенты стали считать эти сходки и выборы естественно принадлежащимъ имъ правомъ. Несдержанные полицейскою властью, они это право нерѣдко употребляли во зло. Предыдущія

событія внушали имъ мысль, что они этими способами могутъ принимать участіе въ самомъ управленіи университетомъ, что, разумѣется, невозможно. Совѣтъ полагаетъ, что въ этой мысли заключается главное зло, проистекающее отъ сходовъ и депутацій».

Что до другого рода совѣщаній, совѣтъ объясняетъ, что:

«Студенты, не образуя даже юридически организованныхъ корпорацій, всегда составляли и будутъ составлять товарищество, это естественное условіе и послѣдствіе университетской жизни. Между тѣмъ, повидимому, эти двѣ вещи недостаточно различаются какъ студентами, такъ и высшимъ начальствомъ. Товарищамъ свойственно сходиться и толкаться между собою. Въ случаѣ какого-либо общаго дѣла, они естественно посылаютъ отъ себя кого-нибудь для объясненія съ начальствомъ. Тутъ нѣтъ официальнаго представительства, какъ въ корпораціяхъ. Это совершается частнымъ, домашнимъ образомъ, и въ прежнія времена само начальство находило въ этомъ наилучшее средство для объясненія со студентами и для возможности дѣйствія на нихъ. Новыя постановленія положительно запрещаютъ всякія сходы и всякія объясненія съ начальствомъ, сборищемъ или посредствомъ депутатовъ. Ваше сіятельство пойметъ, что студентамъ это должно было показаться внезапнымъ отнятіемъ права, которое они привыкли считать своимъ».

Но ни обязательные билеты, ни запрещенныя депутаціи, говоримъ это по личнымъ воспоминаніямъ, не подѣйствовали такъ оскорбительно, не были въ такой мѣрѣ причиною (совѣтъ выразился слишкомъ мягко—«поводомъ») беспорядковъ, какъ мѣра объ обязательной платѣ пятидесяти рублей. Здѣсь студенты опирались на нравственное чувство состраданія къ бѣднымъ товарищамъ. На этой почвѣ они находили постоянную поддержку и сочувствіе общества. Въ рукахъ агитаторовъ это было лучшимъ орудіемъ для возбужденія массы. «Записка» указываетъ на бѣдность многихъ изъ студентовъ, нерѣдко «лишающихъ себя послѣдняго куска хлѣба, чтобы воспользоваться университетскимъ образованіемъ».

«Въ Россіи промышленное и ремесленное поприще до сихъ поръ носитъ характеръ преимущественно сословный: молодому человѣку, не принадлежащему къ купечеству или мѣщанству, трудно посвятить себя ремеслу! Если у него есть кое-какія духовныя стремленія, единственный исходъ для него университетъ. Здѣсь только онъ пріобрѣтаетъ возможность получить хоть маленькое образованіе, пробить себѣ дорогу и занять какое-нибудь положеніе въ жизни. Изъ университета вы-

ходятъ чиновники, медики, учителя, литераторы. Отцы семействъ готовы жертвовать послѣдними копѣйками, чтобы дать сыновьямъ своимъ средства пройти черезъ университетъ. Съ такими побужденіями многіе молодые люди пріѣхали нынѣшнее лѣто въ Москву для поступленія въ университетъ. Здѣсь имъ было объявлено, что они не иначе могутъ поступить, какъ съ уплатою пятидесяти рублей въ годъ. Этого они вовсе не ожидали. Бѣднѣйшіе изъ нихъ, тѣ, которые рѣшительно не въ состояніи были заплатить, съ сокрушеннымъ сердцемъ уѣхали домой. Тѣ же, которые имѣли кое-какія средства, внесли требуемую плату, но подверглись всѣмъ бѣдствіямъ бѣдности и, разумѣется, значительно усилили массу недовольныхъ».

Указавъ на дѣятельное участіе общества къ бѣднымъ студентамъ, совѣтъ Московскаго университета высказываетъ замѣчаніе, основательное въ Россіи хотя бы и сейчасъ: въ настоящее время всякая мѣра, какимъ бы то ни было образомъ ограничивающая образованіе, будетъ крайне непопулярна и пріобрѣтетъ общее сочувствіе всякому противъ нея протесту, законному или незаконному.

И выходитъ, что зачинщикомъ перваго значительнаго университетскаго беспорядка было отчасти тогдашнее начальство: полуобразованнымъ обществомъ студентъ возведенъ былъ въ представители образованія; неоднократно смѣною профессоровъ, неугодною студенчеству, положено было основаніе охлократіи университетовъ; потомъ мѣропріятіями, не имѣющими понятія объ университетской жизни, подрѣзаны были лучшія университетскія преданія; затѣмъ пошли придирки; началась «исторія», явились жертвы ея. Такъ бросались первыя сѣмена горькаго теперь дерева.

О возвышеніи платы за обученіе въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и въ университетахъ.*

Есть знахарскія средства: люди здравомыслящіе сознають полную ихъ бесполезность и даже прямой вредъ; тѣмъ не менѣе, недомысліе, а иногда, пожалуй, даже и злой умыселъ, несмотря на печальный исходъ прежнихъ опытовъ, хватаются, при каждомъ новомъ припадкѣ, за прежній знахарскій ядъ.

Къ такимъ немногимъ простонароднымъ средствамъ, когда болѣетъ общественный организмъ, причисляемъ мы стѣсненіе свободы печати и права доступа въ высшія и среднія учебныя заведенія.

На сей разъ о послѣднемъ.

Недавно въ совѣтѣ попечителя Московскаго учебнаго округа обсуждалось именно это послѣднее средство—о возвышеніи платы за обученіе въ старшихъ классахъ мужскихъ гимназій. Тотъ же не особенной политической мудрости запросъ предложенъ былъ на обсужденіе нѣкоторымъ провинціальнымъ гимназіямъ. Совѣтъ попечителя и педагогическіе совѣты гимназій, какъ представители просвѣщенія, а не невѣжества, высказались, конечно, противъ такого возвышенія платы. И надо только удивляться отсутствію сообразительности и стыдливости въ подобныхъ запросахъ. Тѣмъ не менѣе, въ обществѣ держится слухъ о предстоящемъ увеличеніи платы въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и въ университетахъ; указываются и самыя цифры взноса, который будто бы предполагается возвысить въ университетахъ до 200 рублей.

Итакъ, повидимому, нашлись остроумные люди, опять придумавшіе давно уже извѣстное своею негодностью и прямымъ вредомъ знахарское средство, которымъ грозила позорной памяти коммиссія, объѣзжавшая нѣкогда университеты, опрашивая профессоровъ, не порекомендуютъ ли представители науки, какъ

люди умные, какихъ-либо мѣръ къ стѣсненію высшаго образованія. Коммиссія эта провалилась со срамомъ. Но еще раньше этого, въ 1861 году, тѣмъ же знахарскимъ средствомъ внесли немало яду въ общественный организмъ. Вспоминаемъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ тогдашнихъ школьныхъ смуть, періодически возобновлявшихся съ тѣхъ поръ до сего времени. Это тѣ несчастные 50 рублей платы за слушаніе лекцій въ университетахъ, которые государство не обогатило, а общество раздражило. Говоримъ не свое только мнѣніе. Вотъ, что писали тогда, въ 1861 году, министру народнаго просвѣщенія лучшіе профессора московскаго университета: Соловьевъ, Бодянский, Леонтьевъ, Ешевскій и другіе, все не нигилисты, кажется.

«Въ Россіи промышленное и ремесленное поприще до сихъ поръ носитъ характеръ преимущественно сословный: молодому человѣку, не принадлежащему къ купечеству или мѣщанству, трудно посвятить себя ремеслу. Если у него есть кое-какія духовныя стремленія, единственный исходъ для него—университетъ. Здѣсь только онъ пріобрѣтаетъ возможность получить хоть маленькое образованіе, пробить себѣ дорогу и занять какое-нибудь положеніе въ жизни. Изъ университета выходятъ чиновники, медики, учителя, литераторы. Отцы семействъ готовы жертвовать послѣднею копѣйкою, чтобы дать сыновьямъ средства пройти черезъ университетъ».

Съ такими побужденіями 20 лѣтъ тому назадъ пріѣхали молодые люди въ Москву для поступленія въ университетъ. Имъ было объявлено, что они не иначе могутъ зачислиться въ студенты, какъ съ платою 50 рублей въ годъ. И вотъ одни изъ нихъ уѣзжаютъ съ сокрушеннымъ сердцемъ домой. «Тѣ же, говоритъ историческая записка, составленная университетскою коммиссіею, которые имѣли кое-какія средства, внесли требуемую плату, но подверглись всѣмъ бѣдствіямъ бѣдности и, разумѣется, значительно усилили массу недовольныхъ». Совѣтъ объясняетъ министру, что «потребность образованія, какъ перваго необходимаго условія для успѣховъ гражданской жизни, для возвышенія нравственныхъ силъ народа, наконецъ, для са-

* «С. И.». 23-го декабря. № 354.

мой силы и могущества Россіи—вотъ чувство, которое укоренилось въ русскомъ обществѣ». «Въ настоящее время, утверждаетъ далѣе совѣтъ московскаго университета, всякая мѣра, какимъ бы то ни было образомъ ограничивающая образованіе, будетъ крайне непопулярна и пріобрѣтаетъ общее сочувствіе всякому противъ нея протесту, законному или беззаконному. Это обстоятельство, заключающее совѣтъ, должно служить однимъ изъ наиважнѣйшихъ предметовъ для соображеній, какъ при оцѣнкѣ нынѣшнихъ безпорядковъ, такъ и при дальнѣйшихъ мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты относительно русскихъ университетовъ».

Это говоритъ сама мудрость, и трудно что-нибудь даже и теперь, черезъ 20 лѣтъ, прибавить къ этому. У насъ есть рукописное письмо студента 1861 года къ покойному профессору Бодянскому, обязательно доставленное намъ А. А. Титовымъ. Студентъ въ искренней исповѣди своему профессору прямо указываетъ на важность уменьшенія 50-ти рублей платы на 25-ти рублевую въ видахъ устраненія смутъ. Къ такимъ искреннимъ голосамъ важно прислушиваться.

Но нѣтъ, мы ошиблись: есть, что прибавить: теперь, когда стоимость домашняго образованія возвысилась въ три и четыре раза, когда рядомъ съ этимъ установилась дороговизна жизни, вообще возвышеніе платы за высшее и среднее образованіе навсегда отрѣжетъ отъ гимназій и университетовъ среднее сословіе, изъ коего только и выходило что-нибудь дѣльное.

Мы ошиблись: теперь, когда введена всеобщая воинская повинность со льготами по образованію, постановка образованія въ прямую зависимость отъ денежныхъ средствъ учащихся подорветъ благосостояніе средняго класса, обязывая сыновей, опору семей, продолжительною солдатскою службою.

Мы ошиблись: умудренные опытомъ и наблюденіемъ, теперь, черезъ 20 лѣтъ, можемъ прибавить къ «Исторической запискѣ» еще соображеніе—знахарское средство, способствовавшее въ 1861 году возникновенію крамолы, извинительно было считать тогда лекарствомъ; теперь же, когда ясно, какъ Божій свѣтъ,

что въ ряды противообщественниковъ вступаетъ только полу-образованіе, рекомендовать это средство разгонять гимназистовъ изъ старшихъ классовъ гимназій, а студентовъ изъ университетовъ—значить дѣлать то же, но только съ большимъ успѣхомъ, что творять тѣ, которые убѣждаютъ учащееся юношество бросать школу и идти «въ народъ».

Ошиблись мы, наконецъ, и потому, что теперь больше, чѣмъ когда-либо, нужно знаніе и для государственныхъ людей; а выработка ихъ изъ состоятельныхъ только классовъ можетъ вести, между прочимъ, и къ измышленію такихъ противъ образованія мѣръ, какъ указанная выше.

1882 годъ.

Студенческіе безпорядки въ Харьковѣ.*

«Не прекратятъ безпорядковъ до закрытія всѣхъ университетовъ и институтовъ...» Вотъ какъ! Это нѣчто новое. Такъ разсуждаютъ студенты,—можно порадоваться, по крайней мѣрѣ, за университетъ—Харьковского не университета, а ветеринарнаго института. Откуда же, однако, такое свирѣное намѣреніе явилось? Начитались, что ли, гг. будущіе ветеринары всласть Бакунина? Прочъ все, вся культура, вся цивилизація, вся наука,—крикъ, недавно раздававшійся, между прочимъ, въ Ліонѣ и Монсоле-Минѣ. Но тогда, зачѣмъ сами гг. студенты-ветеринары въ институтѣ? Для того, чтобы настоять на его закрытіи? Гораздо проще уйти тѣмъ, у кого не наука, а демонстрація на первомъ планѣ.

Любопытно бы прослѣдить, гдѣ нарождается духъ, столь постыдно проявившійся въ настоящихъ безпорядкахъ, ограничившихся не однимъ какимъ-либо учебнымъ заведеніемъ. Сами ли высшія заведенія, къ каковымъ причисляется, между прочимъ, Харьковскій институтъ, даютъ своеобразное крещеніе юношѣ или были уже предрасполагающія причины и бродили зачатки еще

въ прежнихъ мѣстахъ воспитанія? Удостовереніе въ этомъ, между прочимъ, снабдило бы указаніями, какія мѣры должно признать наиболѣе дѣйствительными для полнаго искорененія безобразій, подобныхъ случившимся. Потому что нельзя же потѣшать себя каждый разъ и объяснять беспорядокъ несчастною случайностью. Случайность повторяющаяся уже не случайность, а законъ. Къ несчастію, съ ложнымъ мягкосердечіемъ мы готовы увѣрять себя каждый разъ, что это уже въ послѣдній разъ, и больше не повторится.

Замѣчательное сравненіе вычитали мы какъ-то, у кого-то, что университетъ, на сей разъ можно сказать—всякое высшее учебное заведеніе—есть своего рода монастырь, и юноша, удостоенный аттестатомъ умственной зрѣлости, поступая въ высшую школу, подвергаетъ себя новому искусу. Да, высшая школа есть искусъ, довершеніе внутренней выработки добровольнымъ подчиненіемъ еще болѣе строгой дисциплинѣ, нежели было въ средней школѣ. Такъ собственно должна быть понимаема высшая школа, и таковъ смыслъ ея въ Англіи, гдѣ и вырабатываются умственные силы и характеры не въ примѣръ другимъ странамъ. У насъ, къ сожалѣнію, усвоился другой типъ, германскій, и притомъ въ искаженномъ видѣ. Безшабашность нѣмецкаго студенчества имѣетъ свое оправданіе—въ необходимости дать извѣстному возрасту время «перебѣситься». Но разгулъ силъ нѣмецкаго студента и ограничивается зато своею внутреннею, строго очерченною сферою дѣйствія. А у насъ этого-то ограниченія быть и не установилъ; разгулъ силъ обращается просто въ необузданность, да еще съ тѣмъ придаткомъ, что господинъ студентъ считаетъ себя не только равноправнымъ со всѣми гражданами, но еще какимъ-то особо привилегированнымъ гражданиномъ. Выходку считаетъ для себя студентъ позволительною такую, отъ которой онъ самъ отшатнется завтра же, лишь только обратится изъ студента въ юриста, техника, медика, учителя и проч., то есть заправскаго гражданина. Печальное извращеніе понятій и о правахъ, и о приличіи! Гдѣ зарождаются бактеріи безчинствъ, когда они входятъ въ духовную

* «С. И.», 21-го ноября. № 822.

кровь юноши,—въ высшихъ или еще среднихъ заведеніяхъ? Что касается до Харьковскаго института, въ извѣстномъ смыслѣ уже прославившагося, то въ его собственномъ воздухѣ, несомнѣнно, кипятъ заразные элементы, и попавшему туда здоровому даже организму трудно, должно быть, уберечься. Впрочемъ, по несомнѣнному закону духовнаго сродства, туда и поступать должны изъ среднихъ заведеній именно такого рода субъекты, которые уже носятъ въ себѣ зачатки и предрасположенія къ заразѣ. На то вѣдь онъ и есть «ветеринарный» институтъ. Кто же туда устремляется? Очевидно, тотъ, кто чувствуетъ себя не въ силахъ одолѣть курсъ медицины повыше ветеринаріи. Въ старыя времена, для поступленія на ветеринарный курсъ и не требовалось ни аттестата зрѣлости, ни кончанія курса въ среднемъ учебномъ заведеніи. А на такомъ полѣ чему не вырасти? И именно не вырастетъ студентъ въ его истинномъ, благородномъ значеніи и всего менѣе вырастетъ уваженіе къ наукѣ. И какъ понятно въ такой сферѣ такое заявленіе: «будемъ бунтовать, пока не закроютъ всѣхъ университетовъ и институтовъ».

Студенческія безчинства или, какъ выражаются о нихъ, соблюдая вѣжливость, «студенческіе безпорядки» прежде всего суть признаки «незрѣлости» и ума и характера,—обличеніе въ неправомерности выданнаго «аттестата зрѣлости». Какой отсюда прямой выводъ? У доктора, оказавшагося настолько неумѣлымъ, что уморилъ больного лекарствомъ, прописаннымъ противъ правилъ терапіи, отнимаютъ дипломъ. Обладающій дипломомъ «зрѣлости» точно также долженъ быть его лишенъ, когда оказался его не заслужившимъ. Кажется, это самый прямой и неоспоримый выводъ, и, по правдѣ сказать, удивительно, что къ нему еще не пришли доселѣ. Студента, уличеннаго въ «безпорядкахъ», исключаютъ изъ университета совсѣмъ. Какъ? Съ сохраненіемъ аттестата зрѣлости? Другого исключаютъ на время; послѣ его опять примутъ въ тотъ или другой университетъ. Какъ? Съ прежнимъ аттестатомъ зрѣлости, который оказался въ достоинствѣ, равномъ фальшивой ассигнаціи? И въ чемъ же этотъ временно исключенный проведетъ время своего удаленія изъ храма

науки? Въ наукѣ же, въ ея изученіи, въ выработкѣ своего характера? Но гдѣ же для этого побужденіе и гдѣ средства? Чтобы быть послѣдовательными, необходимо допускать обратное поступленіе въ высшее учебное заведеніе не иначе, какъ по сдачѣ новаго испытанія въ зрѣлости, по полученіи новаго аттестата. Это будетъ болѣе дѣйствительнымъ предохранительнымъ средствомъ противъ безчинствъ. По крайней мѣрѣ, будетъ послѣдовательно.

1883 годъ.

Объ университетскихъ безпорядкахъ.*

Сходки, дерзкія требованія, буйства... какъ все это знакомо. Какъ и эти послѣдствія обыкновенны: пріостановка лекцій, раздѣленіе виновныхъ на категоріи: одни никогда впредь не принимаются ни въ какое учебное заведеніе, другіе принимаются чрезъ извѣстное время, третьи... но рѣчь будетъ о первыхъ двухъ.

Читатель понимаетъ, что мы говоримъ о Ново-Александрійскомъ институтѣ и безпорядкахъ въ немъ, о которыхъ вчера сообщалъ телеграфъ, а нынѣ приводится подробное сообщеніе «Правительственнаго Вѣстника».

Всего лучше было бы не давать подобнымъ исторіямъ начинаться. Положимъ, это не всегда во власти начальства, которое можетъ и не имѣть свѣдѣнія, что ферментъ уже брошенъ въ заведеніе. Но не должно давать безпорядкамъ разгораться, что въ данномъ случаѣ, повидимому, было упущено. Давалась добрая половина февраля, когда послѣ первыхъ признаковъ броженія, можно было предупредить послѣдовавшее въ мартѣ. Но мы уже оставимъ это; переходимъ къ стереотипному правосудію, слѣдующему за безпорядками. Служить оно предотвращающимъ средствомъ на буду-

щее время? Опытъ показалъ, что нѣтъ. Гдѣ тѣ же мѣры не прилагались, и гдѣ послѣ такихъ мѣръ безпорядки снова не повторялись?

На тѣхъ, по крайней мѣрѣ, кто наказанъ, подѣйствуетъ ли кара исправляющимъ образомъ? Пусть неспокойный духъ не выкурится изъ заведенія, но можетъ быть опаматуются теперешніе виновники, и они-то уже не повторять буйствъ, предоставляя это новичкамъ. Въ какой мѣрѣ неосновательна эта надежда, достаточно небольшого размышленія.

Одни исключаются безъ права поступленія въ какое-нибудь заведеніе. Они выходятъ съ волчьимъ паспортомъ. Этимъ путемъ къ исправленію даже отрѣзанъ. А можетъ быть именно изъ нихъ-то кто-нибудь опомнится, пожелаетъ снова учиться и учиться не въ шутку... Нѣтъ, дорога имъ заграждена. Но куда же имъ дорога предоставлена? Какое поприще выберетъ молодой человѣкъ съ волчьимъ паспортомъ? Кому онъ нуженъ и куда годится? Жизнь разбита и создается кандидатъ въ «недовольные». Многихъ ли и что примирить съ жизнью?

Возьмемъ и другихъ, которымъ предоставляется вступить въ заведеніе, по истеченіи извѣстныхъ лѣтъ, ну, пусть иногда даже и мѣсяцевъ—но проведенныхъ въ чемъ? Въ эти невольныя длинныя каникулы молодой человѣкъ обложить себя книгами, будетъ прозубривать вторично профессорскія записки или, какъ въ настоящемъ случаѣ, въ качествѣ студента агронома, будетъ изучивать сельско-хозяйственныя машины, или собирать гербаріи, или въ лабораторіи отдается на химическое изслѣдованіе почвъ и наземовъ. Гдѣ ручательство, что это будетъ? Итакъ, создается только паразитъ, себѣ и другимъ въ тягость, отъ бездѣлья или отъ недостатка средствъ, можетъ быть, хватающійся за учительство, за гувернерство. Хорошъ учитель, надежный гувернеръ!

Вотъ почему стереотипныя мѣры, употребляемыя при безпорядкахъ въ учебныхъ заведеніяхъ, должны быть признаны окончательно негодными. Онѣ придуманы въ тѣ давнопрошедшія времена, когда временное закрытіе учебнаго заведенія вводило на учащихся мистическій ужасъ. А теперь, мы знаемъ, безпорядки иногда и производятся съ цѣлью вынудить началь-

* «С. И.», 22-го марта. № 79.

ство къ закрытію заведенія. Гнилой элементъ учебнаго персонала ставить себѣ это въ заслугу: вотъ-де мы каковы!

Мы уже высказали мнѣніе, что у каждаго, причастнаго къ беспорядкамъ, слѣдуетъ прежде всего отнимать аттестатъ зрѣлости, какъ отнимаютъ у врача дипломъ послѣ доказанной неспособности имъ пользоваться. Мы продолжаемъ думать, что это было бы очень дѣйствительнымъ, но не жестокимъ средствомъ, не заграждающимъ молодому человѣку окончательно дороги къ исправленію. «Сдай новый экзаменъ и получай новый аттестатъ», при чемъ право это было бы распространено на болѣе и менѣе виновныхъ одинаково. И что можетъ быть основательнѣе? Аттестатъ зрѣлости не есть свидѣтельство только о знаніи древнихъ языковъ и математики, а о зрѣлости во всѣхъ смыслахъ. Неумѣніе подчиняться дисциплинѣ учебнаго заведенія, неспособность къ самообузданію есть первый признакъ незрѣлости: логическое послѣдствіе—лишеніе аттестата зрѣлости, иначе этотъ аттестатъ есть шутка, комедія.

Гдѣ-то высказано сожалѣніе о практиковавшемся въ николаевскія времена исправительномъ средствѣ: рекомендовалось отдавать беспокойныхъ молодыхъ людей въ солдаты. Средство это было бы вполне цѣлесообразно и произвело бы благотѣльнѣйшее послѣдствіе, какъ въ предотвращеніе беспорядковъ, такъ и къ исправленію буяновъ: но ему мѣшаетъ взглядъ, установленный со времени всеобщей воинской повинности, что военная служба есть честь, а не наказаніе.

Уставъ университетскій готовится къ преобразованію; пересматривается, слышно, въ извѣстныхъ частяхъ и уставъ о воинской повинности. Законодательной власти умѣстно подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ: послужить ли къ умаленію воинской чести, когда воинская служба понята будетъ, между прочимъ, какъ средство воспитанія къ дисциплинѣ. Во всякомъ случаѣ, средства, теперь принимаемыя къ исправленію беспорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, средства—бесильныя, а на большую половину—даже вредныя.

Новый университетскій уставъ.*

«Московскія Вѣдомости» выражаютъ надежду, что университеты получатъ, наконецъ, новый уставъ и университетская наука оживетъ. По новому уставу, студенты будутъ слушать профессоровъ по своему выбору, съ профессоровъ будетъ снято право экзаменаторства, которое, повидимому, перейдетъ къ особой комиссіи. Будетъ, словомъ, установленъ государственный экзаменъ по заранѣ составленной общенаучной программѣ; вообще наши университеты по типу своему приблизятся къ германскимъ.

Намъ неизвѣстенъ проектъ устава, но если тамъ есть, что общается «Московскими Вѣдомостями», то мы, какъ уже разъ выражались, отъ всей души привѣтствуемъ грядущій порядокъ и отъ всей души желаемъ, чтобы онъ скорѣе наступилъ. Трудно даже представить, за что такъ гнѣваются на посягательство противъ теперешняго устава органы, причисляющіе себя къ либеральнымъ, не свобода ли науки предвѣщается новымъ уставомъ и не этой ли свободы требуетъ истинный либерализмъ? Либерально ли положеніе, гдѣ есть монополія? А при теперешнемъ порядкѣ каждая изъ наукъ есть монополія профессора. Претить въ новомъ уставѣ либеральнымъ органамъ, сколько можно судить изъ происходившей печатной полемики, нѣсколько иной порядокъ университетскаго управленія и способъ назначенія профессоровъ: но это вещь во всякомъ случаѣ второстепенная; она можетъ быть непріятною и неудобною для лицъ, но не для дѣла, не для науки. Сомнѣнія другого рода возникаютъ, болѣе существенныя.

Изъ кого составляется экзаменаціонная комиссія? Изъ состава ли тѣхъ профессоровъ, которыхъ экзаменаторская теперешняя роль подвергается справедливому осужденію?

Каковы будут программы? Может случиться, что онѣ не поднимуть, а понизятъ уровень науки, особенно при поверхностномъ производствѣ экзаменовъ, чего возможно опасаться при громадномъ числѣ подвергающихся экзамену. Не будутъ ли экзамены закрытыми, а чрезъ то доступъ пристрастіямъ всякаго рода, протекціямъ и даже лихоимству?

Свободный выборъ лекцій для слушанія не обратится ли въ пустой звукъ при фактическомъ отсутствіи цензуры, на которую охотниковъ не только въ первое время, но, пожалуй, и въ дальнѣйшее не найдется? Но всѣ эти возраженія еще ничтожны при одномъ, самомъ существенномъ. Со введеніемъ государственнаго экзамена для оканчивающихъ курсъ въ университетѣ будутъ ли отмѣнены привилегіи такихъ заведеній, какъ училище Правовѣднія, Александровскій лицей, Пажескій корпусъ? Если нѣтъ, тогда все преобразование обращается въ ничто, мало того—въ насмѣшку надъ наукою и мнимымъ къ ней уваженіемъ. Если государственный экзаменъ, то обязательный для всѣхъ безъ исключенія, въ какомъ бы заведеніи кто ни воспитывался. И намъ кажется, нелицемѣрное желаніе возвысить уровень науки, вмѣстѣ съ чувствомъ правды, требовали бы именно начать съ этой общей мѣры, то есть отмѣны положенія, въ силу котораго верхогляду, выпущенному изъ привилегированнаго заведенія, дается шагъ впередъ противъ прощедшаго строгую школу серьезной науки.

Объ университетскомъ уставѣ.*

Г. Ц.—тъ въ письмѣ къ намъ изъявляетъ желаніе знать нѣкоторыя подробности будущаго новаго университетскаго устава и попрекаетъ редакторовъ, насъ въ томъ числѣ, что оставляютъ публику въ невѣдѣніи. Отклоняемъ отъ себя этотъ упрекъ, пере-

правляя его по адресу «Московскихъ Вѣдомостей». Вотъ гдѣ таится знаніе о всѣхъ подробностяхъ предполагаемаго устава, о которомъ и мы, если знаемъ что, то изъ показанія «Московскихъ Вѣдомостей».

Автора безпокоитъ вопросъ о гонорарѣ, который положенъ будетъ со студентовъ въ пользу профессоровъ, не будетъ ли онъ слишкомъ крупенъ? Другими словами: въ состояніи ли будутъ учиться въ университетѣ бѣдные люди. О семинаристахъ прямо выражается опасеніе, что имъ не видать университета. И это—довольно общее опасеніе; главнѣйшее возраженіе противъ новаго устава слышится въ обществѣ именно съ этой стороны. Въ этомъ, говорятъ, и есть главная, хотя затаенная, цѣль преобразования: желаютъ, чтобы учились только богатые, а это нужно для того, чтобы не нарасталъ образованный пролетаріатъ, очагъ политическихъ и социальныхъ тревоженій. Не умѣемъ отвѣтить, такова ли дѣйствительно цѣль преобразования. Но если бы она и имѣлась въ виду, она несбыточна по простой причинѣ, что у насъ только бѣдные и учатся, и если учатся богатые, то лишь потому, что учатся бѣдняки. Слѣдовательно, если бы гонораръ былъ поднятъ до недоступности его для бѣдныхъ, то послѣдствіемъ было бы такое положеніе, что хоть закрывая университеты; а затѣмъ очутилась бы безвыходная нужда во врачахъ, учителяхъ, даже юристахъ. Такимъ образомъ, вопросъ о гонорарѣ насъ не безпокоитъ. Такъ или иначе, онъ будетъ благопріятно разрѣшенъ именно въ смыслѣ доступа науки бѣднякамъ, и практика въ той же Германіи выработала очень дѣйствительныя средства въ этомъ смыслѣ, безъ нарушенія общихъ основаній университетскаго устройства.

Иное дѣло вопросъ, способны ли русскіе люди къ наукѣ вообще. Авторъ жалуется на теперешнее недостаточное число истинныхъ ученыхъ; указываетъ, что классическія гимназіи не принесли того плода, котораго отъ нихъ ожидали; ссылается, что профессора тароваты только на учебники, а не на ученые трактаты и заключаетъ, что съ перенесеніемъ нѣмецкихъ порядковъ положеніе не измѣнится. Спорить съ этимъ заключеніемъ

трудно потому, что описываемое настоящее действительно таково; но и вполне согласиться еще нѣтъ оснований. Если наука у насъ не цвѣтетъ, не обнаруживаетъ ни самостоятельности, ни жизни, то главная причина не заключается ли опять въ неправильной постановкѣ университетовъ.

«Прочитавъ въ вашей уважаемой газетѣ замѣтку на новый строй университетскаго совѣта, позволяю себѣ сдѣлать нѣкоторые замѣчания на предметъ, который не казался вамъ важнымъ, но который выступаетъ, по крайнему моему взгляду, на первый планъ. Это вопросъ о гонорарѣ: сколько долженъ будетъ платить каждый студентъ университета по новому уставу каждому изъ профессоровъ, котораго онъ будетъ слушать, и по опредѣленной ли таксѣ или по принципу добровольнаго соглашенія. Если будетъ опредѣленная такса, то она не можетъ быть малою и можетъ превзойти взносъ за ученіе. Если же будетъ произвольная плата, то страшно подумать, до какихъ размѣровъ она можетъ дойти. Не безызвѣстно всѣмъ и каждому, что есть докторъ-профессоръ у котораго визитъ на дому оплачивался въ недавнее время 25 рублями, визитъ на домъ 100 рублями, а визитъ въ отъѣздъ нѣсколькими сотнями рублей и даже тысячами. Если вообразить, что такіе же градусы платы будутъ приняты за норму гонорара, по степенямъ извѣстности профессоровъ, то сколько же долженъ будетъ оплачивать каждый студентъ, при слушаніи лекцій у нѣсколькихъ профессоровъ преподавателей? Можетъ быть относительно этого предмета выработаны въ грядущемъ уставѣ какіе-нибудь успокоительные пункты, извѣстные гг. редакторамъ газетъ; но мы, публика, стоимъ бы, кажется, нѣкотораго вниманія и съ вашей стороны, и со стороны «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», и особенно со стороны г. Льва Георгіевскаго, пишущаго въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», кажется, въ № 187, о полной гармоніи въ случаѣ введенія германскихъ порядковъ въ университетскую жизнь».

«Охъ, эти германскіе порядки. Засѣли они въ мозгахъ нашихъ заправиль, точно заноза. Вотъ, напримѣръ, уставъ гимназій выкроенъ по германскимъ порядкамъ. Прошло столько лѣтъ отъ введенія его. Мы должны бы обогатиться въ это время и учеными профессорами, и необыкновенно учеными медиками, юристами et cetera. Въ медікахъ-то, пожалуй, и нѣтъ недостатка, только они очень дороги; хорошіе юристы есть, благо открылось новое поприще для дѣятельности ихъ. А профессоровъ-то съ книжками очень мало, въ старину было больше. По математикѣ есть книжка Слупскаго для студентовъ, есть книжка Хмырева и еще 2, 3 имени... и только. Вотъ по изданію учебниковъ много профессорскихъ трудовъ; сколько однихъ ариѳметикъ профессорскаго изданія. Отчего бы это? Одинъ изъ уважаемыхъ профессоровъ, спрошенный мною на этотъ ладъ, далъ мнѣ нѣкогда отвѣтъ: резона нѣтъ. Правда, онъ послушался моего благого совѣта найти резонъ, потрудился для

своихъ же питомцевъ и издалъ книжку, но отвѣтъ-то его памятенъ мнѣ. Вѣроятно, отвѣтъ его составляетъ общій отвѣтъ и другихъ профессоровъ. Вспомнимъ еще объ одномъ случаѣ. Въ одномъ изъ математическихкихъ засѣданій въ теченіе московскаго сѣзда естествоиспытателей, секретарь предложилъ собранію на просмотръ полный курсъ математики для среднихъ учебныхъ заведеній какого-то харьковскаго учителя. Покойный казанскій профессоръ математики замѣтилъ; а председатель какъ бросить ему толстую тетрадь: нате смотрите. Грустно вспомнить, тѣмъ болѣе, что сѣздъ (засѣданіе) былъ въ честь академика Чебышева».

«Какое же нравоученіе вытекаетъ изъ этихъ наблюденій. То, что мало у насъ истинныхъ ученыхъ мужей и много книгоѣдовъ; мало любителей науки, а болѣе плохихъ школяровъ, жалкихъ компиляторовъ; не любимъ мы самостоятельности, изысканій, а подавай намъ чужое, готовое. Г. Левъ Георгіевскій признается въ томъ osulte, что мало мы изучаемъ писателей, а грамматику; въ Германіи болѣе дѣлается по этой части: столько-то стиховъ изъ Виргилія, столько-то главъ изъ Тацита и т. п., какъ будто дѣло идетъ о раскольничьихъ поклонахъ лбомъ въ помость, съ подложениемъ ковриковъ подъ ноги. Жалкіе аргументы неудачи прошедшаго двухлѣтія. Еще болѣе жалкіе, плачевные документы въ пользу будущаго. Такъ точно желѣзнодорожные эксплуататоры заминаютъ кукучевскую катастрофу ссылками на то, на се, и пр. Былъ недавно случай на одной дорогѣ: съ обводнаго пути свалился товарный поѣздъ въ сторону дѣйствія центробѣжной силы. Желалъ бы я знать: извѣстно ли было строителямъ, что есть на свѣтѣ центробѣжная сила? Къ несчастію, она есть и въ уставахъ учебныхъ заведеній. И можно полагать, что если будетъ уставъ университетовъ построенъ по германскимъ колеямъ, не принимая въ расчетъ русскихъ нравовъ и русскаго житія бытѣя, то не привыкнутся чужіе порядки къ нашей осѣдлости. Почему это такъ трудно, трудно сказать, а что это такъ было, слишкомъ много фактовъ налицо во всѣхъ родахъ русской исторіи и русской жизни. Прибавлю, что семинаристы должны уже, кажется, забыть думать о поступленіи въ университетъ».

«Да. Не дожили Грановскій и Кудрявцевъ до нашего времени... Многое было бы иначе. Одинъ только изъ этой плеяды живъ и здравствуетъ на славномъ поприщѣ; нетрудно угадать кого разумѣю. А все это люди образованные по уставу 28 года. Конечно, были и есть отщепенцы, но и тутъ причиною ложно понимаемое чувство долга. Они не столько виноваты, сколько виновато довѣріе къ нимъ. Sapienti sat».

Студенческая форма.*

Студентамъ даютъ форму; студенты обязаны будутъ сдавать ежемѣсячно репетиціи; пріемъ студентовъ ограниченъ будетъ опредѣленнымъ числомъ. Не беремъ на себя ручаться, всѣ ли эти предвѣщанія въ одинаковой степени достовѣрны; но стоитъ разсмотрѣть, всѣ ли въ одинаковой мѣрѣ полезны.

Введеніе униформы для студентовъ мы можемъ только привѣтствовать, потому что давно и неоднократно на этомъ настаивали. Мундиръ всегда обязываетъ; онъ развиваетъ и поддерживаетъ чувство чести. Онъ блюдетъ духъ. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, не испарился ли добрый духъ изъ студенчества, не закрѣпитъ ли униформъ такіа качества студенчества, какія менѣе всего желательны, ибо мундиръ ни создать духъ, ни воскресить самъ въ себѣ не въ состояніи; онъ объединяетъ готовое данное. Но мы расположены думать, что доброе направленіе во всякомъ случаѣ въ студенчествѣ преобладаетъ.

Ежемѣсячныя репетиціи придумываются, очевидно, ради того, чтобы студенты неукоснительнѣе посѣщали лекціи и непрерывнѣе занимались предметами своего курса. Ту же цѣль, вѣроятно, имѣютъ въ виду и ограничивая число студентовъ. Когда на первомъ курсѣ медицинскаго факультета скапливается до тысячи слушателей, возможны ли для нихъ успѣхи анатоміи? Когда при ограниченной лабораторіи будетъ неограниченное число естественниковъ, возможны ли для нихъ успѣхи въ химіи? И возможно ли къ медикамъ ли, къ естественникамъ ли прилагать строгія требованія на испытаніяхъ, когда тѣ и другіе лишены были физической возможности опытно провѣрить слышанное на лекціяхъ. Такимъ образомъ, на тѣхъ факультетахъ и курсахъ, гдѣ преподаются демонстративныя науки, число слушателей естественно должно быть ограничено тѣми размѣрами,

которые дозволяются существующими размѣрами анатомическаго театра, химической лабораторіи, физическаго кабинета. Но есть ли основаніе ограничивать число слушателей на другихъ факультетахъ и курсахъ? Есть ли основаніе вообще опускать шлагбаумъ предъ напоромъ жаждущихъ высшаго образованія? Предпочтительнѣе даже тамъ, гдѣ самое качество курса требуетъ ограниченія въ числѣ слушателей, помочь дѣлу съ другой стороны, увеличить лабораторію или физическій кабинетъ, увеличить составъ преподавателей анатоміи и т. д.

Нельзя безусловно восхвалять и ежемѣсячныя репетиціи. Онѣ произведутъ свое дѣйствіе несомнѣнно; лекціи будутъ посѣщаемы исправнѣй; къ тетрадкамъ будетъ прибѣгать студентъ не одинъ разъ, а семь или восемь разъ въ году. Но эта польза только отрицательная, предохраненіе противъ праздности, противъ бездѣлья. Этого мало, и притомъ отъ студента требовалось бы нѣчто болѣе внѣшней исправности. Нѣтъ сомнѣнія обязательность репетицій покажется обидною для студентовъ, они такъ рады считаться большими, что безъ горечи не въ состояніи будутъ подчиниться правиламъ, которыя унижаютъ ихъ до мальчиковъ. А таковыми и покажутся имъ репетиціи, и въ этомъ есть доля основательности, хотя не съ той стороны, какъ самимъ молодымъ людемъ представляется. Они уже не мальчики, это правда; но отсюда слѣдуетъ не то, что имъ должно предоставлять, какъ и когда и чѣмъ имъ угодно заниматься; но слѣдуетъ, что отъ нихъ должно требовать не одной механической исправности и не одного зазубриванія уроковъ, а самостоятельныхъ трудовъ и размышленія. Вотъ почему репетиціямъ предпочли бы мы письменныя упражненія и письменные отчеты; отчеты о томъ, чѣмъ занялся молодой человѣкъ въ теченіе опредѣленнаго срока (положимъ хотя мѣсячнаго); письменныя упражненія на темы, даваемыя факультетомъ и требующія самостоятельнаго труда, изысканій, чтенія. Представимъ, что этимъ отчетамъ и этимъ упражненіямъ данъ будетъ преобладающій вѣсъ на экзаменахъ; представимъ еще, что упражненія, заслужившія одобрительный отзывъ, непременно печатаются: тогда мы достигнемъ

* «С. И.». 23-го сентября. № 263.

того, чего предполагают достигнуть репетициями, студенты не будут бездельничать; но, кроме того, достигаемъ и еще многого, и именно выработки молодого человѣка и во вторыхъ движеніяхъ самой науки впередъ. Въ виду послѣдняго мы и предполагаемъ непремѣннымъ условіемъ печатаніе упражненій; вѣдь это должны быть не ребяческіе опыты и не купленные у швейцара, какъ теперь, старыя студенческія сочиненія, а дѣйствительно ученые трактаты, пусть небольшіе и не по крупнымъ вопросамъ, но которые вносятъ дѣйствительный вкладъ въ науку, даютъ по разнымъ частностямъ вполне разработанный матеріалъ, просвѣщающій самихъ профессоровъ. Правда, обязанность самихъ профессоровъ при этомъ будетъ нѣсколько потяжелѣе теперешняго, и потребуются нѣкоторая сумма на изданіе сочиненій. Но предъ этимъ стоитъ ли останавливаться въ виду неизмѣримой пользы и для науки, и для юношества?

Какъ наказывать учащуюся молодежь.*

Какъ не согласиться съ основаніями, высказанными въ циркулярѣ г. министра народнаго просвѣщенія отъ 6-го октября, что «принятіемъ однажды обличенныхъ въ дерзости и неповиновеніи будетъ внесенъ въ среду учащихся новый элементъ броженія». Когда заходила рѣчь о наказаніяхъ, налагаемыхъ на студентовъ за безпорядки, «Современныя Извѣстія» всегда недоумѣвали на одну изъ «исправительныхъ» мѣръ, которая, однако, практикуется: исключить изъ заведенія на столько то лѣтъ или — исключить безъ права поступленія обратно въ то же заведеніе, слѣдовательно, съ правомъ поступленія въ другое. Вынужденное пребываніе внѣ заведенія приравнивалось, повидимому, къ чему-то въ родѣ карцера или одиночнаго заключенія, способнаго погрузить виновнаго въ размышленіе и довести до раскаянія. Это

* «С. П.» 14-го октября. № 283.

на полной-то свободѣ. Мы были всегда того мнѣнія, что разъ исключенному возвратъ въ то ли заведеніе, въ другое ли, равное ему, долженъ быть обусловленъ не однимъ счетомъ времени, проведеннаго внѣ заведенія, а фактическимъ удостовѣреніемъ, что время это проведено не даромъ, что въ теченіе его молодой человѣкъ дѣйствительно образумился, остепенился, выросъ, умственно и нравственно. Потому-то и предлагали мы, чтобы уличенныхъ въ безпорядкахъ лишать аттестата зрѣлости. Затѣмъ аттестатъ можетъ быть возвращаемъ, но, конечно, послѣ вторичнаго экзамена. Выдержанный вторично экзаменъ будетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что молодой человѣкъ надъ собою работалъ. Голое выраженіе: «я раскаялся и прошу прощенія, и потому допустите меня снова» — еще не даетъ ручательства. Молодой человѣкъ поступаетъ въ заведеніе, зная его правила и принимая обязанность имъ повиноваться. Но не повинуется. Это прежде всего свидѣтельствуетъ о легкомысліи: гдѣ же ручательство, что не съ тѣмъ же легкомысліемъ произносится и обѣщаніе «впередъ не буду»?

Итакъ, кажущаяся суровою неумолимость вполне основательна. Мы прибавили бы еще «неисполненіе, правилъ обязательныхъ, для студента влечетъ за собою непосредственно исключеніе его изъ заведенія». То есть, не исполненіе правилъ само по себѣ есть уже вычисленіе изъ студентовъ; не нужно никакого суда. До сихъ поръ это примѣнялось только къ одному правилу — о взносѣ платы; пусть тоже примѣнено будетъ и къ остальнымъ. Смотря по важности проступка, судъ можетъ быть назначенъ и опредѣлено наказаніе; но исключеніе изъ списка должно во всякомъ случаѣ предшествовать исключенію и не должно значиться въ числѣ наказаній, оно должно подразумѣваться въ самомъ проступкѣ. Поэтому мы находимъ излишне мягкимъ выраженіе циркуляра, что студенты могутъ оставить учебное заведеніе, если не желаютъ исполнять правилъ. Не «могутъ оставить», а прямо «считаются выбывшими», если кто не желаетъ выполнять правилъ. Въ практическомъ отношеніи такая оговорка не лишена была бы важности: когда буйному юношѣ на завтра

же заграждень входъ въ учебное заведеніе, бездѣлица не вырастетъ въ серьезное происшествіе, какъ это зачастую случается теперь, когда, прежде чѣмъ судъ еще начнется, успѣетъ закружиться много головъ отъ запальчивыхъ рѣчей какой-нибудь полдюжины, а то и того менѣе.

«Вашъ проектъ жестокъ»: скажутъ намъ. Да почему же? По пословицѣ «въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ». Университетъ есть своего рода обитель: ея уставъ долженъ быть исполняемъ безусловно, или же предоставьте капризу студентовъ даже назначеніе часовъ для чтенія лекцій. Единственно практическимъ въ данномъ случаѣ мы считаемъ вопросъ о томъ, какъ бы съ загражденіемъ возврата въ учебное заведеніе не посылать озлобленія въ исключенныхъ, не воспитать лишній вредный элементъ въ обществѣ, способный еще болѣе производить смуты въ молодежи. Но мы и не находили бы нужнымъ ни для кого заграждать возвратъ безусловно. Напротивъ, пусть каждому возвратъ будетъ свободенъ, но... подъ условіемъ испытанія. За неисполненіе правилъ вычисленный съ перваго курса пусть вновь поступаетъ, сдавъ экзаменъ зрѣлости; выбывшій со втораго курса пусть сдастъ экзаменъ перваго курса. Это и не обидно и не вредно. Да и не жестоко, наконецъ. Какая же тутъ жестокость. Видѣ предполагается, что молодой человѣкъ все то знаетъ, изъ чего предлагается ему, въ видѣ очистительнаго искуса, сдать вторичный экзаменъ. Въ сущности это даже очень любезно, если молодой человѣкъ дѣйствительно знаетъ то, знаніе чего у него предполагается. Если же и не знаетъ, и забылъ, отчего жъ не повторить и за что сердиться, когда есть дѣйствительное желаніе учиться. Жестокаго ничего нѣтъ.

О государственномъ экзаменѣ.*

Помѣщая успокоительныя разсужденія насчетъ предполагаемыхъ государственныхъ экзаменовъ и замѣны ими университетскихъ, мы не прибавляемъ отъ себя ничего, потому что, сколько ни толкуютъ о новомъ университетскомъ уставѣ, въ сущности мы ничего о немъ не знаемъ. Въ основаніи мы стоимъ за государственные экзамены, иначе сказать—за отдѣленіе экзаменаціонной функціи отъ преподавательской. Но лишены ли будутъ экзаменаціонной власти только университетскіе преподаватели? Не останется ли при этомъ та же власть у другихъ высшихъ учебныхъ заведеній? Что-то не слышно, чтобы реформа готовилась по спеціальнымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ; говорятъ только объ университетѣ и объ университетскомъ новомъ уставѣ. Тогда государственные экзамены являются непоследовательностью, несправедливостью, мало того—карательною мѣрою, направленною исключительно на учебныя заведенія, именуемые университетами.

Государственные экзамены нужны ли? Перевернемъ вопросъ: для занятія должностей государственной службы нуженъ ли умственный цензъ? Когда такъ поставленъ вопросъ, отвѣтомъ никто не затруднится. Итакъ, когда цензъ нуженъ, тогда возникаетъ другой вопросъ: довольствоваться ли учебнымъ аттестатомъ вообще, или для извѣстныхъ должностей требовать спеціальнаго умственнаго подготовленія и, въ послѣднемъ случаѣ, кто долженъ рѣшать о достиженіи надлежащей зрѣлости? Вопросъ тогда вовсе не университетскій въ частности и даже учебный только наполовину. Учись, гдѣ хочешь и какъ хочешь, таковъ прямой отвѣтъ; но если желаешь занять мѣсто врача, юриста, строителя, или вообще имѣть право практиковать въ этихъ отрасляхъ общественной дѣятельности, докажи свою подготовку сда-

* «С. И». 23-го ноября, № 323.

чею спеціального экзамена. Почему же въ этомъ случаѣ экзаменационная, рѣшающая власть должна быть разбросана по разнымъ учебнымъ заведеніямъ, съ разнообразными программами и курсами? Да потому она оказалась разбросанною, что всѣ учебныя заведенія-то суть учрежденія государственныя и заведены государствомъ первоначально для своихъ государственныхъ нуждъ. Преподаватели потому и оказались не только учителями, но и раздавателями государственныхъ правъ. Настало ли время раздѣлить эти функціи? Этотъ вопросъ рѣшается потребностями науки и потребностями государственной службы. Иначе: двигается ли въ учебныхъ заведеніяхъ наука и достаточно ли обезпечены теперешней подготовкой тѣ сферы государственной и общественной дѣятельности, для которыхъ нужна извѣстная степень общаго образованія и извѣстной спеціальной эрудиціи. По нашему мнѣнію, время настало; общество настолько выросло, что науку освободить можно и съ профессоровъ снять несвойственную имъ обязанность государственныхъ чиновниковъ; съ другой стороны, государство имѣетъ нужду въ спеціальныхъ органахъ, которыми бы обезпечивалась государственная служба контингентомъ людей, не поверхностно, а вполне прочно подготовленныхъ къ своей спеціальности. Во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ вовсе не университетскій только.

1884 годъ.

Объ университетскомъ уставѣ.*

Съ основаніями новаго университетскаго устава мы всегда были согласны въ теченіе десяти, кажется, лѣтъ, пока шли пререканія по университетскому вопросу. Теперь дѣло въ примѣненіи, и здѣсь не можетъ не возникать сомнѣнія. Хуже уже, конечно, не будетъ, потому что худшее теперешняго положеніе университетской науки даже вообразить трудно; она сію минуту совсѣмъ отсутствуетъ. Но предоставляемая академическая свобода послужитъ ли достаточнымъ побужденіемъ къ оживленію преподавателей и слушателей? Корпорация профессоровъ на первое время останется та же; трудно ожидать, чтобы новый уставъ оказалъ силу живой воды на привыкшаго бездѣйствовать, можетъ быть, двадцать лѣтъ. Конкуренція вольныхъ преподавателей, на которую разсчитываетъ новый уставъ и которая со временемъ можетъ оказаться дѣйствительною, на первые года, несомнѣнно, окажется мертвою буквою. На дѣлѣ мы видимъ о сію пору, что даже штатныя кафедры пусты; гдѣ же ужъ тутъ ждать конкуренціи. Очевидно, что ученая профессія вообще не манитъ молодыхъ людей, и въ этомъ не уставъ виноватъ, не скудное

* «С. И.» 28-го августа. № 235.

вознагражденіе профессоровъ, какъ могутъ, пожалуй, объяснить иные. Къ наукѣ во всемъ обществѣ нѣтъ позыва, вотъ гдѣ, кажется, главная бѣда. Ученыя книги не выходятъ и не расходятся. Сколько десятковъ тысячъ (а наберется, можетъ быть, и сотня) лицъ въ Россіи, получившихъ высшее образованіе, и въ комъ изъ нихъ сохранился интересъ къ наукѣ? Практическія занятія и карты, таковъ интересъ не скажемъ даже большинства, а всѣхъ: исключенія считаются единицами. Въ этой безвоздушной, а отчасти и мѣзматической атмосферѣ можетъ ли цвѣсти наука?

Когда посмотримъ съ этой точки зрѣнія, не очень благодарною представляется обязанность попечителей и самого министра. Министерство будетъ назначать профессоровъ; университеты будутъ избавлены отъ кумовства, пролагающаго къ кафедрѣ путь недостойнымъ, будутъ предохранены отъ монополизаторовъ преподаванія, старающихся отѣснить талантъ и благопріятствующихъ бездарности съ низкопоклонствомъ. Но было бы изъ чего выбрать и были бы данныя, на основаніи которыхъ произвести выборъ. Самою надежнѣйшею данною должны служить ученые труды, а ихъ-то нѣтъ, слѣдовательно, и для министерства останется руководствоваться въ выборѣ способами, примѣнимыми къ назначенію чиновниковъ, а не профессоровъ.

Будутъ ли молодые люди учиться? Это будетъ зависеть отъ того, чего отъ нихъ будутъ требовать и насколько строго будутъ слѣдить экзаменаціонныя коммиссіи за выполненіемъ требованій. Можетъ случиться, что экзаменаціонныя требованія упадутъ даже ниже теперешняго, и притомъ не по винѣ экзаменаторовъ, а все-таки въ силу, во-первыхъ, вообще низкаго уровня, на которомъ стоитъ научный интересъ въ обществѣ, и потому, во-вторыхъ, что за исключеніемъ медицины, ни одна изъ практическихъ сферъ въ частности, къ которымъ готовятъ себя молодые люди университетскимъ курсомъ, не предъявляетъ требованій науки поступающему на должность. Не говоря объ административныхъ должностяхъ, даже судебныя раздаются подчасъ лицамъ, не слушавшимъ юриспруденціи. Для молодого че-

ловѣка все дѣло въ дипломѣ, а не въ знаніи. Да и дипломъ еще не даетъ дороги; важнѣе диплома связи и личный рекомендаціи.

Безспорно, болѣе было бы ручательства за успѣхъ, когда бы, помимо испытаній въ стѣнахъ университета, назначались бы еще спеціальныя испытанія во всякомъ родѣ службы, куда бы ни пожелалъ поступить молодой человѣкъ. Но этого нѣтъ и трудно рѣшить, даже удобоисполнимо ли это. А пока дѣйствительной науки не требуется для службы и пока существуютъ у насъ разныя привилегированныя заведенія, а еще и ихъ сильнѣе при приѣмѣ на службу личные взгляды на протекцію, — пока эти условія продолжаются, трудно подняться наукѣ. Опытъ покажетъ насколько наши опасенія основательны; можемъ утѣшаться во всякомъ случаѣ тѣмъ, что безжизненнѣе того, что есть, не будетъ при новомъ уставѣ. Мало того: для студентовъ будетъ все-таки лишнее побужденіе заняться дѣломъ и меньше побужденій шалоболничать.

Объ университетскомъ уставѣ.*

Прочитывая новый университетскій уставъ, вспоминаемъ долгую борьбу, происходившую изъ-за него, и поражаемся, что споръ велся, на нашъ взглядъ, объ обстоятельстве несущественномъ. Когда заходила рѣчь о реформѣ, противники болѣе всего, можно даже исключительно сказать, ополчались за «самоуправленіе»; спорили противъ посягательства на выборныя права, отстаивали самовосполняющійся профессорскій институтъ. «Современныя Извѣстія» почти не принимали участія въ этой полемикѣ, а когда заходила рѣчь о предполагаемой реформѣ, касались только вопроса объ испытаніяхъ и объ академической свободѣ чтенія и слушанія. Съ этой стороны мы горячо принимали къ сердцу

* «С. И.» 5-го сентября. № 243.

преобразование, желали ему успѣха, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ административныхъ правахъ попечителя, ректора, профессоровъ. Учатся ли, учать ли, или балуются тѣ и другіе студенты и профессора, вотъ въ чемъ дѣло; а то, какъ управляется университетъ и какимъ путемъ назначаются профессора, это вопросъ второстепенный и даже почти безразличный. Такъ намъ казалось всегда, такъ представляется и теперь. Новый административный порядокъ долженъ принести отрицательную пользу; университеты перестанутъ быть очагомъ смуты; но въ силахъ ли новый порядокъ вдохнуть жизнь въ университетскія занятія? При старомъ порядкѣ мало учили и совсѣмъ не учились; кафедры частію пустовали, частію замѣщались лицами, стоявшими ниже требуемаго научнаго уровня. Но много ли насчитаемъ такихъ, которые заслуживали бы кафедры и не получили? Науки нѣтъ, и выбирать въ сущности не изъ кого; въ этомъ отношеніи положеніе равное какъ при старомъ, такъ при новомъ порядкѣ, и въ этомъ главное несчастье, зависящее не отъ вишняго устройства университетовъ, а отъ степени просвѣщенія въ обществѣ. На науку, какъ сказали мы недавно, позыва, требованія нѣтъ въ обществѣ, и есть опасность, что мы будемъ ходить въ заколдованномъ кругу; въ томъ ли, въ другомъ ли устройствѣ, учебный міръ будетъ повторять музыкантовъ въ баснѣ Крылова. Пошло и неосновательно будетъ обвиненіе, что наука не процвѣтаетъ по винѣ правительства. Наука можетъ не бояться никакой репрессіи, если она одухотворена чистою любознательностью; да нельзя и винить правительство, когда оно предпринимаетъ мѣры противъ тенденціозности, являющейся въ ученой литературѣ не изъ научныхъ цѣлей. Достойно сожалѣнія, напримѣръ, что въ списокъ изданій, запрещенныхъ для обращенія въ бібліотекахъ, попали классическія сочиненія, въ родѣ Адама Смита. Но политикоэкономическая, равно какъ естествоиспытательная литература наша въ минувшія двадцать пять лѣтъ не была ли только орудіемъ тенденцій вовсе не научнаго свойства.

Намъ случалось говаривать на этихъ столбцахъ, что наука

заслуживала бы въ Россіи не однихъ отрицательныхъ мѣропріятій, но положительныхъ поощреній. То же говорили мы и объ искусствѣ, то же долбимъ и о промышленности. Стыдно, нечего таить, но предприимчивости творчества, изобрѣтательности лишены мы тамъ, здѣсь и тутъ. Менѣе всего повинно въ этомъ грѣхѣ искусство и техника. Искусству русскому, пожалуй, можно отвести даже первенствующее мѣсто въ мірѣ: но оно не въ авантажѣ обрѣтается. А наука и промышленность лишены самодѣйствія. Но безъ самостоятельной науки и безъ самодѣятельной промышленности что же мы? Вѣчные японцы, низшая города въ челоѣчествѣ, всегдашніе ученики и работники остальныхъ народовъ. Мы-то, занимающіе шестую долю земного шара, мы-то призванные и порывающіеся цивилизовать инородцевъ и дѣйствовать на культурныя народности, входяція въ составъ нашего государственнаго тѣла и примыкающія къ нему. Хлопочемъ о распространеніи нашего языка на окраинахъ. Но языкъ въ исключительномъ смыслѣ грамматики и лексикона развѣ пріобщаетъ народу? И одно официальное принужденіе развѣ чего-нибудь достигнетъ, когда умственная жизнь народа мертва, а практическая есть механическая рутина? Вотъ почему нужно нѣчто, болѣе однихъ отрицательныхъ и вишнеоберегательныхъ мѣръ не только въ промышленности, о чемъ мы много говорили, но и въ наукѣ. Пусть новый университетскій уставъ будетъ первымъ шагомъ въ этомъ направленіи.

Объ отвѣтственности и полномочіи должностныхъ лицъ.*

Въ новомъ университетскомъ уставѣ есть пунктъ, знаменующій время, въ которое онъ составленъ и которое можно назвать временемъ усиленной охраны: попечителю и ректору предоставляется въ исключительныхъ случаяхъ принимать мѣры, пре-

* «С. И.». 7-го сентября. № 245.

вышающія ихъ власть, и лишь доводить о нихъ до свѣдѣнія министра. Повидимому, это было бы и излишне при существовании телеграфа: трудно представить происшествіе, подавленіе котораго не терпѣло бы нѣсколькихъ часовъ отсрочки. Но мы не думаемъ возражать противъ этого чрезвычайнаго полномочія. Напротивъ, если позволительно возраженіе, то лишь противъ того, что единственный уставъ, въ которомъ значится такое полномочіе, есть уставъ университетскій, что оно не значится въ общемъ законѣ, не распространяется на всѣ отрасли администраціи. Повсюду и всегда могутъ быть случаи, особенно въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ центра, гдѣ обращаться къ центральной власти бываетъ вредно для общественнаго спокойствія и даже для государственной власти чрезъ промедленіе, отсюда вытекающее. Избави Богъ проповѣдывать хивинское и бухарское безправіе, но долженъ же быть положенъ предѣлъ и бумажному царству, должна же администрація состоять изъ живыхъ людей, а не изъ пишущихъ машинъ, нельзя не возстать противъ чрезмѣрной централизаціи. Припомнимъ дѣло Кобозева съ подпопомъ на Садовой; подобныхъ безчисленное множество: одна власть укрывается за другою, бумажка, отношеніе, а тутъ все хоть огнемъ гори, происходи взрывъ, гибни тысячи людей и даже монархъ. Вспомнимъ и о г. Скарятинѣ, бывшемъ казанскомъ губернаторѣ. Мы не думаемъ его защищать, какъ не думаетъ осуждать, ни для того, ни для другого не имѣемъ данныхъ, но если бы его судили, то, вѣроятно, за превышеніе власти, но по существу вопросъ слѣдовало бы ставить не о томъ, оправдывалось ли это превышеніе обстоятельствами. Законъ у насъ, однако, не дозволяетъ превышенія власти ни въ какомъ случаѣ, зато и власти не представляетъ въ сущности никакой; каждый административный органъ предполагается механическимъ, слѣпымъ орудіемъ, а чуть что, спрашивай разрѣшенія. Это есть коренной недостатокъ, присущій системѣ бюрократической централизаціи, которая заѣла Россію со временъ Сперанскаго, и тѣмъ хуже, что произволъ и беззаконіе ничуть этимъ не уменьшаются; лишь ослабляется отвѣтственность, за бумагой, за фор-

мой, легко укрыться всякой мерзости. И этому порядку нужно положить конецъ, потому что онъ, именно онъ привелъ къ 1 марта и ко всѣмъ тяжелымъ послѣдствіямъ, которыя естественно за нимъ послѣдовали для общественной жизни.

Каждый административный органъ долженъ знать, для чего онъ поставленъ и форма ни въ какомъ случаѣ не должна затмѣвать для него сущности. Въ случаѣ безпорядковъ или бѣдствій общественныхъ, не смѣй оправдываться отсутствіемъ инструкцій или неполученіемъ отвѣта на донесеніе. Понятно, не должно дозволять безцѣльнаго, а тѣмъ болѣе корыстнаго самовластия, на то есть судъ. Но каждый административный органъ долженъ знать, что онъ подлежитъ неумолимой отвѣтственности въ обоихъ случаяхъ, какъ превышенія, такъ и бездѣйствія власти и въ поясненіе и опредѣленіе этого долженъ быть изданъ органическій законъ, ограничивающійся не одними университетами.

Представимъ нѣсколько случаевъ. Не будемъ говорить объ университетахъ; тутъ дѣло ясно и законъ администраторамъ говорилъ теперь право: попечитель можетъ закрыть университетъ, отрѣшить профессора, выгнать студента, примѣнить разныя строгости, понятно, въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства; но возьмемъ другія сферы и другіе случаи.

На-дняхъ у насъ былъ разсказанъ случай, что одинъ дворникъ здѣсь, въ Москвѣ, укушенъ мухою, очень серьезно захворалъ и положенъ въ больницу. Какъ намъ сообщали, онъ оказался страдающимъ сибирскою язвою; на сосѣднемъ дворѣ околѣла лошадь отъ этой болѣзни и муха перенесла ее черезъ заборъ на дворника. Позвольте, однако, значить мы, жители столицы, не предохранены даже отъ того, чтобы какая-нибудь шальная муха не уложила насъ въ гробъ. И по милости чего? Что у сосѣда лошадь захворала язвой. А какъ она могла захворать? Откуда язва? Воля ваша, это не есть *force majeure*, непреодолимая сила; въ цѣпи причинъ и послѣдствій есть гдѣ-то, гдѣ не разбираемъ, промежутокъ въ видѣ бездѣйствія власти, допустившей въ столицѣ сибирскую язву и не предохранившей

остальной скотъ и жителей. Берегитесь, читатель. Еще недѣли, кажется, не прошло, со времени происшествія; слава Богу, что наступили холода, можетъ быть зараженныя мухи и померли. А то бѣда, сгибните отъ такой глупой причины.

А вотъ вамъ, если хотите, колоссальное дѣло: хищеніе сорока милліоновъ. Читатель угадываетъ, что мы говоримъ о Главномъ Обществѣ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. И Главное Общество здравствуетъ. Читатель, вообрази, что къ государственному казначейству подъѣзжаютъ, не перемежаясь пустыя телѣги, съ нихъ слѣзаютъ разные господа, иные изъ нихъ съ инженерными погонями, они входятъ въ кладовую, берутъ оттуда пачки кредитныхъ билетовъ и мѣшки съ звонкой монетой и увозятъ. На мѣсто отѣзжающихъ подъѣзжаютъ новыя телѣги и процессъ выемки продолжается. Казначей смотритъ, дѣла казначейства идутъ своимъ порядкомъ, а вытаскиваніе своимъ. Идутъ прохожіе и видятъ. Уже стало извѣстно, что это есть грабежъ, не болѣе и не менѣе, но дѣло продолжается старымъ порядкомъ. Какъ вы думаете, что это такое? А это форма, бумага, централизація, бюрократія. Пускай ревизія и открыла колоссальное, неслыханное въ свѣтѣ ограбленіе государственной казны, съ которымъ не могутъ равнять даже американское ограбленіе, произведенное съ презрѣніемъ всѣхъ формъ. Но вѣдь по бюрократическому порядку результаты ревизіи должны еще пойти по столоначальникамъ и начальникамъ отдѣлений, перекидываться изъ одного вѣдомства въ другое. Всякій говоритъ: а какое право мнѣ вмѣшиваться, на то есть высшіе. А высшіе говорятъ: къ намъ дѣло еще не поступало, не нашего квартала. «Не нашего квартала». Да, что же тутъ смѣемся мы надъ этими отвѣтами городскихъ и винимъ ихъ. Вѣдь порядокъ таковъ. Человѣкъ тонетъ, человѣка рѣжутъ, казну грабятъ. А тебѣ какое дѣло? Скажи городовому, тотъ доложить начальству, начальство напишетъ донесеніе и отношеніе, заведется дѣло, занумеруется, подошется; чисто, въ порядкѣ и всѣ права: человѣкъ, котораго рѣжутъ, казна, которую грабятъ, начальство, пускающее бумаги и ожидающее бумаги; а убіица

и грабитель продолжаетъ свое дѣло. Вотъ почему и нуженъ коренной законъ, который бы касался не однихъ университетовъ, который возлагалъ бы отвѣтственность на администрацію за безпорядки и бѣдствія, не позволяя ей укрываться за бумагу и за отговорку «не нашимъ кварталомъ». А сообразно съ этимъ, понятно, должны быть и развязаны ей руки. Она имъ не дастъ воли выше должнаго, но и не сложитъ ихъ, когда надо дѣйствовать. Ибо въ томъ и другомъ случаѣ судъ и отвѣтственность; но каждый долженъ знать, для чего онъ поставленъ и въ формѣ видѣть облегченіе, а не затрудненіе существенной задачи своего служенія.

Университетскіе безпорядки.*

Когда читаешь официальное сообщеніе о кievскихъ безпорядкахъ, изумляешься, какъ они могли быть допущены, когда заранѣе о нихъ были предувѣдомлены и университетское начальство, и полиція. Чѣмъ объяснить и можно извинить это бездѣйствіе полиціи? Итакъ, вся предупредительная охрана ректорской квартиры состояла въ единственномъ лицѣ городского. Предусмотрительно, нечего сказать.

Другой пунктъ, возбуждающій удивленіе: помимо исключенія студентовъ, такъ и не будетъ никакого разбирательства? Позволимъ себѣ выразить надежду, что объ этомъ только умолчено. Вѣдь это не просто сходка, не просто неповиновеніе, вѣдь это осада, цѣлый погромъ, употребленіе оружія, правда не огнестрѣльнаго и не птыковъ съ саблями, а камней, но все-таки такихъ, которые способны прошибить деревянную ставню, чего не всякая пуля въ состояніи сдѣлать. Это было бомбардированіе, и если никто не лишился жизни и не изувѣченъ, этимъ обязаны гости ректора одной случайности. Правосудіе не должно

* «С. И.». 1-го октября. № 269.

равнять такого событія съ простою демонстраціею, и мы не допускаемъ мысли, чтобы метатели камней не могли быть отысканы. Они должны быть отысканы и понести заслуженное наказаніе,—не то, конечно, по которому присуждаетъ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Повторяемъ опять: это не демонстрація, не нарушеніе уличнаго спокойствія: это есть вооруженное нападеніе на начальника.

Насъ, въ подобныхъ настоящему случаяхъ, обвиняютъ въ кровожадности; но мы не устанемъ повторять и стоимъ твердо на своемъ: для такихъ случаевъ даже обыкновенный судъ недостаточенъ, какъ для всякаго погрома.

Обращая же вниманіе на исключеніе, которому подвергнуты студенты, не можемъ не повторить мнѣнія, не разъ нами высказаннаго, что мѣра, подобная принятой по отношенію буяновъ, должна бы быть поставлена въ общее правило и выражена такъ: студентъ, дозволившій себѣ открытое возмущеніе противъ университетскихъ порядковъ, лишается аттестата зрѣлости. Пусть бы всякій напередъ зналъ это неизбѣжное, заранѣе предусмотрѣнное послѣдствіе сего буйства. Этого будетъ совершенно достаточно: можно поручиться, что безпорядки какъ рукой сниметъ. И въ настоящемъ случаѣ, можетъ быть, лучше было бы, вмѣсто собиранія справокъ о благонадежности или даже независимо отъ нихъ, поставить каждому въ обязанность выдержать вторичное испытаніе зрѣлости, чтобы пріобрѣсти право обратнаго поступленія въ университетъ.

Университетскіе безпорядки.*

Возвращаемся къ кievскому безобразію. Безспорно, одна изъ самыхъ тяжелыхъ обязанностей учебнаго начальства, въ томъ числѣ и самого министерства, опредѣлять наказаніе за безпорядки. Поэтому-то, между прочимъ, и необходимо было бы, какъ сказали мы вчера, изданіе общаго правила, которое оставалось бы примѣнять и примѣненіе котораго не возбуждало бы столь обычныхъ теперь толковъ. Не жестоко ли? Справедливо ли? Можно (или должно) распорядится такъ и такъ. Эти упреки заднимъ числомъ навсегда потеряли бы смыслъ и поводъ. Студентъ, оказавшійся виновнымъ въ важномъ нарушеніи университетской дисциплины, тѣмъ самымъ теряетъ свой аттестатъ зрѣлости. Начальству остается только обсуживать, подходитъ ли поступокъ подъ признаки, указанные въ правилѣ; а студенту для сохраненія своихъ правъ—доказывать, что онъ не участвовалъ въ безпорядкѣ.

Рѣшеніе по кievскому дѣлу не отнимаетъ аттестатъ зрѣлости; зато влечетъ, случайно или преднамѣренно, для буяновъ другое послѣдствіе, имѣющее свою долю пользы. Вблизи 1-е ноября, срокъ призыва къ воинской повинности. Изгнаніе изъ университета отмѣняетъ отсрочку, которою пользовались бывшіе студенты. Итакъ, метатели камней и прочіе участники бывшаго безобразія должны будутъ отбывать воинскую службу. Нельзя не признать цѣлесообразности этого средства: не умѣвшій соблюсти сравнительно легкую учебную дисциплину пусть пройдетъ курсъ дисциплины, болѣе строгой, и, смотря по тому, сколь успѣшно выдержитъ онъ предстоящій ему искусь, могутъ быть открыты ему снова двери храма наукъ или заперты навсегда. Можетъ быть, полезно было бы обратить тоже въ общее правило, что студентъ, нарушившій университетскую дисциплину,

* «С. И.», 2-го октября. № 270.

лишается всегда права на отсрочку по военной повинности, къ какому времени года ни подошелъ проступокъ, къ осени или къ веснѣ, безразлично. Въ николаевское время военная служба бывала отличною исправительною школою для шалуновъ. И почему не такъ? Да и справедливо ли, съ другой стороны, оставлять льготу за неперебродившею молодостью, когда изъ нея, можетъ быть, оторванъ иной отъ производительнаго труда. Пусть же лучше останется при своемъ плугѣ мирный крестьянинъ, а за него потретъ лямку буянъ, злоупотребившій своимъ званіемъ студента для поступковъ, равно осуждаемыхъ и закономъ, и нравственнымъ приличіемъ.

Государственные экзамены.*

Итакъ, у насъ будутъ государственные экзамены. Заранѣе привѣтствуемъ эту органическую мѣру, отсутствіе которой было одною изъ существенныхъ причинъ распатаннаго положенія администраціи и убійственнаго формализма. За исключеніемъ военного званія, медицинской, инженерной и землемѣрной службы, никакая не требовала у насъ своей спеціальной для себя зрѣлости, не исключая даже службы судебной. Для нѣкоторыхъ родовъ службы и въ томъ числѣ судебной, еще положенъ былъ образовательный цензъ въ смыслѣ аттестата изъ учебнаго заведенія, но это еще не испытаніе на служебную должность. А въ сферѣ чисто административной даже аттестатъ не требуется. Быть казначеемъ, быть исправникомъ, контролеромъ, акцизнымъ ревизоромъ, быть даже гувернеромъ, не можетъ ли быть всякій даже полуграмотный? Извѣстны примѣры, что даже судебныя должности замѣщались отставными военными офицерами съ сомнительнымъ образованіемъ. Что отсюда должно было происходить? Де-

* «С. И.», 26-го ноябрі. № 325.

морализація службы, во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что каждый мѣстомъ своимъ считалъ себя обязаннымъ не праву своему, которое приобрѣтено серьезной подготовкой, а случаю, «родству», низкопоклонствамъ, грязнымъ заслугамъ. А при такомъ условіи можетъ ли государственный чиновникъ нести обязанность разумно и честно? Никакъ. Лицепріятіе, угодничество должно быть на первомъ и даже единственномъ планѣ, ибо удерживаться на службѣ и повышаться предстоитъ тѣмъ же путемъ, какимъ достигнуто поступленіе на нее. Долгъ и разумный смыслъ должны быть въ сторонѣ: нужны только отрицательныя качества: исполнительность и, слѣдовательно, формальность. Лишь бы по формѣ быть чистымъ да угодить начальству, можно пролѣзть до высокихъ степеней.

Но этими видами деморализація не заканчивается. Неувѣренные въ своемъ правѣ (потому что и нѣтъ его), зависящіе отъ случайнаго благоволенія, котораго столь же случайно можно лишиться, какъ и приобрѣтено, не должны ли озабочиваться чиновникъ упрочить свое положеніе еще и другими способами, кромѣ угодничества, не вынуждается ли отыскивать такіе способы? Отсюда — взятки; при необезпеченномъ положеніи, зависящемъ отъ начальственнаго произвола, онѣ неизбѣжны.

Вотъ какія послѣдствія отъ того, просто, что на государственныхъ должности берутся люди безъ спеціального испытанія и спеціальной подготовки. Мы не хотимъ сказать, что за введеніемъ государственныхъ экзаменовъ сейчасъ наступитъ и рай небесный. Учрежденіе даже обратится въ фикцію, въ призракъ, если будетъ учреждена общая форма экзаменовъ, безразличная къ роду должности. Это будетъ равнозначительно теперешнему образовательному цензу, слѣдовательно, не принесетъ почти ничего, кромѣ развѣ избавленія администраціи отъ безграмотныхъ служаекъ на низшихъ ступеняхъ. Не выйдетъ ничего, если самыя испытанія обратятся въ формальность и особенно если и туда закрадется лицепріятіе и лихоимство. Нѣтъ, если экзаменъ, то экзаменъ строгій и внимательный, и притомъ, кромѣ общеобразовательнаго, спеціальныя по роду службы и даже по сте-

пени на служебной лѣстницѣ. Для городского достаточно такого испытанія, но для околоточнаго и участковаго нѣсколько другіе размѣры. Военная служба представляетъ для этого примѣръ: не всякій просто образованный офицеръ имѣетъ право на генеральство. Необходима классификація.

Современемъ, когда порядокъ утвердится, получили бы и мы образцовыхъ чиновниковъ, которыми гордится, на примѣръ, Германія. Въ законности воспиталось бы населеніе, чего теперь нѣтъ, потому что теперь въ самыхъ блюстителяхъ закона оно усматриваетъ соблазнительный для себя примѣръ. Водворилась бы и дисциплина въ служебныхъ рядахъ, которая теперь шатается опять частію вслѣдствіе зависимости чиновника отъ обстоятельствъ и случаевъ, не имѣющихъ связи съ внутреннимъ смысломъ его должности. Не говоримъ уже о томъ, что болѣе достойные люди размѣстились бы по степенямъ государственной службы, пролазы не взбирались бы наверхъ, а таланты не топтались бы и не затирались, какъ теперь бываетъ очень часто.

